

Кристен Каллихен

На крючке

в любви и футболе все средства хороши...

ДА НАЧНЕТСЯ ИГРА!

«Дрю Бэйлор - это изысканное сочетание сексуальности и миловидности...

Я бросаю вам вызов, попробуйте не влюбиться в него.»

- Моника Мэрфи, автор бестселлеров по версии Нью-Йорк Таймс

Книжный червь Переводы книг

Правила таковы: никаких поцелуев в губы, не оставаться на ночь, никому об этом не рассказывать и самое главное... Не влюбляться. Анна Джонс хочет просто окончить колледж и устроить свою жизнь. Влюбленность в звезду футбола Дрю Бэйлора, конечно же, не входит в список ее дел. Самоуверенный и обаятельный, он окружен постоянным вниманием и слишком прекрасен, что играет парню на руку. Если бы Анна только могла игнорировать его страстные взгляды и не поддаваться мечтам о греховных непристойностях с его участием. Это ведь не сложно, правда? Вот только парень стремится сделать все возможное, чтобы Анна нарушила свои правила... Футбол был благосклонен к Дрю. Он обеспечил его признанием, победой в двух Национальных чемпионатах и Призом Хайсмана. Но на самом деле он по-прежнему жаждет сексуальную и вспыльчивую Анну Джонс. Ее колкие шуточки и вопиющее неуважение к его славе лишь сильнее разжигает это желание. Но есть одна проблема: она постоянно ему отказывает. Во всем. Пока одна случайная встреча не приводит к самому горячему сексу в их жизни и вдобавок к потенциальной возможности чего-то грандиозного. К сожалению, Анна хочет оставить этот случай в прошлом, как простую интрижку на одну ночь. Так что теперь задача Дрю соблазнить ее на нечто большее: больше секса, больше удовольствия, больше времени с ним. Пока она окончательно не попадет на крючок. Но кто как не Дрю знает толк в победе. В любви и футболе все средства хороши... Да начнется игра! Современный роман с ХЭ предназначен для зрелой аудитории, рекомендован к прочтению возрастной группой 17+

Кристен Каллихен
На крючке

Посвящается

Всем, кто нашел свою любовь в один из морозных осенних дней и всем любителям непристойных выкрикиваний во время футбольных матчей колледжа.

Ты можешь меня изолировать,
Ты можешь ненавидеть все это,
Ты можешь владеть моим отсутствием веры,
Ты можешь владеть всем, что у меня есть.
— Closer — Nine Inch Nails

Она посмотрела на меня так сладко
И мы вышли из комнаты незаметно
Никто другой не мог знать секрет нашей любви
— Little Ghost — The White Stripes

Я ОПАЗДЫВАЮ, а это мой первый день занятий. Я бы хотела винить в этом что-то вроде поломки авто, сложного маршрута к классу, атаку пчелиного роя прямо посреди учебного двора, да, что угодно. Но я ехала не на машине, а на скутере. Я старшекурсница, и к этому времени уже выучила, где и какой класс. Да и пчелам на меня было пофиг.

Правда в том, что я задержалась, покупая диетическую колу и пакетик с кешью по дороге на занятия. А все потому, что была голодна и не могла ждать окончания пары. Однако я ненавижу опаздывать. Это вызывает нехорошую привычку.

Я ругаю себя, чувствуя взгляд профессора, когда мчусь по одному из проходов между рядами столов. Я занимаю место в конце класса как раз в тот момент, когда парень торопливо следует моему примеру и, пробегая по проходу, садится на соседнее от меня место. Держа свою голову опущенной, я вытягиваю блокнот, стараясь выглядеть организованной и готовой к лекции. Не думаю, что удастся одурачить профессора, но тем не менее она ничего не говорит мне, а просто начинает переключку.

Вскоре очередь доходит до меня. Я называю свое имя и курс, когда слышу прерывистый вдох справа от меня. Этот шокирующий звук заставляет меня повернуться.

И тогда я вижу его. В течение секунды мы смотрим друг другу в глаза, от чего по моему телу пробегает дрожь возбуждения, дыхание сбивается, а соски напрягаются. Это ощущение так нервирует, но единственное, что я могу сделать — это сесть на место и приложить к груди дрожащую руку, ощущая, как колотится мое сердце.

Что странно, парень так же изумленно смотрит на меня, так, будто он тоже ощущает это дивное наваждение. Что-то определенно неправильно, ни один парень еще так на меня не смотрел. Так что возможно, его реакция обусловлена моим странным взглядом. Вот только почему он вообще смотрит на меня и не отводит глаз.

Еще более странно то, что мне кажется будто мы знакомы, знакомы в течение нескольких лет. Что само по себе нелепо. Даже несмотря на то, что парень выглядит очень знакомо, я бы несомненно запомнила, если бы встречала его ранее. Он такой великолепный, что сложно так просто взять и забыть.

Не знаю, почему я ощущаю эту связь между нами, но она мне определенно не нравится. Мне также не по вкусу то, что внутри раздается радостный вопль, словно я подсознательно вела охоту на мужчин и наконец-то нашла идеальный экземпляр.

Все еще глядя на меня, он вдруг начинает говорить. Я настолько сбита с толку, что требуется секунда, чтобы осознать, что он отвечает профессору Ламберт.

— Дрю Бэйлор. Четвертый курс, — его голос — черный шоколад жаркой летней ночью.

Он вызывает переполох. Люди вырываются из своей утренней сонной ложины и поворачиваются, чтобы посмотреть на него, после чего начинают шептаться. Он игнорирует их, глядя только на меня. Меня это волнует. *Дрю Бэйлор*. Его имя гудит по всей комнате. И

осознание постепенно настигает меня. Квотербэк. Я обращала не так уж много внимания на членов нашей легендарной футбольной команды, так что все мои познания об этом парне сродни сведениям о Союзе Студентов или о том, что по воскресеньям библиотека закрывается в 7 вечера.

Разочарование быстро и резко накрывает меня. Я испытываю нулевой интерес к звездам футбола. Распрямляя грудь, отворачиваюсь и пытаюсь его игнорировать. Проще сказать, чем сделать.

Как только занятие заканчивается, я совершаю попытку к бегству. Но к сожалению, неудачную, так как врезаюсь в крепкую стену стальных мышц груди. Мне даже не нужно поднимать взгляд, чтобы узнать, кто это. Молча мы стоим друг к другу лицом, но при этом я не отрываю глаз от его груди, а он прожигает взглядом дыру у меня на макушке. Раздражаясь, я распрямляю плечи и стараюсь выглядеть непринужденно. Но черт, что вообще такое "непринужденно"? Это неважно, так как наши взгляды снова встречаются.

Ошибка.

Думаю, мои колени слабеют. Но я не уверена, потому что мой мозг с визгом бьет по тормозам и останавливается.

Святое дерьмо, а парень-то впечатляет. От него исходят волны жара и энергетики. Думаю, меня даже немного качает. Он достаточно близко, чтобы я могла заметить очень короткую щетину на его сильном подбородке и золотистый блеск его каштановых волос. Они коротко подстрижены, и густые прядки торчат на макушке и спереди. С одной стороны они немного примяты, будто парень спал на этом боку, а утром забыл расчесаться. Но я даже не сомневаюсь, что так и было задумано, потому что пахнет он фантастически — как теплые груши и свежий воздух. Я практически наклоняюсь к нему, чтобы лучше ощутить аромат, но, Хвала Всевышним, нахожу в себе силы устоять.

Тишина между нами становится неловкой, и я не могу удержаться от взгляда ему в глаза, как раз в тот момент, когда он резко выпрямляется, будто только что тоже незаметно вкушал мой аромат. Это подозрительно. Парень расслабленно сует руки в карманы джинс и легкомысленно улыбается, от чего на его левой щеке появляется маленькая ямочка.

Я почти улыбаюсь, начиная пересматривать свое первоначальное решение избегать этого спортсмена. Но тут он открывает рот, и все меняется.

Страстная интонация его голоса обволакивает меня прежде, чем осознание слов доходит до мозга.

— Эй ты, Большая Рыжая.

Мой мир останавливается, громко и визгливо скрипя тормозами. Большая Рыжая? Кто этот хренов ебарь?

Я изумленно смотрю на него, будучи слишком шокированной даже для того, чтобы придать свирепости своему выражению лица. Он по-прежнему косится на меня, глупо улыбаясь и ожидая моего ответа. Но мой ум зациклился на двух словах.

Он назвал меня Большой Рыжей. Большой-нахрен-Рыжей.

Это прозвище, как удар кулаком в живот. При том, что в нем есть доля истины. У меня и правда рыжие волосы. Если бы он назвал меня "рыжей" — это было бы уместно в данных обстоятельствах. Меня волнует отнюдь не "рыжая" часть этого прозвища. А часть с приставкой "большая". То, что я была толстой в своем подростковом возрасте, привело к более острой реакции на подобные слова в настоящем. Не важно, что сейчас у меня больше изгибов, чем округлостей; мне нравится мое тело. Но одно глупое слово от этого парня, и я

ощущаю всю ту боль снова, черт его возьми. Как-то мне удастся совладать со своим голосом.

— Как ты только что меня назвал?

Уголки его глаз прищуриваются, создавая на лице нечто по типу гримасы.

— Эээ... Если я скажу сейчас "никак", мы сможем двигаться дальше и притвориться, что ничего этого не происходило?

На это я почти улыбаюсь, одновременно с тем раздражаясь на собственную реакцию.

— Нет.

Он переминается с ноги на ногу.

— Расслабься, я всего лишь пытался...

— Не надо, — я тыкаю в него пальцем, — говорить мне "расслабиться", когда ты меня оскорбляешь, дружище.

— Дружище? — он задыхается от полусмеха.

— Я не "большая", — кричу я. В моем голосе слышится больше обиды, чем хотелось бы признать. И это тоже раздражает.

Голова парня дергается назад, словно я удивила его. Но он пытается скрыть это почти незаметное движение, кладя руки на бедра.

— Я не пытался тебя оскорбить. Поверь, я ссылался на лучшие твои черты, — его взгляд стремительно опускается вниз, останавливаясь на моей груди. Мои груди моментально кажутся оголенными, тяжелыми и тугими. И к моему полному унижению, прямо сейчас мои соски встают по стойке смирно. Он замечает это и резко выдыхает.

Да ну блин.

— Подними взгляд, мудак.

Он снова вздрагивает, а его глаза поднимаются к моему лицу.

— Извини, — говорит он, ничуть не смущаясь. — Я бы хотел сказать, что подобное больше не повторится, но правда не могу этого обещать, Рыжая.

— Иисусе, ты невероятен.

Он чешет затылок и косится на меня, словно я стала невыносима.

— Послушай, может, мы начнем все сначала? — он высовывает из кармана свою огромную руку, переходящую в скульптурные мышцы предплечья. — Привет, я Дрю.

Я не принимаю его руку, и она безвольно падает.

— Я и так знаю, кто ты.

Его улыбка возвращается. На этот раз самодовольная.

— Ты назвал свое имя меньше часа назад, — напоминаю я ему.

Его уверенность немного блекнет, но парень вновь пытается добиться желаемого.

— Ладно, по крайней мере ты запомнила. Я тоже запомнил, Анна Джонс.

Я игнорирую собственный румянец от вызванного его словами удивления и скрещиваю руки на груди.

— И мне не нужно начинать все сначала. Я не заинтересована в общении с таким эгоистичным придурком, который пожирает взглядом мои груди и дает мне дурацкие прозвища, — мне бы следовало сейчас уйти, но я уже втянула себя в эту мыльную оперу. — То назвал меня "Рыжей"? Seriously?

Он просто изумленно смотрит на меня. На этот раз его лицо выражает шок, будто парень не может поверить, что какая-то ненормальная цыпочка упрекает его.

— Почему бы не придумать что-нибудь пооригинальнее? — продолжаю я, как безумная. — Почему бы не назвать меня Блондиной?

Его белые зубы мелькают во время короткой улыбки.

— Эзотерический подход, а? Могло бы сработать. Хотя, это слегка чересчур саркастично, как по мне.

Я моргаю. Его ответ вызывает новую волну трепета. Одно дело симпатичное личико. Но острый ум — это для меня все. Особенно, когда он идет в паре с той его усмешкой. Никакая злость или даже триумф, который парень получил в последствии своего очередного удара, не помешают мне насладиться этим.

Однако, *наслаждаться* этим тоже странно. Я стараюсь сохранить свой равнодушный вид, когда отвечаю.

— Не уверена, говорил ли тебе кто-то, Бэйлор, что есть такая штука как человеческое имя, — машинально я поддвигаюсь ближе к нему, и он делает тоже самое. Его запах и жар окутывают меня, а колени подкашиваются, когда я заканчиваю фразу. — Ты мог бы попытаться использовать его вместо прозвища.

Я замечаю тоненькие маленькие светлые линии кожи вокруг его глаз, образовавшиеся в результате долгого времени на солнце с прищуренными глазами. Сейчас эти линии углубляются, а голос понижается до бормотания.

— Так ты против, даже если я буду называть тебя *Секси Рыжая?* — ясно, что он насмехается надо мной.

Я стискиваю зубы.

— Да ты меня просто подъебываешь.

Неверный. Выбор. Слов.

Его ноздри расширяются, когда парень резко вдыхает, а взгляд становится жидким пламенем.

— Еще нет, *Джонс*.

Плюс два очка в пользу Бэйлора, потому что одним махом ему удалось вывести меня из себя и дать мне еще одно прозвище. И сама не знаю как, я попала в его сети. Жар распространяется по моим щекам, когда я просто стою и смотрю на него. Словно идиотка. Меня спасает профессор, которая заходит в аудиторию, чтоб запустить следующий класс.

На следующий день, коробка конфет под одноименным названием *Red Hots* (*Секси/горяченькие рыжие/красные — игра слов — прим. пер.*) лежит у меня на столе. Бэйлор не говорит ни слова и даже не смотрит в мою сторону, но когда я встаю и выбрасываю конфеты в мусорку, он наклоняет свою голову и делает вид, что внимательно читает свои заметки. Отлично. Теперь между нами все очевидно.

Вот только я нарушаю эту вражду, когда немного позже тем же днем покупаю коробку *Red Hots* и, придя домой, закидываю горстку конфет в рот. Сладкая нуга тает у меня на языке, и когда я закрываю глаза, то вижу лишь то, как медленно скользит по моему телу взгляд Дрю Бэйлора. Я так сильно возбуждаюсь, что потребность становится мучительной, и я стону в подушку, не в силах уснуть весь остаток ночи.

МОЯ МАТЬ ОДНАЖДЫ сказала мне, что самый важный момент в моей жизни будет не тогда, когда я выиграю Национальный Чемпионат и даже не тогда, когда получу Супербоул. Он наступит тогда, когда я влюблюсь.

Жизнь, по ее словам, это то, чем ты живешь, и тот, с кем ты ее проживаешь, а не то, что делаешь, чтобы выжить. Учитывая то, что она сказала это, когда мне было всего шестнадцать, я буквально закатил глаза и продолжил работать над своим броском мяча.

Но моя мать была настойчива.

— *Вот увидишь, Дрю. Однажды любовь подкрадется и ударит тебя по голове. И тогда ты поймешь.*

Как выяснилось, моя мама была права лишь в одном утверждении. Любовь, нагрянув на меня, отнюдь не подкрадывалась. Нет, она пришла ко мне бесцеремонно, если вам так будет угодно, а тогда я не обратил внимания. Она просто пришла, треснув меня по голове.

И к тому моменту, когда я бы с радостью рассказал маме о ее правоте в данном вопросе, она уже была мертва. Сейчас этот факт причиняет мне еще больше боли, чем раньше. Сейчас он еще более разрушителен. Сбивает меня с ног. Полнейший отстой. Как хотите, так и называйте эту катастрофу моей жизни. Потому что объект моей симпатии ненавидит меня.

Я достаточно мужествен, чтобы признать, что данный пиздец, в который превратилась моя сегодняшняя личная жизнь, случился исключительно по моей вине. Я не был готов к встрече с Анной Джонс.

Меня все еще передергивает от воспоминания о том, как увидел ее в начале семестра. Опоздав в класс, я занял место в последнем ряду и пытался держаться незаметно. Глобально, куда бы я не пошел в кампусе, все обращали на меня внимание. И хоть это и звучит круто, на самом деле, по факту, довольно утомительно.

Когда переключка дошла до заднего ряда, мягкий голос, насыщенный и густой будто кленовый сироп, обволок меня.

— Анна Джонс.

Просто ее имя. Это все, что она сказала. Но я ощутил, как горячий палец нежно провел линию вдоль моего позвоночника. Моя голова пошла кругом. И она была такой чертовски симпатичной, что я не мог думать логично. Меня будто повалили на землю во время игры.

Выбив весь воздух из легких так, что я мог только слышать звон в голове и задыхаться от нехватки кислорода. Я не стану говорить, что это была любовь с первого взгляда. Нет, это было больше похоже на о-черт-да-пожалуйста, это будет моим. И это должно было стать

моим прямо сейчас.

Думаю, возможно, я тогда был переутомлен или просто чрезмерно реагировал на то, что было далеко нереальным, но я смотрел на Анну Джонс и пытался найти смысл своей неадекватной реакции.

Словно почувствовав мой взгляд, она повернулась и гребаный ад... Ее глаза были такими большими, почти кошачьими, с приподнятыми вверх уголками. Сначала эти глаза показались мне карими, но на самом деле они были бутылочно-зеленого цвета. И такими чистыми. И такими недовольными. Она смотрела на меня. А меня это не волновало. Одно слово играло на повторе у меня в голове — моя.

Я не помню, как прошел остаток урока. Я наблюдал за Анной Джонс, словно осужденный человек в темнице наблюдает в последний раз за закатом солнца. Тем временем она пыталась меня игнорировать. Блестяще.

К концу второго урока я был вне себя, как и она. Мы чуть не столкнулись посреди прохода. А затем все пошло под откос. Потому что в тот момент, я был бесхребетным созданием.

Я никогда не нервничал из-за девушки ранее. И если совсем на чистоту, то моя жизнь была довольно обособлена. Футбол и слава, которую он за собой влек, приняли меня в свои любящие объятия и дали все, чего я хотел, включая женщин. К сожалению, стало кристально ясно, что когда дело касалось футбола, Анна не входила в число поклонников. А жаль.

В любом случае, я был не готов к ее пристальному взгляду на меня, к ее изящно выгнутой брови и немому вопросу в выражении лица, говорящему мне "что ты, черт возьми, от меня хочешь?"

Стоя там, я повел себя, как полный придурок. Возвышаясь над ней, я ощущал, как задеревенел мой язык, а мышца на щеке начала почему-то подергиваться. Боже, помоги мне, пусть она этого не заметит. Так что я выпалил, возможно, самую глупую в моей жизни фразу:

— Эй ты, Большая Рыжая.

Ага. Пристрелите меня. Что, вашу мать, я только что сделал? Что это нахрен "Большая Рыжая" вообще означает? Мой внутренний голос орал: *"Сделай что-нибудь, идиот!"* *Извинись! Отступи!"* Клянусь, я практически слышал звуки сигнализации: звук активации защитных мер и заряда фотонных торпед.

Но нет, я просто стоял там, выдавив улыбку, пока жар заливал мое лицо, а пот струился по спине. Ага. Я был таким крутым.

Ее темно-зеленые глаза вспыхнули возмущением.

А затем она дала мне от ворот поворот.

Конечно, я вышел с поражением после той встречи, и по сей день мои чувства все еще ранены. Когда вас отвергают, это отстойно. А еще отстойно, что после того дня, я не сказал ей и слова. Вместо этого я просто сижу рядом с ней в течение каждого занятия и тихо чахну. Это жалко.

Надо бы что-то делать. И быстро. Потому что я теряю свой гребаный разум.

ОН ПОХОЖ НА чертов северный ветер. Дует на вас, а затем сменяет направление.

И вот он снова здесь. Ага, тот большой, мускулистый спортсмен шагает в аудиторию так, будто ему принадлежит весь этот университет, и в некотором роде это так и есть. Футбол — местная религия, а он — избранник божий. Что в некотором роде кажется богохульством, принимая во внимание тот факт, что он шлепает брюнетку по попке, когда останавливается возле двери аудитории. Девчонка хихикает, *хихикает*, словно когда тебя бьют по заднице перед лицом тридцати студентов — это привилегия. И я предполагаю, что для некоторых ребят это именно так и выглядит. Видит бог, за этим парнем следует целая стая девушек всего кампуса, ожидая знакомства с Дрю Бэйлором, звездой футбола, феноменом, который доведет нас до победы в Национальном Чемпионате.

И их вера недалеко от истины. Он выигрывал это соревнование в течение последних двух лет. Даже я помню эти победы и то, как весь кампус приходил в состояние неистовства, говоря о Дрю и его команде. Тогда я сбегала из кампуса и находила покой лишь в своей квартире. Не то, чтобы это особо помогало, так как весь штат был поглощен футбольной лихорадкой.

И словно зная о моей дурацкой потребности смотреть на него, Дрю встречается со мной взглядом, пока вальяжно заходит в класс. Ох уж эти золотисто-карие глаза и прямые темные брови над ними. Их взгляд поглощает и вызывает напряжение. Он будто достигает меня и уничтожает сердце.

Боже, я превращаюсь в талую лужицу. Мои бедра напрягаются, а пульс зашкаливает. Мне нужно не показывать этого, нельзя позволить ему узнать о том, что от одного его взгляда у меня пересыхает во рту и перехватывает дыхание.

Но я не отвожу глаз — это было бы слишком просто. Вместо этого, удерживаю на нем взгляд еще три секунды, мысленно их отсчитывая, пока он шагает ко мне своей легкой поступью. Будучи ростом под два метра, парень отлично знает, как владеть своим телом. Не прикладывая особых усилий. Уверена, он никогда не спотыкался, не натыкался задницей на стол, спускаясь по проходу к своему месту. Нет, не Боец Бэйлор.

Нелепое прозвище.

Очевидно, он заработал его благодаря тому, что никогда не сдается. Спасибо бесконечной череде фанатов, студентов и преподавателей, которым так нравится распространяться об успехах нашей футбольной команды, за все то, что я сейчас знаю о таланте Бэйлора.

Вероятно, это звучит будто я сноб. Может так и есть. Не поймите меня превратно, я конечно же знаю, как на юге страны важен футбол. Мы здесь даже собак-талисманов хороним в их собственном мавзолее, брокерство у нас — это вид искусства, а наши женщины наряжаются на футбольную игру, как на воскресное церковное служение. И в некотором

роде она им и является. Церковь Футбола Колледжа. Однако моя личная связь с футболом начинается и заканчивается на моем отце, отгоняющим меня от экрана ТВ, когда я заграждала ему вид на воскресные матчи. Ну, и на матчи по понедельникам и четвергам. Да и вообще есть дни, в которые не транслируют футбол?

Мой единственный личный опыт общения со спортсменами состоялся в старшей школе. На ум приходит только воспоминание о их полном игнорировании моего существования. Исключением был тот случай, когда группа спортсменов окружила меня в коридоре, и они по очереди щипали меня за "клевою" попку. Я провела неделю под домашним арестом за то, что ударила одного из них коленом по яйцам, это наказание я по сей день считаю более чем несправедливым, особенно потому, что никто из них не ответил за это.

Я не понимаю футболистов. Не понимаю потребность в том, чтобы твое тело колошматил какой-то парень, пока ты бросаешь мяч. Мне нравятся музыканты. Стройные парни с длинными волосами и запоминающимися глазами. Глазами, которые вызывают желание погрузиться в их глубины. Не те глаза, что несут вам некое сообщение. Не те, что говорят "Я знаю, кто я такой, и мне это нравится, а еще я знаю, кто ты, я вижу тебя насквозь, тебе не скрыться."

Бэйлор подходит ближе. Достаточно близко, чтобы мне было заметно, как от каждого шага его бедра двигаются и напрягаются под тканью выцветших джинс. Достаточно близко, чтобы заметить очевидные кубики на его плоском животе, даже несмотря на то, что его футболка свободно болтается на талии и туго натягивается на груди. Эта футболка зеленого армейского цвета, с надписью "*Сколько раз понадобится лизнуть, чтобы облизать всего меня?*". Мне тут же хочется узнать ответ на этот вопрос. Я представляю, как сплету свои пальцы с его и приступлю к исследованию.

Ладно, достаточно. Я намеренно опускаю взгляд. *Ты меня абсолютно не беспокоишь. Видишь? Я оценила тебя и двинулась дальше. Смотреть на свои учебные записи намного интереснее, чем на тебя. Несомненно.*

Он садится за соседний стол и вытягивает свои длинные ноги в проход. Я ощущаю на себе его взгляд, наблюдающий, ожидающий признания.

Дрю сидит рядом со мной, начиная с того первого катастрофического занятия. И потому что я такой же планктон, как и все остальные, когда дело касается выбора места, я остаюсь сидеть тут с начала семестра. Другое дело, если бы мы были в зале для лекций, рассчитанном на триста студентов. Никто бы не заметил, если бы я сменила место. Но эти комнаты рассчитаны на занятия первокурсников. Словно загон для рогатого скота, администрация набивает эти аудитории наивными восемнадцатилетками и смотрит, кто кого порвет на кусочки.

Но это пара Истории философии 401. Специализированный класс, предназначенный в основном для третьего и четвертого курсов и может быть нескольких выпускников, всех тех, кто специализируется на истории или просто заполняет свой последний семестр прогрессивными дисциплинами.

Так что пересесть в данном случае для меня выглядело бы слабостью.

Входит профессор Ламберт, и занятие начинается. Я даже не знаю, о чем она говорит, настолько я сбита с толку. Моя шея болит от того, что я смотрю прямо перед собой, стараясь не поворачиваться в сторону Бэйлора. Хотя, знаю, что проиграю эту битву. Но все же изо всех сил пытаюсь продержаться как можно дольше. Я ведь упоминала, что немного безумна?

Drew

ПРОШЛО ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ, а я все еще получаю холодный прием от мисс Джонс. этому моменту я проиграл все наши негласные сражения и даже не представляю, как это изменить. Я бы хотел понять Анну так же, как понимаю футбол.

Футбол всегда давался мне легко. Не поймите меня неправильно, я надрываю задницу, чтобы быть в лучшей спортивной форме. Все свободное время между практикой и занятиями уходит на тренировки и спортзал. Я игнорирую физическую боль и умственное истощение постоянно.

Но когда дело доходит до игры? Не прикладывая особых усилий, хватая мяч, я ощущаю власть. Во время игры я не боюсь трехсотфудового полузащитника, который пытается повалить меня. Я контролирую свой конверт (*передачи мяча в одно касание и два касания — прим. пер.*), вижу куда бежать, кто открыт, все свои возможности. Я говорю с мячом, и он меня слушается, летя туда, куда я хочу, практически каждый раз. Даже когда кажется, что все пути перекрыты, я нахожу один, бросаю мяч, избегаю удара, пока не доведу игру до выигрыша. Это так просто.

И это чертовски фантастическое ощущение. Рев толпы, победы — все это вызывает привыкание. Но независимость стимулирует потребность сделать это снова, бросить тот идеальный пас, блестящей имитацией передачи или поддельным броском обмануть защитника другой команды. Нет, я делаю это снова, потому что всегда могу сделать лучше, чем в прошлый раз. Так что да, футбол — моя радость. И я знаю, насколько мне повезло найти эту отдушину, повезло иметь такой талант, благодаря которому я стал лучшим из лучших. Если родители что-то и вбили мне в голову, так это то, что нужно высоко ценить все, что имеешь.

И из-за этого всего презрение Анны Джонс еще больше меня раздражает. Она думает, что я тщеславный болван. Я должен держаться подальше от нее. Есть куча женщин, которые жаждут знакомства со мной, что вообще-то естественно.

Я все никак не могу понять, что же так сильно привлекает меня в Анне. Она симпатичная, даже привлекательная, милая девочка с классической винтажной открытки. Сердцевидное лицо, вздернутый маленький носик, темно-рыжие кудри, рассыпанные по плечам. Но она не мой тип. Обычно я предпочитаю девчонок, которые не смотрят на меня как на волосок, попавший в их салат.

Так почему же я не могу выбросить Джонс из своей головы? Все эти дни у меня перед глазами стоит ее лицо, смотрящее на меня, не замечая весь тот глянец моей славы, фактически ненавидя его. И это меня заводит.

Итак, вот я сижу, развалившись на своем стуле, наблюдая, как двигаются ее руки, как ее сладкие груди подпрыгивают, когда Анна дискусирует о воздействии философии на

общество.

— Возьмем Декарта, — говорит она. — Его попытки объяснить вопрос "почему" в отношении "как" помогли сформировать современный научный метод. В древности философы изменили наш мир, постоянно сомневаясь в статусе-кво.

И просто потому, что хочу, чтобы она обратила на меня внимание, я говорю:

— Согласен.

Темные глаза Анны обращаются ко мне. А затем будто бы осознавая, что взгляд на меня в некотором роде является слабостью, она отворачивается и снова смотрит перед собой, предоставляя мне вид на ее профиль.

Очевидно, что ей не по душе, что я занял ее сторону. Черт, ей не по душе, если я присоединяюсь к любой беседе, в которой она участвует. Словно звук моего голоса уже оскорбляет ее. Это еще сильнее меня раздражает и вызывает желание все чаще вторгаться в ее зону комфорта.

— Возьмем хотя бы его спор о дуализме, о том, что не только ум управляет телом, но и тело способно контролировать ум, — усмехаюсь я, наблюдая за тем, как напрягается Анна, когда я начинаю говорить громче, обращаясь прямо к ней. — Страсть способна затмить рациональное мышление и стать причиной иррациональных поступков.

Анна по-прежнему сосредоточена на профессоре Ламберт, но я замечаю, как она скрещивает ноги под столом, а затем выпрямляет их. Ясно, что я произвел на нее впечатление. Отлично. Сейчас мы квиты.

— Это и есть ваша точка зрения на современный дуализм, мистер Бэйлор? — спрашивает профессор Ламберт, ее ироничный тон, привлекает мое внимание к учебному процессу и классу. Черт, что я только что сказал?

Я выравниваю спину, прочищая горло, как раз когда несколько девушек- третьекурсниц поворачивают головы в мою сторону.

— Ах, да, Декарт заставил людей думать о связи между мозгом и телом другим образом.

Черт, я только что мямлил. По моему лицу разливается жар от чувства неловкости. И оно говорит за меня лучше каких-либо слов. Меня выручает девушка в цветочной юбке. Она бросает прищуренный взгляд на Анну, явно раздражаясь.

— Я бы не сказала, что Декарт был таким уж и героем. Его вера в то, что у животных нет души, привела к распространению жестокого обращение с животными, — выражение лица девушки становится злым, а голос поднимается на пару октав. — Вивисекция (*операция на живом животном с целью изучения функций организма — прим. пер.*), проведение опытов, небрежность — эти жестокие действия над животными были спровоцированы верой Декарта.

Поскольку девушка пронзительно орет на Анну, то глаза всех присутствующих обращены сейчас к ним двоим. Однако Анна не съезживается. Ее ответ тягучий, как сливки.

— Учитывая то, что мой аргумент базировался не на веровании Декарта, а на том, какое воздействие философы оказали на социальные устои, я бы сказала, что ты только что доказала мою точку зрения.

Черт, мне нравится эта девушка. Мне нравится ее острый ум и пылкость.

Однако девушка в цветочной юбке не унимается.

— Так ты просто собираешься полностью игнорировать урон, который его теория нанесла миру?

— Я не игнорирую его, — говорит Анна. — Но с другой стороны, я также не думаю, что

нам нужно выливать в сток ребенка вместе с водой, в которой его купали. Декарт был ответственен за многие положительные изменения.

Несмотря на мое решение заткнуться, я машинально выпаливаю:

— Джонс права, мы не можем судить всю работу человека, основываясь лишь на одном негативном исходе. Разве мы не должны дать парню поблажку? Быть может, он даже и не подозревал, какой ущерб нанесли его те или иные, неверно истолкованные, слова.

Я хочу, чтобы Анна ответила на это. Но она упрямо меня игнорирует. К сожалению, она одна здесь такая. Как обычно, что бы я ни говорил, все поворачиваются ко мне. Это раздражает, но я уже привык. Однако, тот факт, что я защищаю Анну, добавляет ко взглядам окружающих еще и любопытство.

Я слышу, как блондинка, которая пыталась привлечь мое внимание в течение нескольких недель, сейчас бормочет надоедливый голоском:

— Джонс? Он знает *ее* имя?

Румянец разливается по щекам Анны. Ее плечи напряженно приподнимаются, и могу поклясться, она противостоит огромному желанию зарыть голову в песок. Это странно, как будто она хочет спрятаться, все еще отказываясь отступить. Но я должно быть ошибаюсь. Ничто в Анне не говорит о стеснительности, и она не казалась взволнованной, когда спорила с девушкой в цветочной юбке. Тем не менее, она абстрагируется от обсуждения и сосредотачивается на своих заметках.

Поскольку она больше не участвует в разговоре, я тоже теряю к нему интерес. Искоса я продолжаю за ней наблюдать, гадая, есть ли лекарство от такого рода забвения. Нормальный мужчина бы сдался и отпустил ее.

Думаете, это удерживает меня от преследования ее после окончания занятия? От хождения за ней по пятам, будто некое пресмыкающееся животное, пока она идет на обед в фуд-корт в Студенческом Союзе? Нет. Даже и близко нет.

Когда я только начала учиться в колледже, мне нравился учебный процесс. Я любила свободу в выборе предметов, которые хотела посещать. Любила обмен идеями и мнениями, то, что преподаватели действительно интересовались моей точной зрения по тому или иному вопросу. Они могли не всегда соглашаться со мной, но сам интеллектуальный спор имел для меня ценность. И я любила анонимность. Никто тут не знал меня прежнюю. Я больше не была той странной одиночкой, к которой все относились как к курящей травку перед занятиями отшельнице. Что в некотором роде иронично, так как до колледжа я вообще не пробовала никаких наркотиков.

В колледже не было никаких глупых прозвищ. Нет, по крайней мере тех, которые были в старшей школе. Конечно, вы могли бы придумать для меня свое собственное прозвище, но тут слишком много студентов, чтобы замечать подобных Анне Джонс. Мне нравилось быть одной из тысяч, а не одной из сотни. Поскольку я могла начать сначала, быть собой, и не слышать в ответ, что я недостаточно хороша.

Но сейчас я начинаю скучать по школе. Мой мозг устал. Я хочу провести еще одну ночь за написанием работ или зазубриванием материалов к экзамену, и так до тех пор, пока перед глазами не поплывет. Не знаю нормально ли в 21 год ощущать себя выдохшейся, но именно так я себя чувствую. Я просто хочу, чтобы все закончилось. А вместо этого мне предстоит еще один год колледжа.

Конечно, окончание учебы здесь принесет с собой еще одну проблему — *чем, черт возьми, я собираюсь заняться после?* Я специализировалась в Европейской истории, потому что она была мне интересна, а не потому, что хотела стать историком. Правда в том, что я не знаю, кем хочу "быть". Ох, у меня есть целый список жизненных потребностей: счастье, уверенность, энтузиазм и достаточное количество денег, чтобы я могла путешествовать всякий раз, как только захочу. Но разве мне не следует иметь хоть какое-то представление о том, как собираюсь прожить свою жизнь? Разве не так должно быть?

Я просто не знаю. И это мучает меня в последнее время. Что делать? Что делать?

И так как всякий раз, когда я размышляю над этим вопросом, он вызывает неприятное чувство страха в моем животе, я просто стараюсь его игнорировать.

Именно этим я сейчас и занимаюсь, пытаюсь учиться и не думать о будущем. Вот только я смотрю в никуда, постукивая ручкой о блокнот с заметками, пока сижу в столовой Студенческого Союза.

Вокруг меня снуют студенты, постоянный гул голосов прерывается взрывами смеха. Я даже не знаю на что смотрю, когда знакомое — но отнюдь не любимое — ощущение покалывания пробегает у меня по коже.

Не реагируй, — говорю я себе. — *Не делай этого.*

Но несмотря на внутренний запрет я все равно поворачиваю голову. И сразу же замечаю

его. Бэйлор.

Откуда мое тело знало, что он тут? Почему оно мгновенно реагирует на его близость? Словно у меня есть внутренний радар на Дрю Бэйлора. Мне нужно было пойти учиться для работы в NSA или что-то в этом роде. Или по крайней мере научиться не вертеть головой не подумав. Потому что это должно прекратиться.

Моим единственным утешением служит тот факт, что он тоже смотрит на меня. Быть может, он смотрел на меня еще до того, как я его заметила, потому что наши взгляды моментально встречаются. По моему телу пробегает импульс электричества, низкого, теплого жужжания, стекающего в узел внизу живота.

Может, дело в банальном очаровании, из-за которого парень смотрит на меня. Хотя и знаю, что я не гадкий утенок, но не могу перестать задаваться вопросом, почему. Почему он смотрит на меня, тогда как окружен образцовыми, роскошными девушками. Боже, вероятно, он думает о том же: она все еще смотрит на меня. Вот только Дрю, наверное, не удивляется почему. Все смотрят на Бэйлора.

Все смотрят на него прямо сейчас. Он в другом конце столовой с огромной группой футболистов, и все головы повернуты в его сторону. Я всегда думала, что Бэйлор был большим и высоким, но один из сидящих с ним рядом парней выглядит так, будто ест сельских жителей на завтрак. Если правильно помню, то это полузащитник. У него даже есть борода, густая и лохматая. Может быть, он младший брат Хагрида (*персонаж из Гарри Поттера — прим. пер.*).

Ребята смеются, говоря друг с другом и друзьями, которые к ним подходят. Прямо сейчас к ним направляется группа девчонок, они движутся так уверенно, словно ребята их ждут. Как и ожидалось, их появление воспринимают крайне радостно.

Но не Бэйлор. Он по-прежнему наблюдает за мной, выражение его лица все еще такое сосредоточенное и мрачное, что мое сердце ускоряет свой ход. Я хочу отвести взгляд. И мне следовало бы, но я просто смотрю на него в ответ, как идиотка.

— Ты знаешь Дрю Бэйлора?

Кричит мне кто-то прямо в ухо, и моя ручка с дребезгом падает на стол.

— Господи, Айрис, — говорю я, пока моя лучшая подруга садится на соседний стул. — Ты до чертиков меня напугала.

— Ага, я видела, как ты была увлечена, — в ее глазах мерцают озорные огоньки, и я знаю, что это не к добру. — Почему ты вообще трахаешь Дрю Бэйлора глазами?

Я, вероятно, становлюсь пунцовой, так как ощущаю прилив жара к щекам.

— Никого я не трахаю глазами, — бормочу я.

Я ни за что сейчас не посмотрю на Бэйлора, даже если буду умирать.

Айрис фыркает и хватает мой кофе со льдом.

— Однако это не было и простым обменом взглядами, — я открываю рот, чтобы протестовать, но она отмахивается. — Не трудись отрицать. Я знаю, что видела.

— Как ты вообще можешь знать, на что я смотрела? — я захопываю блокнот и отбираю мой напиток. — Может я просто проверяла время.

На стене за Бэйлором висят огромные часы, так что надеюсь это достойное оправдание.

Ухмылка Айрис говорит мне об обратном.

— Нет, потому что он тоже трахал тебя глазами.

Я почти что давлюсь своим кофе.

— Ты можешь, пожалуйста, прекратить использовать эту фразу?

Айрис немного смеется.

— Извини, но в некотором роде это было горячо и наглядно, ну, знаешь.

Черт. Это и правда так выглядело?

Ее глаза прищуриваются.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, и довольно очевидно, что ты его хоть немного да знаешь.

Она начинает ерзать на месте, словно собирается взглянуть в его направлении, и тогда я толкаю подругу в бедро, будто пятилетка.

— Черт, Анна! — визжит она.

— Прости. Но не смотри на него.

Последнее, что мне сейчас нужно, чтобы Бэйлор догадался, что мы говорим о нем. Я бы умерла со стыда прямо на месте.

Айрис бросает на меня взгляд, потирая бедро.

— Мама Драма. Я никогда не видела тебя такой взволнованной. И кстати, он ушел.

— Я не взволнована, — я зарываю пальцы в свои волосы. — Просто... Не раздувай из мухи слона. У нас общий предмет, и только что мы всего на всего встретились взглядами. Вот и все.

Боже, у меня такое чувство, будто я снова учусь в младшей школе. Ненавижу это и ненавижу себя за собственную реакцию. Я работала над собой годами, пытаюсь стать менее чувствительной к подобной фигне, меньше переживать о мнении других на свой счет, не *нуждаться* в чьей-либо заботе. Мои стены не могут так легко пасть.

К счастью, Айрис пожимает плечами.

— Очень жаль. Он сексуальное совершенство.

— И ему об этом известно, — бормочу я.

— А разве может быть иначе? То есть, черт. Это лицо. Эти мечтательные глазки. Эти пухлые поцелуй-меня губы. Клянусь богом, он как чертов Капитан Америка.

— Я всегда была склонна представлять себя девушкой Железного Человека, — я абсолютно не думаю сейчас об анимированной гифке у меня на компьютере, в которой Капитан Америка трясет своей задницей, пока бьет по груше. Разочек. И еще разок.

Игнорируя меня, Айрис драматично машет рукой возле своего лица.

— Боже, а это тело. Знаешь, он совершенство. Слово чертов бриллиант.

Я пытаюсь не улыбнуться и делаю еще один глоток кофе.

— Мне нужно вздремнуть.

— Ох, верно, с тобой он заскучает. Или возможно, тебе просто не следует читать все ночи напролет. К слову, — она толкает меня коленом в бедро, — мы кое-куда сегодня идем.

— Нет.

Обычно я люблю гулять по вечерам, но с недавнего времени у меня пропало всё желание.

— Ты не скажешь мне "нет", — Айрис наклоняется вперед, и ее шелковистые черные волосы падают через плечо. — Ты никуда не ходила уже несколько недель. Одно дело быть домоседкой. Но совсем другое — стать отшельником.

— Ты уделяешь слишком много внимания моей социальной жизни.

Она поджимает губы.

— Немного сложно игнорировать ее, тогда как мы живем в одной квартире.

Первый год в колледже я жила в общежитии, но это *было* слишком схоже с моей

жизнью в старшей школе, и общественные ванне комнаты были ужасно отстойными. Так что когда я познакомилась с Айрис, которая испытывала такую же ненависть к шлакобетонным стенам и незакрывающимся душевым кабинкам, мы решили работать над тем, чтобы к концу года снять свою собственную квартиру. Поскольку мы сдружились, то арендуем квартиру на круглый год, не уезжая домой на лето.

Айрис вздыхает, ее хрупкие плечи высоко поднимаются и опадают. Я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться. Но она замечает и играет на моей слабости.

— Ну, давай жеееее, Банана, — словно ребенок, она постукивает ногтями по столу в нетерпеливом ритме. — Я не хочу идти одна. Сегодня ночью мне нужна моя девочка.

Я фыркаю.

— И куда ты хочешь пойти?

Она улыбается, показывая свои белоснежные зубы, цвет которых контрастирует с бронзовым оттенком ее кожи.

— На вечеринку.

— Нет.

— Анна! Ты даже не дослушала меня.

— Ты же знаешь, я ненавижу вечеринки, — со страстью проповедника из утреннего воскресного шоу. Мне противны те милые короткие разговорчики и суматоха. Мой формат — это маленькая кабинка в баре и несколько хороших друзей. А вечеринки — отстой.

Сутулясь, Айрис приподымает край моего блокнота.

— Я не оставлю тебя там в одиночестве. Мы проведем это время вместе.

— Мы можем сделать это где угодно, — я смотрю на нее с подозрением. — Почему именно на вечеринке?

Она фокусируется на конденсате на поверхности моей чашки, кончиком пальца рисуя узоры.

— Ну... Генри...

— Бля.

— У тебя очень грязный рот, Анна, — это ее любимый "комплимент". Она постоянно его употребляет. Не то, чтобы подруга ошибалась. Я ругаюсь, когда нервничаю. Или раздражена. Ладно, я ругаюсь все время.

— Нет, блин? — моя ругань имеет свойство переходить на новый уровень, когда речь заходит о Генри Россе. Генри и Айрис встречаются уже два года, так что можно подумать, будто я должна была бы уже смириться с его присутствием в жизни подруги. Но мне по-прежнему приходится стискивать зубы всякий раз, когда вижу его. Он — льстивый мудака, который запудривает Айрис мозги. Он не столько проводит время с ней, сколько в ней.

И хотя моя подруга умная, забавная, роскошная и великолепная девушка, Генри — ее криптонит. Он ослабляет ее, затуманивая взгляд на многие свои ошибки. Конечно, он красивый, темноволосый, кареглазый и с приятной улыбкой. А еще он капитан команды по лакроссу, и потрудился, чтобы каждый в кампусе об этом знал. Но я более чем уверена, что он обманывает Айрис. Много раз бывало такое, что он не отвечал на ее звонки, или у него были "важные командные совещания", ну вы знаете, по ночам в пятницу или на выходных, или на день Святого Валентина. Ага, верно.

Я бы с огромным удовольствием сказала Айрис бросить его, но подобный опыт с моей мамой подсказывает, что все, чего я этим добьюсь — вгону клин раздора между нами.

— Я знаю, тебе не нравится Генри, — говорит Айрис, возвращая меня к настоящему.

Держа рот на замке, я могу притворяться, что он мне нравится немного больше, чем есть на самом деле. Этот негодяй постоянно, *каждый божий раз*, смотрит на мои груди и задницу. Не просто как обычный нормальный парень замечая их, нет, его взгляд будто покрывает меня слоем грязи.

— Но он попросил меня пригласить тебя, — продолжает Айрис.

Конечно же, он попросил. Ему известно, что я его недолюбливаю. Так что возможность подоставать меня он воспринимает как вызов. Генри мог бы быть простым мудаком, но он красивый мудака. Он знает, что я выставлю себя идиоткой, если не поддамся на его попытки вежливого взаимодействия.

— Почему он просил об этом? — спрашиваю я.

— Потому что хочет, чтобы я была счастлива, — говорит подруга, как что-то очевидное. — И он знает, что я хочу прийти с подругой на его вечеринку.

Потому что он будет игнорировать Айрис через пять минут после того, как она придет туда.

— Это одна из его командных вечеринок, да?

— Нет, — ее глаза расширяются, и в них появляется умоляющее выражение. — Это просто вечеринка, Анна. Черт.

— Ладно, — кричу я. — Я пойду.

Немедленно, Айрис начинает скакать на своем месте.

— Да! Мы повеселимся. А потом пойдём танцевать.

Айрис во всем моя абсолютная противоположность. Ей нравятся реалити-шоу, она считает фильмы слишком длинными и читает только когда куда-то едет. Ее идеал веселья — это наличие кредитной карты и шоппинг-молла, и она тащится по Джастину Биберу, несмотря на всю его странность, еще со времен старшей школы. Ее постоянная любовь к этому певцу очевидна, хотя бы из-за наличия на ее любимой ночной рубашке изображения с его концерта My World. И несмотря на то, что изображение лица Бибера на груди Айрис более чем просто жуткое, мне ненавистен тот факт, что она прячет эту рубашку каждый раз, когда к нам приходит Генри. Или скорее, я ненавижу то, что Генри вызывает у нее чувство, из-за которого подруга боится, что он станет над ней насмехаться.

Презирая себя, я смотрю на место, где сидел Бэйлор. Он ушел, и вероятно, строит свои собственные планы на вечер. И вдруг я начинаю чувствовать себя беспокойно. Неправильно. Будто больше не знаю, кто я такая. Что само по себе не имеет смысла. Возможно, я чем-то заболела.

ПОСКОЛЬКУ Я РЕДКО хожу на вечеринки, то не представляю, что надеть. Айри забрала джинсы и футболку, отправив меня обратно в мою комнату. Она определенно придерживается принципа "если это не обтягивает, то и нечего такое носить", особенно если собирается посетить клуб. Однако я отношусь к приверженцам принципа "комфорт превыше моды". Ну и куда меня это привело?

После сорока минут брани и метания одежды я оказываюсь одетой в черный топик с вшитым в него лифчиком, что довольно смело для меня, учитывая размер моей груди, и мягкую трапецевидную юбку, которая обтягивает верх моих бедер и ниспадает складками к низу, заканчиваясь чуть выше колен.

Не желая покидать свою комнату, я мешкаю, разглядывая себя в зеркале. Уровень пушистости моих волос равен тройке, что в принципе приемлемо, а моя кожа чистая и гладкая. Я наношу на веки дымчато-фиолетовые тени, благодаря которым мои глаза кажутся более зелеными, и делаю пару мазков ягодным блеском для губ. Итак, теперь я сделала все возможное.

Я топаю в гостиную для финальной оценки. Айрис, как обычно, выглядит фантастически. Даже не знаю, как ей это удастся; на ней одеты короткие черные кожаные шортики и шелковая синяя майка, которая висит на одном плече и открывает практически всю спину. Если бы я одела что-то вроде этого, то выглядела бы ужасно, но она такая худенькая и маленькая, такая идеальная в своих ботах на платформе, которые по непонятной причине напоминают мне копыта лошади.

Ее темные глаза прищуриваются, когда я захожу в комнату.

— Что с твоей обувью? — наконец-то спрашивает она.

— Ты тоже одела ботинки.

— Полусапожки. Это абсолютно другое.

— Это Fluevogs, — протестую я. — *Victorias*, — лаковая черная кожа с зелеными потертостями, шнуровка спереди и витиеватый каблук, похожий на ножку мебели времен викторианской эпохи. Они странные, но это самая дорогая моя пара обуви. Мама подарила их мне на двадцать первый день рождения, и я расцеловала ее за такой подарок.

Айрис многострадально вздыхает.

— Ты выглядишь так, словно собираешься пойти в них на бал вампиров.

— Следи за словами, маленькая мисс Бибер. Я все еще могу решить остаться дома.

Ее передергивает.

— Прости. Ты знаешь до какого состояния я дохожу, прежде чем выйти из дому.

Ага, до безумного. Потому что она волнуется, что может разочаровать идиота Генри.

Подруга подходит ко мне на своих невероятно высоких каблуках и целует в щеку. Меня окутывает легкий цветочный аромат ее духов.

— Ты выглядишь восхитительно, — говорит она. — Боже, как бы я хотела иметь твои изгибы.

— Можем поменяться, потому что я хотела бы натянуть эти шорты и разгуливать в них, не ужасая прохожих своими бедрами.

— Ладно, мои бедра в обмен на твою грудь.

— Договорились, — мы начинаем смеяться, так как заключали эту сделку уже множество раз.

Мы берем машину Айрис, так как я не доверяю Генри в вопросе транспортировки меня домой, плюс, у меня есть предчувствие, что подруга может уехать с ним без меня. А так я смогу поехать сама домой на ее машине. Я бы взяла свою Vespa, но Айрис не нравится ездить на вечеринки одной, и откровенно говоря, передвигаясь на скутере, мои волосы сплющились бы под мотошлемом.

Айрис нервно постукивает по рулю, пока мы едем по улицам города, слушая Адель.

— Почему ты такая взвинченная? — наконец спрашиваю я. — То есть я имею в виду, что ты взвинчена сильнее, чем обычно.

Ее глаза расширяются, когда подруга смотрит на меня.

— Ничего подобного, — а затем она поворачивает на боковую улочку.

И перед нами предстают выстроенные в линию дома студенческих братств.

— Айрис! Ты же говорила, что это вечеринка вне кампуса.

Но теперь-то ясно, что нам предстоит одна из отвратительных командных сходов Генри. Которая обычно включает в себя пиво-понг, писающих на лужайке ребят — не буду перечислять все другие возможные локации данного действия — и все прелести поведения имбицилов. Я была более чем просто разочарованна после предыдущей подобной вечеринки и клялась, что *никогда* не поведусь на подобные приглашения в будущем.

— Послушай, мне жаль, ладно? — на лице подруги возникает выражение отчаяния. — Но Генри правда хотел, чтобы я пришла, а ты бы хандрила сама дома, не замани я тебя с собой.

— Я бы *не* хандрила!

— Ага, выглядывала бы из окна, — настаивает она, — будто героиня трагического романа Джейн Остин.

— Героини Остин не трагические. Они уполномоченные.

— Это ты так говоришь. Все те подавленные чувства и надменные отрицания, — ее маленький носик морщится. — Тоска. Просто признай уже свои эмоции.

— Перестань пытаться сменить тему. Ты намеренно скрывала от меня информацию. И это не круто.

Айрис вздыхает, останавливаясь перед старым огромным домом в колониальном стиле, украшенном огнями, как новогодняя ель. Поток людей снует через открытые двери, и маниакально смеющаяся девушка падает на лужайку прямо в кучу сухих веток.

Мы с Айрис морщимся, а затем подруга бросает на меня умоляющий взгляд.

— Я просто подумала, что ты откажешься, если я скажу всю правду, — она сжимает мою руку, и я ощущаю холод ее кожи. — Простишь мне, Банана?

— Тебе следовало позвать Джорджа, — Джордж — близнец Айрис и еще один мой лучший друг. Обычно он ходит с ней на подобные вечеринки, приглядывает за своей младшей сестренкой одновременно с тем подкатывая ко всем доступным женщинам. Их устраивает данный расклад. — Где он, кстати? — ворчу я.

— Джордж сказал, что у него болит голова. — Айрис кривит рот в гримасе недовольства.

— Подозрительно, — Джордж никогда не болеет. В этом плане он практически неуязвим.

Айрис достает свою помаду и быстро наносит новый слой на губы, глядя при этом в зеркало заднего вида.

— Ну, это он так сказал, — ее фраза прерывается, так как Айрис вытягивает губы, оценивая ровность слоя красной помады. — Но что я могла поделать?

— Не мучить меня?

С профессиональной точностью она закрывает ее и, не глядя, кладет в свою сумочку.

— Ну, и что бы в этом было веселого? — ее глаза сверкают в свете тусклых лампочек салона авто. — К тому же, возможно, ты встретишь кого-то, кто тебе понравится.

— Айрис... — я бросаю в ее сторону предупреждающий взгляд, но для кого-то на таких высоких каблуках, она уже выпрыгивает из машины с удивительной прыткостью. Я следую за ней, зная, что в конечном итоге буду сожалеть об этом.

ЭТО ВЕЧЕР ПЯТНИЦЫ, и я устал. Мое тело болит от зверской тренировки. Не скажут, что это особо отличалось от моего самочувствия в любой другой день, разница лишь в том, что сегодня я плохо спал, и это меня вымотало. Одна рыжеволосая девушка занимала мои мысли, тем самым лишая сна. Каждый раз закрывая глаза, я представляю ее. Черт, я представляю ее даже с открытыми глазами.

Обычно я думаю о ее профиле, потому что это именно то, что я вижу, наблюдая за ней на занятиях. Гладкая линия ее подбородка, округлые холмики ее щек, маленькая изящная раковина ее уха. Ее изгибы. Анна представляет собой бесконечные изгибы.

В своем воображении я выжигаю образ ее бледной ровной шеи, плавно переходящей к одной из самых лучших ее округлостей — груди. Большой. Полной красивой формы, как раз такого размера, чтобы уместиться в моих руках. Они мягкие. Я ни сколько в этом не сомневаюсь.

С меня достаточно всего того дерьма, о котором я мечтаю во время занятий в холодные дни, когда на ней одета одна из тех тонких хлопковых рубашек, не скрывающих то, как от холода пуговицы ее сосков упираются в ткань. И, черт возьми, один взгляд на ее вершинки делает мой член твердым. Я буквально умираю от желания получить возможность снять с нее рубашку и высвободить ее груди, от чего соски Анны станут еще более тугими. Мне хочется узнать, какого они цвета, их точный размер и вид. Так как ее кожа довольно светлая, предполагаю, что они бледно-розовые, но под белой тонкой тканью рубашки просматриваются более темные ареолы, возможно, они светло-коричневого цвета, который

станет насыщеннее, если пососать.

Ага, я больной ублюдок. Но сомневаюсь, что кто-то из парней станет меня винить. Я не могу с собой ни черта поделать. Когда я не думаю о ее груди или узкой талии и прекрасной округлости ее милой попки, то представляю ее голос, с сильным протяжным южным акцентом, от которого у меня по коже бегут мурашки. Сейчас я живу на юге страны. Так что подобный акцент есть у всех местных жителей. Почему же тогда только ее голос так воздействует на меня? Я не знаю. Да меня это и не заботит. Она говорит, а я хочу слушать. Бесконечно.

Я безнадежен. Настолько, что стоя тут посреди полной народа комнаты, ощущаю свой наполовину эрегированный пенис. А Анны даже нет здесь.

Я делаю поток воды, абстрагируясь от болтовни вокруг. Что она делает по вечерам в свои выходные? Часто ли ходит в клубы? Проводит ли время в кофейнях, упрекая неповинных мужчин в несправедливости системы "стеклянный потолок" (*Стеклянный потолок — феминистский термин, введенный в начале 1980-х годов для описания невидимого и формально никак не обозначенного барьера ("потолка" в карьере), ограничивающего продвижение женщин по служебной лестнице — прим. пер.*). От этой мысли я улыбаюсь. Мне нравится то, как морщится ее носик, когда Анна раздражается и то, как ее широкие глаза сужаются до размера щелочек. Так, будто она без колебаний даст под зад первому попавшемуся мужику, если посчитает, что он это заслужил. Очень возбуждающе.

Вода в моей бутылке теплая и на вкус напоминает пластик. Я ставлю ее на стол, прикладывая больше силы, чем на то требуется. Во мне нарастает сексуальное возбуждение с примесью раздражения. Я не хочу быть здесь. Я слышал уже все эти истории и шутки тысячи раз. И хоть люблю своих друзей, но сейчас мне с ними скучно. Я хочу выследить Анну Джонс, загнать ее в клетку и посмотреть, набросится ли она на меня. Но я даже не знаю, откуда начинать ее искать. И это раздражает.

Я подумываю сказать Грею, что мы увидимся завтра, и отправиться в постель, чтобы по крайней мере восполнить недостаток сна, когда ощущаю знакомое напряжение в паху и мурашки на спине.

Я не знаю почему и как, но чувствую ее близость. Просто знаю, когда она рядом. Подобно тому как магнит тянет к металлу, мое тело и голова поворачиваются в ее сторону. И когда я вижу ее, все вокруг замирает. Мое сердце останавливается. Мой разум прекращает работать. Стукните меня по голове. Хоть кто-то может воткнуть в меня вилку? С меня хватит.

Она одета не в свои обычные джинсы и футболку и даже не в типичный для нее мягкий свитер. На ней какой-то обтягивающий топ, едва вмещающий ее грудь, ее бледную прекрасную грудь, подпрыгивающую и покачивающуюся при каждом шаге. Ее грудь, которая рано или поздно доведет меня до смерти. Боюсь, я простонал вслух.

И черт меня побери, я не единственный, кто ее заметил. Слишком много взглядов приковано к груди Анны. На что мышцы моей груди сжимаются в кулак. Я не один из них, возможно хуже, потому что смотреть на нее стало моей привычкой. Но у меня чешутся руки от желания оторвать им головы, так, чтобы на нее смотрел только я один. А еще мне невыносимо хочется снять свою рубашку и завернуть в нее Анну.

Она проходит вглубь комнаты, и я замечаю, что на ней надета юбка. Роскошная черная вещь, обтягивающая ее попку и кольшущаяся вокруг бедер. Я вижу ее стройные и

одновременно с тем мягкие бедра, которые так приятно бы ощущались вокруг моей талии, крепко сжимая мое тело в своих тисках. Иисусееее.

Хмурое выражение лица портит ее образ, ее рыжие брови сведены на переносице, а губы сжаты. Если что я и люблю в Анне больше чем ее груди, так это ее губы. Насыщенно розовые и пухлые, эти губы завораживают меня. Губы, которые я хотел поцеловать с того момента, как впервые их увидел.

Анна отнюдь не рада находиться здесь. Она сердито оглядывается на пару девушек, которые смотрят на нее, словно на незваного гостя. Я знаю этих девчонок. Они из команды поддержки. "Жонглеры членов", как называет их Грей. И хоть это и грубо, но близко к истине. Они переспали с большей частью команды. Неприятный опыт прошлого научил меня держаться от таких подальше. Мне не нравится то, как они насмеваются над Анной. Ей не следует находиться здесь. Нам обоим не следует. Я хочу забрать ее отсюда и просто куда-нибудь уехать. Возможно, в ту кофейню, где я представлял ее ранее. Я бы с радостью выслушал речь Анны о том, как сильно раздражаю ее.

Ее взгляд пробегает по помещению, будто выискивая выход.

Посмотри в мою сторону, — мысленно приказываю я ей. — Посмотри на меня. Обрати ко мне свои огромные зеленые глаза. Встреться со мной взглядом, чтобы я ощутил, как он проникает до моих костей.

Посмотри на меня.

Посмотри на меня.

И словно услышав это, Анна напрягает плечи, и я замираю в ожидании. Ее длинные ресницы приподымаются и *БАМ*, наши взгляды встречаются. Слово по волшебству, мучительная боль в моем теле сменяется жаром и интенсивным удовольствием.

Ее полные губы открываются, когда Анна шокировано выдыхает, и я машинально вторю ее реакции. Боже, как же я хочу ее. Она наблюдает за мной, и в ее глазах плещется смесь тревоги и отчаянного волнения. Мне нужно найти способ убрать ее тревоги. Нужно узнать ее лучше. Ничто на земле не в силах остановить меня.

Адреналин хлещет по моим жилам, а сердце ускоряет свой ритм. Самое время начать игру.

ВНУТРИ ДОМА ПРОИСХОДИТ то, чего я так боялась. Здесь битком набито народ жарко и шумно. Кажется, у всех ребят одна общая цель — перекричать друг друга. Глупые песни звучат из динамиков, висящих на стенах.

Взгляды присутствующих следят за мной, когда я прохожу глубже в комнату. Я для них чужая. Они это знают. И я знаю. Девушки хмурятся, словно пытаюсь понять, почему я здесь и кто меня пригласил, а парни бросают долгие взгляды на мою грудь. Сейчас я проклинаяю то, что одела этот топ. И Айрис.

Айрис, как маленькая рыбка, бросается через толпу, проскальзывая между телами в попытке отыскать Генри. Как только она его находит, он притягивает ее к себе и сует свой язык ей прямо в горло. Руки Генри хватают мою подругу за попку и прижимают к его паху.

Ага. У меня сейчас нет ни малейшего желания стоять рядом с ними. Мое единственное спасение в пиве и потайном уголке этого дома. Благодаря моим трехдюймовым каблукам мой рост достигает где-то 1,77 метра. Этого достаточно чтобы смотреть на большинство других девушек свысока. Достаточно для того, чтобы войдя в другую комнату, я моментально заметила его. И он смотрит прямо на меня.

Дрю Бэйлор.

Конечно. Вот сейчас я официально собираюсь убить Айрис.

Я хочу отвести взгляд, но не могу. Всегда проигрываю в этой схватке, если дело касается его. Рот парня немного приоткрыт, словно Дрю шокирован увидеть меня здесь; к слову, я тоже потрясена от собственного пребывания. Но тут его будто осеняет, что я никакой не кошмар, а реальность, и уголки губ Дрю приподымаются в улыбке, а в глазах появляется блеск.

На меня накатывает ощущение счастья, и я гадаю, связано ли оно с этой его улыбкой, потому что мое тело пылает, возбуждаясь и приобретая легкость. И это меня чертовски раздражает.

Но тут Бэйлор начинает идти в моем направлении, даже не оглядываясь на компанию, частью которой он только что являлся.

Мое тело не сотрудничает с разумом, потому я неподвижно стою на месте, пока он приближается. Его огромное тело разрезает путь через толпу, будто острое лезвие. Боже милостивый, а он прекрасен; его длинные ноги обтянуты в потертые джинсы, коричневая футболка обтягивает грудь, подчеркивая ширину плеч и стройность талии.

Здесь, в комнате полной мальчиков, Дрю — мужчина. Крупный, сильный и просто *значимый*. Это странно, но он здесь тоже чужой. Разница между нами лишь в том, что окружающие хотят, чтобы Дрю стал для них своим парнем.

Все это время его взгляд остается прикован ко мне. Это нервирует. Так сильно, что пальчики на моих ногах поджимаются внутри любимых Vogs.

Дрю останавливается прямо передо мной. Слишком близко для случайного знакомства. Даже на каблуках мне приходится запрокинуть голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Анна Джонс, — протяжно говорит он, — не ожидал тебя здесь встретить.

От его волнующей близости мои внутренности скручивает.

— Я здесь не по собственной воле, — бормочу я.

Его кривая улыбка становится шире.

— И кто же заставил тебя прийти?

— Айрис, моя соседка по квартире и в скором времени личность, занесенная в список пропавших без вести.

Легкий смешок срывается с его уст, и в глазах появляется тепло.

— Ну не знаю... В некотором роде я ей признателен.

— Ты можешь ее поблагодарить, когда Айрис закончит сосать лицо своего парня. Что касается меня, то я ухожу.

Бэйлор морщит лоб.

— Уже? Ты же только что пришла.

— Откуда ты это знаешь? Может быть я здесь уже несколько часов.

Он переносит вес на другую ногу, перемещая свое тело ближе к моему.

— Джонс, я знаю, в какую секунду ты вошла в эти двери.

— Чушь, — говорю я рефлекторно.

Но он усмехается.

— Я не лгу тебе.

Волоски по всему телу встают дыбом, а моя плоть сейчас так возбуждена.

— Как такое возможно?

Еще один смешок слетает с его губ.

— Серьезно?

А затем он делает это. Его взгляд опускается к моей груди, сосредотачиваясь на ней, пока его ноздри раздуваются, прежде чем глаза вновь поднимаются к моему лицу. Когда наши взгляды встречаются, Дрю смотрит на меня смущенно, будто признавая, что он ублюдок, но абсолютно об этом не сожалея.

Не то, чтобы я его винила за это. Моя грудь выпирает за край топика. Но вместо того, чтобы ее прикрыть, я складываю руки прямо под ней. От чего она приподымается еще выше. Это вызов. Я так думаю. Однако не уверена, зачем, черт возьми, я вообще это делаю.

На щеках Бэйлора появляется легкий румянец, а взгляд вновь скользит вниз.

— Ладно, — говорит он неразборчиво, — а сейчас я знаю, что ты пытаешься меня запутать, — я не замечаю как, но он оказывается менее чем в шаге от меня. Его ресницы такие длинные, что отбрасывают тень на щеки, пока парень смотрит на меня. — Но я не против помучиться.

Мои руки опускаются. А живот напрягается от нервного трепета. Ага, у меня были парни. И мне нравится секс. Я люблю хороший секс, однако он пока для меня довольно неуловим. Но флирт с этим парнем. Я не могу с этим справиться. Слишком много Дрю Бэйлора. От его близости пересыхает во рту, а руки дрожат от желания пройти по крепким мышцам его груди.

Но правда в том, что я не понимаю причин, по которым он стоит тут и разговаривает со мной. По сравнению с его типичными женщинами, я — ничтожество. Для него я даже не

тяну на звание симпатичной. Однако я отказываюсь чувствовать себя за это виноватой.

— Я и не пыталась тебя запутать, — говорю я. Что не совсем правда. Вот почему мне нужно отсюда убираться. Я разворачиваюсь, собираясь найти Айрис, когда Дрю тянет руку к моему локтю, почти касаясь его кончиками своих пальцев. Инстинктивно я отдергиваю руку. Так как без сомнений знаю, что как только он меня коснется, я сдамся.

Бэйлор хмурится от моей реакции, и его рука безвольно падает вниз. Но это не останавливает его от уговоров:

— Останься, — его голос нежно ласкает меня.

— Будет лучше, если я уйду, — это смесь лжи и правды. Я не могу ясно мыслить, когда он рядом.

— Я так не думаю, — он улыбается. — Я имею в виду, что мы неплохо проводим время вместе.

Он говорит это с некой насмешкой, которой достаточно, чтобы мне захотелось улыбнуться в ответ, но я сдерживаюсь и качаю головой.

— Дай угадаю, тебе никогда не отказывала ни одна девушка, к которой ты подкатывал.

Бейлор наклоняет головой, глядя на меня шокировано, а затем чешет шею.

— Ну, — говорит он медленно, — нет, такого и правда никогда не было, — широкая улыбка расплывается по его лицу, придавая Дрю особое очарование и оставляя ямочки на щеках. — Но я вижу, что волную тебя.

— Ошибаешься. Этот разговор просто подтверждает мое первоначальное впечатление относительно тебя.

— И каким же ты меня считаешь? Честным? — он наклоняется ближе. Достаточно близко, чтобы я могла заметить, что его дыхание не пахнет пивом и что золотистая радужка его глаз по контуру обведена коричневым. — Вот в чем дело, Джонс, я не понимаю, как ты можешь видеть в этом проблему.

Я моргаю и пытаюсь отвести взгляд от его глаз.

— Ты не видишь проблемы в том, что никто и никогда не говорил тебе "нет"?

Он еще шире растягивает губы в улыбке.

— Не глупи. Ты говоришь о моей неотразимости. А я говорю о своей честности. Это две очень разные вещи.

Мои губы вздрагивают. Черт его побери.

— Я не помню, чтобы говорила о твоей неотразимости.

— К тому же, — продолжает он, игнорируя мои слова, — я не понимаю, в чем виноват перед желающими познакомиться со мной девушками. Я же не подкупаю их ложью и не имею никакого "злого умысла" на их счет. Что есть, то есть.

Я смотрю на него в течение нескольких секунд, в то время как он глупо усмехается, и от этой его усмешки мне приходится бороться, чтобы подавить ответную улыбку.

— Знаешь что? Ты прав.

— Наконец-то! — говорит он, не обращаясь к кому-то конкретно, а затем возвращает взгляд ко мне, одаривая улыбкой.

Я лишь сдержанно смотрю на него в ответ.

— Что ж, давай двигаться в этом направлении, — я делаю шаг к Бэйлору, вторгаясь в его личное пространство. — Меня абсолютно не волнует футбол. И черт возьми, я не знаю, кто ты на самом деле или чем занимаешься, или...

Моя тирада прерывается, когда он наклоняется так близко, что наши носы практически

касаются друг друга. Взгляд его глаз не сердитый. Он скорее триумфальный.

— Вот именно, Джонс.

Эти три слова крадут весь ветер, и мой парусник не может больше двигаться. Дрю не хочет от меня слышать лестных слов в свой адрес, этого я однозначно не ожидала. Мои брови сходятся на переносице. И я хмурюсь. Я не могу удержаться и говорю:

— Хорошо, черт возьми.

И он раздражается смехом. Это роскошный, несдерживаемый смех, который настолько заразителен, что я не могу сдержать ответную реакцию — слегка фыркая, я тоже начинаю смеяться. Наши взгляды встречаются, и воздух вокруг внезапно сгущается. Жар настолько стремительно опалает меня, что я не могу вдохнуть. Возможно, он тоже это чувствует, потому что замирает и не двигается.словно готовый к атаке лев. Я моргаю, будто пойманная в лучах солнечного света, газель.

Но тут к нам подходит неуклюжая фигура и своею большой рукой хлопает по плечу Бэйлора.

— Боец, мужик, — говорит здоровенный парень, один из нападающих в команде Дрю. — Сандра здесь и хочет с тобой поздороваться.

Парень ведет себя так, словно меня здесь и вовсе нет. Он подзывает к нам девушку лет восемнадцати с обесцвеченными волосами и застенчивой улыбкой. Она подходит и становится впритык возле руки Бэйлора.

— Эй, Боец, — выдыхает блондинка — *выдыхает* так, что я фактически не слышу ни одного согласного звука в ее голосе, — подпишешь мне футболку?

И конечно же на ней одета его джерси с номером 11 посередине груди. Я не удивляюсь, когда она указывает именно в это место, на случай если Бэйлор вдруг не знает, где должен расписаться.

Я хочу закатить глаза, но сдерживаюсь. Она — не моя проблема. Даже Бэйлор не моя проблема. Я — собственная проблема.

— Ну тогда, — говорю я. — На этом я вас покину.

Я разворачиваюсь и спасаюсь бегством, слыша, как он кричит вслед мое имя. Но я не оглядываюсь.

Я почти дохожу до коридора, когда Дрю останавливает меня, преграждая дорогу.

— Остановись, — губы Бэйлора кривятся, от чего он должен был бы выглядеть менее привлекательно, но почему-то гримаса делает его еще сексуальнее. — Я думал, мы разговариваем.

— А я думаю, что это было больше похоже на спор, — говорю я, и когда на его лице вновь появляется улыбка, я хочу сбежать. — И очевидно, что он закончен.

Его полные губы сжимаются.

— Почему? Из-за того, что нас прервали? — он легонько кивает головой в сторону своей фанатки.

Я отрицательно качаю головой.

— Мне не стоит тебя задерживать, правда.

Но вместо того, чтобы освободить мне дорогу, он сокращает между нами дистанцию, а его голос становится ниже.

— Но я с большим удовольствием поговорил бы с тобой.

Мое сердце так сильно стучит сейчас, отдаваясь пульсацией даже на кончиках пальцев. Я не знаю, куда мне смотреть или что делать. Мой взгляд опускается на кожаную веревочку

вокруг его мускулистой шеи. Никогда не видела Дрю без этой вещицы. Висящий на ней маленький прямоугольник полированного дерева болтается прямо у впадины его горла. Мои пальцы так и чешутся от желания прикоснуться к подвеске, пройти вдоль веревочки и ощутить его щетину, начинающуюся как раз чуть ниже линии подбородка. Я поднимаю свою руку, намереваясь осуществить желаемое, когда мужской голос прерывает меня на пол пути.

— Бэйлор! — это еще один из его друзей по команде, явно первокурсник. Он стоит на расстоянии, махая рукой в попытке привлечь внимание Дрю.

Я смотрю в сторону парня, а затем говорю:

— Очевидно, ты все же занят.

Он разочарованно вздыхает и зарывает руки в свои волосы.

— Что, по-твоему, я должен был сделать? Сказать той фанатке отвалить, потому что я пытаюсь впечатлить другую девушку? Как по мне, это очень соответствует стилю поведения мудаков.

Я зацкливаюсь на части о "впечатлить другую девушку". Фактически, в тот момент, когда он это произнес, мое сердце окончательно остановилось, а к лицу прилил жар. Почему я? О чем он думает?

Мое горло сжимает, и я с трудом сглатываю.

— Прости, но ты обратил внимание на неправильную девушку, — я медленно двигаюсь в сторону коридора и свободы. — Я не заинтересована.

На его щеках появляется румянец, а глаза становятся бронзового цвета.

— Чушь.

Я вздрагиваю, и его голос становится мягче, ломая мои убеждения, будто ложка пудинг.

— Ты можешь думать, что я идиот, но я не слепой. Я близок к тому, чтобы заработать вывих шеи от столь частых взглядов на тебя во время занятий. И я не думаю, что все те разы, когда наши взгляды встречались, были случайными.

К этому моменту мои щеки, должно быть, пунцовые. Я слишком потрясена, чтобы отвечать, но моя реакция не останавливает Дрю от еще одного сближающего нас шага. Мы оказываемся достаточно близко, чтобы я разобрала каждое слово его тихого бормотания.

— Почему бы тебе не сказать мне, в чем реальная проблема, так, чтоб мы могли ее решить?

Решить ее. Звучит так, словно он хочет разгадать и решить меня, будто я уравнение. То, которое он хочет высчитать. Это идея такая чуждая и ужасающая для меня, что я теряю контроль и кричу на него.

— Почему ты просто не отстанешь? Некоторые игры ты просто не в силах выиграть.

Он хмурится, но как только открывает рот, чтобы ответить, я не даю ему такую возможность.

— Разочарование — благо для души, Бэйлор. Извини, но мне нужно идти.

На сей раз у него нет шанса остановить меня, или может он просто дает мне уйти. Я удаляюсь от него так быстро, как только могу, при этом не переходя на бег, а к нему направляется еще один его друг. Что, в целом, неплохо. И может, если я повторю это себе еще несколько раз, то смогу поверить.

Drew

ВСЕ ПРОШЛО НЕПЛОХО. Великолепная попка Анны Джонс покачивается, когда девушка уходит от меня. Идеальное сочетание шуршания складок ее черной юбки и подпрыгивания ее рыжих локонов. Я хочу схватить Анну и прижать к ближайшей стене, чтобы испробовать вкус ее терпких губ. Я бы даже был не прочь ее укусов, если бы за ними последовали ласки ее языка.

Но это вряд ли. Я остаюсь стоять на месте, пораженный и разочарованный — да, спасибо, мисс Джонс, сейчас я отлично осознаю эти эмоции — они поражают меня, подобно сильному удару в живот.

— Черт, — я тру свои ребра, ощущая фантомную боль.

Она становится еще сильнее, когда я вижу приближающегося Грея. Он — мой лучший друг и коллега по команде. Мы познакомились в Manning Passing Academy (*футбольный лагерь при университете Луизианы — прим. пер.*), когда нам было по 15 лет. Мы оба были из Чикаго, хоть и из разных районов, и до определенного момента играли за разные команды, даже не разговаривая друг с другом. Когда мои родители умерли, Грей был единственным, кто мог меня понять, потому что годом ранее потерял свою мать, умершую от рака груди. Сейчас же он знает меня лучше, чем кто-либо из живых. Это, наверное, отстойно.

Наглая усмешка Грея широкая и довольная.

— Полнейший провал, а, мужик?

Я смотрю на него, раздражаясь от этой его тупой улыбки.

— Мне никогда не следовало приобщать тебя к славе *Больших парней* (*имеются в виду самые известные люди университета — прим. пер.*). Ты этого не заслужил.

Он смеется, и я закатываю глаза.

— И сколько ты ждал, чтобы использовать на мне эту фразу?

— Около четырех с половиной лет, плюс-минус, — он закидывает свою мускулистую руку мне на плечи и пытается нагнуть мою голову и дать щелбан. Но я уклоняюсь, слегка ударяя его в голову со стороны. Хотя мне очень хочется стукнуть его посильнее. Я сейчас не в настроении. Но Грея это особо не заботит. Он по-прежнему улыбается.

— Что случилось? Рыжая не ответила на крик "Бойца"?

— Иди на хуй, Грей, — в моем ответе нет и намека на тепло. Мои мысли все еще сфокусированы на Анне, а тело так и зудит желанием последовать за ней. Черт, я совсем тронулся умом. Печаль переполняет меня, когда я вздыхаю и смотрю в ту сторону, куда она ушла — сбежала — подальше от меня. Словно я был заразен, а ей нужно было уберечься от болезни.

Вот же невезение. В моей голове все еще стоит гул голосов, настойчиво гласящих: *Она, она, она!*

И совсем не здорово, что голоса в ее голове, кажись, говорили ей: *Беги, беги, беги!*

Я не понимаю этого. Я ей не лгал, и не думаю, что ошибся, сказав о нашем обмене трахающими друг друга взглядами в течение всего прошлого месяца. Хорошо, что я не назвал эти взгляды "трахающими", потому, что за подобное она, вероятно, оторвала бы мне яйца. Хотя, признаться, я не против, чтобы Анна коснулась моих шаров...

— Черт, — я сжимаю свою переносицу. Усиливая нажим, когда осознаю, что Грей все еще наблюдает за мной.

— Чувак, — говорит он, — расслабься. А то это становится странным.

— Почему? — возмущаюсь я. — Потому что мне нужно поработать, чтобы достичь этого? Хоть раз?

Мазохисту во мне нравится происходящее. Ему нравится, когда Анна злиться на меня и выводит из равновесия. Вот только если бы она это делала, пока я целую ее шею, ощущая вибрации ее голоса, или если бы она обернула свои бледные ноги вокруг моей талии во время наших споров, а я бы врезался в ее жар, вызывая ее стоны между очередными аргументами.

Я делаю глубокий вдох. И еще один. Я такой больной ублюдок, потому что прямо сейчас Грей мог бы заметить мой стояк. Но слава богу за джинсы. И за тот факт, что Грей все еще слишком занят своей болтовней, чтобы посмотреть вниз.

— Секс не должен быть работой, — настаивает он. — Он должен быть легким. Девушки приходят к нам, проводят хорошо время, и мы отправляем их куда подальше, говоря спасибо, ну, и возможно, шлепаем по попке, если они особо отличились.

— Мне жаль твоих сексуальных партнеров.

— Зато они хорошо проводят со мной время, — говорит Грей. — Это реально клевое время.

— Уверен. Ты позволяешь им проделать всю работу, пока лежишь, будто ленивое дерьмо. Звучит здорово, правда, девчонки?

Он кривится, глядя на меня.

— Ну, это ты сейчас звучишь, как девчонка.

— Если бы я был девчонкой, то точно бы не трахался с тобой.

— Ты бы мог сделать нечто похуже... — Его лицо становится красным. — Черт. Давай остановимся? Я ненавижу, когда ты коверкаешь мои слова.

Я не могу сдерживать усмешку. Анне кажись, нравилось, что я перекручиваю смысл ее слов, ну, до того, как она сбежала. И я опять печально вздыхаю, что делает меня полнейшим простофилей. Но, черт возьми, я хочу поговорить с этой девушкой.

Возможно, она считает, что я жажду от женщин того же, что и Грей. Простой интрижки. Возможно, мне стоит сказать ей, что я желаю большего. Я жажду ее. Со всеми ее острыми подколками, сладкими изгибами и неотразимостью.

Но не будет ли подобное заявление слишком навязчивым? Черт, я не знаю. В одном Грей прав, с меня выйдет крайне хреновый преследователь. Но кое в чем я знаю толк, в практике. Я довел свои навыки до совершенства именно благодаря практике.

Анна все еще не спускалась со второго этажа. Так что я могу подняться и отыскать ее.

— Если мои попытки добиться девушки тебе так надоели, — говорю я Грею, не отводя взгляд от лестницы на второй этаж, — то я убираюсь с глаз долой.

Я несильно толкаю его в грудь и ухожу.

ДОМ БОЛЬШЕ, ЧЕМ кажется снаружи. Коридор второго этажа представляет собою длинный и темный лабиринт, растянувшийся на два крыла в подобии Г-образной формы. Несколько комнат заняты, и исходящие из них звуки не вызывают в этом сомнений. Холл пуст, вероятно, народ возвращается вниз, как только заканчивают использовать данные комнаты по назначению.

Я продолжаю идти, осторожно прислушиваясь к звукам за дверьми, пытаюсь найти пустующую. Мне нужна ванная, и я не готова столкнуться с кем-нибудь до того, как найду ее.

К счастью, маленькая уборная в конце коридора свободна. Заглядывая внутрь, я глубоко вдыхаю и медленно выдыхаю. Тишина здесь — это блаженство, ее нарушает лишь доносящиеся приглушенные звуки басов музыки. Моя кожа покраснела, а сердце все стучит как умалишённое. словно я бегу милоу в минуту. Хуже того то, что часть меня хочет вернуться вниз, к *нему*.

Ругая себя, я включаю холодную воду и подставляю под нее руки, а затем немного брызгаю на затылок. В отражении зеркала видно, как покраснели мои щеки, и как блестят глаза. Я выгляжу взволнованной.

— Черт.

Я аккуратно вытираю руки и шею, делая еще один успокаивающий вдох, и покидаю ванную. Практически врезаюсь в кого-то. Мои плечи ударяются о холодную стену у меня за спиной, когда отступаю от этого человека. Это Бэйлор, по выражению его лица ясно, что парень так же как и я сбит с толку; он не ожидал, что я в него врежусь. Вот только Дрю, почему-то, подходит ближе, нарушая мое личное пространство, и мои мысли рассеиваются. Его взгляд такой пристальный, такой решительный — это все, что я могу сейчас видеть.

И то, что мы здесь одни — все, о чем могу думать. Окончательно. И бесповоротно. Я не могу смотреть на него. Не прямо. Он будто солнце, сияющее так ярко, что ослепляет.

— Почему ты здесь? — мой голос тише шепота в этом маленьком пространстве.

Звук его голоса не громче моего.

— Потому что хочу тебя.

Пол уходит из-под ног, его признание крадет у меня весь кислород. Кажется, что Бэйлор и сам шокирован собственными словами, его глаза расширяются, а губы приоткрываются. Но спустя всего секунду он принимает их и распрямляет свои широкие плечи.

— Скажи мне, что ты не хочешь меня так же сильно, и я уйду.

Мой рот открывается, отрицание почти слетает с моих уст, но тут Дрю тянется ко мне. Это простое прикосновение, кончики его пальцев едва касаются моего локтя, будто он собирается отвести меня обратно вниз. Это крайне мизерный контакт наших тел. Ничего серьезного. И тем не менее, для меня это все. Это прикосновение посылает тепло и дрожь по

коже со скоростью молнии, и мое дыхание замирает.

Его реакция вторит моей. Мы смотрим друг другу в лицо, будто бы ища подтверждения. И видимо он находит его в моих глазах, понимает, что не одинок в своих ощущениях.

Мы оба не произносим не слова. Горячая и густая кровь струится по моим венам, пока его пальцы медленно, невыносимо медленно, скользят вверх по моей руке. Его пульс учащается, что визуально заметно по тому, как бьется жилка под золотистой кожей на его шее. Мне хочется лизнуть это место, втянуть кожу Бэйлора в рот и пососать. Я хочу его. Хочу его так сильно, что практически горю.

Тихий, болезненный звук вырывается из меня, когда костяшки его пальцев проходятся по внутренней стороне моего предплечья, прямо возле груди. Глубоко внутри зарождается дрожь, нарастающая пульсация, стремящаяся проявиться в прерывистом дыхании и влажных трусиках.

Что я делаю? Это же Дрю Бэйлор. Ничего хорошего не выйдет. Мне нужно быть сильной. Нужно остановить происходящее. Уйти.

Но вместо этого я вздрагиваю, наклоняясь к его руке, желая и нуждаясь в *нем* так сильно.

Его губы открываются, и Дрю вздыхает, словно прикосновение ко мне дарит ему облегчение и боль одновременно. Почему-то моя рука ложится ему на бедро, ощущая твердость кости под его кожей. Он напрягается, видно, как сжимаются мышцы его бицепса. И в следующее мгновение мои пальцы крадутся под его рубашку.

Его кожа горячая, будто Дрю горит изнутри. Моя ладонь скользит по его рельефным мышцам, гладким и упругим, пока ткань его рубашки щекочет тыльную сторону моей руки. Он стоит абсолютно неподвижно, потому его дрожь ощущается подобно землетрясению. Мой большой палец натывается на его сосок, и дыхание Дрю вовсе прерывается. Маленькая выпуклость его соска под моим пальцем так возбуждает меня, что я прикусываю губу в попытке не застонать. Но мои действия не остаются без ответной реакции. Дрю с трудом сглатывает, а его трепет усиливается.

Я сильно надавливаю большим пальцем на его плоть.

И сдавлено хрипя, он делает шаткий шаг вперед, его предплечье ударяется о стену возле моей головы, а тело нависает над моим. Теплое дыхание ласкает мою щеку, а звук его свистящих вдохов доносится до моего слуха.

Бэйлор стоит так близко, что его пьянящий аромат и жар тела обволакивают меня. Я вдыхаю этот свежий, чистый запах, и мои мысли проясняются. Не в силах сдержаться, я вонзаю ноготь большого пальца в его сосок. Он стонет, а его бедра дергаются, натягиваясь как струна. После чего он отвечает на мои действия.

Указательный палец Бэйлора подцепляет лямку моего топа. В один момент он проводит пальцем вверх и вниз по лямке, играя с ней, с каждым движением пододвигая свою руку все ближе к моей груди. А потом дергает, сдвигая лямку с моего плеча.

О, боже. Мои веки трепещут. Я хочу закрыть глаза, но не могу. Мой взгляд прикован к его пульсирующей венке, а все мое сознание сфокусировано на его пальце, медленно тянущем вниз лямку майки, царапая ногтем мою руку и высвобождая округлость моей болезненной груди, которая к этому моменту уже налилась. Не думаю, что когда-либо мое тело и грудь были столь чувствительны.

Топ соскальзывает еще немного, открывая больше голой кожи.

Быстрее, — хочется крикнуть. К тому времени как край топа достигает твердой

бусинки моего соска, я дрожу. Однако дальше материал не движется.

И мы оба задерживаем дыхание. Его сердце гулко и быстро бьется под моей ладонью. И я не глядя, ощущаю его жадный и горячий взгляд. Я хочу, чтобы он смотрел на меня. Хочу открыться перед ним.

Звук смеха прерывает этот момент, и стены вздрагивают от глубоких басов музыки. Кто угодно может застать нас здесь, увидеть, как Дрю стягивает с меня топ. И как будто подумав об этом же, Бэйлор перемещает свое тело, прикрывая меня от посторонних взглядов. Этот незначительный жест его уважения ломает все мои стены. Прикусывая губу, я выгибаю спину именно в ту секунду, когда Дрю еще раз дергает за мою ляжку. Мой сосок выскальзывает на свободу.

Бэйлор издает гортанный звук. Его дыхание обдает мне ухо, когда большая рука накрывает мою грудь. Удовольствие от его прикосновения невероятно острое. На мгновение я ощущаю облегчение, но за ним следует новая волна мучительного желания. Я еще сильнее выгибаю спину, от чего моя киска сжимается.

Дрю не двигается, просто смотрит на свою загорелую руку на фоне моей бледной груди, на мой розовый сосок, торчащий как раз между его пальцами. Быть может, он пытается понять смысл происходящего. Или может Бэйлор просто смакует момент. Его язык скользит между губ, облизывая нижнюю. Иисусе, я тоже хочу ее облизать. Но стараюсь не двигаться.

Подушечкой большого пальца он проводит по моему соску. Одни раз, два, а затем нажимает.

И к местечку между моих бедер приливает волна горячего и сладкого удовольствия.

Вместо крика я выгибаюсь и скольжу по стене, тогда как мои колени дают слабинку. Но Дрю не дает мне упасть, оборачивая руку вокруг моей талии. Он держит меня. Держит неподвижно. Кончики его пальцев подцепляют мой подбородок и приподнимают голову. Наши взгляды встречаются. В его глазах хлещет похоть, словно темный жженный сахар. Его взгляд опускается к моим губам, тогда как его рот приоткрывается. Наклоняя голову так, что я ощущаю его дыхание на своей щеке, Дрю практически касается моих губ своими.

Не думая, я резко поворачиваю голову в сторону.

— Нет. Не в губы, — мне больно это говорить, потому что большая часть меня кричит. *Да. Сейчас. Пожалуйста.* Но я не могу. Глубинный неоспоримый инстинкт говорит мне, что если этот парень поцелует меня в губы, то я окончательно проиграю.

Дрю колеблется, его брови сходятся в хмуром выражении, а взгляд сканирует мое лицо, следуя от губ к глазам. Разочарованное рычание вырывается из его горла, когда он резко наклоняет голову вниз. Мое сердце подпрыгивает, когда рот парня касается моей шеи, прямо возле плеча. И больше я не в силах думать. От прикосновения его губ к моей коже по всему телу бегут мурашки. Он целует мою шею так, как поцеловал бы губы, открыто и влажно, словно хотел этого долго, дожидаясь возможности. Он целует меня со злостью. Будто наказывает за отказ подарить ему истинный поцелуй. Возможно, так и есть, но это не важно, так как ощущения чертовски хороши, настолько, что я ни за что не остановлю Дрю.

Неистовые поцелуи перемещаются на мое плечо, вдоль груди, пока Дрю опускается передо мной на колени. От последнего посасывающего поцелуя соска все мое тело вздрагивает, но Бэйлор движется дальше на юг, лаская руками мои бока и скользя ими по бедрам. Его пальцы проникают под подол моей юбки, задирая ее вверх.

О, боже. Мое дыхание становится прерывистым и шумным настолько, что это

привлекает его внимание. Когда он смотрит на меня снизу вверх в его взгляде читается вызов. Но я не могу остановить его, даже если захочу. Он тоже это знает, от чего атмосфера между нами сгущается. Я не могу пошевелиться, тем более запротестовать. Мое тело готово для Дрю, и я не в силах этого вынести. Если сейчас мы шелохнемся или остановимся, то все может исчезнуть. Возбуждение словно наркотик в моих венах. Холодная стена касается моих разгоряченных лопаток, когда я прислоняюсь к ней, пытаюсь найти опору. Он все еще смотрит на меня и медленно поднимает юбку вверх, дюйм за дюймом. Мои влажные трусики предстают прямо перед его лицом.

Я такая мокрая, что ощущаю прохладу от прикосновения воздуха. И как будто ощущая запах моего желания, его ноздри расширяются, и Бэйлор наконец опускает взгляд. Он стонет, словно от боли.

— Блядь. Святое дерьмо.

Верхняя часть моих бедер влажная.

Удерживая юбку одной рукой, второй Дрю раздвигает мои ноги. Я подчиняюсь, не думая. Я так сильно хочу, чтобы он коснулся меня, что дрожу. Мой клитор пульсирует в такт с биением сердца.

Его пальцы отодвигают в сторону мои трусики, а затем большой палец Бэйлора прижимается к моим влажным, опухшим складочкам. Я сдерживаю стон, пока весь мир начинает вращаться вокруг нас.

Дрю надавливает еще сильнее и медленно начинает поглаживать, чередуя нажим и скольжение по моей возбужденной киске. Не разрывая зрительного контакта, он наклоняется ближе, так, что его губы почти касаются моей плоти.

— Останови меня.

Мое сердце подпрыгивает к горлу. Я хочу этого так сильно, что мой голос невероятно хриплый.

— Останови себя сам.

Но он не останавливается. Даже и не думает. И прежде чем я успеваю еще раз вдохнуть, его рот накрывает мою киску. Белый свет вспыхивает у меня под веками, и я тихо и протяжно стону. Господи. Я не могу этого вынести. Удовольствие граничит с болью.

Сжимая зубы, я хватаюсь за короткие, шелковистые волосы у него на голове, будто Дрю — это якорь, способный удержать меня от затягивающего в свою пучину вихря темной потребности. Я не могу оставаться неподвижной. Потому толкаюсь бедрами к его рту, от чего мои сдвинутые в сторону трусики, врезаются в попку, добавляя контраст к ощущениям от прикосновений его языка.

— Да, — шепчет Дрю напротив моей кожи. — Блядь, да. Трахни мой рот, Джонс.

От его грязных слов мое тело горит еще сильнее. В впадинке на груди выступают капельки пота. Мои бедра дрожат, а киска пульсирует. Я бессвязно хнычу, еще сильнее выгибаясь. Коридор кажется темным туннелем, пока под нами бушует вечеринка. Осознание того, что мы делаем это в открытом пространстве, еще сильнее ускоряем мое сердцебиение, позволяя ярче ощутить воздействие Бэйлора на мое тело. Звуки его сладостных и влажных прикосновений, маленькие стоны. То, как его щетина царапает внутреннюю поверхность моего бедра; жар его рта. Он питается мной. Его большая шершавая рука удерживает мои бедра. И я не могу сбежать. Я его. И когда палец Бэйлора скользит внутрь меня, сгибаясь и нажимая на какое-то скрытое, идеальное местечко, он начинает сосать мой клитор сильнее, и я кончаю, сдавленно вскрикивая, до ощущения першения в горле.

Я наваливаюсь на него, и он подхватывает меня, оборачивая мои ноги вокруг своей талии. А затем направляется со мною на руках в ближайшую комнату. Я слишком расслаблена, чтобы волноваться о том, есть ли кто-то внутри. Нас встречает прохладная, темная тишина.

Мы останавливаемся у дивана, и Бэйлор убирает с него вещи, прежде чем опустить меня на подушки. Мои ногти подцепляют его рубашку, и я отчаянно дергаю ткань, пытаюсь освободить его тело. Мне нужно его увидеть, коснуться его кожи. Негромко ругаясь, Дрю стягивает рубашку через голову одним движением, от чего его волосы приподымаются и торчат. Мне удается бросить лишь один взгляд на его великолепную грудь, накачанные мышцы, поблескивающие в свете от уличного фонаря. Потому что затем он опускается ко мне, целуя мое горло, посасывая и скользя языком по моей коже. Я концентрируюсь на месте, от которого исходит удовольствие и жар, струящихся через мое тело. Его пальцы сжимают мои плечи, а затем перемещаются к краю топа и стягивают его к моей талии. Делая это, Бэйлор отстраняется и пробегает по мне жадным взглядом. Я приподнимаю свои обнаженные груди. Предлагая. Прося о его прикосновении. Я стала порочным созданием, нуждающимся в его ласках.

— Христос, — это рычание в темной комнате. — Ты такая...

Его голова опускается, и поток воздуха ударяет в мой напряженный сосок, а затем Дрю обрушивает на него свой горячий, влажный рот. Он втягивает его в рот и сосет. Это так распутно; его язык скользит и щелкает по моему соску, будто поедая тающее мороженное. Я чувствую его всем своим нутром, так, словно он облизывает меня везде. Его большая и теплая рука накрывает мою вторую грудь, сжимая и массируя ее с такой силой, что я начинаю беспокойно ерзать под его телом.

И когда Бэйлор тянет мой пульсирующий сосок, я выгибаюсь дугой, мои руки ложатся на его узкую талию, а губы припадают к его горячей коже плеча. На вкус он соленый и пахнет сексом. Костяшками пальцев я провожу по пуговкам на его джинсах, дергая. И через секунду его член у меня в руке. Я наслаждаюсь тем, какой он толстый, шелковистый и горячий, будто пульсирующее живое существо, подергивающееся в моих ладонях; и прежде чем возобновить свои поцелуи на моей шее, Дрю стягивает с меня юбку. Наши головы ударяются, а дыхание сбивается. Мы такие жадные к ласкам, так желаем коснуться друг друга.

Мои трусики идут следом за юбкой, и холодный воздух ударяет по влажной обнаженной коже. Бэйлор возвышается надо мной, в слабом свете уличного фонаря его лепленное тело выглядит словно произведение искусства. Расстегнутые джинсы свисают с его сильных бедер, а длинный член практически скрыт сумерками. Дрю сует руку в карман и достает бумажник. Его руки трясутся, и бумажник практически падает на пол, когда парень вынимает из него упаковку презервативов.

— Поторопись, — мои ноги дрожат, а киска так набухла и мучительно болит от желания. — Давай же. *Сейчас.*

Ругаясь, он разрывает упаковку. Перед глазами плывет, когда я тру, его обутой ногой по заднице. Дрю вздрагивает как от огня, а затем раскатывает презерватив, сгибая ноги и держа свой огромный член у основания второй рукой. Боже, его движения столь уверенные и такие порочные. Я больше не могу ждать. Я такая пустая, такая жаждущая.

Горячая кожа его груди касается моей, и я слышу шум его неровного дыхания. Мы вместе стонем, когда головка его члена проникает в меня. И *еще раз*, когда он толкается

глубже. Пока полностью не наполняет меня.

Мы замираем на мгновение, концентрируясь на ощущении его пульсации внутри меня. *Внутри меня. Дрю Бэйлор внутри меня.* Это похоже на самые грязные галлюцинации. Что-то столь нереальное и в то же время самое что ни на есть настоящее, то, что я переживаю прямо здесь и сейчас. И через мгновение он начинает двигаться. Толкаясь в меня глубоко и жестко. Сон это или нет, больше не имеет значения.

Каждый раз, когда он вколачивается в мое тело, то издает тихий мучительный звук, будто нуждается в большем, гораздо большем. И я его понимаю. Толстый член Дрю то заполняет меня, то оставляет опустошенной, пока его шелковистая кожа скользит вдоль моего тела, но мне все мало. Я горю, дрожу от удовольствия. Никогда бы не подумала, что так бывает.

Мои руки сжимают мышцы его спины и притягивают его тело ближе. Тело Бэйлора вибрирует, а его хватка перемещается с моей талии к попке, располагая ее так, как ему того хочется. И я позволяю ему это, потому что ощущения становятся еще лучше.

— Джонс, — хрипит он мне на ухо. Мы такие нуждающиеся друг в друге. Здесь, в темноте.

Так близко. Так близко.

Его губы касаются чувствительного места у основания моей шеи. И когда он прикусывает мою кожу, сильно всасывая ее в рот, одновременно с тем потирая мой клитор, я кончаю ярко и ослепительно.

Я словно освобождаюсь от чего-то, и Бэйлор сходит с ума, он вдалбливается в меня так резко и неистово. Наши глаза встречаются, и мое дыхание перехватывает. Его взгляд такой горячий и интенсивный. Я точно знаю, что он чувствует, потому что нуждаюсь в нем так же сильно. Мои пальцы поджимаются и ногти вонзаются в кожу его ягодиц. Все его тело напрягается, натягиваясь словно струна напротив меня, когда Дрю кончает, издавая гортанный стон, а его глаза все еще не покидают мои, удерживая меня взглядом до последнего спазма.

Уставшие и удовлетворенные, мы сплетаемся друг с другом, тяжело дыша.

Когда Бэйлор начинает говорить, его голос, словно гравий.

— Боже, Джонс. Это было... — фраза прерывается на половине, но его объятия становятся крепче. Будто парень не хочет отпускать меня.

Реальность — это прорубь, падая в который, ты погружаешься в глубокую и темную воду. А в последствии замерзаешь. Что же я наделала?

Drew

МЕНЯ ВСЕ ЕЩЕ трясет, когда я возвращаюсь домой. Мои руки бесполезны, и я даже не в состоянии расстегнуть пуговицы на джинсах с первого раза. Промахиваюсь мимо кранов,

когда хочу принять душ. В конце концов включаю на полную холодный вентиль.

Я все еще в шоке. Мое сердце колотится, словно я только что вернулся из спортзала. И кажется, мой организм не собирается успокаиваться.

Ледяная вода струится по разгоряченной кожи, и я шиплю.

Святое дерьмо, что только что произошло?

Анна Джонс буквально разрушила меня. Окончательно.

Воспоминания атакуют мой разум: то, как ее бледное стройное тело изгибается, прижимаясь к моему, то, как ее твердый сладостный сосок скользит в мой рот, мягкость и вес ее груди в моих руках. Я стону. Мои колени почему-то становятся слабыми, и приходится прислониться к стене, чтобы устоять на ногах.

Вода льется на мое лицо, попадая в глаза прежде, чем я успеваю их зажмурить. Но даже жжение воды не может остановить поток этих образов. Ее широко открытые округлые бедра. Ждущие меня. Небольшие кудряшки и блестящие от влаги припухшие губы ее киски. Ждущие меня. То, как я лизал и посасывал каждый дюйм этого подарка. Ее вкус все еще ощутил у меня во рту.

— Черт, — мой голос раздается на всю душевую кабину.

И несмотря на то, что кожа покрылась мурашками от холода воды, мне снова жарко. А мой член вновь твердый. Кончик моего возбужденного стояка прижимается к холодной плитке, и неосознанно я толкаюсь вперед, пытаюсь облегчить давление. Дерьмо. Я снова хочу ее. Сейчас. *Сильно.*

Я даже не пытаюсь себя ласкать. Это не поможет. Этот ублюдок хочет Анну, а не мою руку. К тому же, меня передергивает от мысли о мастурбации на образ Джонс, будто я бедный нищий.

Боже, было так унижительно наблюдать за ней, когда Анна осознала, что же наделала, как исказились ее черты, а в глазах появился ужас. Она ушла от меня так быстро, как только могла. А я сидел на корточках, как идиот, пока она натягивала свой топ, а затем поднялась с дивана. Ее трусики были, очевидно, безвозвратно утеряны, потому что Джонс просто вылетела с комнаты, пробормотав на прощание "Извини. Пока."

Она даже не позволила мне себя поцеловать. И это сильнее всего сжигает меня изнутри. Словно поцеловать меня было столь личным, что Анна не смогла бы этого вынести. Словно ей нужно было приравнять меня к какому-то случайному, безликому траху.

Я снова стону и пробегаю руками по волосам. Мои руки словно налиты свинцом, и я весь трясусь. Медленно поворачиваю вентиль горячей воды и опускаюсь на пол душевой. У меня только что был самый горячий, эротичный и переломный секс в моей жизни, и не думаю, что подобное удастся повторить. Сегодняшний вечер, явно, представляется Анне опрометчивой интрижкой. А я схожу с ума, потому что это было лучшее событие моей жизни.

ЭТОГО НЕ БЫЛО. Да, сделаем вид, что этого не было. Не было нависающего надо мною тела Бэйлора, его голая грудь не скользила по моей груди, его толстый, твердый член не погружался.... Мои ноги заплетаются. Ладно, это все было, и я не в силах изобразить обратное. Но на самом деле это и неважно. Это была... Космическая вспышка, небольшое отклонение от реальности. Все это было лишь интрижкой. Ни больше. Ни меньше. Я могу это сделать. У меня и раньше были интрижки. Трах — бах, спасибо, мужик. Похоть удовлетворена. Жизнь продолжается.

Глубоко вздыхая, направляюсь по коридору к своему классу.

Дерьмо на палочке. Бэйлор стоит у двери, прислонившись к ней спиной, его длинные ноги скрещены, а руки естественно сложены на широкой груди. Мое сердце стучит будто у испуганного кролика, который пытается сбежать от лисы.

Дрю наблюдает за мной, и на его лице появляется легкая самодовольная улыбка, от чего уголок рта парня вздрагивает.

Мое тело — предатель, так как от одного взгляда на эту улыбку пульс моментально учащается. А рот хочет улыбнуться в ответ. И чтоб хоть как-то уговорить свое тело, я прикусываю губу. Все становится еще хуже, когда подхожу ближе к Бэйлору. Сейчас я знаю его. Знаю, какова на ощупь его кожа, как ощущается его член глубоко внутри меня, какие звуки срываются с его уст, когда Дрю кончает.

— Эй, — говорит он.

И моя кожа покрывается мурашками. Бог мой, его голос. Его голос, шепчущий что-то напротив моей влажной киски. *Остановите меня кто-нибудь.* Я напряженно сглатываю.

— Эй.

Его улыбка становится шире.

— Я думал о тебе, Джонс.

— Не напрягайся.

— Такая враждебность, — теплое дыхание касается моей щеки, когда Дрю наклоняется ближе, пододвигая свое сексуальное тело слишком близко, отчего мой разум уже не может нормально функционировать. — Я думал, мы преодолели этот этап.

Я в персональном аду, потому что все, чего мне сейчас хочется, так это лизнуть его сильную шею, засунуть руку в его приталенные джинсы и схватить то, что мое. Я дергаю головой назад и фокусируюсь на его подбородке, потому что попросту не могу взглянуть Дрю в глаза. Трусиха.

— Ты прав. Давай перейдет к тому этапу, где мы "никогда не упоминаем и не думаем об этом снова".

Бэйлор хмурится.

— Мне не нравится твой вариант.

— А меня это не волнует, — я бросаю взгляд на двери за его большой широкой спиной. — Ты не мог бы отойти с дороги? Я бы хотела попасть на занятие.

Но он просто стоит, со скрещенными на груди руками, что интересным образом подчеркивает рельефность его бицепсов и предплечий, и пристально изучает черты моего лица. Я все еще не в силах встретиться с ним взглядом, что довольно раздражает.

— Ты смущена? — спрашивает Бэйлор, понижая голос.

- Нет. Это вряд ли. — *Да. Всецело.*

— Ты выглядишь смущенной. Твоя кожа румяная здесь, — он проводит пальцем вдоль моей щеки.

Я отталкиваю его руку.

— Я краснею, когда раздражена.

От его голоса по моей коже идут вибрации.

— Ты краснееешь не только в этом случае.

И вот сейчас мои колени подкашиваются. Я гляжу на него, видя в глазах Дрю жар и поддразнивание, еще сильнее смущаюсь и, быстро отведя взгляд, сосредотачиваюсь на мочке его уха. Милая, безобидная мочка уха. Такая милая, что я хочу ее прикусить.

— Ты себя так всегда ведешь после случайного секса? Пристаешь к девушке постфактум? Тебе нужны отзывы или что-то в этом роде, чтобы приласкать свое эго? Может ты еще спросишь дрогнула ли подо мной земля в тот миг?

Он поднимает руку и, говоря, начинает загибать пальцы.

— Мне не нужно спрашивать об этом, Джонс. Мы оба знаем, что земля исчезла в тот момент ко всем чертям собачьим. И у меня нет протокола поведения после случайного секса. Я мог бы пошутить о том, что реально нужно приласкать, но это было бы слишком просто. Если честно, я разочарован тем фактом, что данный вопрос так сильно тебя задевает, — он касается кончика моего носа, и его самодовольная ухмылка становится шире. — Я ожидал от тебя большего, вызова что ли.

— Ох! — я протискиваюсь мимо него.

— Ох? — смеется Дрю, когда я резко распахиваю двери в класс. — Это даже не английское...?

— Мистер Бэйлор, — обращается к нему профессор Ламберт, и ее светлые глаза выражают укор. — Мисс Джонс. Так здорово, что вы оба смогли порадовать нас своим присутствием. Не хотели бы вы занять свои места?

Я быстро киваю и направляюсь к своему месту вниз по проходу, при этом явно ощущая на себе каждый взгляд Бэйлора. Дрю следует за мной, и я не могу отделаться от ощущения его присутствия. Мое тело гудит, будто у него сейчас свой персональный счастливый час (*в Америке это время, когда подают двойную выпивку по цене одной-прим. пер.*)

Занятие тянется мучительно медленно. Ламберт дискусирует на тему утопического идеала Платона, и как я не пытаюсь сконцентрироваться на ее словах, мое тело, настроенное на волну Бэйлора, рушит все эти старания.

— А что скажите Вы, мисс Джонс?

Я подпрыгиваю от звука голоса Ламберт. Конечно же я поднимаю на нее взгляд, подобно разинувшей рот идиотке.

— Не могли бы Вы повторить вопрос? — выдавливаю я. Я не взгляну на Бэйлора, который очевидно сейчас самодовольно улыбается.

Губы Ламберт кривятся.

— Верите ли Вы в то, что утопия Платона могла затронуть современное общество?

— Нет, мэм, в это я не верю, — это довольно короткий ответ, но я слишком злюсь на присутствие Бэйлора, чтобы отвечать более развернуто.

— И почему же, мисс Джонс?

Верно. Я сдерживаю вздох и пытаюсь выглядеть невозмутимо.

— Потому что, по своей сути, его утопия была основана на понятии совершенства. На том, что совершенство возможно. А это не так.

— Постой, — перебивает меня Бэйлор, да так резко, что я гадаю, дожидался ли он этой возможности, чтобы привлечь к себе мое внимание. — Так ты говоришь, что нам не стоит стремиться к совершенству? — его глаза блестят, и я знаю, что Дрю забавляет провоцировать меня. — Довольно пораженческое отношение, *мисс Джонс*.

— Я утверждаю, что это недостижимо, *мистер Бэйлор*, потому что нет четкого определения понятия совершенства.

— А я согласен с Бэйлором, — говорит парень со второго ряда. Он одет в джерси с эмблемой команды Бэйлора, так что я не удивлена. В его взгляде читается обвинение. — Я имею в виду то, что если бы Дрю не пытался добиться совершенства, то мы бы не выиграли два Чемпионата под его руководством.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Это правда, — с готовностью вставляет Бэйлор.

Вот же ж задница.

— Есть разница между стремлением добиться ожидаемого обществом уровня в личном совершенствовании и стремлением достичь полной гармонии в личной жизни, — говорю я. — Одно из двух основывается на личных ожиданиях. Второе же базируется на следовании масс за мнением одного. А кто решает? Кто диктует эту утопию?

— Очевидно, что Платон, — усмехается мне Бэйлор.

Я сердито смотрю на него в ответ, но довольно сложно оставаться серьезной, видя его игривое отношение к ситуации.

— И конечно же неважно, что в реальном мире мы практически не имеем наглядного примера утопического общества, — говорю я.

Одна из девушек, с начала семестра восхищающаяся Бэйлором, поднимает руку, будто ей нужно разрешение, чтобы заговорить.

— А как насчет Атлантиды?

О, ёперный театр!

Я сердито смотрю на Бэйлора, и он прикусывает губу, стараясь сдержать смех. И все, что могу поделать с собой, чтобы тоже не засмеяться, так это последовать его примеру. Я отвожу взгляд, прежде чем потеряю самообладание. Но тем не менее, ощущая Дрю рядом и зная, что он хочет засмеяться, мое собственное веселье нарастает. Меня настолько раздражает смех, что я едва улавливаю следующие слова Ламберт, и это хорошо, потому что если бы я расслышала их полностью, то точно бы захохотала. Сдавленный смешок справа вынуждает меня повернуться. Мой взгляд сталкивается с взглядом Бэйлора, и мы становимся серьезными, но ненадолго. Внезапно я вспоминаю последний раз, когда смотрела в его глаза. Когда он был глубоко внутри меня, а его толстый член пульсировал от кульминации, и когда кончая, Дрю издал тот сдавленный звук. Волна жара накрывает меня.

Должно быть это заметно со стороны. Я не знаю, как скрыть это. Улыбка Бэйлора исчезает, а губы приоткрываются. В одно мгновение его глаза становятся жидким пламенем.

Святые угодники, у меня проблемы.

Смутно я осознаю, что вокруг поднимаются люди. Занятие окончено. Но я не могу отвести взгляд от Бэйлора. Не когда он медленно встает со своего места. Не когда останавливается у моего стола и протягивает руку.

— Пойдем со мной.

И я иду, потому что не могу игнорировать внутреннюю потребность. Но я не касаюсь его. В тот момент, как я это сделаю, все будет кончено. Я наброшусь на парня прямо здесь и опозорю себя на людях. Возможно, ему это известно, потому что его рука безвольно падает и сжимается в кулак, словно Дрю нужно попрактиковаться в сдержанности.

Уголок его рта вздрагивает, когда парень осматривает меня сверху донизу. Я словно пища, которую он планирует поглотить. Одновременно, мы оба поворачиваемся и выходим из классной комнаты, делая вид, что все идет как обычно. Но внутри? Внутри я горю возбуждением. Снова. Как так снова получилось? Мой черный свитер душит меня, а тесная трикотажная юбка царапает чувствительную кожу бедер. Я хочу сбросить эти вещи. Хочу, чтобы кожа касалась кожи. Я хочу Дрю так сильно, что каждый шаг для меня — это борьба. Словно я иду по пояс в теплой мыльной воде.

Хоть он и не трогает меня, но каким-то образом все же подгоняет вперед, явно направляясь в какое-то определенное место. Жаль только, что мы не можем добраться туда в одну секунду.

От нетерпения из меня вырывается сдавленный всхлип, и шаг Бэйлора ускоряется, а его рука за висает прямо у меня за спиной. Я тоже ускоряюсь, осознавая, что мы движемся в сторону огромной главной библиотеки, находящейся в конце коридора исторического факультета. Люди приходят и уходят, шагая вверх и вниз по ступеням колонной галереи. Не обращая внимания на нас. Ощущая густой жар, окутывающий мое тело и грозящий расплавить его в мгновение, я дохожу до пропускного пункта. Возбуждение настолько поглотило меня, что мне едва ли удастся достать свой студенческий и провести им по сканеру. У Бэйлора все выходит немного проще.

Еще один быстрый взгляд в его сторону буквально убивает меня, я трясусь, когда направляюсь к лифту. Боже. Я не могу быть с ним здесь. Не могу обернуть свои ноги и руки вокруг его крепкого тела. Не могу зубами прикусить его твердую плоть. Или опуститься на колени и...

Дверь открывается, и мы заходим. Как и еще трое студентов.

Я сжимаю зубы так сильно, что слышен щелчок.

Бэйлор стоит рядом, и его рука почти что касается моей. Я чувствую это каждой клеточкой тела. Мы не смотрим друг на друга. Не разговариваем. Он нажимает кнопку верхнего этажа, на котором расположен отдел с редкими фолиантами. Библиотека Сибири. Гавань.

Постепенно люди выходят на других этажах, и мы остаемся одни. Но ни один из нас не смеет шелохнуться. Как только дверь открывается, мы бросаемся из лифта. Мы идем так быстро, как только можем, не переходя при этом на бег. Горло першит, между ног нарастает напряжение, а соски упираются в чашечки лифчика.

Кроссовки Бэйлора не издадут не звука, пока он идет по отполированному линолеуму, в то время как мои ботинки на каблуках непрерывно цокают. На этаже нет ни души, и так тихо, что я могу слышать свое собственное неровное дыхание. Мы направляемся в конец зала, к самому дальнему ряду книг. Мои колени почти сгибаются, когда Дрю берет меня под

локоть. Прикосновение обжигает.

В секунду, в которую мы достигаем скрываемого тенями ряда, Дрю притягивает меня к себе и разворачивает лицом к книжным полкам. Не церемонясь, он задирает мою юбку к талии. Грубо и решительно Дрю тянет мои бедра назад, практически поднимая мою попку в воздух, тем самым ставя меня в желаемое им положение. И все, что я могу сделать, так это поблагодарить его и умолять поскорее трахнуть меня. Мои пальцы хватаются за край стальной полки и немного скользят из-за потных ладоней.

Дыхание Дрю — это безудержные неконтролируемые звуки за моей спиной; жар его тела ощущается напротив моей голой кожи. Я прижимаю губы к своему влажному от пота запястью и выгибаю спину, предоставляя Бэйлору лучший вид на мое тело. В воздухе повис звук расстегивающейся молнии и рвущегося пакетика фольги. Мои дыхание замирает, а в животе натягивается струна.

Его рука отодвигает в сторону мои трусики. А один палец поглаживает, проверяя, насколько я влажная. *Да. Да.* И затем он толкается. Жестко. Я прикусываю внутреннюю сторону губы, сдерживая крики.

Его член такой твердый. И мне так, так хорошо. Он так глубоко во мне, что пальчики на ногах поджимаются, а моя киска пульсирует вокруг его толщины. Пальцы Бэйлора с силой сжимают мои бедра, притягивая ближе к себе, насаживая глубже на его стояк. Едва уловимый звук стоны доносится до моего слуха, словно Дрю тоже сдерживает свои крики. Я не могу этого вынести. Он слишком большой. Слишком глубоко. И тут он начинает двигаться, быстро и иступлено вколачиваясь.

Мои глаза закрываются, когда бедра ударяются о его пах раз за разом. Возбуждение и похоть струятся электричеством по коже, сопровождаясь острыми всплесками наслаждения. Вокруг царит тишина, которую нарушает лишь наше приглушенное дыхание и влажные звуки шлепков плоти о плоть. Его джинсы все еще одеты на бедрах, и я ощущаю, как ткань соприкасается с кожей моей попки при каждом толчке. В наших действиях нет ничего от вежливости или толерантности. Он неукротимо трахает меня.

Мои кулаки сжимаются, пока пытаюсь не издавать лишних звуков, и от этого начинаю сильнее дрожать.

Руки Дрю скользят с моих бедер под рубашку. Его кожа такая горячая, а ладони такие приятно грубые, что я не могу удержаться от резкого и шумного вдоха. Проскальзывая под мой лифчик, он сжимает мои груди и держит их, продолжая меня трахать. И это меня убьет. Уверена. Я чуть ли не кричу, когда Бэйлор сжимает кончики моих сосков пальцами и пощипывает их в такт своих толчков в меня.

Святое. Дерьмо.

Мой оргазм накатывает целым рядом волн, влагалище пульсирует и сжимается вокруг его члена. И он не сдерживается. Его рот накрывает чувствительное место у меня на шее, когда оргазм накрывает его следом за мной. Рука Дрю проникает ко мне в трусики, и кончик пальца ложится на мой клитор, от чего я кончаю еще раз.

Мысли разлетаются будто сухие листья на ветру, оставляя мне лишь одну. Мне никогда не будет достаточно Дрю Бэйлора.

Drew

МОИ МЫСЛИ СПУТАЛИСЬ, дыхание неровное; я закрываю глаза и пытаюсь успокоиться. Боже. Это было... У меня нет слов. В ногах такая слабость, что могу в любую секунду грохнуться на пол. Из-за острого наслаждения тело вздрагивает, а руки крепче держат Анну. Мне повезло больше чем на мгновение прислониться к ее теплому телу, дышать ею, прежде чем девушка снова попытается игнорировать мое существование, как таковое. Она извивается, и я выскользываю из нее; из меня вырывается стон от потери жара ее тела, но, кажется, я не могу даже пошевелиться.

— Отпусти, — шипит она и бьет меня локтем в живот. Я знаю, что она права, нас не должны увидеть в подобном виде. Но, черт возьми, мужчине нужна минутка после такого. Шатаюсь, я отстраняюсь от нее и стягиваю презерватив — один из тех пяти, что сегодня утром положил в свой бумажник, потому что надежда умирает последней — и завязываю его, прежде чем оглянуться по сторонам. Куда же его выбросить?

Анна смотрит на мой член или скорее на тот факт, что он болтается в воздухе. Я корчу раздраженную гримасу, заталкивая свое достоинство обратно в штаны, после чего застегиваю молнию. Замечая мусорный ящик в дальнем углу, я бросаю презерватив в пустой контейнер — ага, меня не волнует, что кто-то может его найти.

К тому моменту как я возвращаюсь к Анне, она уже заправила свою рубашку, но ткань все еще торчит как попало. Глубоко вдыхая, она разглаживает юбку, проводя руками вдоль бедер. От этого зрелища у меня вновь возникает желание задрать эту вещицу. Но тут Анна собирает свои длинные волосы и перекидывает их через плечо.

— Это не может повториться.

Я фыркаю.

— Это произойдет снова. Ты могла бы уже признать данный факт.

Раздражаясь, она проводит рукой по волосам и смотрит на меня.

— Нет. Это. Не повторится.

— Да. Это. Повторится, — я не хочу быть мудаком, но и не стану обманывать. — Я хочу тебя. А ты хочешь меня, — ироничный смех срывается с моих уст. — Однако, я считаю, что слово "хочешь" — это скорее преуменьшение. Возможно, уместнее употребить "жаждешь". Несомненно будет к месту словосочетание "сходить с ума".

Анна заливается румянцем, а ее губы, которые я все еще не испробовал, поджимаются. Я хочу ее поцеловать. Хочу этого так сильно, что мои губы пульсируют от потребности. Но я попал в цель, заметив, как Анна подпрыгнула, услышав мое "сходить с ума".

Инстинктивно, я хватаю ее запястье и притягиваю девушку ближе, отмечая, что она не сопротивляется. Я подношу ее руку к своей промежности, где снова нарастает эрекция — такова регенеративная способность нуждающегося члена.

Насыщенный румянец покрывает ее щеки, и черт бы меня побрал, если она сейчас не сжимает в ладошке мой стояк, достаточно сильно, чтобы с моих уст сорвался сдавленный всхлип.

— И так каждый раз, стоит мне подумать о тебе, — я наклоняюсь ближе к ней, вдыхая запах теплых пряностей ее ароматных волос и сохранившийся запах секса на ее коже. — Я только что взял тебя, и уже снова хочу оказаться внутри твоей киски, довести тебя до оргазма. Так что не говори мне остановиться. Не тогда, когда ласкаешь меня вот так.

Анна отдергивает свою шаловливую руку.

— Ладно, хорошо. Ты получил меня. Я тоже тебя хочу, — она наклоняет голову, и ее локоны падают на лицо, скрывая его от меня, но я все еще слышу ее слова. — Сильно.

Анна себе даже не представляет, что это единственное слово творит со мной. Возможно, знай она это, не была бы столь жестокой. Не иметь возможности прикоснуться к ней, не утащить еще в наше уединенное место и не трахнуть еще раз — это пытка. Вероятно, я бы не продержался дольше двух минут, прежде чем осуществить свои желания. Но Анна разворачивается и раскачивающейся походкой шагает к лифтам. Я следую за ней.

— Мне все еще не удастся увидеть в этом проблему, Джонс. Давай сходим на свидание. Ну, знаешь, как нормальные люди, которые делают друг с другом подобные вещи?

Все, что я получаю в ответ — косой взгляд.

— Послушай. Я не жажду отношений. Особенно с тобой.

Я перебиваю ее.

— Почему не со мной?

— Мы слишком разные, — она нажимает кнопку вызова лифта и смотрит на двери. Сбегаает.

Но я ей не дам.

— Мы схожи во всех возможных образах, — почему она не видит этого?

Анна повернута ко мне спиной, напряженной и негибкой.

— Ты мне даже не нравишься. А я не нравлюсь тебе.

Вау! А это обидно. И так некстати.

Я прислоняюсь плечом к панели двери и наклоняюсь так, чтобы оказаться в ее поле зрения.

— А вот тут ты ошибаешься. Ты мне нравишься. Сильно, — я отвожу взгляд, пытаюсь не морщиться, а затем заставляю себя снова взглянуть ей в лицо. — И прости, если я не нравлюсь тебе.

Она вновь наклоняет голову, и ее бледные щеки покрываются румянцем.

— Извини, — Анна качает головой, а затем откашливается. — Было крайне необдуманно сказать подобное. Ты мне нравишься. Я просто... — она поднимает руки в беспомощном жесте. — Прямо сейчас я не хочу строить никаких отношений.

Разочарование наполняет мой живот подобно сорвавшемуся с горы валуну.

— Ладно. Тогда мы будем просто трахаться, — я спокойно смотрю на нее, пока звенит звоночек, свидетельствуя о прибытии лифта, и двери открываются. — Но только потому, что я готов принять все, что ты мне предложишь.

Я ОПАЗДЫВАЮ НА обед с Айрис и Джорджем. Называйте это столкновением заряженным снарядом. Я даже не предаюсь иллюзии, что ребята не догадаются о моем сексе с Бэйлором. Что касается сокрытия тайн, я полнейший неудачник; к тому же Айрис подозревает что-то еще со вчерашнего вечера, когда я пропала с вечеринки.

Часть меня хочет обсудить происходящее. Нет-нет, не Бэйлора, потому что сама только идея, что он может поделиться деталями нашего секса со своими друзьями вызывает во мне отвращение, а я отказываюсь быть лицемеркой. Мне просто нужно обсудить с кем-то собственное помешательство. Не могу поверить, что трахнулась с ним снова. И среди всех мест выбор пал на библиотеку. Кто угодно мог нас увидеть. Ирония того, что я боюсь быть замеченной с ним рядом в обыденной ситуации, при том что позволила взять меня в общественном месте, не ускользает от меня.

Невольно, я начинаю думать о Дрю, стоящем передо мной на коленях, тогда как его голова зарыта между моих ног. Мои щеки горят, а порочное тепло разливается по задней части моей попки, пока я захожу в ресторан в стиле пятидесятых, расположенный за пределами кампуса. Милостивый Господи, я хочу развернуться, отыскать Дрю Бэйлора и повторить все еще разок. Теперь я знаю, что секс с ним несомненно лучше всех когда-либо пережитых мною опытов по этой части. Все дело в Дрю, в том, как я реагирую на его тело, его прикосновения и голос. И это пугает меня до чертиков.

Ты мне нравишься. Сильно.

Черт возьми. Если бы только он был кем-то другим. Кем-то другим. Обычным парнем. Как и я, никем. Но он не таков и никогда не станет простым. Когда я думаю о внимании общественности, которому подвергается Дрю и о каждой, с кем он был, то хочу сбежать в горы и спрятаться.

Глубоко вдыхая, я приказываю себе успокоиться. Все кончено. С меня хватит.

Айрис и Джордж уже заняли одну из кабинок в ресторане. Джордж поворачивается в мою сторону, замечая меня первым, и приподнимает бровь в немом укоре.

— Простите, — говорю я, проскальзывая за стол и садясь рядом с Айрис. — Я потеряла счет времени.

— Мы заказали для тебя ванильный шейк и картошку фри, — говорит Джордж. — Не выбери что ты еще хочешь.

Со своим ростом в 6 футов (~183 см — прим. пер.) Джордж гораздо выше Айрис, учитывая что ее рост 5,3 фута (~162 см — прим. пер.), но тем не менее они во многом схожи: их мексиканские корни выразились в темных глазах, обрамленных густыми ресницами, медово-золотом оттенке кожи и глянцевого черных, как воронье крыло, волосах.

Официантка приносит наши напитки и картошку, при этом задерживая взгляд на Джордже.

— Вы уже решили что хотите?

— Я всегда знаю, чего хочу, — отвечает он с наглой уверенностью, от чего официантка заливается краской, а мы с Айрис закатываем глаза. Не то чтобы я могла осудить официантку. Джордж невероятно красив. И хоть я осознаю это, наслаждаясь его внешностью на эстетическом уровне, но никогда не ощущала по отношению к этому парню сексуального влечения. И это хорошо, потому что его дружба для меня важнее, чем снятие физического напряжения.

Мы заказываем бургеры, и как только официантка уходит, Айрис разворачивается ко мне и внимательно разглядывает.

— Итак... ты собиралась рассказать нам, откуда взялся этот крайне огромный, украшающий твою шею, засос?

Дерьмо. И словно ее замечание нажало невидимую кнопку во мне; это место возле изгиба шеи и ключицы начинает пульсировать. Воспоминания наваливаются, как будто рот Бэйлора вновь касается моей кожи, а его язык скользит по моей шее прямо перед тем, как Дрю жестко всасывает мою плоть. Я даже не хочу знать, насколько заметно это свидетельство моего недавнего разврата.

Глаза Джорджа вспыхивают, когда он наклоняется вперед.

— Это красиво. Кто наш герой? Или это девушка? Боже, — говорит он, прикладывая руку к сердцу, — пожалуйста, скажи, что это девушка.

Я бросаю салфетку ему в голову.

— Это Дрю Бэйлор, — говорит Айрис. — Верно?

Вздрагивая, я занимаю свой рот тем, что втягиваю огромный глоток молочного коктейля через трубочку.

— Да ну, — кричит Джордж со смехом. — Серьезно, Рис, прекращай дурить.

Холодный стакан в моей руке с силой ударяет о стол.

— Почему тебе это кажется смешным? — выпаливаю я. — Неужто я такая корова, что сама идея о том, что Бэйлор может мной заинтересоваться, смешна?

Хихиканье Джорджа застревает прямо у него в горле, и парень выпрямляется.

— Ты надо мной издеваешься? Ты великолепна. Бэйлору бы очень повезло даже приблизиться к тебе.

— Ладно, спасибо, — говорю я, немного смягчаясь, и в то же время дрожа всем телом. Черт, это снова происходит. Неверие. Допрос. Почему Бэйлор мог выбрать меня? Я сама хотела бы знать. Это уязвляет мою гордость и вызывает желание исчезнуть.

Джордж ерзает на месте, выглядя так, будто раздражен собственной вспышкой эмоций.

— Просто он и близко не твой тип парня. И ты уж точно не его тип девушки.

Скажи мне что-то, чего я не знаю, Джордж.

— Противоположности притягиваются, — распевает Айрис. А затем она практически нападает на меня. — Так это был Бэйлор? О мой бог, он такой же горячий, как я думаю? А размер его трусов соответствует размеру туфель?

Нос Джорджа морщится, словно унюхав какую-то вонь.

— Мы можем упустить это, Рис? Я же парень.

— О, правда? — она пожимает плечами. — Наверное, я забыла.

В ответ Джордж корчит рожу.

— Означает ли это, что ты хотела бы услышать подробности моих интрижек?

— Господи, нет, — говорим хором мы с Айрис.

Джордж смеется, но не упускает сути разговора.

— Так это был Боец?

Я хватаю кусочек картошки фри и макаю его в лужицу кетчупа.

— Разве так важно, кто это был?

— Да, — отвечают Джордж и Айрис хором.

— Проклятье!

— Ха! Ты проиграла, Рис. Молчи, пока я не назову твое имя. А это случится через час.

— Я не играю в эту уже порядком надоевшую игру, мальчик.

— Ты разбудила "проклятие". Так и начинается эта игра.

Оказавшись рядом, брат и сестра ведут себя, словно все еще учатся в четвертом классе. Я закатываю глаза и немного сползаю вниз. Возможно, они вообще обо мне забудут, если я воздержусь от ненужных реплик.

Но удача не на моей стороне. Темные глаза Айрис всецело сосредотачиваются на мне, словно она охотящийся ястреб.

— Ты бы могла уже нам рассказать все. Будет лучше, если мы узнаем правду, а не будем себе что-то придумывать.

Она права.

Я кручу в руке кусочек картошки.

— Выкладывай, Анна, — настаивает она.

— Ну, все так и было.

— Скажи это снова, — Джордж прикладывает руку к уху, но при этом широко усмехается.

— Ты слышал меня, — уверена, что ни за что не повторю это. Ненавижу тот факт, что вообще призналась в подобном. То, что произошло, было... Я даже не знаю, как описать это, но считаю, что оно принадлежит только мне. И Бэйлору. Никто больше не узнает деталей. По крайней мере от меня. Черт, расскажет ли Дрю об этом своим друзьям? Я пытаюсь не ерзать на месте.

Айрис визжит.

— Это было хорошо? О чем это я? Конечно, это было круто. Вы двое явно хотели друг друга. О, это так прекрасно!

Из-за энтузиазма Айрис несколько людей поворачиваются в нашу сторону. И вдруг у меня перехватывает дыхание. Железная рука страха касается моего позвоночника и запускает свои пальцы в мои легкие. Руки немеют.

— Ладно, хватит, — тон моего голоса довольно резкий, смертельно серьезный, и Айрис с братом удивленно смотрят на меня. Я пытаюсь успокоиться, но мне это не удается. Холод страха внутри вызывает дрожь. — Это не должно выйти за пределы данной кабинки ресторана. Никто не должен знать. Никто. И никогда.

Я не смогу справиться с происходящим, если люди узнают о нас. Просто не смогу. Не с этим. Не с возникшими в результате слухами. Дрю Бэйлор трахнул *это*? Достаточно уже того, что я и так ожидаю, когда же Дрю осознает, что совершил ошибку, связавшись со мной.

При одной этой мысли из моего горла вырывается рычание. Какого хрена я вообще думаю об этом? Я выше этого. Я не какая-то баба-яга. Мне не нужно стыдиться. Проклинаю себя за собственную паническую реакцию, я прижимаю горячие кончики своих пальцев к векам с такой силой, что перед глазами начинают кружиться звездочки. Черт, я не думала о себе негативно с 15 лет.

И не могу повторять эту ошибку вновь. Несмотря на безумные мысли о наших свиданиях, существующих лишь в голове Бэйлора, нет ни малейшей вероятности, что, такая как я, девушка, будет рядом с таким, парнем как он. Я провела слишком много лет, имея дело с невыносимой болью, выбираясь из ямы сомнений и неуверенности в себе, чтобы сейчас снова свалиться в пропасть самоуничтожения. Моему чувствительному либидо просто нужно принять холодный душ.

Я делаю прерывистый вдох. Все это время друзья смотрят на меня, будто у меня выросла вторая голова.

— Так мы все прояснили? — спрашиваю я.

— Абсолютно, — медленно говорит Джордж и хмурится. — Но ты и так должна была бы это уже знать.

Приступ раскаянья скручивает мои внутренности, но этого недостаточно, чтобы заставить сожалеть о сказанном.

Айрис кажется немного задумчивой.

— Я никому не скажу. Я не поступила бы... — она делает паузу, словно ее посетило озарение, а затем наклоняется ко мне ближе. — О мой бог, ты сделала это дважды!

Сейчас моя очередь впасть в состояние шока. Хватит уже ее успокаивать. И что за хрень? Это что за паранормальные явления?

Айрис смеется над моей реакцией, тогда как я не могу скрыть выражение ужаса.

— Этот засос свежий. А *я знаю*, что ты переспала с ним на вечеринке. Вы оба ушли наверх почти одновременно. И, — она указывает на меня пальцем в обличительном жесте, — вы оба спустились вниз в растрепанном виде.

— Я и не знала, что ты уделила мне столько внимания, — отвечаю я. — Думала, в ту ночь ты была занята засовыванием своего языка в горло Генри.

Джордж морщится от отвращения.

— Почему я вообще тусуюсь с вами? Не могли бы вы, *пожалуйста*, упускать все эти детали?

— Меня это устроит, — говорю я. — Мне даже нравится это правило, так что давайте кардинально сменим тему.

Закатывая глаза, Айрис хватается кусочек картошки.

— Конечно, я обратила внимание. Я знала, что это случится.

Я сажусь прямо, ударяя руками по поверхности дешевого стола.

— Постой. Что? Ты что..? Ты знала, что он там будет?

Без малейшего раскаяния, Айрис усмехается.

— Ну, да. Ни для кого не тайна, какие вечеринки планирует посетить футбольная команда. И как бы ты не отрицала очевидное, я знала, что Бэйлор тебе нравится. Тебя просто нужно было немного подтолкнуть в его сторону.

— Ты маленькая проныра, — я немного сержусь, но более того, я впечатлена. Она такая вероломная, а я даже и не замечала этого раньше.

Айрис пожимает плечами и хватается еще один кусочек картофеля фри.

— Если хочешь, можешь притвориться оскорбленной, но очевидно же, что тебе нравится трахаться с этим парнем, раз уж ты сделала это *дважды*.

— Окажи мне услугу, — говорю я, хмурясь, — и в следующий раз, как захочешь мне помочь, просто воздержись от этого.

— Ладно. В любом случае, мое дело уже сделано, — она сует картошку в рот и чересчур

активно жует.

Я очень хочу бросить кусочек еды ей в голову, но картошка довольно хороша, а я голодна.

— Два раза, — говорит Джордж спустя секунду. — Менее чем за неделю? Это похоже на отношения, Банана.

Я чуть ли не давлюсь картошкой.

— Ты ошибаешься.

— А вот и нет, — говорит он. — И тебе это известно.

Хорошо, случайная связь для притупления нерегулярной и неизбежной похоти — с недавних пор это мой новый стиль жизни. С того момента как я рассталась с Хайденом, второкурсником, то приняла решение не встречаться с парнем больше, чем один раз. Хайден. Гм. Я не хочу думать о мистере Тревожном Поэте и Успокаивающей его тревоги девушке. Тогда я думала, что мы родные души. Оказалось, что он считал своей родной душой вегетарианку и профессиональную участница протестов, Эмбер. Они бросили учебу и уехали завоевывать Уолл-Стрит. И я никогда больше их не видела. К сожалению, моя последняя встреча с Хайденом была памятной; как сейчас перед глазами стоит его голая задница, раскачивающаяся между волосатыми ногами Эмбер.

Предполагалось, что Хайден был безопасным вариантом, у него не было и десятой доли потенциала Дрю Бэйлора. Я не могу влюбиться в Бэйлора. И не влюблюсь.

— Итак, это случилось больше, чем один раз, — бормочу я. — Но все же происходящее не является отношениями или связью.

— Разве иметь с кем-то связь так уж плохо? — осторожно спрашивает Айрис.

Господи. Сначала Дрю, а сейчас Айрис. Что случилось с беззаботными и безбидными денечками извращенного секса в колледже?

— Мне не нужны, и я не хочу никаких отношений. Они лишь эмоционально выматывают. А для меня уже везение — собраться с силами, чтобы просто ходить на занятия. И зачем рисковать, пытаясь сблизиться с кем-то, если мы выпустимся и разбежимся кто куда уже через год?

— Это могло бы длиться и дальше, — начинает Айрис.

Но я качаю головой и хватаю еще одну палочку картошки.

— Это не стоит риска. Два случайных переписа не в силах построить прочные взаимоотношения.

Если только это не повторится снова. Ты могла бы уже признаться в том, что продолжения этой интрижки не миновать.

— Это начало, — говорит Айрис.

— Нет, — я качаю головой из стороны в сторону. — Я просто... Он... Мы...

— Ты вспоминаешь все местоимения? — спрашивает Джордж, и его губы подрагивают от улыбки.

— Ха-ха, — выдыхаю я. — Я не знаю, что происходит. Есть между нами что-то такое... — мои руки беспомощно поднимаются.

— Жирный прыщ, который нужно выдавить? — услужливо приходит на помощь Джордж. — Знаешь, весь такой возбужденный и пульсирующий, умирая от потребности в прикосновениях. Ты нажимаешь на него, все сильнее увеличивая давление, пока он не сдастся и бах! — Джордж легонько ударяет своими кулаками друг о друга. — Взрыв.

— Джордж! — Айрис бросает в него использованную салфетку, а я бросаю кусочек

картошки. Он взрывается смехом и потому не в силах отбить наше нападение. — Ты вызываешь у меня тошноту.

— Это крайне противно, — добавляю я, смеясь.

— Серьезно, — пыхтит Айрис, — может мама роняла тебя в детстве головой вниз или что-то в этом роде?

— Да, ну, — все еще смеется он, — ты же знаешь, что я прав.

— Я *не* хочу думать ни о каких парнях, которые меня...

— Трахают? — предполагает Джордж.

— *Которые в целом имеют ко мне хоть какое-то отношение,* — выдаю я, — с точки зрения прыща.

— Ага, ну, — Джордж крадет одну палочку моей картошки. — Мы бы тут не сплетничали на эту тему, если бы ты реально не хотела думать о парнях.

— О, я буду воспринимать тебя в дальнейшем как прыщ, — восклицает Айрис. — Знаешь, те глубокие прыщи, от которых жизнь кажется адом, выскакивающие на лице прямо тогда, когда тебе нужно выглядеть идеально.

— О, да ты точно любишь меня, сестренка, — Джордж посылает сестре воздушный поцелуй.

Айрис закатывает глаза, а затем поворачивается ко мне.

— Думаю, ты совершаешь ошибку.

— Согласна, — говорю я кратко, прежде чем нарочно перековеркать ее слова. — Эта ошибка больше не повторится.

The image shows the name 'Drew' written in a thick, black, cursive font. Above the letter 'w' is a 3D-rendered American football, tilted slightly to the right. The background is plain white.

КОГДА Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ДОМОЙ, Грей и Диаз ожидают меня на кухне. Моё настроение нереально хреновое, я почти сожалею, что дал Грею ключи, но тут чувствую запах, исходящий из большой кастрюли на плите, и мой рот наполняется слюной, от чего решаю, что не зря позволил ему время от времени вторгаться в мой дом. Я мог бы позвать его жить со мной, но каждый раз, когда во время выездных игр мы делим комнату с ним — и еще с двумя другими парнями — я понимаю, что с меня достаточно общения. К тому же, я люблю жить самостоятельно.

Когда мои родители умерли, мне вручили чек на два миллиона по страховым выплатам и два свидетельства о смерти. Я моментально опорожнил все содержимое желудка, а затем еще неделю не вылезал из постели. Я даже не собирался притрагиваться к этим деньгам. Я хотел иметь родителей, а не тот чертов чек. В конце концов, тренер убедил меня, что родители застраховали свою жизнь именно на такой случай, они хотели обеспечить меня. Это меня не утешило, но я все же немного оживился и позвонил финансовому консультанту, который вложил деньги в различные счета.

В прошлом году, когда в результате не очень приятных событий я познал истинное значение уединения, то купил маленький домик в стиле бунгало. Я не планировал жить здесь постоянно, но я потратил на его покупку наличку и за лето успел отремонтировать главную ванну и кухню. Когда буду готов, то продам дом с прибылью и верну вложенные деньги. Сейчас же это мое убежище.

Бросая ключи на столик в коридоре, я иду через открытую столовую, совмещенную с гостиной. После смерти родителей я сохранил несколько вещей: мебель из столовой и гостиной плюс любимый мамин свадебный сервиз, некоторые напоминания о моем детстве и фото. Раздать все другое было крайне сложно, это будто преследующий меня кошмар.

Возможно, некоторые люди могут подумать, что я просто так сохранил эту мебель, но в выбранном когда-то мамой диване, есть нечто успокаивающее, как и в кресле, купленном в Pottery Barn, или в журнальном столике, который родители купили во время загородных выходных, или в обеденном столе, который достался нам от моего деда по отцовской линии.

Грей и Диаз кивают мне, когда я прохожу мимо, направляясь в свою комнату. Приняв быстрый душ, я присоединяюсь к ребятам.

— Что ты готовишь, дорогуша? — спрашиваю Грея, и в ответ он бросает мне в голову дуршлаг.

В отличие от меня Грей умеет отлично готовить. Его мама была норвежкой, а норвежские женщины явно веруют в равенство выполнения всех семейных обязанностей. Так что Грей начал готовить еще с седьмого класса.

— Рагу, сладенький мой, — отвечает он с сарказмом. — А теперь принеси мне пиво, сможешь?

Диаз просто гогочет от веселья. Он — один из лучших защитников, с которыми мне доводилось играть, но парень особо неразговорчив. Вообще-то он абсолютно неразговорчив. Однако Диаз знает, как добыть хорошую, бесплатную еду, и это объясняет его присутствие здесь.

Я тянусь к холодильнику и потом бросаю Грею пиво. Приподнимаю бровь, глядя на Диаза, и он еще раз гогочет, а затем наконец-то отвечает.

— Дай мне лучше *Gatorade* (разновидность энергетического напитка компании *PepsiCo* — прим. пер.).

И литровая бутылка ягодного ароматного напитка летит в его сторону. Я даже не сомневаюсь, что он выпьет ее до дна.

Лично я обхожусь без алкоголя весь сезон, употребляя исключительно минеральную воду. Если честно, мне начала надоедать вода. Фактически, мне многое надоело.

Мы молчим до тех пор, пока не садимся в гостиной, чтобы поесть и посмотреть телик. И я благодарен за это молчание. Мне правда не очень хочется болтать. Рагу вкусное. Лучше всего того, что я ел на этой неделе. Черт, однажды я даже собираюсь попросить Грея научить меня его готовить, потому что есть еду на вынос и замороженные полуфабрикаты довольно утомительно.

Мой рот полон рагу, когда Грей начинает свои нападки.

— Итак, на чем вы с рыжей сошлись? — он смотрит на меня. — Ты добился своего?

И хоть я и не произношу и слова, Грей знает меня слишком хорошо, так что когда уголок моего рта напрягается от раздражения, он усмехается.

— Поздравляю, мужик. Наконец-то, черт возьми. Дрочить — не трахаться! — он качает головой, и я закатываю глаза.

Грея угнетает тот факт, что в прошлом году я смог обойтись без легкомысленного одноразового секса. Я, если честно, тоже отчаялся на свой счет — обходясь знакомством со своей правой рукой, как учтиво только что заметил Грей — но до этого момента риск не стоил затраченного времени.

Я не жажду отношений. Особенно с тобой. Ага. Это все еще обидно.

Грей шлепает меня по руке.

— Думаю, она больше, чем просто заноза в заднице, а? Мужик, и у нее клевая попка.

— У нее есть имя. Анна. Будь добр, используй его, — я смотрю на Грея. Напряженно. — И если я снова поймаю тебя за обсуждением ее тела, то оторву твой член.

Ошибка номер раз — называть вашего мучителя по имени. Ошибка номер два — защищать его.

Ухмылка Грея растягивается.

— Она тебе нравится.

Он себе даже и не представляет как.

Я беру еще порцию рагу, просто чтоб не отвечать.

— Итак, ты в нее втюхался, но при этом выглядишь как грустный мешок с говном. В чем подвох?

Чертов приставала.

— Нет никакого подвоха, — я указываю вилкой на телевизор. — Я бы с удовольствием посмотрел *Перерыв на Помилование*, если ты, конечно, не против.

— А я бы с удовольствием наслаждался минетом каждый вечер перед сном. Но разочарование — сука.

— Мужик.... — Диаз качает головой, а затем возвращается к поглощению еды.

Вздыхая, я ставлю на стол свой уже пустой стакан. В чем подвох? С чего же начать? Думаю, я стал другом без обязательств девушке, в которую влюблен. И пока секс феноменален, я буду терпеть то, что она воспринимает меня немного иначе, хоть данный факт и убивает. Ага, это бы сломило мою гордость, скажи я подобное вслух.

— Она... — я хмуро гляжу на ТВ. — Я не знаю... Сомневается.

— Итак, она позволяет тебе себя трахать, но все остальное под запретом? — Грей фыркает от смеха, прикрывая, полный рагу рот. — Вот же ирония.

Грей слишком умен, что иногда не к добру.

— Мудак, — бормочу я, прежде чем сердито на него посмотреть. — И у меня есть дополнение к нашим правилам. Ты не станешь говорить с Анной на тему секса или любой из возможных его форм.

Он вытирает рот и делает глоток пива.

— Послушай, мужик, я не пытаюсь быть хуйлом...

Верно.

— ... я просто в некотором роде... блин... шокирован. Думал, что это она в тебя втюхалась.

Он поднимается, собираясь за добавкой рагу, а я пересаживаюсь на диван.

— Я надеюсь, что так и случится.

Неожиданное движение возле моего бока заставляет напрячься. Я забыл о Диазе, так как он по-прежнему молчалив. Насторожено, поворачиваюсь к нему, и он смотрит на меня пару секунд, а затем почти незаметно пожимает плечами.

— Она нам чужая, вот и все.

— Хочешь повторить это еще раз, Ди? — я сажусь, и мои кулаки сжимаются. Мне не нужно, чтобы друзья по команде пытались сделать из Анны аутсайдера.

Диаз снова пожимает плечами.

— Я не подразумевал ничего плохого, она и сама знает, что не вписывается в нашу компанию. Я видел ее на вечеринке. Ей там было некомфортно.

Я сжимаю рукой свой затылок. Это самая длинная речь Диаза на моей памяти за последние несколько недель, так что мне требуется минутка, чтобы преодолеть шок.

— Это верно, — говорит Грей, плюхаясь обратно на свое место. — Она выглядела чертовски дерганой.

Я сжимаю свою переносицу. На меня накатывает головная боль.

— Ага, — они правы. И я это знаю. Я просто игнорирую данный факт и жалею самого себя.

— Если ты хочешь ее, — говорит Диаз, — то лучше завоевывай девушку неспеша, — его зубы контрастируют с белизной на фоне бронзовой кожи. — Медленно, сначала поухаживай за ней, потому что очевидно же, что ее не проведут твои томные взгляды, в ответ она попросту даст тебе под зад.

— Я могу дать и тебе под зад, Ди.

— Мальчик, пожалуйста.

— Итак, — обращается Грей к Диазу, — как, по-твоему, следует ухаживать за телочкой, Ди?

— Поэзия.

— Поэзия? — бормочет Грей. — Ты меня, бля, разыгрываешь?

— Нет, невежда. Это круто, и женщинам это нравится.

Грей прижимает руку к груди, словно у него болит сердце.

— У меня... просто нет слов.

— Это потому что ты никудышный игрок, — говорит Диаз, тыча в него своей ложкой с рагу.

— Это ранит меня, Ди. Глубоко внутри моего мягкого и нежного естества.

— Мужик...

— Готов поспорить, ты читаешь девчонкам хайки (*японские четверостишия — прим. пер.*). Не могу себе представить, чтобы ты за раз произнес больше семнадцати слов.

— Лучше представь, как я ногой даю тебе под зад, потому что это скоро станет реальностью.

Они продолжают говорить о всякой ерунде, а мои мысли уносятся в абсолютно другое место. Я думаю о моем отце и времени, когда мы вместе работали над заменой карбюратора в моей старой машине. Ржавый кусок металла так и не сдвинулся с места.

— *Никогда не делай ничего через не хочу, Дрю. Будь то передача, пас, игра или что-то еще, — его темно-карие глаза гипнотизируют меня. — Сделаешь что-то через силу и проиграешь. Терпение и напористость, вот что поможет тебе выиграть в жизни. Не торопись, ищи решения, и если они не приходят на ум, отступи, переоцени все и попытайся снова.*

Я знаю настоящую Анну. Я видел, какие взгляды она бросает в мою сторону. В те моменты, когда не размышляет над причинами, по которым мы не можем быть вместе, эта девушка смотрит на меня так, будто я для нее что-то значу. И эта Анна вызывает у меня учащенное сердцебиение и радость от каждой секунды, проведенной рядом с ней. Если она

думает, что может прятаться за сексом, я позволю ей это, но рано или поздно Анна Джонс поймет, что я надежен, а наши отношения могли бы быть реально невероятными. И черт возьми, я обязательно наслажусь тем временем, пока буду доказывать ей данный факт. Потому что даже если я и терпеливый, то уж точно не святой.

ЭТО ИДЕАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. Не жарко и светит солнце. Я могла бы заняться многими различными делами, по типу выполнения заданий или прочтения книг. Могла бы поехать за покупками или в кино. Но нет, я сижу на балконе, наблюдая за скудным уличным движением. Мой живот болит, а кожа ощущается стянутой. Знаю, это неправильно. Я заражена желанием Бэйлора.

Произошедшее явно повторится снова.

Зависимость лучше всего лечится воздержанием. Так что я буду сильной. Я не буду искать встречи с Дрю. Мне просто нужно подняться на ноги и сделать хоть что-то.

Мой телефон дзинькает на столике рядом.

Надеюсь, это сообщение от Айрис, в котором она сообщает, где находится и приглашает присоединиться. Но нет.

Неизвестный номер: Эй. Это Дрю. Ты занята?

Я тупо гляжу на экран, пока мой мозг пытается заставить буквы сложиться в понятные слова. Дрю? Пишет мне смс? Я оглядываюсь через плечо, словно он может прямо сейчас за мной наблюдать или что-то в этом роде. Что само по себе глупо и инфантильно. Я все еще уверена, что этот парень свел меня с ума. Однако, часть меня крайне взволнована от данного сообщения. И это — нижняя часть моего тела, — размышляю я, пока пишу ответное смс.

Я: Где ты взял мой номер?

Я поднимаюсь и направляюсь в квартиру, так как все еще ощущаю, что за мной наблюдают.

Неизвестный номер: Изучил классный реестр;)

Я фыркаю, кликая пальцем по экрану.

Я: Вот же чертов реестр.

Неизвестный номер: Лично я ему крайне благодарен.

— Ага, конечно, ты благодарен, — бормочу я, но кого я пытаюсь обмануть? Я тоже благодарна за существование этого реестра. Телефон снова издает дзинькающий звук.

Неизвестный номер: Ты где сейчас?

Мои щеки начинают болеть от сдерживаемой улыбки.

Я: Дома.

Неизвестный номер: А где это?

Я делаю паузу, ощущая, как сердце колотится о ребра. Это глупо. Он причинит мне боль. Даже особо не стараясь. Мне нужно себя защитить. Думая об этом, я осознаю, что уже набираю ответ.

Я: Зачем тебе?

Неизвестный номер: Очевидно, я хотел бы это знать.

Я: Это зов плоти?

Черт, все мои потайные местечки сейчас оживают. Предатели.

Неизвестный номер: Если следовать тактике нашей типичной грубой честности, то да. Да.

Я смеюсь, слишком шокированная его ответом, чтобы сдержаться. И когда отвечаю, глупая усмешка все еще красуется на моем лице.

Я: Дополнительный балл за честность, Бэйлор.

Неизвестный номер: Тогда дай мне свой адрес, Джонс. Мой список подходящих полупубличных мест становится все короче. Я бы предложил встретиться в кладовой или кабинке уборной. Но эти варианты не из лучших. И мне бы не хотелось, чтобы кто-то кроме меня, видел твой восхитительный зад. По возможности, я бы хотел воздержаться от избиения посторонних людей.

Должна согласиться на счет недостатка уединенности, но мозги отключились на восхищении Дрю моим задом. Он считает его восхитительным? Ладно. Я могу это принять. Могу принять все, что касается секса. Только секса. Нереальная, возбуждающая, идеальная...

И прежде чем одумаюсь, шлю Дрю свой адрес. Испарина покрывает мою кожу в тот момент, когда жму отправить.

Телефон молчит. Слишком долго. Дерьмо. И когда вновь раздается сигнал сообщения, мое сердце уходит в пятки.

Неизвестный номер: Скоро буду.

Мое сердце сходит с ума. Как и я. Я практически роняю телефон, когда лечу, хватая разбросанную одежду, мусор, носок, мой потрепанный любимый лифчик и кучу всякой ерунды, которой наполнена наша квартира, забрасывая все это в кладовку. Ладно, мне не следовало волноваться о том, как выглядит мое жилье. Если я неряха, то и нечего это скрывать.

Но еще я девушка и не могу позволить Дрю увидеть мою квартиру в менее чем первозданном виде.

Не знаю, сколько времени ему потребуется, чтобы добраться сюда; и почему я вообще задаюсь этим вопросом? Залетая в ванну, я останавливаюсь перед зеркалом и смотрю на себя. По крайней мере у меня нет прыщей. Что наталкивает на воспоминания о Джордже и его аналогии. Чертов Джордж.

Я выгляжу нормально, но зная, зачем сюда приедет Дрю, немного нервничаю и потею. У меня нет времени на то, чтобы помыть голову, так что приходится обойтись быстрым душем, бритьем всех нужных мест за рекордно короткое время и марш-броском гольшом из душа в свою комнату. По пути я ударяюсь пальцем ноги о комод.

— Черт! — я прыгаю на одной ноге, пытаюсь натянуть какие-то штаны для йоги. Звенит дверной звонок, а я все еще полуголая. — Блин, блин, блин!

Хватая висящий на рабочем кресле свитер, я натягиваю его через голову. Быстро бросаю нервный взгляд на свой вид, проверяя на наличие пятен — пожалуйста, пусть их не будет — немного успокаиваю себя тем, что свитер довольно милый, насыщенного голубого цвета из смеси шерстяных и шелковых нитей.

За секунду до открытия двери, я вытягиваю ленту из волос и швыряю ее в дальний темный угол гостиной.

Ну вот, передо мной Бэйлор, его руки засунуты в карманы джинс, а короткие волосы растрепаны, словно он только что провел по ним пальцами. Золотистые глаза сверкают под линией его темных бровей, маленькая ямочка появляется на его левой щеке, и за это тело я

готова убить или лучше умереть. Лишь от вида этого парня мои колени слабеют, а кожа горит. Каждый чертов раз.

Мы смотрим друг на друга, он усмехается, а у меня сердце грохочет, как барабан. Будем ли мы разговаривать? Или же предполагается, что просто сразу перейдем к делу? Думаю, для начала стоит пригласить его войти.

— Эй, — вот такое мое сногшибательное остроумное приветствие.

— И тебе эй, — его взгляд пробегает вдоль моего тела. — Выглядишь мило. И ты покраснела, — добавляет он, еще шире усмехаясь, — но это тоже мило.

— Ага, ладно, — я отступаю назад, жестом приглашая его войти. — Я только что бегала по дому, убирая тут все, так что... — я пожимаю плечами.

Дрю посмеивается, направляясь в центр гостиной. Боже, какой же он высокий. Без каблуков рядом с ним я — эльф.

— Я бы подумал, что ты меня разыгрываешь, Джонс, — он поворачивается и смотрит мне в глаза, — но знаю, что ты крайне честна со мной.

Я сдерживаю улыбку и закрываю дверь.

— Ты так говоришь, будто это плохо.

— Забавно, я считал, что сделал тебе комплимент.

— Мы достигли уровня комплиментов? — я немного напрягаюсь и даже не представляю, что с этим поделать. Так что просто стою на месте, как идиотка.

— Джонс, я делаю тебе комплименты со дня нашего знакомства, — его голос низкий и непринужденный, от чего пальчики моих ног вжимаются в ковер. — Ты просто не обращаешь внимания.

Вдыхая, я задаю ему очень важный для меня вопрос.

— Хочешь выпить? — или мы прямо сейчас начнем трахаться, словно кролики?

Даже не знаю, какой ответ я бы хотела услышать, когда Дрю говорит:

— С удовольствием.

Что-то внутри меня чуть-чуть расслабляется, тогда как на самом деле мне следовало бы больше волноваться.

Бэйлор следует за мной в кухню, соединенную с гостиной, попутно внимательно изучая окружение, от декора из Икеи и подержанной мебели до календаря Айрис с горячими парнями пожарными Нью-Йорка, висящего на кухонной стене.

— Хорошая квартира, — говорит он дружелюбно. Дружелюбно, потому что квартира совсем неплохая.

— Мы сделали все, что могли с хламом моей мамы. Однако, некоторые вещи видели и лучшие времена, — я смотрю на большой коричневый диван. — Думаю, мама купила этот диван, когда мне было еще лет 10.

— У меня такой же. Когда мои родители... — он смолкает, выглядя болезненно.

— Когда они что?

Дрю откашливается, наклоня голову, он чешет свой затылок.

— Гм, когда они умерли.

Мои внутренности будто встряхивает, от чего бросает в жар.

— Твои родители мертвы? — *конечно же мертвы, он только что сказал это, идиотка.* — То есть, черт, Дрю, мне жаль. Я не знала.

Уголок его губ приподнимается в слабой попытке улыбнуться.

— А откуда тебе было знать?

— Это вероятно, одна из тех вещей, которая всем о тебе известна, верно?

— Возможно. Но мы оба знаем, что ты не следишь за моей жизнью или за футболом, — кажется, что он говорит это с неким облегчением.

— Так ты, — говорю я, пытаюсь, чтобы мой голос не дрожал, — отправился жить с бабушкой и дедушкой или с родственниками?

Он снова тянется рукой к затылку.

— Нет. У меня никого нет. Были только я и мои родители.

Господи. Все, о чем могу сейчас думать, так это о том, что парень — сирота. Одинок по жизни. И посмотрите, чего он достиг. Но с другой стороны, это не мое дело, чтобы ощущать сейчас гордость и восхищение его успехами. Тем более если я выскажу это вслух, то покажусь ему снисходительной.

— Дрю, мне правда жаль, — говорю я. — Это отстойно.

— Ага. Отстойно, — он не смотрит на меня.

— Как... — я морщусь. — Не обращай внимания.

— Нет ничего плохого в любопытстве, — из него вырывается короткий смешок. — Это случилось летом, после моего окончания школы. Они путешествовали в Колорадо. Был внезапный паводок и... ну и это случилось... я не знаю точно как. То есть, кто, черт возьми, может досконально разбираться в подобных вопросах?

Никто. Я хочу обнять его так сильно, что руки начинают болеть. Но не думаю, что Дрю бы высоко оценил этот жест. Если бы я была на его месте, то восприняла бы это как жалость. Делая вид, что его заинтересовало что-то на кухне, Бэйлор отводит взгляд.

— Так я могу получить свой напиток?

— Конечно, — выкрикиваю я от изумления и направляюсь к холодильнику. — Верно.

Бэйлор прислоняется бедром к барной стойке.

— У нас есть, — я открываю дверцу и заглядываю внутрь, — одна Голубая лагуна, бутылка воды, белое вино и апельсиновый сок.

— Я выберу воду, — и тут у него громко и нетерпеливо урчит живот. Румянец заливает щеки парня, а его губы изгибаются. — Прости.

— Голоден? — спрашиваю я, приподымая одну бровь.

— Почти всегда, — он даже не пытается обыграть данную фразу как игру слов. Но тем не менее, это выглядит именно так. Возможно, потому что я не могу быть в одной комнате с Дрю Бэйлором и не думать о сексе. Но я беру себя в руки, снова открываю холодильник и роюсь в нем.

— Ладно, есть чизкейк, два кусочка сатэ из курицы, йогурт, хотя на самом деле его не стоит трогать, иначе Айрис нас убьет...

У меня за спиной Бэйлор открывает бутылку с водой и делает большой глоток, а затем заглядывает в холодильник через мое плечо.

— Айрис? Твоя соседка, верно?

— Она самая, — каждый мускул моего тела напрягается от его непосредственной близости. Но я себя успокаиваю. — Она готова избить каждого за свой греческий йогурт.

— Ах.

— А ну и еще... — я заглядываю под алюминиевую крышку, — ... ооо шашлык.

— У вас была вечеринка или что-то в этом духе? — его руки упираются в края дверцы, блокируя меня с обеих сторон, от чего я чувствую себя странно защищенной.

— Это с концерта. По сути, одна из причин, по которой я устроилась работать в отдел

кэйтеринга(отрасль общественного питания, связанная с оказанием услуг на удаленных точках- прим. пер.), так это возможность забирать домой остатки еды с фуршетов. Мы с Айрис экономим на этом кучу денег.

Глаза Бэйлора немного прищуриваются.

— Уверен, ты — соседка-мечта каждого спортсмена.

Я не спрашиваю, относится ли это к нему самому, просто поворачиваюсь обратно к холодильнику.

— Ну? Так что ты будешь?

— Ты правда собираешься меня накормить? — он выглядит удивленным.

— Конечно, собираюсь, — я нервно переступаю с ноги на ногу. — Или ты не хочешь? — потому что я могу забрать свое предложение обратно. Могу просто отвести его в свою комнату и...

— Нет, то есть, да. Я хочу, — сейчас Бэйлор окончательно заливается краской. — Черт. Еда. То есть...

Я смеюсь.

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

Он стонет и щипает себя за переносицу.

— Просто дай мне шашлык.

Все еще смеясь, я достаю контейнер и пачку яиц.

— Ладно, но я не стану его разогревать. Мне нравится думать об обедах как о сырье для новых блюд.

Его самоуничтожение в миг растворяется, и Дрю вновь прислоняется к барной стойке.

— Так что ты приготовишь для меня, Джонс?

— Фриттату, — я хватаю маленький кусочек гауды, который у нас вообще-то остался с вечеринки. — С сыром.

— Звучит восхитительно.

На удивление, просто и забавно находиться на кухне с Дрю Бэйлором. Он помогает мне снять мясо и овощи с шампуров, а затем я измельчаю все это, а Дрю в это время трет сыр.

— Ты умеешь готовить, — замечает он, когда я начинаю нарезать кусочки шашлыка. Запах лука и говядины наполняет воздух.

— Я много чего умею, — я взбиваю в миске яйца и выливаю их на сковороду. — Я выросла лишь с мамой, так что помогала ей, чем могла.

Четыре поколения назад, семья моей матери иммигрировала в Джорджию, а не в Нью-Йорк, где уже обитали их остальные итальянские родственники. Но мой отец был чистокровным ирландцем и буквально только сошел с трапа самолета, как повстречал мою мать. На фотографии он выглядит как обычный мужчина с молочной кожей и с ярко-рыжими волосами. Я же будто воплощение их слияния: моя кожа — это смесь бледной, цвета слоновой кости, и загорелой кожи, к тому же у меня по телу есть веснушки, плюс темно-зеленые глаза и темные рыжие волосы.

В действительности на данный момент я практически ничего не помню об отце. Со временем человек будто выцветает в вашей памяти. К сожалению, это не мешает ранам гноиться и проникать глубоко под кожу.

— Настоящий повар здесь — это Айрис, — говорю я. — Она словно пятое поколение мексиканско-американского слияния, и ее семья владеет тем обалденным рестораном в Таксоне.

Дрю наблюдает за мной, пока я переворачиваю яйца.

— Что случилось с твоим отцом? — он произносит это тихо. Потому что как никто другой знает, что мой ответ может быть крайне нехорошим.

Верно? Я стала довольно нечувствительна ко всему, что связано с отцом. Ну, до тех пор, пока не приходится об этом говорить. В горле появляется знакомый ком боли. Я игнорирую его и пожимаю плечами.

— Уехал, когда мне было семь.

Бэйлор смотрит на меня. А я концентрируюсь на разбрасывании сыра по полуготовым яйцам и переворачивании всего омлета целиком.

— Смотри, — говорю я, — через минутку у нас будет фриттата.

Мой голос полон притворного энтузиазма, но в тоже время довольно неровный. Мне вообще не следовало говорить. Не следовало готовить для него. Это всего лишь интрижка, а не какая-то послешкольная откровенность. Но уже слишком поздно. Дрю все еще наблюдает за мной, понимающим взглядом.

— Почему он уехал? — мягко спрашивает Бэйлор.

Я вытягиваю две тарелки и вилки.

— Это хреновая история.

— Я рассказал тебе свою хреновую историю, — он ставит тарелки и кладет вилки на стол, одну возле другой. — К тому же, я отлично умею слушать.

Хотя его задача состоит в отдаче приказов и быстром мышлении, есть что-то успокаивающее в поведении этого парня и уверенной силе, от чего мне хочется открыться перед ним.

— Когда мне было семь, — говорю я, — мой отец сказал матери, что он не может справиться с отцовством, что я была для него слишком большой обузой, вечно плачущей и требующей внимания, — моя улыбка практически незаметна, словно вот-вот исчезнет вовсе. — Это его слова.

Я поворачиваюсь и снимаю с плиты нашу фриттату, ставя ее остывать. Она золотисто-коричневого цвета с пузырьками сыра. Я беру нож и разрезаю ее на кусочки.

— Так что он вернулся в Ирландию, а моя мама в одиночку растила меня.

Иногда я гадаю, остался ли бы мой отец с мамой, если бы я не умоляла его не уезжать. Ведь я умоляла. И от этого он выглядел расстроенным. После его отъезда я свернулась в калачик и лежала под кроватью. И моя мать поступила почти что так же. Вот только она еще и плакала. А я нет. Я бы не позволила себе это.

Теплая рука накрывает мою кисть, и я успокаиваюсь. Аккуратно, Бэйлор забирает у меня нож, а затем кладет руку мне на затылок.

— Ты права, — говорит он. — Это хреновая история. И твой отец глупый, недостойный мудака.

Я опускаю взгляд в пол.

— Что? Не скажешь ничего в роде "тебе лучше без него"?

Большой палец Бэйлора гладит меня по шее, вдоль роста волос.

— Ты и так это знаешь.

— Ага, знаю, — я поступаю рискованно, поднимая взгляд на Дрю. Выражение его лица крайне серьезное, словно это он ранил меня, тогда как он — тот, кто остался вообще без семьи. Что-то глубоко внутри моего сердца сжимается.

Нежные прикосновения к моей шее не прекращаются, а голос Дрю становится ниже и

нежнее.

— Некоторые люди никогда не поймут данный им жизнью дар, — легонько сжимая мой затылок, он притягивает меня ближе к своему теплу. — А некоторые люди ждут всю жизнь, чтобы кого-то полюбить.

Во мне нарастает головокружительное, удушливое ощущение. Я хочу докопаться внутрь самой себя и позволить Дрю забрать мою боль. Он сильный, возможно, Бэйлор сможет выдержать ее. Это странно, но я хочу притянуть его ближе и держать, словно это он мучается. Я не понимаю собственных порывов. Это нелегко и невесело. Чувства захватывают меня. Это сильная и безжалостная атака на мои эмоции.

Когда наши взгляды встречаются, веки Бэйлора закрываются, а голова опускается ближе ко мне. Мои губы приоткрываются и пульсируют от потребности в его прикосновении. Я хочу ощутить его вкус, втянуть в себя его дыхание и позволить ему наполнить мои легкие.

Его шепот касается моих щек.

— Анна...

И тут входная дверь открывается, а я в миг отпрыгиваю от парня, чуть не сбивая чертову фриттату со стола. Дрю тянется рукой, пытаюсь помочь мне устоять на ногах, но я уже поворачиваюсь к Айрис, как раз в тот момент, когда она входит в квартиру.

Моя подруга останавливается, замечая нас, и Джордж, следовавший за ней, врывается в ее спину.

— Черт, женщина, не так резко, — внезапно он прекращает говорить, и оба мои друга глазеют на Дрю.

Чудесно. С Айрис я могла бы справиться. Но Джордж — совсем другое дело. И по огонькам, поблескивающим в его глазах, знаю, что мне придется поплатиться за все это. Он нараспев произносит:

— Эй, Бэйлор. Сказал бы, что ты последний человек, которого я ожидал увидеть на кухне Анны, но это было бы ложью.

Дрю приподнимает бровь, глядя на меня, а я смотрю на Джорджа, который просто улыбается и входит на кухню, протягивая руку Дрю.

— Джордж Круз.

Они обмениваются крепким рукопожатием, как обычно делают парни, проверяя силу друг друга, и я закатываю глаза.

— А это Айрис, — говорю я за свою подругу, которая все еще стоит посреди гостиной, улыбаясь как Чеширский кот.

Дрю протягивает ей руку.

— Соседка с отличным вкусом на вечеринки.

И Айрис, блин, смеется. Боже, это слишком странно. Бэйлор такой большой на этой кухне, его тело возвышается над всеми нами.

— О, эй, это же еда? — Джордж словно шимпанзе тянется к омлету, и я шлепаю его по руке. Он отдергивает ее, прижимая к груди. — Ауч, женщина! Поделись со мной любовью, а?

— Приготовь себе сам, — я беру большой кусок фриттаты и кладу на тарелку Дрю. — Ешь, — говорю я ему.

Но Джордж даже не собирается прекращать ныть.

— Но я тоже голоден. Почему он получает что-то, тогда как я нет?

Айрис прокашливается в кулак, от чего краснеет.

— И тебе об этом нужно спрашивать?

Дрю смеется, хотя его щеки тоже краснеют. Однако он не глуп и сразу сует свою еду в рот.

Джордж же надувает губы.

— Серьезно, Банана? Не дашь мне еды?

Дрю откидывает голову назад и широко улыбается.

— Банана?

— Да, — Айрис берет себе йогурт. — Анна Банана.

— Ее мать так называла, — вставляет услужливо Джордж. — Знаешь стишок: Анна жадно ест старый испорченный банан, закрывшись в своем шкафу...

Я даю ему подзатыльник.

— О, черт!

Беря нож, я отрезаю маленький кусочек от остывающей половинки фриттаты, беря ее себе, остальное отдавая Джорджу, потому что он та еще задница.

— Просто забирай свои, добытые нечестным путем дары, и проваливай.

Он издает счастливый звук и крадет мою вилку.

Дрю внимательно наблюдает за всем этим, и его улыбка становится от уха до уха, а в глазах появляются тени.

— Итак, вы хорошо знаете Анну.

Ну вот я и попалась.

Айрис не унимается.

— Мы неразлучны с первого курса.

— Соседи, — говорит Джордж с набитым ртом.

Брови Дрю приподымаются.

— Вы все?

— До тех пор пока Джордж не съехал в прошлом году, чтобы "сбежать от перебора эстрогена", — Айрис корчит рожу. — Это его слова, не мои.

Джордж кивает, соглашаясь, а на его лице появляется надменное выражение.

— Мужчина может вынести только определенное количество женских штучек в своей ванной, и когда их становится больше, приходит время убегать.

— У меня была своя собственная ванна, ты лох, — говорю я.

— Да. И ты меня кормишь. Сейчас я гадаю, почему же я съехал, — быстро, как молния, Джордж наклоняется вперед и оставляет поцелуй у меня на щеке. Он достает Дрю, наблюдая, взволнуют ли того подобные жесты внимания.

И это срабатывает. Выражение лица Дрю становится абсолютно нейтральным. Он кусает свою фриттату и кладет вилку на стол.

— Итак... вы ребята..?

Он переводит взгляд то на Джорджа, то на меня. Айрис корчит гримасу ужаса, а Джордж смеется. Он — вонючка, но не идиот, и потому спасает Дрю от его сомнений.

— Возможно в это и трудно поверить, потому что тебе явно нравится эта девушка, но мысль об интиме с Анной вызывает у меня боли в желудке.

— Взаимно, — вставляю я сухо, замечая, что Дрю выглядит крайне довольным.

Джордж усмехается мне.

— Она мне словно сестра, которой у меня никогда не было.

— Эй! — Айрис ударяет кулаком в предплечье Джорджа. — Я — твоя сестра!

— Нет, ты — мой близнец. Это абсолютно разные вещи, Рис.

— Неважно.

Пока Джордж и Айрис дискутируют о различии между "близнецом" и "сестрой", я наклоняюсь ближе к Дрю.

— Их постоянные ссоры, возможно, и стали одной из причин, по которым Джордж переехал.

Дрю смеется и кусает еще кусочек фриттаты.

— Кстати, это хорошо, — он смотрит на мою тарелку. — Ты уверена, что наешься этим?

Касаясь его руки, я останавливаю Дрю от попытки поделиться со мной частью своей фриттаты. Его кожа теплая, и я хочу переплести наши пальцы и утащить парня куда подальше отсюда. Но вместо этого отдергиваю руку.

— Мило с твоей стороны предложить поделиться, но все и так в порядке. Я готовила это ради тебя.

Выражение его лица смягчается.

— Спасибо, Анна.

Мы словно погружаемся в свою собственную капсулу пространства, не замечая ссорящихся Анну и Джорджа, становясь к друг другу ближе, будто здесь лишь мы вдвоем. Его бедро прижимается к моему, опалая место соприкосновения жаром. И когда он начинает говорить, то его голос так низок, словно слова предназначаются лишь мне одной.

— Итак, Банана, а?

Я сердито смотрю на него.

— Если еще раз назовешь меня так, то лишишься пальца.

На его левой щеке появляется едва заметная маленькая ямочка.

— Почему именно пальца?

— Разве не с этого начинают все плохие парни? Сначала лишают кого-то пальца, затем глаза или может уха... — я пожимаю плечами. — Мне кажется, эта угроза уместна в данной ситуации.

— О, очень. Не волнуйся, Джонс. Я усвоил урок. Никаких прозвищ для тебя указательным пальцем он ударяет меня по кончику носа. — Таким образом, наши отношения становятся особенными.

Ну вот снова. Это слово на букву "О". Я откусываю кусочек фриттаты. Яйца уже успели остыть.

— Ладно, я уйду отсюда, — объявляет Джордж.

Лицо Айрис морщится.

— Ты сказал, что собираешься сходить со мной и Генри в кино.

— Тебе не нужно, чтобы я шел с вами в роли третьего лишнего, Рис, — Джордж пытается имитировать равнодушие, но уверена, тем самым он хочет скрыть отвращение к Генри, и в этом мы с ним схожи. — И к тому же, я не в настроении для просмотра фильма.

Айрис упирает кулаки в боки.

— Это не мешало тебе ходить с нами раньше. К тому же это была твоя идея сходить сегодня в кино.

Джордж просто пожимает плечами.

— Я передумал. Так бывает, — он поворачивается к Дрю. — Был рад познакомиться, Бэйлор. Должен сказать, что ты проделываешь впечатляющую работу, мужик.

И ты туда же, Джордж?

Дрю принимает похвалу и просто улыбается в ответ вежливой улыбкой, не такой, какую обычно посылает мне; его улыбки для меня выглядят иначе — глаза парня сияют, а на щеках образуются ямочки.

— Спасибо. Я стараюсь изо всех сил. Тоже был рад познакомиться.

Джордж уходит, закрывая за собой дверь на замок, и буквально через несколько минут дверь открывает Генри.

— Ты дала ему ключ, — шиплю я Айрис. Я ни за что не позволю Генри так просто и дальше входить в мой дом.

Айрис немного морщится.

— Не на совсем. Я заберу его.

— Сейчас же, — восклицаю я в ответ, стараясь, чтоб мой голос звучал приглушенно. Дрю стоит рядом и хмурится, слыша наш разговор.

Тем временем Генри подходит к барной стойке и обращается к моей подруге:

— Дорогая, — он откровенно целует ее, но при этом его взгляд направлен на нас с Дрю. Фактически, в основном на Дрю. Его глаза округляются, когда Генри узнает капитана футбольной команды.

— Боец Бэйлор, — он опускает руку на бедро Айрис. — Я уж было подумал, что меня глючит.

— Неа, — говорит Дрю, сдержанным тоном, при этом его глаза внимательно следят за Генри.

Тот смеется, словно они старые знакомые. Не уверена, что понимаю происходящее. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы эти двое обменялись хоть парой слов. Но тут Генри прерывает мои гадания, говоря:

— Генри Росс. Я полузащитник в команде по лакроссу, — его взгляд перемещается от Дрю ко мне. — А я уж было начал думать, что ты не по мальчикам, Анна.

— Генри, — кричит Айрис.

— Что? — говорит он, словно невинное дитя.

— Нет, — отвечаю я легкомысленно, — ты ошибался. Я просто не по мудакам.

Айрис сердито смотрит на меня, тогда как Генри прислоняется предплечьем к барной стойке и язвительно усмехается.

— Я думал, что ты была слишком напряжена, чтобы выпустить пар.

Но прежде чем успеваю ответить, в игру вступает Дрю, его теплая рука опускается на мой затылок. И это придает чувство комфорта и дополнительной уверенности.

— Осторожно.

Бэйлор обращается не ко мне. Его взгляд устремлен в сторону Генри. В его позе нет ни намек на угрозу, вторая рука расслабленно лежит на столешнице, а плечи не напряжены. И тем не менее, одно его слово несет в себе досконально четкий смысл. Если Генри сделает еще один неверных ход, то Дрю мгновенно среагирует. Мне не нужна ничья защита. Но все же очень приятно осознавать, что он хочет меня защищать.

Хмурое выражение Генри такое же фальшивое, как и тон его голоса.

— Осторожно?

— Мне нужно тебе пояснить? — Дрю даже не нужно повышать голос. Одного авторитета его присутствия достаточно, чтобы Генри отвел взгляд.

— Вам всем нужно расслабиться. Я просто дурачусь.

В то время как Айрис съезживается, я сдерживаюсь, чтобы не уличить этого парня во

лжи. Дрю поступает так же и отводит напряженный взгляд от Генри.

— Мы идем? — обращается Генри к Айрис.

— Да, — она бросает на нас извиняющийся взгляд, а затем берет Генри под руку и практически тащит его к двери.

— Оставь ключ, — говорю я прежде, чем они успевают выйти за двери.

Генри останавливается, его плечи замирают, а голова поворачивается в мою сторону. Но пересекаясь с Дрю взглядом, парень Айрис просто пожимает плечами и вытягивает из кармана запасной набор ключей. Он бросает их на столик, и связка ударяется о поверхность, создавая громкий звон.

Как только дверь за ними закрывается, я прислоняюсь к стойке и вздыхаю.

— Он такой мудака.

— Предполагаю, Айрис этого не замечает, — в голосе Бэйлора проскакивают уже знакомые мне нотки.

— Я предпочитаю верить в то, что она пребывает в неведомом блаженстве, чем в то, что добровольно выбрала такого мудилу.

Я тянусь, чтобы взять тарелку Дрю, но он реагирует быстрее, забирая обе наши тарелки и ставя их в раковину.

— В любом случае, — говорю я, пока он споласкивает посуду, а я открываю посудомойку, — она не дает ему пинка под зад.

Дрю упирается бедром о столешницу.

— Иногда так бывает и с парнями из команды. Они начинают встречаться с неподходящими, склонными к манипулированию девушками, заботящимися лишь о славе. И время от времени кому-то нужно предупреждать этих бедных болванов.

— Как мило, что вы заботитесь друг о друге.

Его напряженная улыбка появляется и исчезает.

— Ну, это чистый альтруизм. Команда сильна ровно настолько, насколько сильно ее самое слабое звено. Никто из нас не хочет увидеть, как один из членов команды упадет посреди поля во время главной игры, — огромные плечи Дрю приподымаются, когда он пожимает ими. — Не то чтоб это особо помогало. Обычно после того, как парня предупреждают о плохих чертах или намерениях девушки, он еще с пущей силой тянется в ее сторону.

— Вот почему я стискиваю зубы и пытаюсь просто избегать Генри.

Лицо Дрю еще сильнее хмурится.

— Я видел его на вечеринке. Из-за него ты не хотела приходить?

— Я не хотела приходить, потому что не люблю вечеринки, — я бросаю полотенце для рук в раковину. — Присутствие Генри послужило лишь дополнительным фактором.

Уголок его губ вздрагивает.

— А я по-прежнему рад, что ты была там, — его глаза, будто жидкая карамель, от вида которой все мысли о Генри уносятся прочь, заменяясь жаром и сильнейшей жаждой. И словно ощущая тоже самое, Дрю начинает глубоко дышать, а его голос понижается до рычания. — Покажи мне свою комнату, Джонс.

НЕСМОТРЯ НА ПЫЛКИЕ обещания, скрытые в его голосе, и тот факт, что Дрю пришло ко мне в квартиру по определенной причине, когда мы заходим в мою комнату, он не прикасается ко мне. Мы ложимся бок о бок, оба глядя в потолок. Наши плечи соприкасаются, вот и весь контакт между нашими телами. Мои руки безопасно сложены на животе, как и его. Мы не трахаемся. Я не пытаюсь забраться на него, словно он дерево, или лизать его тело, как чупа-чупс. Хотя, на самом деле, хочу это сделать. Часть меня хочет этого постоянно.

Я все еще не могу поверить, что Бэйлор в моей комнате. Его присутствие заполняет каждый дюйм. Он такой харизматичный, что мне не хватает кислорода, и когда делаю вдох, то кровь вскипает, а голова идет кругом.

Когда он наконец-то задает мне вопрос, то от его насыщенного низкого голоса по коже бегут мурашки.

— Ты что поклонница Сьюзи?

Мне даже не нужно смотреть на Дрю, чтобы знать, что он кивает подбородком в сторону висящего над моей кроватью постера в рамке с фото Сью Сьюзи, солистки «Сьюзи и Банши». Из-за своих огромных прямых черных бровей, дикой стрижки черных волос в стиле боб и крошечных красных губ, она выглядит, словно невменяемая Бетти Буп, готичная девочка-подросток. Она кричит о неподвластной времени красоте и одновременно с тем "посылает всех на хуй". Мне нравится ее стиль.

— Она не старая, — протестую я. Хотя предполагаю, сейчас она уже старушка. Вероятно, ей около пятидесяти. Мне правда не хочется об этом знать. С моей колокольни она бессмертна.

— Ты мне не ответила, — не унимается он. По мягкому шуршанию я знаю, что он повернул ко мне голову. Но я не отвожу взгляд от Сьюзи. Что все равно не прекращает нападки Бэйлора. — Кажется, ты души в ней не чаешь.

Мы слушаем ее прямо сейчас, ее прекрасный голос поет песню *Дорогая Пруденс*.

Я пожимаю плечами, и моя рука трется о его руку.

— Только посмотри на нее. Ее ничего не волновало. Она была вокалисткой в мужской группе и была частью музыкальной революции, — я снова пожимаю плечами. — И она, блин, крутая.

Дрю смеется. Это позитивный смех. Глубокий и заразительный. От одного его звука я улыбаюсь.

Смех Бэйлора стихает, и на мгновение нас окутывает молчание, мы просто слушаем музыку и лежим. Его ноги такие длинные, что согнутые колени находятся выше моих по крайней мере на пять дюймов. Они выглядят будто темно-синие холмы на фоне испуганных глаз Сьюзи. Я осознаю, что расслабилась. И в то же время напряглась, как и всегда, когда

Дрю рядом; от его присутствия, мой желудок медленно закипает.

— Так тебе нравится старая музыка, а? — спрашивает Бэйлор.

Я поворачиваю голову на столько, чтобы увидеть его руку. Его бицепс настолько большой, что я гадаю, удалось ли бы мне обхватить его двумя руками. Желание проверить это на практике терзает меня.

— Ага, — говорю я, но мой голос слишком хриплый. — Думаю, да.

Дрю кивает, и в поле моего зрения попадает его угловатый подбородок. И его рот. Я влюблена в этот рот, при том, что даже никогда не пробовала его на вкус. Его нижняя губа широкая и полная, глядя на ее аккуратный изгиб, я хочу провести вдоль него языком. Но не стану.

Верхняя губа почти что дугообразная, и даже жесткая улыбка не портит производимый на меня эффект, потому что Дрю практически всегда улыбается. Но не сейчас. Сейчас его губы расслабленные и полные.

Когда он начинает говорить, они движутся.

— Мне нравится Линирд Скинирд, Зеппелин, Квин, он произносит это словно признание. Словно в ответ я сяду и, указав на него пальцем, воскликну *ХА-ХА! Поклонник классического рока!* Когда Дрю понимает, что я не стану так делать, учитывая то, что сама слушаю британский панк, который старше меня, как минимум лет на пять, то наступает его очередь пожать плечами, будто мое молчание его волнует. — Мой отец обычно слушал эти группы, — тело Дрю пододвигается к моему, когда он лезет рукой в задний карман и достает бумажник. Удерживая между указательным и большим пальцем фотографию, он протягивает ее мне. — Мои родители.

На снимке его родители еще совсем молодые. Они обнимают друг друга, закинув руки на плечи, словно делают это на камеру. Его отец высокий, темноволосый и красивый, в некотором роде отвечает понятию "жертва моды", так как у него плохая спортивная прическа в стиле 80х, а одет он в облегающие джинсы и черную футболку с принтом AC/DC. Но мужчина широко улыбается, и на его щеках красуются ямочки. Мама Дрю целует его отца в щеку, но она немного промахивается, так как он поворачивается к камере, и она смеется над своими действиями. Его мама тоже выглядит как жертва моды, может даже больше, чем отец, но несмотря на это она прекрасна. У нее светлые, кучерявые волосы, начесанные до грандиозных размеров, достигая плеч. Свисающий черный бант удерживает часть волос, чтобы они не падали на ее маленькое личико. На ней надето крайне откровенное черное бюстье и тесная черная юбка до середины бедра. Довершает наряд пара военных ботинок, которые я была бы не прочь купить себе. На ее предплечьях красуются черные резиновые браслеты.

— Так твоя мама подражала Мадонне, как я вижу? — я усмехаюсь, еще шире чем Дрю, и он начинает смеяться.

— Ага, судя по ее словам, это длилось всего несколько месяцев, — его выражение лица таит нежность. — Родители называли это фото «Залом Стыда». Тогда они направлялись на концерт Live Aid.

— Да ну? Я помню, что читала об этом концерте в книге о истории рок-н-ролла.

— Боже, если бы мой отец это услышал. Он считал тот концерт основоположным моментом своей жизни.

Я улыбаюсь и внимательно разглядываю фото. Но мое сердце сжимается от боли. Я практически ощущаю их радость и их потерю.

— Они выглядят такими молодыми и счастливыми. Слишком прекрасными.

Потому что такими они и были. У Дрю глаза и нос мамы, а линия подбородка и улыбка отца.

Я отдаю ему фото с такой осторожностью, которую оно заслуживает. Дрю даже не смотрит на него, когда сует обратно в бумажник.

— Они познакомились в колледже, — он смолкает, снова поворачивается и смотрит в потолок. — И были счастливы.

Его профиль напряжен, а уголки рта натянуты.

— Я не знаю, просто думаю... думаю, что чувствую себя ближе к ним, слушая эту музыку.

Боль, острая и темная боль, скрывается в глубине его слов, боль, с которой он так сильно борется, ударяет меня в самое сердце. Я прочищаю горло, пытаюсь восстановить способность говорить.

— И кто ж не любит Квин? — я легонько толкаю его, просто едва уловимое прикосновение моего локтя к его руке. — То есть, песня *We Will Rock You* — это же гимн каждого спортсмена, верно?

Наградой мне служит его усмешка и морщинки в уголках глаз Дрю. Легкий смешок срывается с его уст.

— Ага, — говорит он тихо, почти легкомысленно, — ага, так и есть.

Не знаю, что еще могу сказать. Я утешаю Дрю Бэйлора, тогда как собиралась просто трахнуть его с ним. И от этой мысли мои внутренности скручивают в узел. Я не заслуживаю знать историю его родителей. Или смотреть на их смеющиеся лица. Вдруг, я хочу чтобы Дрю ушел. Я не могу вдохнуть.

Практически собираюсь попросить его уйти, но тут он снова говорит.

— Так, предполагаю, тебе нравятся парни в стиле эмо, — он немного поворачивает голову, встречаясь со мной взглядом. И вот оно, это тихое, похотливое жужжание внутри меня, которое накатывает всякий раз, когда его глаза смотрят на меня с этой чертовой супер силой, будто у них есть прямая связь с моей киской. Кровать скрипит под Бэйлором, когда он перекачивается на бок. Он просовывает руку под голову, так что сейчас я могу видеть его лицо.

Его голос тягучий, более глубокий и тихий, словно Бэйлор тоже ощущает это внутреннее жужжание.

— Парни, которые одеваются в черное и выдергивают половину струн на гитаре, лишь бы показать всю глубину своей душевной муки.

У меня в комнате есть гитара. Акустика Гибсон, доставшаяся мне от мамы на восемнадцатый день рождения. Я заметила, что Дрю взглянул на нее, когда входил в комнату.

— Возможно я та, кто выдергивает половину струн на гитаре.

Бэйлор лениво усмехается, и линии его губ становятся более выразительными. В его глазах плещется понимание, словно парень может читать мои мысли. И быть может ему и правда это под силу. Потому что дальше он говорит:

— Спорим, ты расстроишься, если не сможешь сыграть песню целиком.

Я бросаю на него сердитый взгляд, но на самом деле не могу злиться. В конце концов, он прав. Я так сильно хочу сыграть, но сейчас нахожусь в неподходящем для этого состоянии. Мои пальцы словно пьяные мальчишки из студенческого братства, спотыкаются

друг о дружку. Позор.

— Это так.

И словно награждая меня за честность, он улыбается еще шире. Эта улыбка. От нее у меня перехватывает дыхание. И когда я наконец могу вдохнуть снова, то дышу слишком быстро и поверхностно. Его золотистые глаза опускают свой взор к моей, вздымающейся и опадающей от внезапного волнения груди, а в выражении лица Дрю появляется серьезность, практически строгость, словно он собирается сделать что-то порочное и нечестивое. И от этого я возбуждаюсь. Уверена, он мог бы сейчас укусить меня, и мне бы понравилось.

Но Дрю просто медленно рассматривает мое тело. Румянец покрывает его скулы, и хоть его голос и становится немного резче, парень все еще себя контролирует. Ублюдок.

— Я могу сыграть, — говорит он. Это не хвастовство. Это заявление.

— Ты? На гитаре? — скептицизм так и слышится в моих словах.

Он усмехается.

— Я. Большой тупой спортсмен, — он говорит это насмешливо, но не сердито. Словно знает, что большинство людей считают спортсменов тупыми, но лично его это не задевает.

— Я не думаю, что ты тупой, — выпаливаю я. И мои слова столь близки к комплименту, а я никогда еще не делала Дрю комплиментов. И мы оба это знаем.

Он успокаивается. А затем его огромное тело, все эти нереальных размеров мускулы наклоняются ко мне, зависая в нескольких дюймах так близко, что я ощущаю жар его дыхания на своей щеке, когда Бэйлор шепчет:

— Я тоже не думаю, что ты тупая.

После чего Дрю быстро и легко покидает кровать и идет за гитарой.

Я сажусь, сгибая ноги по-турецки, а он присаживается на мой стул у кровати и начинает брэнчать, настраивая струны гитары. В его руках она выглядит гармонично и хорошо. Нет, он не безумно худой и не носит обтягивающих джинс — только идея об этом вызывает у меня желание рассмеяться; Дрю Бэйлор был рожден для Levis с заниженной талией и футболок, обтягивающих определенные мышцы его прекрасного тела. Но он держит Гибсон с неким авторитетом.

— Мама говорила, что я не могу просто быть спортсменом. Так что если я хотел и дальше продолжать играть в футбол, то должен был параллельно учиться игре на музыкальном инструменте.

— Какое жестокое отношение к ребенку, — дразню я.

— Это был слоган моего протеста.

Когда он располагает гитару поудобнее у себя на коленях, то начинает играть. Мелодия сложная и знакомая. Мне требуется минутка, чтобы вспомнить ее. *Norwegian Wood*.

— Моя мама, — говорит он, играя, при этом его внимание приковано к струнам, — может и одевалась как Мадонна, но она до безумия любила Битлз.

Он играет, и на моем лице разливается румянец. В конце концов это песня о женщине, использующей мужчину для секса. Выбрал ли он ее специально для меня? Или просто чтобы показать свои навыки игры на гитаре? Я не собираюсь спрашивать, и вскоре мелодия заканчивается. Его взгляд встречается с моим, и в глазах Дрю плещется игривость. — Или может устроим старое доброе «шоу открытого микрофона»? — он осторожно начинает играть песню Дэйва Мэтью *Crash Into Me*. — Парни в стиле эмо любят играть подобные песенки.

Мой румянец усиливается. Эту песню обычно мне играл Хайден, мой бывший парень.

Как раз во время «вечеров открытого микрофона». Все чертово время. Но ему никогда не давалось так легко и плавно сыграть эту тему, передав всю мелодичность.

Не говоря уже о пении Дрю. Он не идеален, его голос местами не попадает в тональность и немного грубоват, но это не важно, так как он буквально продает вам песню. У себя в голове я могу слышать голос своего дедушки Джо, говорящего мне, что этот парень может продать лед в Антарктиде.

Дрю заканчивает играть на середине песни, и я знаю, что это не потому, что он не знает, как играть дальше, а потому, что он не пытается произвести на меня впечатление. Он просто дурачится. Доказательством тому служит то, что парень встречается со мной взглядом и широко усмехается. И я попадаю в его плен. Я усмехаюсь в ответ, когда он останавливается и начинает стучать по обратной стороне гитары, при этом горланя слова из песни *We Will Rock You*.

И я смеюсь. Потому что он отдается этому процессу целиком и полностью. Выставляя себя недоумком, и явно не заботясь об этом. И вдруг, я тоже прекращаю заботиться о том, как выгляжу и что обо мне подумают. Я присоединяюсь к нему, выкрикивая вместе с ним слова песни.

— Ты дурак, — говорю я, когда мы заканчиваем.

— Смотрите, кто заговорил, — Дрю начинает смеяться, а я вслед за ним. Мы пытаемся держать дистанцию, смеясь, в то время как я держу свою сторону гитары. На самом деле не так уж и странно смеяться вместе. Возможно, это просто способ снять напряжение, которое всегда царит между нами. Или быть может, это потому что он, как и я, не смеялся в течение черт знает какого времени. Я не знаю. И меня это даже не волнует. Хорошо хоть иногда ни о чем не волноваться.

Словно по какому-то невидимому сигналу, наш смех стихает одновременно. И мы просто смотрим друг другу в глаза, немного напрягаясь. От его взгляда веет жаром. Словно он клацнул переключатель, оставляя меня в темноте, в то время, как он — мой свет. Он — все, что я могу видеть.

Стул скрипит под Бэйлором, когда он медленно опускает гитару на пол. Я не могу даже шелохнуться. Не могу сделать вдох. Мне так жарко, что кожа начинает болеть. В местечке между моих ног и в районе груди. Пульсация соперничает с биением моего сердца. Я могу лишь замереть и наблюдать за тем, как Дрю встает со стула.

Его губы напряжены, а глаза кажутся немного темнее под опущенными веками, когда он подходит ко мне. Я неосознанно откидываюсь на спину, словно боюсь его, хотя делаю это лишь для того, чтобы сдержать свои мольбы поторопиться и коснуться меня. Дрю останавливается в шаге от кровати и смотрит на меня, высокомерно и лениво изучая, и может мне и следует обидеться на его действия, но почему-то мое тело лишь сильнее начинает гореть от желания.

Когда он обращается ко мне, его голос резкий и острый. Он будто натягивает мои нервы до предела, взрывая тишину комнаты даже при том, что его слова не громче шепота.

— Подними свой свитер.

О боже, голова идет кругом. Перед глазами темнеет, и становится душно, мое дыхание застревает в горле, превращаясь в полувдохи и выдохи, пока руки возятся с подолом свитера. Прохладный воздух целует мою кожу, когда я оголяю живот.

Дрю просто наблюдает, ожидая. Мои груди так сильно болят, что когда стягиваю с них свитер, то хнычу. На мне сейчас нет лифчика. Но Бэйлор знал это и так; моя грудь слишком

большая, чтобы скрыть данный факт. Однако при виде обнаженной кожи, ноздри Бэйлора расширяются, а воздух выходит через них шумно и резко.

А затем наконец-то он подходит ко мне, медленно, словно Король лев. Он забирается на кровать и зависает надо мной, напирая своей массой тестостерона и решимости. Его мускулистое бедро толкается между моих ног, прижимаясь к самому центру, от чего по телу проходит волна облегчения и нежной агонии. Когда его горячие, влажные губы касаются моего соска, я стону так громко, что сама немного пугаюсь. Но это не останавливает Дрю. Он жестко всасывает его в свой рот, и мы снова падаем на кровать. А все связные мысли покидают меня.

The image shows the name 'Drew' written in a thick, black, cursive script. Above the letter 'w' is a small, realistic illustration of an American football, positioned as if it is about to be thrown or is part of the signature's flourish.

ГОЛЫЕ ГРУДИ АННЫ при дневном свете сводят меня с ума. Мне едва ли удастся ясно мыслить, а мое тело невероятно дрожит. Ее тугой сосок скользит между моими губами, и я щелкаю по нему языком, влюбляясь в то, как она выгибается подо мной, а ее дыхание становится поверхностным и прерывистым. С громким хлопком я выпускаю ее жемчужинку изо рта, а затем приподымаюсь и смотрю на нее сверху вниз.

Святые угодники, она так совершенна. Упругие, идеальной формы груди настолько полные, что они даже немного шире ее узкой грудины. Гладкие, с блестящей кремовой кожей, они вздрагивают от каждого ее вдоха. Один ее сосок еще влажный от моих губ и темнее второго красно-коричневого. Они напоминают жженный ванильный топпинг на мороженом. Я хочу съесть ею всю. Страдая от нетерпения, я сдергиваю с Анны свитер, и рыжие кудри каскадом рассыпаются вокруг ее лица. Потом я стягиваю свою рубашку; в ней сейчас слишком жарко и невозможно дышать.

Анна хихикает, когда я присаживаюсь и стягиваю ее брюки и трусики одним быстрым движением. Она просто наблюдает за мной своими большими зелеными глазами. Но я замечаю, как ее пальцы сжимают покрывало, а прекрасные груди вздымаются от каждого следующего вдоха.

Вождеделение растекается по моим венам, пылая будто огонь. Оно разгорается еще сильнее по мере того, как я скольжу взором по ее обнаженному телу.

Господи. Ее талия такая узкая по сравнению с округлостями бедер, переходящих в длинные и стройные ноги. Веснушки покрывают ее плечи, а несколько есть даже на бедрах. Это словно бесконечные взбитые сливки с брызгами плавленного сахара, словно предложение всего, что я когда-либо хотел.

Мое внимание устремляется к тому месту, в которое я так жажду погрузиться. Очень маленький треугольник темно-рыжих волосков, словно валентинка между ее сладкими бедрами. Большинство девушек депилируют все волосы у себя на лобке. Это всегда выводило меня из себя, словно я пытаюсь трахнуть десятилетнюю девочку. Но Анна не такова. Для

меня она идеальна.

В один миг я теряю способность нормально дышать. Мой голос становится грубым и хриплым.

— Разведи свои ножки и дай мне насладиться видом на свою роскошную киску.

Ее тело напрягается, а нежные губы приоткрываются, выпуская нервный всхлип. О, но ее глаза блестят так ярко. Я знаю, что ей нравятся мои грязные пошлые слова. Раньше я не был особо разговорчив во время секса, и не думал, что когда-либо стану таким. Но почему-то с Анной все иначе. Может, потому что я так сильно ее хочу, что не в силах думать ни о чем другом, кроме слепящего, разрывающего на части вожделения и жажды оказаться внутри нее. Кажется, она немного оправляется от своей реакции, тогда как я наоборот начинаю снова дрожать. А все потому что она сейчас всецело моя.

Ее трясущиеся ноги раздвигаются. И передо мной предстают ее припухшие розовые влажные складочки.

— Ты так прекрасна, — хриплю я. — Так прекр... — я не могу нормально говорить.

Воздух между нами становится тягучим. Анна бесстыдно раздвигает ноги еще шире. Она не смотрит мне в лицо, ее взгляд прикован к выпуклости моих брюк, туда, где моя эрекция отчаянно пытается вырваться на свободу. Нетвердой рукой, я расстегиваю пуговицу джинс и тяну молнию, от чего звук разносится по тихой комнате. Мой член уже такой чертовски твердый, выпрыгивает на волю, торча вверх и пульсируя в такт моему сердцебиению.

Дыхание Анны замирает, а зубы прикусывают пухлый изгиб ее полной губы. Я удерживаю на ней взгляд, доставая свой стояк из трусов и немного поглаживая, от чего пульсация усиливается, но этого недостаточно, чтобы удовлетворить меня. Анна следит за моими движениями, неровно дыша.

— Хочешь, чтобы он оказался в тебе, Анна?

Ее взгляд устремляется к моему лицу. Сейчас она буквально задыхается, облизывает свои губы, не скрывая собственной жажды. В ответ я почти что стону.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул твою киску?

Она втягивает живот.

— Скажи мне, Анна, — шепчу я, наклоняясь так, что мои губы могут осыпать поцелуями ее согнутое колено, направляясь вверх вдоль ее бедра. Она дрожит, а ее тело дергается от каждого моего прикосновения. Я чувствую ее мускусный аромат, слабый запах геля для душа, сохранившийся в ее мягких завитках, чувствую жар ее сердцевины. С близкого расстояния мне видны все оттенки ее розовой киски. Она прекрасна.

Я наклоняюсь к верхней части внутренней стороны ее бедра и медленно лизу.

— Дрю...

Боже, я уже люблю слышать, как слетает мое имя с ее уст. Я награждаю ее за это, целую розовые, влажные губы, расположенные прямо передо мной.

— Или может ты хочешь, чтобы я вылизал тебя здесь, — говорю я, прежде чем всосать в рот ее плоть.

Анна выгибается на кровати, и мне приходится опустить руку на изгиб ее живота, чтобы удержать на месте.

Мне нравится проделывать с ней такое. Лизать, толкать свой язык в ее киску, трахать ее ним, позволяя себе насладиться ее насыщенным вкусом. Я чувствую жар своего собственного дыхания, когда бормочу, спрашивая:

— Так чего ты хочешь, детка?

А затем она отвечает.

— Все.

И я потерян. Мои пальцы возятся с презервативом, чуть не повреждая его в спешке. Я нависаю над ней, подцепляя руками ее ноги. Мой член погружается в нее одним рывком, от чего Анна стонет так громко и неистово, что я чуть ли не кончаю. Но сдерживаюсь, прикусывая ее плечо и раскачиваясь над ее телом. Мои руки все сильнее сжимают ее попку на пике каждого точка.

А ее стройные ноги оборачиваются вокруг моей талии так, что пятки упираются мне в спину, словно пришпоривая меня. Я теряю весь рассудок.

Скользя руками ей за спину, я приподымаю ее вместе с собой, усаживая на свои колени. Девушка обнимает меня, располагая руки именно там, где они должны быть. Я же опускаю свои ладони на ее округлую неотразимую попку, одновременно с тем находя то идеальное место у основания ее шеи и втягивая его в рот. У нее такой божественный аромат, смесь пряностей и самой Анны.

— Прими меня, — шепчу я напротив ее влажной кожи, скользя языком по шелковистой поверхности, а затем снова всасывая ее плоть. — Прими меня.

Руками она хватается за мои плечи, а затем опускается на мой член так, что ее горячая киска принимает всю мою твердую плоть. Я сжимаю ее ягодицы, стараясь контролировать силу захвата и не причинить ей боли. Но это так сложно. Я хочу Анну так сильно, что мои бедра толкаются вверх, врезаясь в нее еще сильнее. С ее губ слетает стон, это тихий звук, но от него я пылаю столь неистово, что покрываюсь потом, а мое дыхание свистит, лаская кожу ее шеи. Полные груди Анны раскачиваются и от каждого толчка ударяются о мою грудину. Я буквально на небесах и не хочу, чтобы это когда-либо кончалось. Это просто не может закончиться.

ВОЗМОЖНО, Я СОВЕРШИЛА ошибку, позволив Бэйлору прийти ко мне домой. Вся э личная хрень, показавшая ему часть меня настоящей, весь этот обмен семейными историями. Может, для него это было слишком. Или может, таким образом, исчезла вся новизна, и теперь он вспомнит, что обычно встречается с идеальными девочками-спортсменками. Я не знаю. Я скучаю по своей решительности, благодаря которой могла легко уйти от проблем и раздумий. Сейчас я застряла в классе, стараясь не смотреть на Дрю Бэйлора, который горбится на своем месте последние сорок пять минут.

Ладно, может мне и не следовало прогонять его после того, как мы переспали в моей постели. Но это было столь интенсивно, так неистово, что мне нужно было немного успокоиться наедине с собой. И да, я не сдержалась и прояснила тогда, что не хочу его видеть вплоть до самого следующего занятия по философии.

И хотя, вероятно, будет безопаснее не видеться друг с другом между занятиями, его поведение сейчас немного странное. Он просто встает и уходит, не сказав ни слова. Потому к концу урока я уверена, что с нами покончено. Вот только как же от этого больно.

Дрю бросил меня. Я невольно встаю и следую за ним. Может, я слишком остро реагирую. Откуда мне теперь знать? Мой внутренний радар ушел в самоволку. Но я смиряюсь с этой неудачей и решаю найти выход из положения.

Он уже вышел из лекционного класса и спускается по широким ступеням на улицу.

— Бэйлор, — я говорю это негромко, но он слышит.

Его длинные шаги переходят в короткие, и затем парень поворачивается. А поскольку я спешила следом за ним по ступеням, то мы оба оказываемся в холле в один и тот же момент, лицом к лицу. Я делаю шаг на ступеньку, за счет чего становлюсь с ним почти что одного роста. Я не заметила этого раньше, переживая по поводу своих параноидальных идей, но сейчас отчетливо вижу, что загар Дрю выглядит бледнее, а его рот перекошен с белым контуром вокруг губ.

— Ты в порядке? — спрашиваю я. — Выглядишь ужасно.

Его губы еще сильнее кривятся.

— Я в порядке, — он осматривает двор, словно ищет безопасное место. И все внутри меня холодеет. Раньше он никогда не хотел сбегать от меня.

— Хорошо, — я прохожу мимо него. — Увидимся.

Я не успеваю сделать еще один шаг, прежде чем он хватает меня за руку.

— Анна...

Его рука отпускает мою, как только я бросаю взгляд на его захват, и вдруг мне хочется, чтобы он вновь коснулся меня.

— У меня жутко болит голова, — ворчит Дрю.

Мои губы вздрагивают, и странное болезненное облегчение заполняет вены.

— А большие, сильные мужчины не признают слабостей?

Уголок его губ приподымается, но парень по-прежнему не встречается со мной взглядом.

— Что-то в этом роде, — а затем он становится еще бледнее, и инстинктивно я поддвигаюсь к нему ближе.

— Эй, — говорю нежно, пытаюсь заглянуть ему в глаза. — Все правда так плохо?

Он едва заметно кивает.

— Мигрень. У меня они бывают.

— У меня тоже, — и это отстойно. Я касаюсь руки Дрю, и кожа на его предплечье похожа на шелк. Мне нужно остановить себя от бездумного поглаживания его тела. — Тебе нужно прилечь. Не следовало сегодня идти на занятия.

— Я не могу пропускать пары, — говорит он, вздыхая. — И я не могу отправиться сейчас домой. У меня через час тренировка.

— Тренировка? Дрю...

— Да, тренировка, — он прижимает пальцы к своим глазам. — Иногда это отстойно. Но эта часть моей работы. Я принял около десяти таблеток ибупрофена, и все будет в порядке.

— Ты хочешь позволить парням врезаться в тебя и валить наземь, тогда как тебя мучает мигрень? — мне нужно отпустить все на самотек, но теперь из-за него у меня тоже начинает болеть голова.

Вместо того, чтобы злиться на меня, Бэйлор слабо улыбается.

— Тебе уже меня жалко? Потому что думаю, я смогу справиться с одной или двумя твоими слезинками.

— Прекрати пытаться меня отвлечь, — я беру его под руку. — Идем со мной.

— Ну, не знаю, Джонс. Как бы я этого не хотел, но не думаю, что сейчас могу сделать все на высшем уровне...

— Дрю, заткнись.

И как ни странно, он подчиняется.

Я могла бы отвезти его к себе домой, но осталось слишком мало времени до тренировки. Так что тяну парня в студенческую столовую. Солнце находится в зените и ярко светит на нас, когда мы пересекаем двор.

— Надень свои солнцезащитные очки, — говорю я ему, пока мы идем.

— Хочешь, чтобы я был с тобой инкогнито? — он уже вытащил их и надевает. И стоит признать, они ему слишком идут.

— Нет, это для твоих же глаз... — я затыкаюсь, как только замечаю его усмешку. — Перестань надо мной насмехаться.

Он смеется.

— Но это же весело, Джонс.

— Ты только что сказал это с подтекстом?

Еще один смешок.

— Не думаю, что грамматически ты сможешь это доказать, Джонс, но да, — он забрасывает руку мне на плечи, притягивая ближе, и целует в висок. Меня окутывает его тепло и ощущение притяжения. Краснея, я выскальзываю из-под его руки и толкаю дверь в столовую.

— Что мы будем тут делать? — спрашивает Дрю, придерживая для меня дверь.

Для того чтоб пройти под его рукой, мне даже не нужно нагибаться.

— Пополним запасы.

Несмотря на свою бледность, он выгибает брови.

— А вот сейчас у тебя есть мое полное внимание.

Нет. Я не стану улыбаться. Даже немного.

Ага, я улыбаюсь.

— У тебя одноклеточный ум.

— Это неправда, Джонс, — говорит он так тихо, чтобы только я услышала. — По отношению к тебе у меня есть несколько линий поведения. Но если честно, ты права, они все ведут к одному и тому же, — озорные искорки в его глазах подсказывают мне, куда именно. Не то чтобы я сомневалась в этом.

Стараясь не усмехнуться в ответ, я закатываю глаза и направляюсь к фуд-корму. Полностью забитому людьми. Они начинают толпиться вокруг Дрю. Честно, я не знаю, как он все это выдерживает. Пот моментально выступает у меня на пояснице и плечах. Когда замечаю, как ребята ударяют Дрю по плечу и дают ему пять.

Я ощущаю, как пальцы Бэйлора пробегают по моим и понимаю, что он пытается взять меня за руку. Но я уклоняюсь и отступаю. Он, кажется, расстроен по этому поводу, но я игнорирую и это, просто указывая на бар с салатами.

— Я буду там.

А затем я оставляю его, пока парень хмурится, разговаривая со своими фанами.

Возле бара с салатами я нахожу маленький контейнер для приправ и заполняю его оливковым маслом.

— Зачем тебе оливковое масло?

Я чуть ли не роняю контейнер от внезапного звука голоса Дрю.

— Для одного крупного парня, который умеет подкрадываться на удивление незаметно, — от его присутствия я ощущаю волну тепла и энергии, накатывающую на меня со спины. Я закрываю контейнер крышкой. — А тебе придется подождать и узнать, зачем же мне масло.

Он наклоняет голову, прислоняясь ею к моему плечу и глядя мне в лицо.

— С этой точки зрения, твои заявления о непорочности становятся крайне неуместными, — он говорит это легкомысленно, но я слышу напряжение в его голосе. Неужто он расстроен тем, что я его бросила?

Все те люди подошли, чтобы поговорить с ним, а не со мной. Так почему же я ощущаю себя виноватой за то, что ушла? Мышцы у меня на затылке немного напрягаются. Я выдавливаю улыбку.

— Хорошо. Я заслужила твой скептицизм. Но вскоре ты извинишься за это.

Крайне медленно он тянется рукой к моему лбу и убирает выбившиеся пряди.

— Я доверяю тебе, Джонс.

— Пойдем, — говорю я, довольно невнятно. — Нам нужно на второй этаж.

Выражение его лица становится равнодушным и отстраненным. И на мгновение мое сердце мучительно замирает, но затем я осознаю, что это не из-за меня. Он даже не смотрит в мою сторону. А просто заботится о том, чтобы быстро убраться отсюда. Уверенно шагая вперед, Дрю подталкивает меня рукой, касаясь моей поясницы и направляя к черному входу. По факту, люди расходятся перед ним словно Красное море перед Моисеем.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я шепотом. — Это похоже на некую супер силу.

Он фыркает.

— Тебе приходится довольно быстро учиться изображать выражение в стиле "отвалите все", когда это реально нужно.

К сожалению, на некоторых людей подобное не действует. И к моему ужасу, среди толпы появляется знакомое лицо. Я не видела Уитни Саммер с тех пор, как закончила старшую школу. Правда, мне было известно, что она поступила в этот университет. Не то чтобы я отслеживала ее местонахождение, по сути мы ненавидим друг друга.

Худая, стройная и загорелая, со светлыми волосами до середины спины, она всегда напоминала мне куклу Барби. Стереотип конечно, но ей подходит. И сейчас она направляется прямо к Дрю.

Так как у Бэйлора нет вариантов куда идти, как только на нее, он останавливается.

Большие глаза Уитни моргают, глядя на него.

— Дрю Бэйлор. Я думала, неужели это ты.

— Ага, ты права, — говорит Дрю.

Она полностью игнорирует меня. И это неудивительно. Годами эта девушка вела себя со мной как сука. Широко улыбаясь, она предлагает Дрю свою руку.

— Уитни Саммерс. Я знаю твоего друга Томпсона, — ее улыбка становится еще ярче. — И Роналдо, — сейчас она хихикает. — И Симмса.

Господи. Она правда намекает на то, что я думаю? Мы с Дрю обмениваемся взглядами, и очевидно, что он задается тем же вопросом. Его губы изогнуты.

— Гм. Ага. Ладно, рад с тобой познакомиться.

Бэйлор переносит вес на пятки, словно собирается ее обойти, как раз когда девушка наклоняется ближе к нему.

— Я просто хотела представиться, — говорит она. — Ну знаешь, сказать привет.

— Ладно. Привет.

Уитни перебрасывает прядь своих длинных волос через плечо и продолжает улыбаться Бэйлору.

— Может, мы могли бы как-нибудь выпить кофе.

Чудесно. Идеально. Я вижу, как от этого предложения Дрю перекашивает. Но в то же время стараюсь по минимуму смотреть на него. Мне не хочется видеть его выражение лица. Мне просто не стоит на это реагировать. Не в тот момент, когда Уитни дразнит меня, делая вид, что меня тут попросту нет.

Глядя на нее, я ощущаю ту же ярость, что навалилась на меня в старшей школе. Как так вышло, что кто-то столь мелочный и поверхностный мог влиять на мнение учеников буквально по взмаху руки? И чего не хватает мне, чтобы быть столь же влиятельной? Я никогда не была невзрачной или глупой.

Правда, я не понимаю, как устроен этот мир. Дедушка Джо когда говорил мне, что подлость никогда не окупается. Но я уверена, что автор этого изречения никогда не ходил в старшую школу.

Стоя рядом с Дрю, я стискиваю зубы и борюсь с огромным желанием сбежать. А еще стараюсь сдержать порыв врезать кулаком в курносый нос Уитни. Возможно, Бэйлор чувствует мое раздражение, потому что ни с того ни с сего касается моей поясницы. Его прикосновение будто клеймо жара на моем позвоночнике.

— Извини, — говорит он Уитни, — но нам нужно идти.

Ее улыбка рассыпается на мелкие осколки. Наши взгляды пересекаются, и на лице

девушки появляется расчетливое выражение.

— Я тебя знаю, — ее голова наклоняется в сторону, когда Уитни смотрит на меня —
Дай подумать.

О, очень мило.

— Ага, подумай. Мы учились в старшей школе вместе, — и в младшей школе тоже и в подготовительной... но неважно.

— Ох. Анна, верно? — она немного смеется, словно смущена своей оплошностью, но меня не обманешь. К тому же она смотрит на Дрю, а не на меня. — Некоторых людей крайне сложно запомнить.

Я напрягаюсь, готовая наброситься на нее. Но Дрю останавливает меня, кладя руку на мое плечо. Этот его захват дает окружающим четкое представление, что мы вместе.

— Ну, сейчас я не думаю, что забуду тебя, — говорит он ей, и при этом его тон отнюдь не милый.

Но думаю, Уитни все равно не замечает его сарказм. Неа, она просто глупо улыбается.

И даже при том, что Дрю поступил хорошо по отношению ко мне, мне ненавистно быть свидетелем этой сцены. Он не должен меня защищать. Реакция людей на нас такая же полярная, как север и юг.

Со щемящим сердцем, я стою, словно одеревенелая в его объятиях и смотрю на Уитни.

— Принимая во внимание то, что ты называла меня Анна-Банана-труссы с третьего класса, — добавляю я холодно, — делаю вывод, что либо ты крайне тупая, либо лживая.

Ее рот приоткрывается, а румянец заливает лицо. Она точно не ожидала от меня честности.

Дрю легонько сжимает мое плечо и смотрит на меня сверху вниз.

— Так мы идем?

— Ага.

Он направляет меня вокруг ошарашенной Уитни, даже не говоря ей пока. Нам вслед доносится приглушенное бормотание слова "сука", на что Дрю притягивает меня ближе к себе и выдыхает на ухо:

— Чья бы корова мычала, правда?

Нехотя я улыбаюсь и делаю шаг от тела парня.

— Ты никогда бы не убедил ее в этом.

— Мне жаль, что она была с тобой грубой, — он хмурится, а его глаза темнеют от затаившегося в них беспокойства. Ненавижу это.

Я пожимаю плечами.

— Вероятно, она была слишком взволнована твоим величественным присутствием.

Он еще сильнее злится.

— Ты извиняешься за ее поведение, Джонс? Она не заслуживает этого.

Нет, не заслуживает, но я не собираюсь рассказывать ему правду о том, что большинство людей, знакомых мне по жизни, вели себя также, но на постоянной основе.

— Уитни была черлидершей в моей старшей школе. Она сходит с ума по всему, что связано с футболом, — я даже не сомневаюсь, что у нее появились виды на Дрю, когда он перевелся в наш университет.

Бэйлор бросает на меня взгляд, от которого кажется, что парень видит мои мысли насквозь. Мне же в некотором роде ненавистно, что он так легко может меня прочесть.

— Я так понимаю, тебе не нравятся черлидерши? — спрашивает Бэйлор.

Мы обходим группу девушек, которые все до одной глазеют на Дрю. Тихие хихиканья становятся громче, когда мы проходим мимо.

— О, даже и не знаю, — говорю я. — В прошлом году в моей группе по исследованиям была девушка из местной команды поддержки. Лэйни. Она милая. Она отлично накачала попку, занимаясь спортом, и поэтому я восхищалась ею.

— Я знаю Лэйни, — видя счастливые искры в его глазах, я гадаю, как хорошо он ее знает, но прежде чем могу необдуманно спросить об этом, Дрю добавляет. — Она встречается с моим другом Маршаллом.

Ох.

Дрю открывает передо мною дверь на лестницу.

— Но есть такие черлидерши, как Уитни, — продолжаю я, — которые, кажется, учились по хрестоматии стереотипных сук, — я пожимаю плечами, вытягивая из волос заколку, которая зацепилась на лямку моей сумки. — Я никогда не смогу понять, почему им нужно так себя вести.

Глаза Дрю заволакивает дымка, но в уголках появляются морщинки, говорящие о том, что ему смешно.

— Ты бы удивилась, как легко играть выбранную роль, — он останавливается, и его рука замирает на перилах. — Или возможно не удивилась. Не такой нонконформист, как ты.

Я никогда не умела воспринимать похвалу на свой счет. Особенно от Дрю. Я корчу рожицу и пытаюсь говорить легкомысленно.

— Бах. Нонконформизм — это тоже роль.

— Возможно, но... — Дрю быстро улыбается, искренне, но с некой натянутостью. — Любой, кто считает себя мужчиной, должен быть нонконформистом.

— Бросаешься фразами Эмерсона? — я качаю головой, пока мы поднимаемся по ступеням. — Сейчас ты реально показушничаешь.

— Ну, что я могу сказать? Моя мама была профессором по английской литературе. А Эмерсон был ее любимчиком. Другим детям читали *сказки* на ночь. А я получал в *дополнение* к сказкам цитаты Эмерсона.

— Оставь свои шовинистические подколки при себе.

— Что? — его брови приподнимаются в возмущении. — В этой цитате нет ничего шовинистического.

Я сдерживаю улыбку. Он слишком непринужден. И если поддразнивания отвлекают его от боли, то тем лучше.

— Верно. Даже при том, что ты сказал "любой, кто считает себя *мужчиной*", — я поднимаю руки, делая пальцами кавычки, тем самым подчеркивая сказанное. — Почему не "человеком"?

К сожалению, Дрю слишком смышлен. Его сердитый взгляд вдруг сменяется на знакомую улыбку.

— "Мужчина" генетически отличен от простого понятия "человек", и тебе это известно.

— А это сексизм, — отвечаю я, почему-то слишком сильно развеселившись.

— Я очень сомневаюсь, Джонс, что данный термин был актуален в 1841.

Я замахиваюсь, чтобы пихнуть его в ребра, но он отскакивает, и я просто посылаю ему многозначительный взгляд. Дрю становится бледнее, а на лбу появляются бусинки пота. От этого в моей груди начинает щемить.

— Пойдем, — я беру его под локоть и веду вдоль коридора. — Давай усадим тебя

прежде, чем ты упадешь лицом на пол.

Вверх по ступеням мы поднимаемся в радиорубку кампуса. Это большое пространство со стеклянными стенами, в котором обычно работает Флойд Хопкинс. И сейчас он тоже здесь, перекусывает сэндвичем и содовой, снаружи у кабинки диджея.

Он замечает меня и расплывается в улыбке. Высокий, худой, с торчащими темно-русскими прядями завитков и бородой, он выглядит как современный Шэгги. Но отрицать его харизму невозможно. Есть некое очарование во всех его действиях. Какая-то вальсяжная таинственность.

Флойд был тем, кто познакомил меня с травкой на втором курсе. Мы вместе ловили кайф и переспали. Это было крайне памятно. Но несмотря на все, нам удалось остаться друзьями. Ну, "друзьями" в натянутом понимании слова. Наш случай больше похож на понятие «знакомые с привилегиями». Но это понятие отнюдь не мешает парню обнимать меня дольше положенного. Или может он делает это, потому что Дрю стоит рядом, так как взгляд Флойда все это время остается направленным на Дрю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Анна Джонс, как твои дела?

Я освобождаюсь из хватки Флойда. Прийти сюда было плохой идеей. Одной из многих.

— Хорошо.

— Ага... — Флойд смотрит то на меня, то на Дрю, ожидая объяснения. Кажется, Бэйлор готов сбежать.

— Слушай, — говорю я, — можно я использую твою заднюю комнату... — мой голос звучит уклончиво. Дикая усмешка Флойда и внезапно взлетевшие брови Дрю ударяют меня словно кирпич об голову. Святое дерьмо. Я реально тупица, потому что даже не подумала, как со стороны прозвучит моя просьба.

— Перестаньте думать о пошлостях, — выкрикиваю я, краснея и желая умереть на месте.

К счастью, Флойд смеется.

— Я просто подкальываю тебя, Анна. Знаю, что ты последняя девушка, которая станет просить одолжить ей кушетку для траха, — он смотрит на Дрю. — Даже учитывая то, что с тобой Боец Бэйлор. Она очень осторожна, ну, ты знаешь?

Дрю просто смотрит на него в ответ, и Флойд сдувается, словно проколотый гелиевый шарик. Что касается меня, то я хочу кого-то ударить. Флойд проводит пальцами по своему заросшему подбородку. — Это круто. Идите и проведите свои семь минут с пользой.

— На самом деле нам нужно около часа... — и снова мой голос стихает.

Усмешка Флойда набрала полные обороты. А Дрю стоит рядом и издает такие звуки, будто задыхается.

— Боже, просто... — я дергаю Дрю мимо Флойда и влетаю в лаундж-зону, закрывая дверь и блокируя веселье Флойда.

Но не Дрю. Он взрывается смехом, не смотря на собственную головную боль.

— Ох, черт, — парень снова смеется. — Боже, ты бы видела его лицо.

— Забавно, — я включаю лавовую лампу. Да, здесь имеется такая, и я заприметила ее в прошлый раз, когда была здесь, но сейчас она послужит нам по своему назначению.

— Я имею в виду, что это было довольно не тонко, Джонс, — его глаза заволочены дымкой, но в них видны искры смеха. Ублюдок выглядит круто, даже с головной болью.

— Ты еще пожалеешь, что дразнил меня, — я выключаю верхний свет, и мы погружаемся в полутусклый свет синих движущихся теней. — И если ты еще хоть раз пошутишь насчет секса...

— То ты *сильно* разозлишься? — спрашивает Дрю, плюхаясь на диван. С его губ срывается вздох, когда парень опускает голову на спинку. Ему больно, но почему-то Бэйлор выглядит довольным. — Спасибо, что нашла, где мне прилечь, — говорит он. — Мне это было нужно.

Осторожно, я сажусь рядом с ним.

— Я просто счастлива, что Флойд не заметил оливкового масла.

Дрю снова раздражается хохотом, но смех переходит в стон.

— Анна.

Переполняющие его голос эмоции, когда Дрю произносит мое имя, лишают меня способности говорить. Мои мысли идут кругом, когда я раскрываю контейнер с маслом и растираю немного на своих ладонях.

— Дай мне свою руку.

Брови Дрю приподымаются, но он подчиняется. Обычно его руки теплые, но сейчас они холодные и влажные.

— Большинство людей считают, что массаж шеи наиболее эффективен при мигрени, — говорю я, удерживая его руки между своими, тем самым стараясь ее немного согреть. — Но довольно большое количество нервных окончаний расположено у нас на руках. Тут есть точки, которые напрямую связаны с головной болью.

Его рука настолько большая, что мне трудно справиться с задачей. Сначала я сосредотачиваюсь на его широкой ладони, массируя ее по центру своими костяшками. А Дрю стонет, откидывая голову на бок. Его длинные пальцы немного сгибаются, касаясь моего запястья.

— Моя мама обычно делала мне массаж рук, когда у меня были мигрени, — говорю я. — Помимо выстрела в висок, нажатие на болевые точки руки — самый быстрый способ облегчить боль.

— Ты — богиня, — говорит он, издавая еще один стон. — Трущая руки богиня.

— Подхалим.

Его предплечья под моими пальцами кажутся твердым дубом, а кожа гладкой и быстро нагревающейся.

На какое-то время мы смолкаем.

— Итак, Флойд? — говорит он вдруг.

Мои руки на секунду замирают.

— Предполагается, что я на это отвечу?

Он наклоняет голову и смотрит на меня.

— Бывший парень?

Я слегка дергаю за один из его длинных пальцев, сжимая подушечку.

— Не совсем.

— Ты просто оставляешь вереницу ухажеров следом за собой?

Хотя здесь темно, но он явно слишком хорошо все видит. Я останавливаюсь и смотрю ему в глаза.

— Кто бы говорил.

Его пальцы сплетаются с моими, прежде чем я успеваю отстраниться.

— Я ревную, — свет от лавовой лампы отбрасывает на его лицо волнистое отражение синевы. Линии вокруг его глаз углубляются, но он не отводит взгляд. — Ладно? Я... — Дрю немного опускает ресницы. — Мне не нравится видеть тебя рядом с парнем, который знает тебя в этом смысле.

— А ты знаешь, скольких девушек я видела, висящими на тебе? — мое сердце бьется в бешеном ритме. — Сколько задниц ты шлепал, проходя по коридорам университета?

Он хмурится.

— Я спортсмен. Мы шлепаем девичьи попки и так выражаем свою любовь к фанам. И то, что я дружественно настроен к тем девушкам, еще не означает, что у меня был с ними секс.

От неверия я фыркаю, и он несильно дергает меня за руку.

— Ладно, можешь мне не верить. Вопрос в том, почему тебя это волновало?

Попалась. Из-за собственного длинного языка. Я вожу по большому пальцу Бэйлора кончиком своего пальца, проводя им по его коротко подстриженному ногтю.

— Я бы просто не хотела видеть такое сейчас.

Он ничего не отвечает. В течение длинной, мучительной минуты. Но я ощущаю его взгляд словно горячее одеяло. А затем его большой палец пробегает по моим костяшкам.

— Ну значит, — говорит он грубым и напыщенным голосом, — ты умеешь симпатизировать.

Меня накрывает боль, чем-то похожая на чувство вины.

— Флойд был просто интрижкой.

Дрю ждет секунду, а затем мягко отвечает:

— Я тоже, — я не упускаю нотку обвинения в его словах.

С трудом сглатывая, говорю:

— Ага, вот только интрижка с тобой, кажется, никак не закончится.

Дрю фыркает, но на секунду его захват на моей руке усиливается. Я ослабляю его, потирая подушечки его большого и указательного пальцев, в которых расположены нервные окончания. Дрю вздыхает и откидывается на спинку дивана, закрывая глаза.

— Это приятно.

— Знаю. Твои руки слишком напряжены.

— Забавно, — бормочет Дрю, — так же говорит и тренер Джонсон, мой агрессивный координатор. Он всегда заставляет меня разминать их после тренировки.

Черты его лица все еще выражают усталость, но на губах играет улыбка. Я аккуратно опускаю его руку на бедро и беру вторую ладонь.

— Ты ведь правда это любишь? — спрашиваю я.

Его рука в моих ладонях немного вздрагивает, прежде чем Бэйлор открывает глаза.

— Футбол? Конечно. Я бы не играл, если бы не любил это.

— Не знаю, — пожимаю я плечами, — некоторые люди играют по другим причинам. Например, чтобы порадовать родителей или привлечь внимание. Бывает много различных мотивов.

— Ага, но они не достигнут многого, если не полюбят футбол. Давление просто собьет их с ног.

— А тебя оно сбивает с ног, — спрашиваю я, нежно. — В смысле давление?

На мгновение он не издает ни звука, и я понимаю, что Бэйлор не хочет отвечать. И хотя его скрытность не должна ранить меня, но так и есть.

— Ты не обязан...

— Иногда это реально давит и на меня, — говорит он низким голосом. — Иногда... — Дрю глубоко вздыхает, — я просыпаюсь почти крича. Словно все это пытается вырваться из меня, как только я отпускаю защиту и засыпаю.

Я не знаю, что сказать, потому просто прижимаю подушечку своего большого пальца к его ладони и растираю кожу круговыми движениями. Напряжение в его руке спадает, а голос становится более нежным.

— Но это просто нужно принять как часть жизни. Отпустить на самотек, не придавать значения.

— Каждый год, перед началом сезона, мой отец спрашивал, хочу ли я по-прежнему этим заниматься? — Дрю поворачивается ко мне. — Потому что он знал, как тяжело играть и жить с этим, если ты не жаждешь побед, если не любишь все это. Он предупреждал меня, что однажды футбол начнет давить, и тогда мне нужно будет найти способ справиться с этим давлением.

— А твой отец тоже играл? — я умираю от любопытства, узнать побольше о его родителях.

Дрю моргает, медленно взмахивая своими ресницами. Возможно, ибупрофен и массаж сделали свое дело. Или быть может, я обидела его этим вопросом. Надеюсь на первый вариант. Продолжая потирать его руку, я поглаживаю его кожу от запястья и до твердого как дерево предплечья.

— Не в футбол, — отвечает Дрю, наблюдая за движением моих пальцев. — Он играл в бейсбол. Питчером. Он вступил в команду MLB прямо из колледжа. Повреждение мышц плечевого сустава в последнем сезоне помешало ему стать профессионалом, — Дрю снова улыбается. — Папа был моим учителем младшей лиги.

— И тем не менее ты выбрал футбол? Что не так с бейсболом?

Его губы изгибаются, а глаза с трепетом закрываются.

— Я бесподобен в бейсболе, Джонс. Я мог бы играть в него вместо футбола. Но для меня футбол всегда был тем единственным.

— Если ты был хорош в обоих видах спорта, то как смог выбрать?

Длинные пальцы Дрю переплетаются с моими, удерживая мою руку в теплом, крепком захвате. Он не открывает глаз, когда говорит:

— Некоторые вещи ты просто знаешь.

Я прочищаю горло.

— Я завидую тебе. Я никогда не была ни в чем уверена на 100 %,- за исключением Дрю и того момента, когда впервые его увидела. Но я не говорю этого. Я просто убираю свою руку от его руки, и он позволяет мне это, будто знает, что сейчас я нуждаюсь в некой свободе.

— Не слишком завидуй, — говорит парень, кривясь. — Знать, чего ты хочешь, и иметь это — две разные вещи, — его глаза фокусируются на моих, и это ощущается как удар кулаком в живот. — Лучше бы у меня было то, чего я хочу, чем то, что просто знаю.

Я первая отвожу взгляд, а затем ерзаю на своей половине дивана, поворачиваясь и скрещивая ноги.

— Ложись.

Он косится на меня, немного хмурясь, словно на самом деле не хочет двигаться.

— Еще что-то?

Хватая свое пальто, я складываю его у себя на коленях.

— Головой сюда.

Брови Дрю приподнимаются, а его выражение лица — смесь усталости и замешательства, от чего я начинаю смеяться.

— Что ты думаешь, я с тобой сделаю?

— Не знаю, — говорит он, опускаясь на диван. — Но я надеюсь на лучшее.

— А как же доверие? — говорю я, драматически вздыхая.

Его голова ложится на мои скрещенные ноги.

— Я только что рассказал тебе кое-что о себе, то, что не знает никто из живых, Джонс. Не думаю, что мое доверие может быть еще более очевидным.

Я наклоняюсь к нему так, что наши лица оказываются в дюйме друг от друга. Его слова для меня как укор. Мои руки опускаются на плечи Дрю, осторожно и легко нажимая на них, а пальцы на ощупь находят кожаный шнурок вокруг его шеи. Я провожу вдоль него, наблюдая, как покалывает его кожа от моих прикосновений. Когда достигаю подвески, то провожу по отполированному дереву большим пальцем.

Все это время Дрю наблюдает за мной, его взгляд настороженный, уязвимый. Но когда парень начинает говорить, кажется, что он специально открывается передо мной.

— Это кусок дерева от косяка входной двери дома моих родителей, — его ресницы прикрывают глаза, скрывая затаившуюся в них боль. — Таким образом, я всегда ношу с собой кусочек моего старого дома.

Дерьмо. Он медленно вырезает свое имя у меня на сердце. И это больно. Я хочу нагнуться над ним и укрыть его тело своим. Но щеки парня краснеют, а шея на секунду напрягается, словно он сожалеет о своем признании.

Я кладу свою ладонь на подвеску, прижимая дерево к его твердой груди. И когда наконец могу говорить, справившись с нахлынувшими эмоциями, то произношу:

— Сейчас я буду массажировать твое лицо.

— Мое лицо? — повторяет он, словно я предложила поковыряться своим пальцем в его носу.

Я сдерживаю смех.

— На лице человека еще больше нервных окончаний, чем на руках, — опуская руки на его плечи, я растираю их, постепенно перемещаясь к шее. Ему это нравится, и его тело расслабляется на диване.

Веки Дрю трепещут, словно он хочет их закрыть. Мои руки перемещаются к его челюсти, а затем ослабляют напряженность у парня на лбу.

— Все в порядке. Закрой свои глаза.

И когда он закрывает, я легонько пробегаю подушечками пальцев по его лицу, ощущая его сильные, четкие черты. Странно, но я всегда считала, что привлекательность Дрю основана на его внутреннем свете, умении держаться в обществе и эмоциональной яркости. Но, Боже, как же он красив.

По сравнению с моим лицом, состоящим сплошь из кривых линий, его — это бриллиант, где резные линии и углы сливаются словно грани. Его нос ровный и длинный, расширенный немного по центру, лишь придает парню индивидуальности. Выделяющиеся скулы четко устремлены к его рту, этому вечно улыбающемуся, прекрасному рту. Сейчас его

губы расслаблены и выглядят немного надутыми. Челюсть правильной формы и абсолютно симметрична как и щеки.

Сильно и жестко надавливая, мои пальцы проводят линии по его лбу, натягивая кожу от центра к вискам. Нечеткий, волнообразный свет от лавовой лампы отбрасывает глубокие синие и серые тени на его кожу.

— Продолжай со мной говорить, — шепчет Дрю.

Я замираю.

— Разве шум не усиливает твою головную боль?

Густые ресницы порхают вверх, отбрасывая тени на его щеки.

— Твой голос — это не шум. Это песня, которую я хочу слышать раз за разом.

О. Мой. Бог.

Я глубоко вздыхаю и начинаю пощипывать его кожу вдоль линии роста волос. Дрю тихо стонет.

— А твое полное имя Эндрю? — не самое блестящее направление разговора, но я любопытна.

Уголки его губ немного приподымаются.

— Неа. Я просто Дрю, — он говорит тихо, едва ли громче бормотания. — Маме не нравились прозвища. Она решила, что меня назовут именно так, как они с отцом хотят, чтобы меня звали. Так что я просто Дрю Бэйлор. Никакого второго имени.

— В некотором роде я люблю твою маму за это, — говорю я мягко.

Его глаза открываются и встречаются с моими. В них все еще плещется боль, но также там скрывается тепло, замечая которое, я краснею.

— Она бы тоже тебя полюбила.

Нет, она бы не полюбила меня. Какой бы матери понравилась девушка, которая общается с ее бесценным сыночком лишь ради секса? Никакой. Я прижимаю ладони к его щекам, фактически закрывая Дрю обзор, а затем провожу большими пальцами по крыльям его носа и щекам, глубоко нажимая.

— Христос, — выдыхает Дрю, — как же это приятно.

— Знаю, — я немного улыбаюсь.

— А что на счет тебя? — спрашивает он. — У тебя есть второе имя?

— Мари, — я глажу вдоль его челюсти. Мышцы здесь такие напряженные.

— Анна Мари, — произносит он нараспев. — Мне нравится.

Дрю замолкает, и я начинаю мурлыкать, не песню правда, просто мелодию, чтобы заполнить тишину. Он вздыхает, и его тело сильнее расслабляется от моих прикосновений.

— Когда твой день рождения, Анна Мари?

— Ты хочешь, чтобы я начала сожалеть о том, что сказала тебе свое второе имя?

Его улыбка неуверенная, будто парень снова испытывает прилив боли.

— Просто ответь на вопрос.

— Зачем, — я запускаю руку в его волосы на затылке, нащупывая основание черепа. Его мышцы в этом месте такие тугие, что мои пальцы едва ли могут вжаться в его плоть. — Собираешься вручить мне подарок?

— Ты так об этом говоришь... О, боже, это место... — его брови сходятся в гримасе. — Боже, сделай это еще раз, Джонс.

Жар разливается по моей коже, но я подчиняюсь. Он дрожит, а его длинное тело дергается, словно это прикосновение освобождает Дрю от боли.

— Ты так об этом говоришь, — повторяет он, возвращаясь к теме подарков, — что теперь я в некотором роде обязан сделать тебе подарок, верно?

— Не напрягайся, — бормочу я, пробегая пальцами вдоль его скулы, прежде чем ответить. — Ты меня этим нервируешь, Бэйлор. Скажи тогда, когда твой день рождения?

Дрю выпускает вздохи и стоны, словно я нашла те точки, которые мучали его все это время. Он полностью расслаблен, лежа здесь на диване. Я касалась почти всего его прекрасного тела, и все же прикасаться к Дрю, чтобы облегчить его боль — это удовольствие, на которое я никогда не рассчитывала.

Его голос почти что сонный.

— Девятнадцатое ноября.

Я останавливаюсь.

— Это неправда.

Он открывает один глаз.

— Зачем мне лгать? — оба глаза открываются и смотрят на меня. — Когда твой?

Я прикусываю губу.

— Девятнадцатого ноября.

Дрю усмехается, выражение его лица сияет.

— Мы друзья по дню рождения, — его улыбка становится самодовольной. — Только я тебя старше.

С моих уст срывается смешок.

— Можешь засчитать себе это как победу. Я не знаю ни одну девушку, которая хотела бы быть старше своего... — мой голос стихает.

Но уже слишком поздно, потому что и дураку ясно, что я хотела сказать. *Своего парня.*

На его лице появляется выражение удовлетворения, но есть там что-то еще. Что-то, отчего мое сердце учащенно стучит в груди, а во рту пересыхает. Подтверждение. Словно Дрю ждал от меня этой ошибки.

Его густые и длинные ресницы обрамляют светло-карие глаза. Под кончиками моих пальцев вздрагивает его кадык.

— Анна.

Мою грудь сжимает до боли. Мама всегда обвиняла меня в избытке гордыни. Люди думают, что гордость — это что-то подконтрольное вам, нечто грешное, что лучше использовать в ограниченных дозах. И они правы. Но большую часть своей жизни, гордость была единственной вещью, помогающей мне держать голову поднятой. И сейчас именно она удерживает меня от Дрю. Я это знаю. Черт, я *чувствую* ее тяжелые руки на мне, отчаянно сжимающие мое тело. Я знаю это, и все равно не могу вырваться на волю. Я не готова.

Мне безопаснее в ее знакомых объятиях. Моя гордыня мне как родная. И вместо того, чтобы прояснить *все* между нами, я перемещаю свои руки на щеки Дрю и говорю:

— Спи, — а затем провожу большим пальцем по его нижней губе. — Тебе нужно поспать.

Протест омрачает черты его лица.

— Спи, — настаиваю я, и мое горло сжимается. — Я разбужу тебя.

Еще несколько минут он наблюдает за мной своими всевидящими глазами. Но затем все же делает, как я прошу, отдавая себя в мою волю. А я провожу пальцами по его шелковистым волосам и просто наблюдаю за Дрю, пока он спит.

ВСЕ СТАНОВИТСЯ ТОЛЬКО хуже, перерастая в зависимость. Я нуждаюсь в Дрю в чаще и интенсивнее. По крайней мере есть некие правила. Правила, чтобы суметь сдержать себя под контролем, в безопасности. Правила, на которые мы оба согласились и поняли их, не сказав друг другу и слова. Мы всегда встречаемся у меня дома, не поздно, чтобы это не затянулось и не перешло в ночевку, никогда не проводим вместе больше часа — ну или трех, если потребность настолько возросла. И мы все еще не целуемся в губы, хотя я начала замечать недовольство Дрю по поводу этого правила. По крайней мере, пока что он не высказывает его вслух. И я уверенно твержу себе, что это к лучшему. Мне нужно защитить себя. Потому что никогда не знаешь, чем все закончится.

Прямо сейчас мы голые в моей постели, под моим любимым одеялом поверх наших тел. Забравшись с Дрю под одеяло, я словно пересекла некую незримую линию. Это слишком личное, слишком похоже на любовную версию интрижки. Нет-нет, мы не прячемся под простынями, потому что забыли закрыть дверь в мою комнату, не думая в тот момент ни о чем, кроме как побыстрее соприкоснуться кожей к коже.

Больше всего меня сейчас беспокоит, что мы уже закончили, а Дрю не уходит. А я не тороплю его. Его золотистая кожа поблескивает от пота, и парень немного задыхается, словно он пробежал несколько миль.

Ну улице наступают сумерки, лучи заходящего солнца, прокрадываясь в комнату сквозь жалюзи, становятся более тусклыми, пока наши тела не окрашиваются в полосы оранжевого цвета.

Одна из рук Дрю покоится на рельефном твердом прессе его живота. Я сосредотачиваюсь на этом, лежа на боку, пока одна моя рука все еще зажата под его плечом, а вторая держится за столбик кровати. Я так крепко вцепилась в этот столбик, что гадаю, нужно ли будет просить Дрю разжать мои пальцы, прежде чем он уйдет.

Приятный, нежный озноб проходит сквозь мое тело. Это то, что он делает со мной. Так основательно он дарит мне удовольствие и в ответ получает свое. Мои соски напрягаются. К счастью, Дрю не замечает. Он отворачивается, чтобы сделать несколько больших глотков воды с бутылки, что стояла на прикроватной тумбочке. И вот тогда я и вижу это. В комнате темно, но не настолько, чтоб скрыть некоторые вещи.

— У тебя есть татуировка, — в моем замечании проскакивают нотки чрезмерного восхищения, которые я не в состоянии скрывать, да и не хочу. Я буквально демонстрирую свой восторг, усмехаясь. Злой усмешкой.

Он оглядывается и смотрит на меня внимательно.

— Ага.

— Это алебарда, — добавляю я, ликуя. Милый маленький боевой топорик в стиле зарисовки, размером примерно с мой большой палец расположен на верхней части его левой

ягодицы. Он похож на тот, который был у Папы Смурфа. И как только я его раньше не заметила? Верно, он же обычно одевает обратно свои трусы и уходит.

Скулы Дрю становятся розовыми.

— Чертов Канкун. Весенние каникулы, мой второй год учебы, одна пьяная ночь и вот он результат. Я смутно помню ощущения жжения на своей ягодице, пока мои коллеги по команде скандировали "Боец, Боец". Вот и все. Я проснулся голым в кровати полной... — румянец вновь выступает на его щеках, и Бэйлор пробегает рукой по своим волосам, от чего кончики торчат в разные стороны. В некотором роде это очаровательно. Как и его стыдливость. — Полной девчонок *и* парней.

Я смеюсь неистовым смехом, похожим на смех бешеной ведьмы, зарываясь в подушку лицом.

— Это не смешно, — возражает Дрю, хотя в его голосе слышен смешок. — Я участвовал в оргии и ничего не помню. Представляешь какой ужас, — он в шутку вздрагивает.

От чего я еще пуще хохочу.

— Плюс ко всему у меня было самое жуткое похмелье, — горько добавляет парень, все еще усмехаясь. — И это гребаное тату, — он поворачивается так, чтобы посмотреть на свою задницу. — Долбаный тупой бойцовский топор.

— Боец задница Бэйлор, — я буквально умираю со смеху. Я взвизгиваю, когда Дрю бросается на меня. Мы шутливо боремся, в основном нападает Бэйлор; он бросает мне в лицо еще одну подушку, пока я стону от хохота. Но затем парень наваливается на меня, раздвигая своим бедром мои ноги, тогда как его грудь прижимается к моему телу. Мы все еще хихикаем, однако Дрю, улыбаясь, нависает надо мной.

— В тот момент я поклялся себе, что не буду больше так пить и проверился на все известные человечеству болезни, как только вернулся домой, — его улыбка немного увядает, а взгляд встречается с моим. — Я чист, чтобы ты знала. И регулярно прохожу проверку, — серьезность его тона и то, как он говорит это, наталкивает меня на мысль, что Дрю боится потерять нашу забавную игру из-за своего ненадежного прошлого.

— Я тоже, — отвечаю я. — С 16 лет мама посадила меня на таблетки и вынудила сдавать раз в полгода ряд анализов.

Брови Дрю приподымаются.

— Это немного...

— Параноидально? — предугадываю я. Видит бог, тогда я не нуждалась еще в противозачаточных таблетках.

По коже головы пробегают мурашки, и я осознаю, что Дрю играет с локоном моих волос, накручивая его на свой палец. Его голос становится ниже.

— Я бы использовал слово "недоверительно".

Я не хочу объяснять, насколько он далек от истины, потому что тогда мне придется рассказать Бэйлору и о том, что ни один парень в старшей школе даже не смотрел в моем направлении. Вместо этого, я просто приподнимаю плечи.

— Моя мама просто акушер-гинеколог. Для нее это был признак любви и заботы. Знаешь, это по типу как врач-стоматолог заставляет своего ребенка чистить зубы щеткой и зубной нитью трижды в день еще до того, как ребенку исполнится два года.

Дрю усмехается, но выражение его лица становится безэмоциональным. Я чувствую это своим сердцем, словно его настроение проникает между моими ребрами и сжимает внутренности. Он смотрит на меня так, будто я ему слишком сильно нравлюсь. Словно ему

нравится эта наша близость.

— Дай взглянуть на нее еще раз, — говорю я. Просто потому что мне нужно выбраться из-под него. И потому что я правда хочу еще раз взглянуть на эту маленькую отметину.

— Нет, — шепчет он, улыбаясь. Дрю наклоняется так, что кончик его носа касается моего. Я могу видеть изгиб его густых и темных ресниц, обрамляющих глаза парня. Его радужки насыщенно янтарного цвета с искорками веселья.

— Да, — говорю я, задыхаясь.

— Нет, — его губы и скула касаются моего подбородка. Он так близко к моим губам. Так близко ко мне.

— Да, — я надавливаю большим пальцем между его ребрами, и Дрю кричит.

— Джонс, — предупреждает он, отскакивая прочь, когда я делаю так снова.

— *Бэйлор*, — передразниваю я. — Дай взглянуть.

— Полегче с использованием своих дьявольских пальцев, женщина.

— Дай мне взглянуть на тату.

— Ладно, ладно. Все для тебя, — выдыхает он и откатывается от меня.

О, боже, его тело — произведение искусства. Стройное, подтянутое и мускулистое. Совершенные пропорции. Его спина сужена к талии, а позвоночник углублен между выпуклостями тугих мышц. Еще ниже — поясница переходит в округлые полушария его прекрасной задницы. Его зад такой накачанный, что по бокам на каждой ягодице есть впадины. Длинные ноги Дрю покрыты светло-коричневыми волосками, его массивные бедра и точеные икры будто вылеплены скульптором.

Мне хочется облизать его от макушки до пят. Особо задерживаясь в некоторых местах. Но парень ждет от меня сейчас другого. Его задница вздрагивает, будто он способен ощутить мой взгляд. Упирая подбородок в согнутую руку, Бэйлор поворачивает голову и смотрит на меня искоса.

— Ну?

— Просто наслаждаюсь видом, — говорю я хитро, от чего парень фыркает.

— Я разворачиваюсь, Джонс. И не забудь, никакого света. Блин! — он щурится, когда я включаю свет лампы на прикроватной тумбочке. — Ты пытаешься ослепить меня?

— В комнате было слишком темно, а я хочу разглядеть все детали... — мое дыхание замирает. — Иисусе, Дрю, твой бок.

— Хммм? — он выгибает бровь, а затем смотрит через плечо. — О, верно.

"Верно?" Я не могу сдержать себя, чтобы не склониться ближе и не провести рукой по нижней части его бока. Он весь покрыт синяками. Большие, уродливые пятна, похожие на ягоды, расползаются по его золотистой коже. Они цвета ежевики, черники и малины. Это словно пейзаж боли. А я тыкала его туда пальцами. Господи.

— У меня вчера была игра, — напоминает он мне. Словно быть в таком состоянии после игры — нормальное дело.

— И так каждый раз? — я изгибаюсь возле его бока, медленно проводя рукой по его гладкой коже спины и вдоль стороны его бедра. Здесь кожа светлее, так как обычно прикрыта шортами от солнца. Дрю слегка вздрагивает, а на его коже появляются пупырышки.

— Некоторые игры бывают жестче, другие легче. Эта была реально поскудной.

Мое горло болит. Чуть выше его набедренной кости расположен черный синяк. Я касаюсь его кончиками пальцев, и парень снова вздрагивает.

Моментально я одергиваю руку.

— Болит?

Конечно же болит. Разве может быть иначе?

Но Дрю просто поворачивается ко мне, его бедра немного приподымаются, и на простынях вырисовывается тень от его члена. Я настолько шокирована его травмами, что даже этот вид меня не отвлекает. Моя ладонь продолжает двигаться по теплой коже его ягодицы, когда парень бросает на меня взгляд, спрашивая:

— Если я скажу, что да, ты поцелуешь мой синяк и исцелишь его?

Он дразнит меня, но в его глазах пылает похоть. Дрю конечно не знает, но я и правда безумно хочу поцеловать его израненную плоть. Я наклоняюсь вперед. И его дыхание ускоряется. Бэйлор выглядит почти что уязвимым, судя по тому, как напрягается его тело, как взгляд следует за каждым моим движением.

В дюйме от него я останавливаюсь, мое сердце бешено стучит, когда поднимаю взгляд.

— Да, — шепчет он.

И мои губы касаются его кожи, тогда как его дыхание замирает.

— Да, — говорит он снова более уверенно.

Еще один раз я целую его, нежно и аккуратно. Мои губы создают карту его боли с каждым *да, да, да*, а волосы скользят по его коже словно кроваво-красная река.

Все вокруг нас наполняется жаром и жаждой. Простыни шуршат, когда Дрю поворачивается, ложась на спину, а я все еще нагибаюсь над ним, мои губы путешествуют по его синякам и ссадинам к твердому словно камень животу. Языком я исследую впадины между кубиками его пресса, и из Дрю вырываются стоны удовольствия. Я тоже удовлетворенно и шумно вздыхаю. Боже, он так прекрасен, его упругая кожа, такое совершенное тело, словно статуя, отлитая из бронзы.

Шелковистый горячий член сейчас тверд и эрегирован, когда он касается моей щеки, я замираю. Дрю наблюдает за мной, полуприкрыв глаза, его дыхание поверхностное и быстрое. Я поднимаю взгляд в тот момент, когда мои губы касаются его напряженной длины, и в ответ он хрипит:

— Да.

Да. Я хочу попробовать на вкус член Дрю с того момента, как впервые его увидела. Он такой толстый, длинный и прямой — роскошный. Бэйлор пахнет мускусом и теплом; он дрожит, пытаюсь оставаться в неподвижном положении.

Круглая, отекающая головка ощущается как гладкий атлас и жар солнца у меня во рту, я втягиваю ее в себя и нежно посасываю.

Дрю громко стонет, а его бедра вздрагивают, в результате чего его член толкается глубже в мой рот. Я оборачиваю руку вокруг его основания и еще усерднее сосу.

— Да, — стонет парень. Его дрожащие пальцы зарываются в мои волосы. Он удерживает меня на месте, постанывая и раскачиваясь напротив моего рта, погружая свой член все глубже. От одного его вида того как Дрю откидывает голову, как его губы раскрываются, а брови сходятся будто от боли, того как напрягаются его мышцы, натягиваясь так сильно, что образуют новые изгибы — от всего этого я становлюсь чертовки возбужденной и начинаю потеть. Мои бедра дрожат, а киска пульсирует, когда я щелкаю языком по его головке, всасывая его длину на максимум, а затем медленно скользю по ней, выпуская изо рта.

Я хочу свести парня с ума. Так же как он делает это со мной.

Мне нравится то, как сильно он сжимает мои волосы в кулак, управляя процессом, то, как его свободная рука мнет простыни, словно он вот-вот сорвется с катушек.

— Анна... — мое имя на его губах, словно призыв. — Детка... Пожалуйста, я кончаю...

Я провожу ладонью вдоль мышц его живота, и Дрю освобождается, резко вскрикивая.

Его сперма теплая, вязкая и солоновато-сладкая. Я никогда не делала этого раньше, не глотала и не позволяла кончать мне в рот. Но с ним я глотаю каждую каплю, наслаждаясь. Пока он не отдает мне все, становясь мягким и нежным у меня во рту. И я чувствую себя, словно глубокая темная вода. Потому что хочу повторить это все еще хотя бы раз. Все это. Снова и снова.

МНЕ НУЖНА ПЕРСПЕКТИВА. Нужно помнить, почему так важно придерживаться намеченного плана. Мне нужно поехать домой, к тому же мама по понедельникам выходная. Черт. Я пропускаю занятие. Я позвонила ей, чтобы дать знать, что приеду.

На улице идеальное осеннее утро, когда я сажусь на свою Vespa и направляюсь к маме домой. Скутер, скажу я вам, не очень практичный вид транспорта, на нем нельзя перемещаться по шоссе, так что приходится ехать объездными путями. И знаю, что получу от мамы нагоняй за то, что снова ехала на скутере к ней домой. Но мне нравится ощущение бьющего в лицо воздуха и то, как я могу петлять между другими машинами. Хотя, реально было бы разумнее продать скутер и купить машину. Мне не нравится водить Vespa в дождь, и в зимние месяцы все довольно отстойно. Плюс, у меня есть кое-какие сбережения; черт, моя мама сама бы купила мне машину, потому что безумно ненавидит мой скутер.

Мою голову заполняют сомнения насчет продажи скутера, и я рада такой смене мыслей. Это отвлекает меня от раздумий о других вещах, других людях. И довольно скоро я оказываюсь перед домом, в котором выросла. Это дом колониального стиля из красного кирпича, построенный в 1920-х годах.

Я люблю этот дом, с пятью окнами на фасадной части второго этажа и еще четыремя на первом; на каждом окне закреплены двухстворчатые красные ставни. Мне нравится, что почему-то наше крыльцо было выполнено не в ужасном стиле Тары, которому пытались подражать при строительстве множества домов на юге страны. В целом, это простой и скромный дом. И хотя парадный вход всегда был чистым и опрятным, я никогда его не использовала, предпочитая заходить в дом через боковые двери.

Я заезжаю в гараж и паркуюсь рядом с синим древним Mercedes мамы. Она купила эту машину еще до моего рождения. Один ее вид дарит мне ощущение дома, так же как и запах старого кирпича или разлагающихся цветов мирта.

Через окно я замечаю маму у плиты. Я не видела ее уже несколько месяцев, но за это время она не постарела. К тому же, кажется, на моей маме никогда не сказывался возраст. Она прекрасно сохранилась. Подтянутая и стройная, одетая в голубые широкие шелковые брюки и тонкий кремовый кашемировый свитер. Ее блестящие черные волосы искусно уложены и рассыпаются по плечам, когда мама нетерпеливо вертит головой, снимая старую побитую турку с плиты. Хотя моя мама и может вести себя как истинная южная леди, она еще доктор и итальянка во втором поколении, из чего следует, что на завтрак вместо печенья и сока я получу капучино и фрукты. Единственной вариацией типичного американского завтрака в исполнении мамы могут быть свежие обезжиренные оладьи.

Я улыбаюсь и открываю двери. Ее сердцевидное лицо, при виде меня, проясняется.

— Банана!

Мама устремляется ко мне и целует меня в щеку. И меня окружает аромат лаванды,

который так любит моя мать.

— Как у моей детки дела?

— Хорошо, — в любом случае, это единственный вариант ответа, который мама реально хочет услышать.

Кивая, она возвращается к турке и наливает насыщенный, густой кофе в чашку, наполовину наполненную горячим молоком. Домашний и аппетитный запах наполняет комнату. Если бы мне хоть раз удалось повторить такой же кофе как у мамы, то я была бы поистине счастливой девушкой.

— Иди сюда, — зовет она, — посидим, поговорим.

Она ставит чашку на столе напротив стула, подкладывая снизу белую льняную салфетку. В хрустальной чаше уже ожидают нарезанные свежие кусочки дыни, ягоды клубники и малины. В лучших маминых традициях. Предупреждающий колокольчик сигналил у меня в подсознании. Его звон усиливается, когда мама поворачивается и достает из духовки горячие оладьи. И они выглядят не как обезжиренные.

— Итак, — говорит она, предлагая мне оладьи и фрукты, — что нового?

Это стандартный вопрос. Моя мама не любит расспросы, но по крайней мере она интересуется моей жизнью. Думаю, она не так бы меня встречала, расскажи я ей, что трахаюсь с звездой футбола в собственной спальне. Мои щеки начинают гореть, когда делаю глоток кофе. Боже, как же вкусно.

Мои глаза закрываются от наслаждения.

— Я скучала по тебе, мам, — не знаю, почему так говорю, но это правда.

В ответ ни звука, и я открываю глаза. Ее глаза, такой же формы как и мои, только более глубокого карего цвета, смотрят на меня.

— Что-то не так, Банана?

Я пожимаю плечами и делаю еще один глоток.

— Разве не может девушка соскучиться по своей матери?

— Конечно, может, — она прижимает ладони к моим щекам, и я ощущаю прохладу от ее кожи. У мамы всегда прохладные руки. — Вот только я знаю тебя, и ты явно чем-то расстроена.

Вздохнув, я кусаю кусочек блина. Я была права. Это не обезжиренные оладьи, а мои любимые с апельсином и лимоном. На столе даже стоит свежее масло, мягкое, так и просящееся, чтобы его намазали. Я так и делаю, намазывая его на блинчик, а затем засовываю его в рот. Блаженство.

— Я в порядке. Счастлива, — и хотя сомнения постоянно роятся в моей голове, я правда счастлива. Эта мысль бьет меня, будто кирпич по голове, так сильно, что я даже вздрагиваю. Я счастлива. Я просыпаюсь по утрам с трепетным чувством ожидания. Борюсь со сном, пытаюсь не утратить это чувство. Почему же я не могу наслаждаться им? Принять это? Боже, что со мной не так.

— Мам...

Задняя дверь снова открывается, и на кухню входит «парень на час» моей мамы, Терренс. Мне следовало бы сказать «парень на год», потому что именно на этот период времени задерживались все предыдущие экземпляры. Я ненавидела каждого из них. И хотя это и может показаться некорректно с моей стороны, но у меня на то были свои весомые причины. Например, был Маркус, который любил называть маму мусором прямо в лицо, плевал в ее стряпню, а затем орал, что она его не достаточно любит. И все это у меня на

глазах. Затем был Оливер, худой высокий профессор, который в конечном итоге украл у нее десять штук баксов с банковского счета и свалил. И невозможно забыть о Джереми, критиковавшем маму так часто, что она забывала пользоваться макияжем, и в один из дней все закончилось ее нервным срывом. По крайней мере никто из них ее не бил. Не то чтобы я была в курсе всех деталей их отношений.

Терренс владеет магазином подержанных книг, коллекционирует монеты из сувенирных автоматов и пакетики с солью и перцем из различных забегаловок в его районе города. Я не могу переносить все это дерьмо. Особенно при том, что он постоянно выражает признание ко всему, чем бы не занималась мама.

— Привет, Анна, — говорит он, проходя в дом и глядя на мою грудь. Пристально.

Он занимает место рядом с моей мамой и немедленно кладет руку ей на плечи так, что кисть его руки болтается возле ее правой груди. Потому что пока он может смотреть на мою грудь, Терренс использует любую возможность прикоснуться к маме.

Мой желудок скручивает.

— Привет, Терренс, — я разглядываю его жирные грязные волосы, разделенные пробором ровно посередине головы. Прямо как у Гитлера. И когда мой желудок сводит еще один спазм, я перевожу взгляд на маму, которая пытается выглядеть расслабленно и спокойно, даже при том, что этот мужик гладит ее, словно она какой-то пес.

Я, не стесняясь, посылаю маме гневный взгляд; почему этот парень вообще здесь в мой с ней день. Он каждый раз прерывает наше общение.

Проживи я сто лет, все равно не поняла бы мою мать. Она умная, *блистательная*, красивая и талантливая. Но самоуважения у нее как у комара. Я не в силах понять, почему она не предпочтет остаться одной, а не быть вместе с такими... Я даже не могу назвать их мужчинами.

— Ты уже сказала Анне хорошие новости, Сесилия?

Моя мама заливается краской, и поэтому я знаю, что эти новости явно не из хороших. Боже, пусть это не будет новость о женитьбе. Я боялась этого с 10 лет, когда поняла, что один из этих придурков может стать постоянным жильцом в нашем доме, если мама реально выйдет за одного из них замуж. К счастью, все ее отношения не доходили до этой стадии.

— Ну, дорогая, — она немного пожимает плечами, сбрасывая руку Терренса и наклоняясь вперед. — Я стала старше.

Ей пятьдесят пять. Она еще нестарая.

— И в этом мире есть столько всего, что хочется посмотреть.

Ладно, правда.

Рука Терренса опускается на ее бедро, и он поглаживает ее задницу. Сейчас я и правда чувствую себя дурно.

— Так что я решила уволиться, — говоря это, мама снова краснеет.

— Это... — я пытаюсь подобрать слова. — Ну, это здорово, если это то, что ты хочешь, мам, — я рада видеть, что мама расслабляется, хотя и подозреваю, что она долгое время будет скучать по своей работе.

Но мама еще не закончила. Она ерзает на месте, и мое сердце уходит в пятки. Боже, пожалуйста, только не брак.

— Что? — спрашиваю я.

— Также я решила продать дом.

Эти слова будто запускают механизм бомбы у меня в голове. Я просто сижу здесь, а мой

мозг покинул меня, оставив не в состоянии вымолвить и слово.

— Мы собираемся в круиз по всему миру, — вставляет Терренс, улыбаясь мне во все свои серые зубы.

— А ты тоже продаешь *свой* дом? — спрашиваю я у него. — О, верно, я забыла. Ты арендуешь жилье, — ко мне начинает доходить смысл происходящего.

Терренс прищуривает свои глаза-бусинки.

— Не думаю, что это твое дело.

— Пока ты здесь, это мое дело, так как происходящее должно быть только между мной и моей мамой.

— Анна, — начинает мама.

— Не нужно, — я поднимаю руку. А затем делаю глубокий вдох. — Могу ли я сделать хоть что-то, чтобы изменить твое решение?

— Ты должна быть счастлива за свою мать, юная леди, — кожа Терренса приобретает уродливый красный оттенок. — Не заставляй ее чувствовать себя плохо.

— Черт возьми, не называй меня больше юной леди. И я разговариваю не с тобой.

— Анна, следи за языком, — мама наклоняется еще ближе ко мне, так, чтобы суметь дотянуться и погладить мою руку.

Я кладу руки на свои колени.

— Так я могу сделать что-то? — спрашиваю снова.

Ее глаза наполняются грустью, сожалением.

— Ты больше здесь не живешь, и думаю, я куплю что-то поменьше, когда вернусь.

— И не важно, что этот дом купили твои родители? Что это единственный дом, который когда-либо у меня был?

Терренс фыркает.

— Я же говорил тебе, что она зарится на этот дом, Сесилия.

— Так же как и ты, Терри? — шиплю я в ответ.

— Анна, — взывает мама.

— Нет, Сеси, не сюсюкайся с ней, — перебивает маму Терренс, бросая на меня злобный взгляд. — Я могу сам постоять за себя.

— Все говорит об обратном, — говорю я, не отступая, когда мужчина угрожающе надвигается на меня. — И если ты подойдешь ко мне еще ближе, я покажу, как легко могу постоять за себя.

Моя мама подпрыгивает на месте.

— Анна, Терренс, остановитесь сейчас же, — она поворачивается и упирается рукой о стеллаж. — Позвольте мне решать, что делать.

Я не могу больше наблюдать за этим. По правде, мне уже давно стоило уйти. Я знаю, в какой балаган это все может перерасти. Мама должна была бы любить меня, но она всегда занимает сторону своих парней.

— Мне нужно идти.

У мамы отвисает челюсть, словно я ее шокировала.

— Но ты же только что приехала. Ты еще даже не поела.

Я больше не голодна. Если останусь, то мы будем просто ругаться.

— Поговорим потом, — я хватаю свою сумочку и ухожу. И мама не пытается остановить меня.

Боль, гнев и отвращение — уродливый коктейль, бурлящий в моих венах. Ну, я иронизирую, но это служит напоминанием о случившемся. О том, что это не дарит мне столь необходимого чувства комфорта. Я езжу по городу до тех пор, пока мои руки не устают, а глаза не слипаются. Мне не хочется возвращаться в квартиру. Не хочется разговаривать с Айрис или Джорджем об этом, они оба уже слышали сагу о моей матери множество раз, и чтобы они мне сейчас не сказали, это не поможет. Ничто не в силах изменить ситуацию. Ничто не снимет мое напряжение.

Прекрасный осенний день совершенно несовместим с моим ужасным настроением. Пушистые облака плывут по голубым небесам. В воздухе витает прохлада, и солнце печет мою голову, когда иду по парковке кампуса, оставляя припаркованную там Vespa.

Стадион возвышается надо мной, и мое сердцебиения замедляется. Чем ближе я подхожу, тем отчетливее слышу звуки игры, ворчание и удары друг о друга тел молодых мужчин, которые тренируются на поле, и имена которых я не могу вспомнить.

Рассредоточенные по трибуне люди похожи на птиц у кормушки, наблюдая за тренировкой команды. Их головы наклонены вперед, глядя на то, как Дрю делает пасс. Мяч крутится в воздухе, быстро и уверенно приземляясь с идеальной точностью в огромной руке принимающего. Игроки смеются и бегут к Дрю, подбрасывая его будто мяч, а затем тренер комментирует игру. Я слишком далеко, потому ничего отчетливо не слышу, и мне это даже нравится.

Сядь в нескольких футах от пары молодых парней, обсуждающих впечатляющую игру Бойца Бэйлора, я чувствую навалившееся онемение. Безопасность. Солнце опускается ниже линии трибун, и мое место оказывается в тени. Спасая от жары.

Дрю совершает еще несколько бросков, каждый из которых дальше предыдущего и имеет иное направление, другую технику выполнения. На нем надеты шлем, баскетбольные шорты, достигающие его колен, и его толстовка со специальными защитными вставками. И каждый раз, когда Дрю делает бросок, из-под толстовки выглядывает небольшой участок его плоского живота. И лишь от этого вида все мои интимные местечки сжимаются.

Мне не следует быть здесь, сидеть и мечтать, как делают некоторые. Шум в моей голове от разговоров посторонних вокруг постепенно стихает, и я остаюсь практически в одиночестве. Но все еще не могу найти силы, чтобы встать и уйти. Мне нравится наблюдать за движениями Дрю, видеть, как он взаимодействует с другими игроками и тренерами. Они любят его. Это видно невооруженным глазом. Так же как и радость, которую чувствует Дрю. Он будто светится. А это всего на всего тренировка. Я ему завидую. Я никогда не чувствовала себя так от какого-либо занятия.

Команда разделяется на группки, и Дрю со своей группой парней начинает выполнять какие-то странные упражнения ползти-прыгать-делать выпады, должно быть ребята в его группе запасные квотербеки, потому что все они держат мячи и делают движения, будто бросают их во время каждого выпада. Это должно быть выглядит смешно для кого-то, но мне почему-то напоминает танец: изящный и мощный. Такой же как и сам Дрю. Боже, а он быстрый. Мои мышцы бедра оторвало бы от костей, если бы я попыталась двигаться так же быстро, как он. Но Бэйлор делает это словно нечто очень легкое.

Моя попа занемела от сидения, но внутри появилось чувство покоя, которое у меня

недавно украли. Я делаю глубокий вдох, ощущая запах травы, металлических сидений, слабый аромат дезинфектора и мужского пота. Звучит громкий свисток и парни бегом удаляются с поля.

Все, кроме Дрю. Он снимает свой шлем, и наши взгляды встречаются, будто парень все это время знал, что я здесь. Может так оно и есть. Я не знаю. Мое дыхание скачет, а соски напрягаются, тогда как сердце пускается галопом. Неосознанно, я встаю, и ноги несут меня вниз по трибуне, тогда как Дрю уверенно и спокойно идет мне навстречу.

Когда я дохожу до изумрудно-зеленого поля, он улыбается. И хотя часть меня хочет улыбнуться в ответ, я чуть ли не плачу. Черт.

Бэйлор подходит ближе, все еще держа мяч в руках, как будто это часть его самого.

— Мисс Джонс, — его голос полон света и насмешки. — Все это время я думал, что ты мне мерещишься.

Я не могу взглянуть ему в глаза. Не тогда, когда мои глаза пылают, а губы кривятся. Внутри я дрожу. Дрю так близко, что я с легкостью могла бы дотянуться и прикоснуться к нему. Я могла бы прижать свои холодные ладони к потным мышцам его груди, которая, как я знаю, окажется теплой.

Ты мне нужен. Ты нужен мне так сильно...

Я вспоминаю о том, как чертов Терренс лапал задницу моей матери, и сую свои ладони глубоко в карманы своего легкого пиджака.

— А я думала, что меня никто не заметит.

— Я же говорил тебе, Джонс. Я всегда замечаю, когда ты рядом, — его улыбка тает, когда Дрю замечает мое выражение лица. — Что-то не так?

Я моргаю и отвожу взгляд.

— Ага, — он делает еще один шаг ко мне, а мяч падает у его ног.

— Ты в порядке?

— Нет, — дерьмо, дерьмо, дерьмо. Теперь мне придется все рассказать. — Я, гм... Нет.

И в следующую секунду его руки обнимают меня, удерживая напротив его сильного тела. На мгновение я напрягаюсь, ощущая слишком много всего. Ни один мужчина никогда не обнимал меня так. Ни один из моих якобы парней или любовников никогда не обнимал меня по-настоящему. И конечно, меня не обнимал мой отец. Это знание шокирует, как и тот всеобъемлющий комфорт, что я чувствую в объятиях Дрю.

Я утыкаюсь носом в центр его груди, оборачивая руки вокруг его талии. Бэйлор влажный от пота и пахнет соответственно. Но меня это не волнует. Ощущать его так чертовски здорово, его твердое тело и тепло вокруг меня так приятны, что я хочу остаться стоять здесь с ним, пока парень сам меня не отпустит.

И он не отпускает. Удерживает в своих объятиях. Не укачивает и не говорит ничего, просто крепко держит, прижимая свои губы к моей макушке. Я словно завернута в кокон его тела. В безопасности от всего мира.

Когда я всецело расслабляюсь в объятиях Дрю, он произносит:

— Хочешь поговорить об этом?

Мне нравится этот особый тон его голоса. Никогда не слышала, чтобы он так говорил с кем-то кроме меня. Но вместо того, чтобы высказаться, я отодвигаюсь от парня. Не могу говорить о случившемся и в то же время обниматься с ним. Не в том случае, когда мне все еще дорого мое достоинство.

К счастью, Дрю отпускает меня, но выражение его лица напряженное, будто он

побежит и надерет кому угодно задницу, если я только об этом попрошу. Если бы я не была так вымотана, то улыбнулась бы.

— Я ездила навестить маму.

Страх застывает глубоко в его глазах, и я проклиная себя.

— Она в порядке, — говорю я быстро. — Это было... Она просто... Ах... — гребаное дерьмо, как я могу жаловаться на выходки моей матери человеку, который готов убить, лишь бы вернуть собственную мать?

Не знаю как, но Дрю понимает меня, и в его глазах появляется доля иронии.

— Ты можешь рассказать мне о проблемах с твоей матерью, Анна. Обещаю, это не расстроит меня.

Мои плечи опускаются, когда вздыхаю.

— Просто все это кажется глупым, когда... — я снова прерываю себя на полуслове, заливаясь румянцем от раздражения.

Дрю касается моих щек, убирая выбившуюся прядь волос.

— Что случилось?

Я раскачиваюсь на каблуках и опускаю взгляд на свежескошенную траву. Кончик моей туфли измазан мелом.

— Она продает дом, — горечь наполняет мой рот. — Чтобы поехать в кругосветный круиз с Терренсом-жопотрахальщиком.

Дрю проводит руками вдоль своих стройных бедер, глядя на меня.

— Черт, Анна. Мне жаль.

Ага, он-то знает, каково это, потерять родной дом. И меня снова передергивает. Мне не на что жаловаться, к тому же Дрю не кажется расстроенным. На самом деле, он просто немного морщит нос.

— Гм... А кто такой Терренс-жопотрахальщик?

Я пытаюсь не рассмеяться.

— Ее парень на данный момент. И, слава богу, я не выражаюсь буквально, называя его так, — моя улыбка быстро угасает. — Хотя на самом деле мне следует называть его "блуждающие руки".

Брови Дрю сходятся на переносице, а его ноздри расширяются, когда парень уточняет:

— Он же не трогал тебя, верно?

Думаю, Терренс отправился бы на больничную койку, скажи я сейчас "да", но я качаю головой, и Дрю расслабляется.

— Нет. Но он лапает маму у меня на глазах.

Дрю снова хмурится.

— Думаю, я бы немного двинулся умом, если бы мне пришлось увидеть, как какой-то парень лапает мою маму.

— Это отвратительно, — говорю я. — Он делает это, чтобы достать меня. Из-за него она и продает наш дом. Потому что у старого Терренса нет денег, чтобы оплатить свою часть круиза, — я снова проклиная себя. — Я ничего не могу с этим поделать. Она не хочет меня слушать, неважно, что я скажу.

Я быстро моргаю и пытаюсь успокоиться, но не могу остановить поток слов.

— Знаю, что это эгоистично. Я уже не живу в том доме да и не планировала там жить. Но ощущение такое, будто у меня отбирают последнее безопасное пристанище. И теперь я уже никогда не смогу... — я замолкаю, ощущая всепоглощающий ужас.

Но Дрю заглядывает мне в глаза и заканчивает фразу за меня.

— Снова приехать домой? Не сдерживайся из-за жалости ко мне, говори, что хочешь сказать, Анна. Мне не нужна твоя жалость.

Я хочу сквозь землю провалиться.

— Думаю, есть разница между жалостью и сочувствием, верно?

Не разрывая зрительный контакт, он кивает.

— Иногда, ни с того ни с сего я улавливаю запах своего старого дома. Не знаю точно, что это за запах, может, смесь аромата старых книг и кофе или стирального порошка и прохладного воздуха, — его взгляд загуманивается. — Но все просто пахнет, как дом. И я скучаю по нему так сильно, что не могу дышать.

— Я бы хотела, чтобы ты мог снова вернуться домой, — говорю я, борясь с желанием заплакать.

Глаза Дрю удерживают мой взгляд.

— Я бы тоже этого хотел. Но думаю, нам нужно просто обзавестись собственными домами.

Глядя на него в лучах золотистого солнечного света, на его уставшее лицо и то, как серьезно парень смотрит на меня, я думаю, что могла бы полюбить такого мужчину. Я могла бы полюбить его навечно. Мое дыхание становится прерывистым.

— Когда я найду свой собственный дом, — говорю я, — то никогда его не оставлю.

Его кадык дергается.

— Хороший план, — он делает еще один шаг ко мне. — Мне жаль, Анна.

Я знаю, что он говорит сейчас о моей матери, моей потере безопасной гавани.

— Мне тоже, — но я сейчас говорю о нем. Потому что Дрю не должен был никогда потерять свою семью. Он не должен носить кусочек от дома своего детства в виде ожерелья на шее.

Ощущение напряжения вернулось. Я раскачиваюсь на пятках, пока мой взгляд исследует футбольное поле. Дрю громко вздыхает и запускает руку в свои влажные от пота волосы. Его глаза прищуриваются, когда лучи заходящего солнца попадают ему на лицо.

— Хочешь попробовать что-то новое?

Я приподымаю бровь, и он смеется.

— Такие грязные мыслишки, Джонс.

— Почему ты так думаешь? — я складываю руки на груди. Но в тоже время улыбаюсь. Улыбаться здорово. Безопасно. — Кроме того, это у тебя обычно грязные мысли.

— Конечно, я не исключение, — он касается кончика моего носа своим пальцем, но я раздраженно сбрасываю его руку. Дрю просто смеется. — Почему ты думаешь, мы такая идеальная пара?

Мое дыхание замирает, и свет в его глазах немного угасает. Но Дрю прячет свою реакцию, поднимая с травы мяч.

— Будем играть в футбол?

— Такое кислое лицо, — отмечает Дрю слишком весело. — Мяч не взорвется у тебя в руках.

— Кто бы говорил. Я отстойна в плане спорта.

Дрю закатывает глаза.

— Никто и не просит тебя снимать звезды с небес. Просто брось мяч, — он подбрасывает высоко мяч и ловит его, не глядя. Показушник. — Доверься мне, Джонс. Это

отлично помогает избавиться от стресса.

Дрю подходит, показывая мне, как правильно держать мяч, размещая мои пальцы на шнурках, а большой — располагая с противоположной стороны.

— Держи его свободно, кончиками пальцев. Большой палец удерживай снизу и управляй им, это очень важно.

— Ох, поверь мне, мужик, я огромная поклонница использования большого пальца, — говорю я, немного дерзя. Но шутить сейчас было ошибкой, потому что на меня как по волшебству накатывают воспоминания о его длинных пальцах, погруженных внутрь меня, сгибающихся и ласкающих ту точку внутри, которая доводит меня до безумия.

Солнечный свет окрашивает в золотистые тона кончики его длинных ресниц, когда парень моргает. Румянец покрывает его скулы.

— Даже не пытайся отвлечь меня, Джонс. Тактика дешевого обольщения не сработает на этой священной земле футбольного поля, — хрипотца в его голосе свидетельствует об обратном, но я решаю быть хорошей девочкой.

— Можно уже бросать? — я дерзко усмехаюсь. — Или мы подождем, пока твою голову посетят еще более дикие фантазии?

— О, у меня куча фантазий. Но ты их сможешь услышать только тогда, когда у нас будет возможность воплотить их в жизнь. Так что делай, что сказано и бросай, мисс Джонс.

Я подчиняюсь и отдаю себя в умелые руки Дрю, пока парень делает инструктаж — *отступи на шаг назад, подними мяч к уху, отведи предплечье вот так, бросай сюда, одновременно с шагом вперед*. Буду удивлена, если сумею выполнить хоть половину из сказанного.

— Помни, — говорит он, отступая от меня и освобождая некое пространство, — позволь мячу завертеться от воздействия твоих пальцев. Твоя сила приходит из основной стойки и движения ног. Все дело в импульсе и уверенности.

— Верно, — я собираюсь сейчас колоссально облажаться.

Дрю широко усмехается.

— Да, первый бросок будет отстойным.

— Вон из моей головы, — бормочу я.

А он просто смеется.

— Скорее я читаю твое выражение лица. А теперь перестань отвлекаться и бросай.

Я делаю ряд движений, ощущая себя полнейшей идиоткой. И в результате мяч глухо падает на землю метрах в десяти от нас. Офигенно.

— Нууу, — я стряхиваю пыль с рук. — Это было весело.

Я разворачиваюсь в сторону выхода с поля, но Дрю хватает меня за руку, все еще хохоча. Придурок.

— Хорошая попытка, Анна. Но я не думаю, что ты можешь просто так уйти, — он снова бросает мяч мне в руки. — Давай снова.

— Такой суровый командир.

— Тебе это нравится, — сейчас его глаза кажутся золотыми, сверкая в лучах солнца.

Ага, я сражена. Я ворчу и делаю еще одну попытку. И еще одну, каждый раз Дрю останавливает меня, давая некоторые указания. И внезапно это становится весело. Не супер-пупер весело, но в некотором роде данное занятие вызывает зависимость. Когда говорю об этом Дрю, он светится счастьем и улыбается, глядя на меня.

— Именно, — отвечает парень. — Почему ты думаешь, я это делаю? Каждый раз тебе

буквально необходимо сделать лучше.

— Чтоб сделать еще лучше? — я смотрю на него шокировано. — Но ты и так уже идеален.

Выражение его лица смягчается, становится более теплым, когда Бэйлор приближается ко мне на несколько шагов.

— Ты так считаешь, да?

Я уже знаю этот тон его голоса. И когда его веки опускаются, а взгляд устремляется к моим губам, то мое сердце буквально вырывается из груди. Я сжимаю мяч в руках.

— Покажи, — выпаливаю, не думая.

Дрю моргает, и его взгляд поднимается к моим глазам, а между его бровей образуются морщинки.

— Что ты имеешь в виду?

— Покажи мне, как далеко способен забросить мяч.

Один уголок его рта приподымается.

— Хочешь, чтобы я показал это тебе?

— Если у меня спросят, было ли это показушничеством, то скажу, что нет. Но я и правда хочу увидеть, на что ты способен.

Мгновение Дрю внимательно разглядывает меня, мягкий ветерок колышет кончики его волос. Может быть он знает, что я избегаю некоторых вещей, а может, он гадает почему так. Или возможно, парень просто считает меня сумасшедшей. Будто придя к этому же выводу, Бэйлор немного качает головой.

— Ладно, но тебе придется принять позу с мячом.

— Принять позу с мячом? — я кривлюсь. — Типа нагнуться...

Его улыбка — чистое зло.

— И зажать мои руки между твоими ногами. Не смотри на меня так. Декс делает так для меня на каждой игре.

— И в этом месте я должна начать обличительную тираду о вопиющем росте гомосексуализма в футбольной сфере?

— Я был бы разочарован, если бы ты этого не сделала. Но так как прямо сейчас мы обсуждаем мои руки на твоем теле, то думаю, эта тема крайне неуместна, — он наклоняется близко к моей щеке, и от его близости по коже пробегают мурашки. Я еще больше напрягаюсь, когда его голос рокочет мне на ухо. — Обещаю, в следующий раз показать тебе, чем команда любит заниматься в душевых.

— О, мой бог, — я игриво машу на себя рукой, пытаюсь охладиться, — ты описал довольно милую картину, Бэйлор.

Дрю фыркает и толкает локтем в мяч.

— Просто зажми мяч между ног, Джонс, пока я не передумал, — он усмехается, отступая на шаг.

— Хорошо, — я вздыхаю и принимаю положение, которое видела у других игроков.

Дрю придвигается ко мне, думаю, ближе, чем это реально нужно. Размер его тела и сила невероятны по сравнению с моей.

— Ммм, раздвинь ноги шире и приподними свою сладкую попку повыше, детка.

Несмотря на наши поддразнивания, жар начинает разгораться внизу моего живота. Но я бросаю на него порочный взгляд через плечо.

— Тебе это слишком сильно нравится.

Дрю просто подмигивает.

— Все-то ты знаешь. Давай на счет три.

— Что это значит?

— Я делаю три звука, и ты передаешь мне мяч, — он легонько шлепает меня по попке. — Не тормози, Джонс.

А затем его голос проходит по моему телу будто раскаты грома.

— Хат, хат, хат!

Иисусе. Мои соски напрягаются, и волнение волнами курсирует через меня, когда я подчиняюсь и толкаю мяч. Дрю удается поймать его. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него, и это великолепно. Дрю великолепен. С такого расстояния его тело нереально красивое. Его мускулы буквально бугрятся на торсе и руках, когда парень делает бросок, а черты его лица приобретают выражение непоколебимости и целеустремленности. Я хочу наброситься на него, врезаться в его тело своим и откусить от него кусочек, лакомый кусочек.

Я так увлечена наблюдением за телом Дрю, что почти забываю следить за мячом, но все же беру себя в руки и смотрю.

— Черт, — говорю я. Мяч словно ракета мчится в воздухе по огромной высокой дуге. И не падает на землю, пока наконец не приземляется с космоса на землю, жестко ударяясь в конце зоны.

Губы Дрю изгибаются в уголках.

— Хороший бросок, — говорит он сам себе, но не совсем как похвалу, а скорее просто выражая удовлетворение; и глядя на парня, я гадаю, всегда ли он оценивает свою работу.

Мое любопытство заглушает долгий мужской свист.

Высокий блондин, которого я часто видела зависающим с Дрю, бежит вниз по лестнице.

— Прекрасный, бомбезный мужик. Но ты промазал на милю мимо меня.

Дрю смеется.

— А мы-то знаем, как трудно промазать мимо твоей большой башки.

— Ты бы лучше думал о контакте с моими руками, а не с моей головой, чувак, — блондин поднимает руки, прикрывая глаза от солнца и разглядывая обстановку. — И кстати, что это было? Шестидесятипятнадцатый бросок? — он снова свистит, а затем бежит вприпрыжку по траве, двигаясь так, словно для него неприемлема простая ходьба.

— Семдешатнадцатый, — отвечает Дрю. — Но кто ж считает?

Плечо Дрю касается моего, когда блондин останавливается возле нас. Светловолосый парень довольно крупный, на дюйм или даже два выше Дрю, и его массивные мышцы точно на двадцать футов тяжелее. Парень смотрит на меня с осторожностью, а затем одаривает вежливой улыбкой.

— Хей.

— Хей, — я уверена, что Дрю говорил с ним обо мне, *о нас*, и его друг не одобряет эти отношения.

— Анна, — говорит Дрю, — это Грей Грейсон. Он играет третьим крайним от центра в линии нападения.

— Шутки о заднице приветствуются и поощряются (*игра слов tight end — это позиция игрока в американском футболе, но так же может использоваться в виде ругательства о гомосексуализме, вариация перевода "крепкая задница" — прим. пер.*), — добавляет Грей,

шевелия бровями. Как и Дрю, он отлично выглядит, но больше похож на типичного Калифорнийского серфера, по большей части благодаря его выгоревшим на солнце светлым волосам, свисающим на лоб.

— *Грей Грейсон?* — мне не следовало бы повторять его имя подобным тоном, но я просто не смогла сдержаться. О чем думали его родители?

Грей морщится. Но под темно-русыми бровями, в его голубых глазах нет и намека на раздражение.

— Я знаю, окей? — говорит он на мой тупой вопрос, который парень, должно быть, получал уже множество раз. — Моя мама была поклонницей Грея Грантема, персонажа из книги Джона Гришема *Дело о пеликанах*.

— Она назвала тебя в честь персонажа книги? — выпаливаю я. Одно дело назвать ребенка Саймон Финч (*персонаж книги "Убить пересмешника" Харпера Ли — прим. пер.*). Черт, уверена, что южная часть страны изобилует Саймонами и Реттами именно по этой причине. Но это имя для меня нечто новенькое.

— Она читала эту книгу на последнем триместре беременности. В любом случае, — Грей пожимает плечами, — мама думала, что Грей Грейсон будет звучать довольно круто, — парень хмурится, но кажется, он абсолютно не сердится за данное имя на свою мать, Грей просто немного вздрагивает, словно мысли о матери причиняют ему боль. — Так что я навсегда остался с этим именем.

— Иногда мы называем его "Грей-Грей", — услужливо вставляет Дрю и получает шутливый удар в плечо от Грея.

— А иногда я называю его, — кивает Грей в сторону Дрю, — задница квотербека против моей ноги.

Грей смотрит на мяч, валяющийся в конце зоны, а затем возвращает взгляд к Дрю.

— Так ты готов, мужик?

Стоя близко к Дрю, я ощущаю, как напрягается его рука.

— Ага, — Дрю бросает на меня взгляд. — Сегодня день рождения Грея.

Я вежливо улыбаюсь Грею, потому что по-прежнему уверена, что я ему не по душе.

— С днем рождения.

Ответная улыбка Грея кажется более искренней.

— Спасибо. Хотя я не знаю, каким будет для меня этот 22й год. Смахивает на начало конца.

— Не знаю, о чем это он страдает, — говорит мне Дрю. — Парень в целом еще дитя.

Грей громко и долго смеется.

— Ощущения такие, будто еще только вчера я использовал поддельное удостоверение личности.

В уголках глаз Дрю появляются морщинки.

— Вспомни, как ты носился с этим чертовым куском пластика, можно было подумать, что это был твой ребенок.

— Эй, он прослужил мне много лет, помогая находить и получать удовольствие.

Я улыбаюсь, слушая их перебранку, но затем осознаю сказанное Дрю.

— Тебе уже 22?

— Я говорил тебе, что я старше, Джонс.

— Я думала, ты имел в виду, что старше на 1 год, — я гляжу то на Дрю, то на Грея. — Так вам обоим по 22 года? — черт, Дрю почти 23.

— В первый год в колледже мы были красными рубашками, — говорит Грей так, будто это очевидно.

Когда Дрю замечает, что я понятия не имею, о чем говорит Грей, он натянуто улыбается мне.

— Суть в том, что мы провели наш первый год на скамье запасных, мы занимались в колледже, но не играли в футбол. Это и называется быть красными рубашками.

— Если подумать об этом с данной стороны, — добавляет Грей, — то мы как выдержанное вино. Чем дольше мы здесь, тем становимся больше, сильнее и лучше. Зачем следовать программе и терпеть неудачу в 18 лет, если можно дождаться максимально эффективного возраста игрока и получать сплошные победы?

Это кажется немного меркантильным подходом, но в целом, думаю, что данный взгляд на вещи довольно разумный. И так как я замечаю во взгляде Дрю некую нерешительность, словно парень ожидает, что мое мнение о нем станет хуже из-за этого года "красных рубашек", то говорю вслух то, что думаю, от чего Бэйлор расслабляется.

— Футбол в колледже насквозь пропитан меркантильностью, — говорит он легкомысленно.

Грей толкает Дрю локтем.

— Ребята ждут. Давайте уже двигаться.

Но Дрю снова смотрит на меня.

— Хочешь пойти с нами? Мы просто прошвырнемся по паре баров.

Это внутреннее противоречие Дрю, как будто он не хочет оставлять меня, но в тоже время хочет пойти с друзьями, очень мило. Я улыбаюсь и качаю головой.

— Спасибо, но я займусь кое-какой бумажной волокитой.

— Я провожу тебя до машины, — его пальцы касаются моего локтя, и я ощущаю, как напрягается местечко между моими бедрами. Иисусе, это не к добру.

Грей прощается и бежит созывать других ребят, а мы с Дрю покидаем стадион. Воздух между нами становится вязким, словно нам обоим известно, что не стоит вот так разгуливать вместе. Известно, что любой увидевший нас сейчас, поймет, что мы не просто друзья. Не тогда, когда мы идем так близко друг к другу, что наши руки почти соприкасаются. Его рука пару раз трется о мое предплечье, и я гадаю, возьмет ли Дрю меня за руку, но вот мы уже возле моего скутера, и я тянусь к сумке, чтобы достать ключи.

Дрю разглядывает мой скутер и хмурит брови.

— Ты водишь красную Vespa. С корзиной впереди? — на его щеках образуются ямочки. — Боже, — Дрю поднимает руку к груди. — Желание пошутить о Красной шапочке убивает меня, — наигранный стон разочарования вырывается из его горла.

Я закатываю глаза и присаживаюсь, чтобы отстегнуть цепочку парковки.

— Я знаю.

Парень раскаивается.

— Это так чертовски очаровательно, Джонс, — его карие глаза полны нежности. — Ты очаровательна.

— Ты в шаге от того, чтобы потерять ценный агрегат, Бэйлор.

Но в ответ он лишь игриво улыбается мне, фирменной усмешкой Дрю Бэйлора.

— Я не беспокоюсь об этом, так как знаю, что ты первая, кто заинтересован в исправности моего агрегата.

— Боже, я попала прямо в яблочко, верно? — на мгновение мы замолкаем и просто

улыбаемся друг другу, а затем все меняется. Мое сердце ускоряет свой ритм, и еще один прилив жара опалает мое тело. Думаю, я хочу этого парня постоянно. И кстати, судя по тому как темнеют его глаза, а тело напрягается, наклоняясь ближе ко мне, он хочет меня тоже.

Его взгляд скользит к моим губам, а линия его рта становится мягче. Я встаю и резко натягиваю на голову шлем. Мои волнистые волосы пружинят вокруг шеи будто красные щупальца.

— Ну, — говорю я с притворным энтузиазмом. — Повеселись сегодня.

Дрю молча делает шаг ко мне. Все внутри меня замирает, но парень просто легонько ударяет рукой по козырьку моего шлема.

— Увидимся, Джонс, — говорит он. — Будь осторожна.

Я сажусь на свой скутер и завожу его, но останавливаюсь и поднимаю козырек шлема.

— Дрю... — я делаю небольшой вдох. — Спасибо, что выслушал, мне стало лучше.

Он опускает свою руку на стройные бедра, и когда начинает говорить, в его голосе слышна хрипотца.

— Спасибо за то, что доверяешь мне настолько, чтобы поделиться подобным.

Мое горло перехватывает, когда оставляю его на парковке, а шея мучительно ноет от напряжения, когда осознаю, что он смотрит мне вслед.

В ПЕРВЫЙ РАЗ с тех пор, как я встречаюсь с Анной, испытываю чувство облегчения от того, что она не хочет провести этот вечер со мной. Я не хочу видеть ее в роли участника спектакля под названием Празднование Дня рождения Грея.

Мы уже посетили несколько баров, задерживаясь в них настолько долго, чтобы желающая толпа народа смогла выразить Грею свои поздравления, выпить за него и может сыграть в бильярд или дартс, а затем перемещаемся в следующее место. Может это и кажется довольно банальным времяпровождением, но даже ему присущи кое-какие правила. Не напиваться, не устраивать общественных зрелищ и ни в коем случае не приводить домой случайных девчонок. Прямо сейчас мы занимаем первое место среди футбольных команд штата, и каждая команда хочет победить нас. Так что мы не можем допустить ошибку. Может быть другие команды играют иначе, но данная схема работает для нас. Мы с Дексом отвечаем за то, чтобы держать ребят в узде. Мы следим за их трезвостью, находясь по разные стороны от постоянно движущейся группы ребят из нашей команды.

Обычно это отстойная работенка, но сегодня она меня особо не волнует. Хотя я люблю зависать с ребятами, сегодняшний вечер меня утомляет. Несколько месяцев назад подобные мысли, возможно, меня бы беспокоили, но сейчас я признаюсь самому себе в том, что мое представление о веселье изменилось. Оно больше не включает в себя лапанье максимального количества различных сисек и предугадывание количества кисок, которых я перетрахую за ночь. Меня перестало волновать, узнают ли меня люди, поприветствуют ли, ударяя по спине или предлагая купить мне выпивку. Я предпочел бы, чтобы меня не замечали вовсе. Сейчас такого рода внимание даже немного тяготит.

Моя жизнь кажется более яркой, интересной и пикантной в те несколько часов, что я с Анной, чем все, что я испытывал за годы участия в этих вечеринках. Может потому что испытываемое ранее веселье не было тем, чего я искал, не приносило удовольствие, а что-то незримое постоянно ускользало из поля моего зрения. С Анной же я чувствую, будто нахожусь именно там, где и хочу.

Усталость давит на мои плечи, а веки сами по себе закрываются, когда мы направляемся ко мне домой. Обычно я не разрешаю устраивать вечеринки в моем доме. Но сегодня день рождения Грея, и он заслуживает повеселиться. У меня дома нас никто не увидит, а места достаточно, чтобы устроить вечеринку. Потому Грей был непреклонен в желании отпраздновать здесь свой день рождения.

Вздыхая, я прислоняюсь к стене гостиной и наблюдаю за тем, как четыре полуголые

женщины танцуют для Грея приватный танец. Глядя на их извивающиеся голые конечности я думаю о том, что это зрелище напоминает некое безумное подобие гидры из женских тел. Их груди трутся о его лицо, а попки поочередно опускаются на его промежность, женские руки ласкают его голову и плечи, и парню все это по душе, как и нашим друзьям по команде. В комнате стоит гул и свист их голосов. Особенно когда женщины расходятся по комнате, рассредоточиваясь на разных парнях. Музыка пульсирует басами, пока женская плоть скользит и извивается у мужских тел.

Я смотрю на часы на моем DVR и стискиваю зубы. Ага, я официально стал сердитым стариком. Мне просто хочется отправиться спать.

Напротив меня Декс прислоняется к кухонной столешнице, попивая воду из бутылки. Глядя на его огромные плечи и грудь, торчащие каштановые волосы и бороду, которую парню так нравится отращивать, женщины часто называют его медведем, что, я уверен, приносит ему немалое наслаждение.

Итан Декстер, или просто Декс, как зовут его все, играет в команде центром (*позиция игрока в американском футболе — прим. пер.*) и является моей правой рукой, превосходным нападающим и последним человеком, стоящим между мной и линией голодных игроков противоположной команды. Я люблю этого парня и не стесняюсь в этом признаться.

Я направляюсь к Дексу, переступая через ноги женщины, которая прямо сейчас стоит на коленях перед Греем, а ее голова подпрыгивает вверх и вниз в некое подобии ритма. Черт побери, я не хочу быть свидетелем этого. Некоторые вещи никогда не должны быть увиденными.

— Кто, бля, договаривался о предоставлении полного спектра услуг? — спрашиваю я Декса, становясь рядом с ним. — Это не входило в договоренность.

Декс складывает свои огромные руки на груди.

— Симмс. Чертов ебарь.

Симмс, играющий в боковой линии защиты, также получает сейчас некие дополнительные услуги личного характера. Я отворачиваюсь и выуживаю бутылку воды из холодильника.

— Давай подождем, пока парни кончат, а затем выпроводим отсюда девчонок, — я делаю большой глоток и кривлюсь. — Меня не волнует, что это день рождения Грея, не хочу видеть все это дерьмо, — и это уже не говоря о том, что если мы попадемся на этом, то окажемся в заднице. Не из-за полиции. С полицией ситуация такова, что нашу команду так любят и уважают в этом городе и штате, что даже если бы мы сбежали с места убийства, нас не стали бы привлекать к расследованию. Я даже как-то размышлял об этом и удивлялся. Но сейчас я переживаю, что нас может поймать тренер. Он-то уж точно не станет мириться с подобным дерьмом.

Декс ворчит. Его лицо краснеет, а челюсти сжимаются. Если я что и знаю о Дексе, так это то, что парень явно испытывает неприязнь к эксгибиционизму. Он никогда не занимается случайным сексом. Насколько мне известно, он встречается только с Тебоу, а она все еще девственница.

— А почему бы нам не прервать их прямо сейчас?

— Мне кажется жестоко прерывать парней прямо посреди... — я пожимаю плечами, не желая заканчивать это предложение.

Но даже и на том, Декс краснеет еще сильнее.

— Ты можешь уйти, если хочешь, — предлагаю я. — Я смогу и сам тут все разрулить.

Декс качает головой и хватает свою бутылку с водой, быстро делая два глотка. Он выбрасывает пустую бутылку и вытирает рот тыльной стороной ладони.

— Неа, я не брошу тебя, мужик. Как думаешь, хоть какая-то девушка смирилась бы с подобным поведением своего парня?

Несмотря на мое хреновое настроение, я невольно улыбаюсь. Вероятно, Анна прочитала бы целую тираду об объективация женщин и том, как низко унижают подобные платные услуги достоинства обоих полов человечества. И она была бы права, но с другой стороны, Анна никогда не имела дела с нытьем Грея.

Гордость. Она накатывает на меня, даря чувство удовлетворения, когда думаю об Анне. Но через мгновение это ощущение растворяется, оставляя пустоту, потому что я хочу, чтобы Анна познакомилась с Дексом и другими ребятами. А этому, кажется, никогда не бывать. Она не была бы в восторге даже от самой идеи подобного знакомства. Хотя, опять же, она сама пришла сегодня ко мне на тренировку. Девушка искала моего общества, желая получить ощущение комфорта.

Теплое чувство внутри вновь оживает. Странно, но я ощутил нереальное удовлетворение лишь от того, что боль в ее взгляде сменилась искорками счастья. Когда думаю о засранце, ее отчине, которому лично я бы с удовольствием врезал, парне лапающем ее мать, то начинаю понимать нежелание Анны завязывать более глубокие связи с другими людьми. Будучи ребенком я видел идеальные отношения, построенные на любви, тогда как она, скорее всего, не стала свидетелем должного примера взаимоотношений.

— У тебя есть девушка, Декс?

Декс пристально смотрит на шкафчик, будто в нем содержится секрет жизни.

— Я просто размышлял вслух.

— Не очень похоже на правду, — я делаю еще глоток воды и пытаюсь сдержать улыбку. — Больше похоже на то, что ты размышлял о какой-то конкретной девушке, — если так, то мы в одинаковом положении.

— Ну, есть одна девушка, — в уголках его глаз появляются морщинки, будто парень не то улыбается, не то кривится. — Ей не нравится футбол. А что я могу ответить на это?

Я сочувствую ему.

— Просто сказать, что мы парни с чрезмерно накачанными телами?

— Ну, порой именно так и есть, — бормочу я. — Но, разве не все ребята увлекаются тем или иным видом спорта?

— Знаешь, все станет только хуже, когда мы попадем в прайм-тайм. Возьми все вот это, — он кивает в сторону гостиной, — и добавь к этому еще хуеву тучу денег, а затем поймешь, какой беспредел мы получим в результате.

Деньги. Благодаря отличной игре многие из нас через год заработают состояние. Это не несбыточная мечта, а факт. Он следует из расчета, основанного на опыте. Из опыта парней, которые настырнее, быстрее, сильнее и старше.

Благодаря всенародному признанию у меня была возможность пообщаться с некоторыми из моих футбольных героев — защитниками, которые выиграли Супер Кубок. Они неподвластны постоянному давлению. *В колледже тебя не покидает чувство, что в запасе есть еще немного времени. А в НФЛ? У тебя в запасе секунды. И лучше использовать их с толком. В старшей лиге ты смотришь уже не в дуло пистолета, а в дуло пушки.*

Пугает ли это лично меня?

Неа, это неистово меня заводит. Я хочу, чтобы моя жизнь была яркой уже сегодня.

Я пожимаю плечами и тоже выбрасываю свою уже пустую бутылку от воды.

— С нами все будет в порядке. И под "мы" я подразумеваю нескольких из нас и себя.

Насчет некоторых остолопов я очень сомневаюсь.

Декс просто смотрит на меня, словно я дал именно тот ответ, который он и хотел услышать.

— Думаешь, разумно добиваться девушки сейчас, когда ты знаешь, что ожидает тебя в ближайшем будущем?

— Что ты имеешь в виду? — знаю, я хмурюсь, но неужто Декс считает, что можно просто отбросить свои чувства?

Его огромные плечи поднимаются и опадают.

— Думаю, что девушки ценят свой жизненный устрой больше, чем тебя, и не станут мириться с тем дерьмом, с которым нам придется иметь дело.

Хмурое выражение моего лица будто бы проникает до мозга костей. Мне хочется размять шею, просто в попытке избавиться от этого чувства. Ценят жизненный устрой? Черт, Я даже не знаю, как сильно Анна ценит меня, может ли она меня полюбить.

Одна девушка решает снять свои стринги и плюхнуться задницей на колени Грея, и в этот момент я решаю, что с меня хватит.

— Ладно, пора заканчивать, — говорю я. — За дело.

— Давно пора, — бормочет Декс.

— Итак, послушайте, — говорю я на весь голос, — вечеринка окончена.

— Что? — возмущается Симмс. — Мы только начали.

— А сейчас закончите, — Декс становится широко расставив ноги и скрещивает свои огромные руки на груди. — Мы идем вырубать свет. Тренер узнал об этой вечеринке, а значит пора сворачиваться.

— Черт, мужик, это как-то неправильно, — ворчит еще один парень.

Но тем не менее они слушаются; мы с Дексом со-капитаны команды, и ребята привыкли нас слушать. К тому же за этот сезон они уже и так натворили делов. А вот девушки глазают на нас, как на невменяемых. Как и на всех ребят, которые прямо сейчас начинают подниматься на ноги и собираться.

— Давайте, — я хлопаю в ладоши. — Расходимся.

— Да, мамочка.

— Верно, — говорю я, обращаясь ко всем, — мамочка и папочка сказали всем маленьким ушлепкам вести себя хорошо и сваливать в кровати.

Кто-то лениво бросает в мою сторону кусочек сыра, но на деле все продолжают собираться и двигаться в сторону выхода, где их поджидает Декс. Девушки же поочередно занимают мою ванную комнату, чтобы одеться и привести себя в порядок, ну, или что они там делают... если честно, даже знать не хочу.

Меня беспокоит лишь та девушка, что так и осталась стоять посреди комнаты. Она смотрит на меня, будто я мороженое на палочке, переминаясь с ноги на ногу в своих черных туфлях на высоких каблуках. Ее грудь подпрыгивает от каждого шага.

Черт.

Я нахожу себе занятие, собирая пустые бутылки, молясь, чтобы девушка просто разыскивала очередной напиток. Но мне не везет.

— Боец Бэйлор. Боже, ты такой сексуальный, — она подходит так близко, что ее соски почти касаются моей руки, когда девушка поворачивается ко мне лицом. — В жизни ты

выглядишь даже лучше, чем по ТВ.

Ну, конечно. Я не отступаю, хотя и хочу. Я не слепой и замечаю, что ее тело как с обложки журнала. Но несмотря на сей факт мне все еще хочется, чтобы она убралась подальше от меня. Глядя ей прямо в лицо, говорю:

— Мне нужно здесь убраться. Тебе и твоим подругам уже заплатили?

Ее улыбка становится неестественной, а губы блестят под слоем розовой помады, которая на вкус, вероятно, напоминает воск.

— Не волнуйся об оплате. Я уже не на работе. Умираю, как хочу прикоснуться к тебе.

Голубые глаза в обрамлении черных ресниц искренне смотрят на меня. Девушка ждет ответа, буквально пихая мне свои груди в лицо. Какая-то часть меня оценивает этот ее жест, все-таки голая женщина — это голая женщина. Но другая часть испытывает стыд за нас обоих.

Когда я еще учился в старшей школе, то фантазировал о сексе с несколькими женщинами одновременно. Если бы тогда я получил подобное предложение от такой девушки, то счел бы это супер сексуальным. В реальности же, как я сейчас понимаю, все довольно неудобно и сомнительно.

— Жаль тебя разочаровывать, но я не заинтересован, — даже самую малость. Надо бы поскорее выпроводить ее из моего дома, хорошенько надавив ей на затылок. Понимаю это еще более остро, когда девушка наклоняется, и ее голая грудь касается моей футболки. От нее исходит запах пива и дезодоранта, а всего десять минут назад у нее во рту был член моего друга. От этой мысли у меня в голове зарождается вопрос: как ей удалось не повредить слой помады?

— О, постой, Боец, — она трет рукой мою грудь, глядя на меня снизу вверх, — думаю, ты передумаешь, когда увидишь, что я могу делать своим ртом.

Я не хочу иметь ничего общего с ее ртом. И практически уверен, что отныне не смогу смотреть на розовую помаду так же спокойно, как и раньше.

Осторожно я беру ее за запястья и убираю руки девушки от моего тела.

— Дорогая, ты можешь сосать лучше чем все проститутки мира, но я не изменю свое решение. Не то чтобы я не оценил твое предложение.

Она дуется, но делает пару шагов назад.

— Ты выбрал забавный способ показать свою признательность фанатам.

— Что ж, как я уже и говорил, время идти по домам. Хорошего пути.

Почти забавно наблюдать за ее замешательством и растерянностью. Словно девушке никогда и в голову не приходило, что ей могут отказать. Она бросает на меня еще один долгий взгляд, а затем начинает собирать свои вещи, натягивает футболку и узкие брюки, доставая их из своей сумки.

— Почему все самые сексуальные мужики геи? — говорит она, закидывая сумку через плечо. Убирая свои длинные светлые волосы за плечи, девушка наконец-то выходит из дома.

Мне хочется сесть от чувства облегчения. Вот только замечаю стоящего рядом со мной Грея. Видимо он стоял здесь все это время, судя по отвращению в его взгляде.

— Не могу поверить, что ты ее отшил.

— А я не могу поверить, что ты считаешь, что мне следовало принять ее предложение.

Грей качает головой.

— Ладно, не буду тебя обманывать. Но некоторые из нас все еще не лишились своих членов. И знаешь ли, у меня были планы на этот вечер? Которые не включали в себя тот

пункт, где ты выгоняешь отсюда этих женщин.

Верно. Я даже думать не хочу, что это были за планы. Особенно учитывая состояние Грея, его остекленевшие глаза и невнятную речь.

— Послушай, если ты хочешь с кем-то переспать, то позвони одной из своих подружек, — это вполне нормально для Грея. — Не обязательно приводить ко мне домой подобных женщин.

Грей громко фыркает.

— А ты думаешь для меня есть разница?

— Ага, она огромная, и ты это знаешь, — по крайней мере, девушки с которыми у него были интрижки — ненавижу этот гребаный термин — не ожидают, что им заплатят за секс. Я внимательно смотрю на него. В выражении его лица скрыта некая тьма. И вдруг я понимаю, что его семья так и не позвонила, чтобы поздравить Грея с днем рождения. — Хочешь, оставайся здесь? Можем еще позависать.

Он отшатывается от меня, раскачиваясь на пятках.

— Неа. Я еще не готов закончить этот вечер.

— Значит, я пойду с тобой, куда бы ты там не направлялся.

Грей отходит от меня.

— Ни за что. Не хочу тебя видеть рядом, когда ты ведешь себя как мамочка наседка. Вали спать. Все будет в порядке.

Поверх его плеча, я бросаю взгляд на Декса, и тот кивает. Он присмотрит за Греем.

— Хорошо, — я не рад этой ситуации, но если надавлю сильнее, то лишь растрою Грея. А это не входит в мои планы на сегодня. Пока я знаю, что Декс проследит за тем, чтобы мой друг вернулся домой, я буду уважать его желание. Я дружественно ударяю Грея по плечу. — С днем рождения, мужик.

На мгновение он смотрит на меня, пьяно и сердито, а затем облако будто рассеивается и Грей притягивает меня в медвежьи объятия. Мы стучим друг друга по спине и расходимся.

Но когда я остаюсь один и добираюсь до своей комнаты, то почему-то не могу уснуть. Часы на прикроватной тумбочке показывают час ночи. И часть меня начинает сожалеть, что я так рано выставил парней. Я откидываюсь на кучу подушек, сгибая ноги в коленях, и медленно раскачиваю ими из стороны в сторону, пока всматриваюсь в темноту. Мой телефон лежит в руке и кажется тяжелым грузом. Анна как-то призналась, что она сова, и по ночам в основном читает. Я тоже мог бы почитать. На противоположном краю кровати лежит сборник пьес, а на тумбочке пылится роман Джека Ричера. Но вместо них я сосредотачиваюсь на телефоне, снимаю с него блокировку, и именно в этот момент мою ногу сводит резкая судорога.

— Блядь.

Мой палец скользит по экрану, нечаянно нажимая на иконку "звонки".

Хриплый голос Анны отвечает почти что мгновенно.

— Привет? — этот звук ласкает мою кожу, даря небольшое удовольствие.

— Хей, — я сажусь в кровати. — Я тебя разбудил?

— Нет. Я просто...

— Читала? — угадываю я, улыбаясь.

— Ага, — по голосу кажется, что Анна немного расстроена тем фактом, что я догадался, и от этого моя улыбка становится еще шире. Девушка издает странный звук, словно сдерживает зевок. — Уже очень поздно для звонков с просьбой о встрече, Бэйлор.

— Ты думаешь обо мне лишь в связке с сексом, Джонс? — я опускаю голову на свою согнутую руку и смотрю в потолок. — То есть, что если я просто хочу узнать, чем ты занимаешься сегодня ночью?

Она фыркает.

— Если у кого сегодня и была памятная ночка, так это у тебя. К слову, почему ты вообще мне сейчас звонишь? Разве ты не должен быть уже, ну, не знаю, в драбадан?

— Я не пью в течение футбольного сезона.

— Правда?

— Как и все на лекциях по истории, — я провожу рукой по голой коже моего живота, желая, чтобы это Анна касалась меня. — Алкоголь мешает мне нормально работать, плюс, мне не к чему хлопоты, связанные с подобными вечеринками. Сегодня я был трезвым водителем и обламывал ребятам весь кайф.

— Должно быть они были без ума от тебя, — в ее голосе слышны нотки смеха.

Темнота вокруг меня становится более теплой и комфортной.

— Ну, может несколько ребят немного ворчали.

— Бедный малыш, — запевает Анна, не испытывая и малейшего сочувствия, — так и не повеселился.

— А это зависит от того, что ты подразумеваешь под словом "веселье", — мне нравятся ее поддразнивания, и я хочу большего.

Анна смеется так мелодично, что мои внутренности завязываются в узел.

— А ты что *делал* сегодня вечером? Или мне не стоит об этом спрашивать?

— Я бы рассказал тебе, но возможно ты не хочешь это знать.

— Пффф. Ты еще сильнее разжигаешь мое любопытство. И делаешь это специально, Бэйлор.

Я усмехаюсь, поворачиваясь на бок.

— Ладно. Некоторые ребята заказали Грею группу стриптизерш.

— Они хороши? — тут же спрашивает Анна легкомысленно.

И в этот момент я признаюсь самому себе, что желаю ее ревности. Это так глупо. Как и то, что глупо ощущать разочарование, когда девушка не выказывает никаких признаков ревности. Я пожимаю плечами, но затем понимаю, что Анна меня не видит.

— Грею, кажется, понравились.

— А тебе нет? — в ее тоне слышен скептицизм.

— Нет.

— Ну, конечно, — я практически вижу, как она закатывает глаза. — Куча голых, извивающихся женщин для тебя ничего не значат. Хорошая попытка, Дрю.

— Ты хочешь узнать о том, что я ощущал? — мой ответ звучит резче, чем мне того бы хотелось, но почему-то не могу сдержаться. — Пустоту. Словно мир полон одиноких людей, которые не знают, какую бы еще херню сотворить со своей жизнью.

И только когда сам произношу вслух эти слова, осознаю, что и моя жизнь была довольно одинока. До нее. До того, как я понял, какой может стать мое существование, просто если Анна позволит мне быть с ней.

Мгновение девушка молчит.

— Быть может, это правда. Но ты не можешь изменить других людей. Только самого себя, — ее голос пропитан грустью, и я чувствую, что от этого меня еще сильнее к ней тянет.

— Кроме того, — говорю я, намерено используя более легкомысленный, дразнящий

тон, делая все проще для нас обоих, — есть одна девушка, о которой я не могу перестать думать. Она занимает все мои мысли, даже когда я не с ней.

Ее голос тоже становится игривым, наравне с моим.

— Ты уверен, что это не звонок с просьбой о секс-помощи?

А ты хочешь, чтобы это был он? Я почти задаю этот вопрос вслух, но вместо этого все же решаю сказать правду.

— Я просто не мог заснуть и хотел услышать твой голос.

Ее дыхание перехватывает, это самый приятный звук, который я когда-либо слышал, а за ним следуют звуки ее движений, будто девушка ворочается под одеялами.

— Мы с Айрис выходили сегодня вечером за бургерами, — говорит Анна тихо, меняя тему разговора, от чего у меня в груди возникает болезненное ощущение. — В последнее время Джордж приходит к нам попрошайничать. И ведет себя немного странно.

Может, мне не следует ревновать Анну к Джорджу. Ведь очевидно же, что они близкие друзья. Кроме того ребята правда относятся друг к другу как брат с сестрой.

Засовывая руку под подушку, я закрываю глаза, сосредотачиваясь лишь на наших голосах.

— И что же тут странного?

— Я было думала, что у него появилась девушка, вот только Джордж обычно говорит нам, если у него кто-то есть, а на этот раз ничего такого не рассказывал.

— Не рассказывал? — я смеюсь от одной лишь мысли, что парень обо всем им рассказывает.

— Ага. Он начал напевать себе под нос песню *Ain't No Rest for the Wicked* группы Cage the Elephant.

— Это... интересно?

— Это чертовски странно, а не интересно. Учитывая то, что звучит он при этом, будто Микки Маус.

На этом мы начинаем смеяться уже вместе.

Не знаю, сколько времени мы еще болтаем на абсолютно неважные темы, прежде чем я отключаюсь и засыпаю. И когда просыпаюсь утром, телефон так и лежит в моей руке.

КОГДА Я ПОСТУПАЛ в колледж, то выбор профилирующего предмета не был н повестке дня. По правде, я мог бы забить на общеобразовательные предметы, выполнять какой-то минимум заданий, и никто бы и глазом не моргнул. Не то, чтобы я спрашивал об этом, просто данное положение вещей было предельно очевидно. Но в тот момент я поставил вопрос ребром, заявив, что не хочу подобного отношения. Оно противоречило всему, чему учили меня родители. Потому, конечно, я выбрал своим профилирующим предметом английскую литературу, зная, что у меня есть к ней способности, и так будет проще. Футбол занимает почти все мое время, и мне нужно прикладывать все усилия, чтобы держать голову над поверхностью воды во всех других дисциплинах.

Но мои старания не пропадают даром, так как в результате мне удается сохранять свой средний бал выше 4. И я горжусь этим. Хотя, если быть честным, я очень жду окончания и выпускной. Бесконечная учеба и недостаток сна выматывают.

На самом деле, мои веки будто налиты свинцом, а голова так и норовит упасть вперед прямо на парту, пока мой профессор по литературе в отрасли кино разглагольствует об отличии фильма *Комната с видом* от понятия роман. Я глубоко вздыхаю, пытаюсь очистить свой разум, но духота, царящая в аудитории, отнюдь не способствует этому.

Занятие все никак не заканчивается. Я смотрю на часы, пока профессор Джефард проводит викторину по изученному на прошлой неделе материалу. Ну, ей богу, какая нафиг викторина? Мы что все еще в старшей школе? Мне хотелось рассмеяться, когда он дал нам это задание.

— Хорошая работа, мистер Бэйлор, — говорит Джефард, опуская результаты викторины на мой стол. 100 очков. Наивысший балл.

Я отличник в этом классе. Честно говоря, это несложно, и мне нравится предмет.

Я киваю, и еще раз просматриваю лист с викториной, так как больше особо нечего делать, и в этот момент я замечаю ошибку. Протирая глаза, я перечитываю снова. Ага, я неправильно ответил на 10й вопрос.

Подождав пока все студенты покинут класс, я направляюсь к столу Джефарда. Он поднимает на меня взор, когда подхожу ближе.

— Я могу вам помочь, мистер Бэйлор?

— В моей викторине есть ошибка, профессор. Я неправильно ответил на 10й вопрос, — я указываю на этот пункт. — Здесь должна быть Шарлотта Бартлетт, а не Фредди Ханичерч.

Джефард даже не смотрит на лист с викториной, а просто моргает, глядя на меня, будто

я несу полнейший бред. К затылку приливает жар. Это всего лишь один дурацкий вопрос. Мне не стоило устраивать разборки. Но это меня почему-то беспокоит.

Я снова указываю на страницу.

— Я написал, что Фредди рассказала мистеру Эмерсону о том, что Люси порвала свою помолвку с Сесилом. Но это была не Фредди, а Шарлотта.

Улыбаясь, Джефард кладет свои руки на викторину и пододвигает лист в мою сторону.

— Очевидно, что вы прочли работу крайне тщательно, мистер Бэйлор. Так что я не вижу причину, по которой мог бы отметить данный пункт, как ошибку.

В мои внутренности словно вкручивают болты и шурупы.

— Но я ошибся.

— Да, однако, ясно же, что вы знали правильный ответ. Тот факт, что вы смогли обнаружить ошибку говорит мне о многом, — он снова улыбается. — Отличная игра была на прошлой неделе, кстати. Приводил внучку, чтобы она посмотрела на вас.

У меня на шее начинает неистово пульсировать венка.

— Это здорово... — я опускаю взгляд на жирную красную цифру 100 в верхней части листа с викториной. — То есть Вы говорите мне, что если ученик ответил неверно, но "прочел работу тщательно", то вы игнорируете его ошибку?

Его улыбка увядает.

— Вы отличник. Лучший ученик класса.

Желчь подступает к моему горлу. Я сглатываю ее, но не могу контролировать свое учащенное сердцебиение.

— Добился ли я этого своими собственными силами или при вашей помощи?

Джефард садится ровнее, сжимая губы до явной синевы.

— Что вы подразумеваете, мистер Бэйлор?

— Я ничего не подразумеваю, — отвечаю я спокойно, хотя, что греха таить, мне хочется схватить его за этот шерстяной свитер и трясти до тех пор, пока не вытрясу из него признание. — Я просто спрашиваю, делаете ли вы аналогичные поблажки всем моим одноклассникам.

Его взгляд встречается с моим.

— Мои коллеги, как и я, знают, что ваша нагрузка гораздо выше, чем у ваших одноклассников.

— Так вы относитесь ко мне более снисходительно? — мне требуется вся выдержка, чтобы не ударить кулаком по столу. — Я никогда не просил вас о помощи. И не хочу ее. Никогда.

— О, бога ради... — Джефард берет лист с викториной и рисует косую черту красной ручкой возле 10го вопроса. Его костяшки дрожат, когда профессор пишет сверху страницы 99 очков. Он снова подсовывает мне листок. — Вот. Минус один балл. И теперь у нас есть не такой уж и совершенный отличник мистер Бэйлор. Вы счастливы?

Ярость кипит у меня в груди.

— Не вам меня упрекать.

Тонкие брови Джефарда приподымаются, но я не даю ему возможности ответить.

— У меня есть такое же право задавать вопросы, как и у любого другого студента, — поднимая тест, я сердито смотрю на него. — Может даже большее.

Его лицо приобретает пурпурный оттенок.

— Вы заходите слишком далеко.

Упирая кулаки в стол, я наклоняюсь так, что мое лицо оказывается на одном уровне с лицом профессора; в ответ он вздрагивает. Его глаза расширяются от страха, и мне хочется фыркнуть. Он что думает, что я бандит? Чудно. Но я не отступаю. Я негромко, но четко произношу каждое слово так, чтобы он расслышал меня.

— Я осмелюсь не согласиться.

Хватая лист с результатами викторины, я разворачиваюсь и выхожу из класса.

Мне удается оставить Джефарда, так и не накричав на него, но в целом я не могу похвастаться своим спокойствием. Я едва в состоянии видеть то, что прямо передо мной, когда покидаю студгородок и направляюсь домой. Моя голова пульсирует, горло сжимается и болит. А в ушах стоит постоянный гул.

На пассажирском сидении авто лежит лист с викториной, и ошибочная оценка на его лицевой стороне, будто насмехается надо мной. Ага, у меня все еще стоит пятерка. Но сколько раз мои преподаватели завышали мои отметки? По большому счету английская литература — субъективный предмет, оценка зависит от того, насколько, по мнению профессора, я хорошо усвоил материал. Я размышляю о тех часах, что провел горбатясь у своего компьютера, в попытке выразить свои мысли словами. И о гордости, что чувствовал, получая хорошие отметки за эти сочинения.

Мои потные ладони сжимают руль, пока волны унижения будто пощечины хлещут по моему лицу. Неужели все это было шуткой? Чертовой шуткой надо мной?

Я не знаю. И это разъедает меня. Мне нужно знать.

Попав домой, я буквально бегу в свой кабинет.

Ложь. Все это может быть ложью. Годы лжи.

Мои руки дрожат, когда распахиваю шкаф, намереваясь найти старые тексты и эссе. Бумага шуршит, выскальзывает и падает на пол. Я хватаю давний тест, ожидая найти подтверждения, когда останавливаюсь, будто ошпаренный.

Страница плывет у меня перед глазами, а пульс стучит в ушах. И тогда я сжимаю в кулак свой старый тест. Я не могу на это смотреть.

— Блядство! — я швыряю бумажный ком со всей силы. Он ударяется о стену и, не нанеся и малейшего вреда, падает. — Черт!

Опускаясь на пол, я хватаюсь за волосы и несколько раз моргаю. Я дрожу, и не могу успокоиться. Мне хочется рвать и метать. Хочется разломать мой стол на части.

Я трус, потому что не могу заставить себя узнать правду. Если все преподаватели мне помогали, то как я смогу дальше жить с этим унижением. Но сомнение уже закралось внутрь, и оно никуда не денется. Я могу пытаться стать лучше, но мир хочет видеть лишь одну сторону моей личности. И я чувствую из-за этого боль, проникающую до мозга костей.

— ЗА МУНИ!

— МУНИ!

Мы все чокаемся, поднимая стаканы вверх в честь нашего друга. Муни, чье настоящее имя Джозеф Шварц, сияет от счастья, а его пышные кудри поблескивают от света ламп над покерным столом.

— Ага, ага, — он заливается румянцем, который лишь усиливается, когда его девушка, Джин, откровенно целует парня в щеку.

— Какой же скромный у меня мужчина.

На улице начинает моросить дождь, но в помещении тепло, а в воздухе витает запах пива и пиццы. Я зависаю со своей старой группой по исследованиям, играя в покер и празднуя то, что Муни получил 180 баллов по тесту в юридический университет. Хотя наша группа распалась еще в прошлом году, и мы редко видимся, нам все равно приятно встретиться и провести вместе время в этот последний год обучения.

— Ты по-прежнему хочешь поступить в Тулейнский университет, приятель? — спрашивает у Муни Пит перед тем, как сделать еще один глоток пива.

Два года назад Муни попал на празднование Марди Гра в Новом Орлеане, и с того времени у него появилась навязчивая идея поступить там в юридический университет. Хотя его родителям хотелось бы, чтобы парень выбрал Гарвард, Принстон или любой восточный университет Лиги Плюща.

Муни еще сильнее краснеет, когда проводит рукой по волосам и отвечает:

— Если они примут меня, то да.

— Если? — Пит усмехается своей сексуальность-Тая Диггза-даже-и-близко-не-сравнится-с-моей усмешкой, при этом сжимая между зубами палочки-тягучки Twizzler. — Я даже не сомневаюсь в этом, друг мой. У тебя есть преимущества.

Пит и сам-то довольно неплохо устроился, в июле он успешно сдал тесты в медицинский университет. Никто этому не удивился. Так как все мы знаем, что он блистателен. Как и его планы на будущее. Он собирается поступить в университет Джона Хопкинса. Пит станет первым человеком в своей семье, кто пойдет учиться в университет, более того, в медицинский.

Помимо Пита, Муни и Джин, которая тоже поступает в юридический, в нашей группке еще есть Джон, он хочет стать писателем. Так что я одна из этой группы, получается, не имею четкой цели и гениального плана на будущее.

— Пит прав. Они были бы безумцами, если бы отказали тебе, — Джин наклоняется к Муни, сжимая его руку. Они такие милые, когда вместе. Постоянно прикасаются друг к другу, улыбаются.

Я бросаю взгляд в окно, наблюдая, как прозрачные капли дождя моросят на стекло.

Вокруг меня стоит гул голосов, создавая комфортную и знакомую атмосферу. Но внутри меня есть некая сила, которая так и рвется наружу, словно пытаюсь проникнуть сквозь мою кожу и отправиться путешествовать вне тела. Однако, следующие слова Муни вырывают меня из этого тумана.

— Что ж, у меня... *у нас*, — он делает паузу, поворачиваясь к Джин и снова краснея, — есть еще пара новостей, — парень становится багровым, как свекла, когда его рука ложится на плечо Джин. — Мы поженились.

Мгновенно наступает тишина, которую нарушает лишь звук урчания чьего-то желудка. Мы все смотрим на ребят, глаза, словно рыбы. Джин и Муни замирают, а их счастливые улыбки разом угасают, я первая заставляю себя выйти из оцепенения.

— Ребята! Поздравляю вас.

Эти слова помогают остальным прийти в себя.

Джон прочищает горло.

— Гм, ага, поздравляю, — очевидно, что он считает их невменяемыми. Может, мы все так считаем. Поженились? Сейчас?

Джин прищуривает глаза, окидывая всех нас взглядом.

— Вы все думаете, что мы сумасшедшие, верно?

Попались.

— Нет, — неуверенно протестует Пит. Сейчас он сидит более ровно. — Нет, Джин. Мы все знаем, что вы были предназначены друг другу.

Она фыркает, но кажется немного успокаивается.

— Ну, ясное дело. В противном случае, мы бы не сделали этого. К тому же, теперь мы можем претендовать на совместное студенческое проживание, как замужняя пара, — но главная причина их брака не в этом. Она скрыта в том, как Джин смотрит на Муни. И как он смотрит на нее в ответ. Они просто знают, что должны быть вместе.

Я в восторге от их веры друг в друга. От их храбрости.

Джон бросает свои карты на стол. В любом случае, мы уже закончили играть.

— Поскольку мы решили выложить все дерьмо на чистоту, скажу, я тоже встретил кое-кого, — он оглядывается вокруг, а в его голубых глазах появляется некая напряженность. — Его зовут Джон.

Наступает еще одна мучительная пауза. Я даже и не думала, что Джон гей. Уверена, что не я одна.

— Джон и Джон? Джон-Джон, — я шлепаю его по руке, разряжая накалившуюся обстановку. — Как это мило?

Он бросает на меня сердитый взгляд, но я слышу, как парень облегченно вздыхает, и замечаю, как изгибаются его губы в улыбке.

— Заткнись, Энн.

Пит тоже бросает на стол свои карты и тянется за еще одной тягучей палочкой Twizzlers.

— Не могу поверить, что ты только сейчас рассказываешь нам о том, что ты гей.

— Просто прими это как часть меня, Пити.

Пит корчит рожу.

— Честно говоря, я немного оскорблен тем, что ты никогда не подкатывал ко мне. Я ведь чертовски сексуален.

Муни фыркает.

— Ты? Я точно сексуальнее тебя.

— Ага, но ты был занят, — шутит Джон, все еще немного смущаясь, но сейчас он хотя бы улыбается.

— И я слышала, Пити, что ты не в этой лиге, — добавляю я, воруя у него палочку Twizzlers.

— Тогда почему ты до сих пор не проверила это на практике? — дразнит Пит, бросая на меня игривый косой взгляд.

Я откусываю тягучий кусочек Twizzler, создавая странный щелкающий звук, и все театрально стонут от ужаса.

— А что на счет тебя, Анна, — спрашивает Джон, мило улыбаясь. — У тебя тоже подготовлена для нас бомба?

Ох, конечно. Я трахаюсь со звездой футбола. Даже под страхом смерти я не сказала бы этого вслух. Это кажется в некоем роде предательством Дрю, и честно говоря, может, данная новость и стала бы бомбой, но уж точно не достижением. Это даже не то, что я могу произнести с чувством гордости. Одна мысли о предательстве Дрю вызывает у меня панический страх.

— Неа, — я еще раз кусаю тягучку, надеясь, что она не застрянет у меня в горле. — Все по-старому.

Услышав эту ложь, ребята снова начинают общаться на тему своих жизненных планов. Я же теряю нить разговора, позволяя их словам превратиться в фоновый невнятный гул. Лица моих друзей мелькают словно фото-кадры улыбок и светящихся глаз. И без реальных на то причин, мне хочется расплакаться.

Неестественный вкус земляники наполняет мой рот, а затем этот странный порыв внутри меня вновь набирает силу. Я ощущаю себя крайне неудовлетворенной. И нуждающейся. Потирая низ живота, где сосредоточилась ноющая боль, я считаю минуты до того времени, когда смогу пойти домой. Мои друзья счастливы по-своему, не так как я. Но у меня тоже есть способ ощутить себя счастливой, хотя бы временно. И от этого осознания, рука невольно тянется к телефону.

The image shows the name 'Drew' written in a large, black, cursive font. Above the letter 'w' is a small, realistic illustration of an American football, positioned as if it is about to be thrown or is part of the letter's design.

ЕЩЕ ОДНА ИГРА, еще одна победа. Мы непобедимы. У нас есть все шансы на первенство в плей-офф среди футбольных команд университетов. Ребята ликуют, пока автобус направляется назад в наш кампус.

Дождь падает тяжелыми, большими каплями, барабана по крыше автобуса, словно звуки стрельбы. Но это не останавливает нас от бега по улице, или от смеха, когда Маршал поскользывается в грязи и падает на задницу, извергая проклятия.

Я останавливаюсь, чтобы забрать сумку, ожидая своей очереди, пока водитель

распаковывает багаж. Кажется, что разумнее было бы оставаться в автобусе, но мы так не поступаем.

Через дорогу, девушка Харрисона ожидает его, стоя под огромным зонтом, прислонившись попкой к блестящему черному Range Rover.

— Ваааау, — свистит Роландо Джонсон, наш звездный уайд ресивер, подходя ко мне. — Какая сладенькая.

— Чья это машина? — спрашиваю я, хмуро наблюдая за тем, как Харрисон бежит навстречу к своей девушке. И я и Роландо отлично понимаем, что подобную слишком шикарную вещьцу Харрисон мог получить лишь от агента по вербовке спортсменов. Они обычно крайне агрессивны в своих стремлениях заполучить лучших игроков. Агенты не могут преподнести нам что-либо в виде подарка как такового, но существуют некие серые зоны, в которых они лавируют; например, они могут предоставить нам шикарное авто на неопределенный срок пользования, купить особняк для родителей бедного парня или подкупить подарками наших друзей, чтобы те хорошо отзывались об определенном университете, ну или же помахать перед нашими лицами блестящими цацками, может кто и поведется на это.

— Гарри.

Один из крайне неприятных агентов. Ох, некоторые из них очень подлые ребята. Они приходят на игры вместе с представителями университетов и рекламных компаний, обещая вам интересные предложения, которые должны принести славу и деньги. Или же заказывают девочек, которые могут обслужить вас по полной. Например, я впервые прикоснулся к искусственной груди, когда мой агент любезно заказал доставку спец. услуг ко мне на дом. Усвоил ли я урок? Ага, импланты и близко не так хороши, как настоящая плоть.

Роландо качает головой, от чего капельки воды брызгают в стороны с кончиков его дредов.

— Харрисону лучше получить травму, или же он потеряет эту красотку.

— Ему вообще не следовало ее брать. Это глупо. Не говоря уже о том, что он играет в русскую рулетку с комитетом по правонарушениям. Который угробил карьере более успешных и лучших игроков за гораздо менее значимые нарушения.

Услышав тон моего голоса, Роландо бросает на меня взгляд, а его выражение лица становится напряженным, пока дождь непрерывно бьет по его плечам.

— Думаешь, все так просто? У тебя уже есть деньги, — он хмурится. — На тебе не висит забота о двух братьях или сестрах, и тебе не нужно по ночам проверять свои простыни на наличие тараканов.

Его слова будто затягивающаяся удавка вокруг моей шеи. Должен ли я почувствовать себя виноватым? Возможно. Может мне следует кивнуть и заткнуться. Хотя, не думаю, что он заметит, так как все еще набрасывается на меня с обвинениями.

— Ты не имеешь подобных проблем. У тебя есть семья, которая... — Роналдо резко прерывается, а его глаза округляются от ужаса и сожаления. — Черт, мужик, я не это имел в виду.

— Нет, ты прав, у меня все было хорошо, — я *отказываюсь* сожалеть о потере всего этого. — И ты можешь называть меня высокомерным сученышем, если хочешь. Но Харрисон, ты, я, у нас есть талант добиться всего своими силами. А не сосать хуй у каких-то агентов за их фантастические игрушки.

Ноздри Роландо расширяются, а линия рта напрягается, но буквально через мгновение

его выражение резко сменяется на усмешку, за которой следует смех.

— Дерьмо, как по мне, Боец, то тебе не нужно ходить на внеклассные занятия.

— Мне? — я фыркаю. — Ты — тот, кто только что разъяснял дифференциацию нашего воспитания.

Его лохматые брови приподнимаются, и он бросает на меня насмешливый взгляд, как и всегда, когда я несу всякую нравоучительную чушь.

Мои щеки начинает заливать румянец, который только усиливается от следующих слов Роландо:

— И в этот момент мне стоило бы еще раз сделать ударение на различии в нашем социально-экономическом статусе при встрече лицом к лицу с потенциальным агентом, имеющим ресурсы для заманивая хороших игроков.

На мгновение мы замираем, глядя друг на друга, а затем хохочем.

— Гребаный специалист по социологии, — бормочу я.

— Я — Генри-мазефака-Хиггинс. Или ты хочешь проверить меня на грамотность как Элизу Дулитл? (*Генри Хиггинс и Элиза Дулитл главные персонажи пьесы Шоу "Пигмалион" — прим. пер.*)

— А ты хочешь, чтобы я это сделал? Ты проиграешь мне в этой игре, мужик.

Роландо морщится, показывая мне средний палец, а затем возвращается к первоначальной теме нашего разговора.

— Мы оба знаем, чем все обернется с этими агентами. Они будут сосать нам члены.

— Кто будет сосать член? — говорит Грей, становясь между нами и кладя руки нам с Роландо на плечи.

— Харрисон, — говорим мы хором.

— Звучит здорово, — Грей еще раз хлопает нам по плечам. — Так мы идем? Или вы двое собираетесь торчать здесь под дождем, сочиняя стихи о членах?

Предварительно мы договаривались сходить поесть пиццы. Другие ребята собирались посмотреть сегодня игры NFL в баре Дино.

Я же не хочу ни пиццы, ни идти в бар.

— Я домой, хочу высушиться и вздремнуть.

— Слабак.

— Зато выспавшийся, — я закидываю сумку на плечо и направляюсь к своей машине. Мое тело насквозь промокло и болит от усталости, которая по сути никогда не проходит до конца. Но не это меня беспокоит, а та пустота, что постоянно таится в моей груди. Она усугубляется день ото дня. Растет.

На самом деле я не хочу идти домой. Меня там никто не ждет, никто не жаждет общения со мной. Парни из команды мне как братья. Я получу удовольствие от проведенного с ними времени. Но позже, все закончится тем, что я буду хотеть просто... существовать. Не говорить всякую чушь, ничего не ожидать, а просто быть собой. В этом нет никакого смысла. Но эта потребность все время меня преследует.

Проводя холодной рукой по мокрому лицу, я выуживаю ключи от машины и запрыгиваю внутрь, как только открываю дверь. Внутри шум дождя кажется громче, а салон затхлым и мрачным. У меня появляется ком в горле. Ненавижу это чувство изоляции. Растирая грудь рукой, я стараюсь избавиться от этого ощущения, пока параллельно завожу мотор и слышу, как жужжит мой телефон.

Как только вижу имя на экране, на моем лице появляется невольная улыбка. Анна.

Губы растягиваются еще сильнее, когда читаю сообщение.

Это сообщение доставлено вам СЗСП (службой звонков секс помощи). Если вы вернулись в город, то тащите свою мокрую задницу сюда.

Только Анна способна вызвать смех и возбудить меня одним махом. Я переключаю передачу и трогаюсь с места, и вдруг мой день начинает казаться ярче, чем простой скучный полдень.

ДОЖДЬ БАРАБАНИТ ПО окну, пока я валяюсь в кровати. Дрю просто обнимает меня лежа за спиной. Буквально только что он снял и выбросил презерватив, а сейчас его вес приятно давит мне на спину, а руки прижимаются к моим, наши пальцы переплетены. Мы дышим в унисон, отходя от наслаждения, которое только что испытали, занимаясь сексом. Мое лицо прижато к подушке, но меня это особо не волнует. Чувствую себя словно желе, будто удовлетворенная плоть. Мне так тепло рядом с этим парнем, что практически хочется умолять его не шевелиться. Никогда. Мы могли бы просто лежать и слушать шум дождя. И никогда не вставать с этой кровати.

Вот только я — та, кто должна оттолкнуть Дрю и выпроводить его из своей квартиры. У меня в горле образуется ком, когда пытаюсь собрать в кулак всю свою волю. Но тут он делает то, чего я никак не ожидала.

Его губы прикасаются к моему плечу, нежно и трепетно целуя.

И я мгновенно напрягаюсь в ответ. Так же как и он. Я могу ощутить, как напрягается каждый сантиметр его стройного тела. Но он все еще лежит абсолютно неподвижно. Игнорируя это напряжение, Дрю сознательно целует меня еще раз, будто бы провоцируя на протест. Еще один полный любви поцелуй в мое плечо. И еще один.

Мое сердце сходит с катушек, бешено колотясь в груди.

— Что ты делаешь? — мне едва удастся произнести этот вопрос, мой голос едва слышен, такой тихий и мягкий.

Дрю останавливается на мгновение, его губы просто касаются моего плеча.

— Целую твои веснушки, — кончик его языка щелчками касается моей кожи, едва пробуя ее на вкус, от чего глубоко внутри меня зарождается возбуждение.

— Но зачем? — спрашиваю я, пока он, не останавливаясь, продолжает свои действия. Медленно. Размеренно. Исследуя меня.

От его нежных прикосновений мое сердцебиение учащается, а дыхание замирает.

— Потому что я смертельно хочу это делать, — боже, его голос. Он такой низкий и ласковый, так звучит забота и нежность. Он расщепляет меня на атомы. В сочетании с его поцелуями, все это превращает меня в дрожащее месиво. Его большие, теплые ладони опускаются на мои плечи, удерживая так, будто я могу убежать. И в целом, я могла бы это сделать.

— У тебя так много тут веснушек, — лениво продолжает Дрю, пока его губы щекочут мою кожу, — они будто золотистые крупички плавленого сахара на крем-брюле.

Я фыркаю.

— Это всего лишь оранжевые пятнышки.

Из его горла вырывается урчащий звук.

— Картошка-морошка. А сейчас помолчи, я тут занят.

Вообще-то, я и не собиралась двигаться. Тем более что его тяжелые бедра прижаты к моим, а вес его тела давит мне на грудь.

Смещаясь вдоль линии моего плеча, его щетина покалывает и царапает мою кожу. От нежных прикосновений его губ и языка, волоски у меня на затылке встают дыбом, когда Дрю целует меня там.

Я вся дрожу. Мое тело трепещет, а ощущения столь приятные, что даже немного страшно. Слишком приятные. Слишком интимные. Дрю так близко, такой горячий и сильный, каждое его прикосновение, словно поклонение мне.

Он оставляет влажный поцелуй у меня на лопатке, и когда его губы отрываются от моей кожи, с них срывается тихий стон.

— Я мечтал сделать так однажды.

— Что? — меня как будто окутал туман, но эти слова трогают настолько, что я отрываю голову от подушки, приподымая ее.

Теперь мне видно его усмешку и то, как внимательно он смотрит на мои веснушки.

— В аудитории, — говорит Бэйлор, — я терял счет времени, думая о том, чтобы оттянуть горловину твоего белого свитера и провести языком вдоль линии твоих плеч.

И словно в подтверждение своей исповеди, Дрю проводит влажную линию от моего затылка до плеча.

— Ты не мог думать об этом прямо на занятии, — боже, он ведь и правда не мог, потому что если это и правда, то отныне на всех занятиях я смогу думать лишь об этом, не воспринимая ни слова из лекции профессора.

К сожалению, Дрю качает головой, продолжая целовать меня вдоль позвоночника.

— Прости, Джонс, но у тебя нет голоса в вопросе выбора моих фантазий.

— Дурак.

Он смеется над этим, но никак не затыкается.

— К примеру, возьмем твои груди. Они играют главную роль в стольких моих мечтаниях, — Дрю такой разговорчивый, прокладывая дорожку из поцелуев вдоль моей спины и, тем самым, буквально убивая меня. — Боже, я сходил с ума, глядя на твой профиль и думая о твоих сосках, о том, как они станут твердыми от моих прикосновений, о том, как буду сосать их, а ты будешь хныкать в ответ.

Я неосознанно хнычу прямо сейчас, так как Дрю останавливается на мгновение, зависая в миллиметре от кожи моей спины.

— Ага, — шепчет он, — вот так.

— Иисусе, — это все, что удастся мне вымолвить.

— Еще я думал о твоей киске. Такой сладкой и розовой, — он целует меня чуть выше поясицы, — киске. Всегда влажной для меня, — кончик его языка скользит вниз, и вдоль этого влажного следа растекается волна удовольствия. — Я думаю обо всем этом каждый раз, когда приезжаю сюда, — он посасывает нежную кожу поясицы. — О том, какой тугой и влажной ты будешь для меня.

Его слова пошлые. И мне стоило бы запротестовать. Но я не могу. Дрю переворачивает меня на живот. И от этого я практически млею на простынях, будто кошка в тепле солнечных лучей. Моя кожа такая горячая, а все тело дрожит. Но это не останавливает Дрю.

Конечно же, нет.

На самом деле, я и не хочу, чтобы он останавливался. Это нереально приятно.

— Также я мечтаю о твоей попке, — он выпускает длинный полный восхищения стон, от чего я заливаюсь румянцем. Но кажется, Дрю этого не замечает. Он слишком занят похвалами моей заднице. Его большие ладони скользят по сторонам моих ягодиц, сжимая плоть.

— Дрю!

— Шшш, — он легонько шлепает меня по попке, и я краснею еще сильнее. Тем временем Дрю ворчит. — У меня свидание, — его голос становится хриплым. — С этой чертовски идеальной попкой.

— Она не идеальна! — хотя, в целом, я не жалуясь на свое тело, но тем не менее прекрасно осознаю, какие части моей фигуры хороши, а какие не очень.

— Ах, Джонс, — восклицает он, — ты сейчас реально нарываешься на комплименты, — он еще раз легонько целует мою левую ягодицу.

— Я просто была с тобой честна, парнишка.

Еще один поцелуй на моей коже.

— Ты слепая. Твоя попка. Иисусе, все твое тело... — он останавливается, пока его губы касаются точки в самом низу моей поясицы. — Ничто с ним не сравнится, Джонс.

От этих слов мое дыхание замирает. Потому, что это Дрю — тот, с кем никто не сравнится.

— Я видела, с какими девушками ты встречаешься, Бэйлор, — как только эти слова срываются с моих уст, я вздрагиваю. Так глупо сейчас думать о других девушках. Но слово не воробей, так что я решаю закончить мысль. — Ты не можешь утверждать, что мое тело... — черт, я не могу сказать этого.

Руки Дрю с силой сжимают мою талию; не думаю, что он меня еще хочет. Следующие слова он произносит тихо, но уверенно.

— Тот факт, что мне трудно вспомнить четко хоть одну другую женщину, должен сказать тебе что-то.

— Ага, ну... Черт.

Дрю начинает смеяться.

— Ты никогда не выиграешь в этом вопросе.

— О, нет?

— Нет. Потому что ты не можешь изменить мое мнение, — его ладонь перемещается вниз по моему бедру, а затем еще раз, но по спине. — А оно таково, что твоя задница идеальна. Следовательно, твоя попка совершенна для меня.

Я не могу не рассмеяться.

— Не могу поверить, что ты использовал только что философскую концепцию.

— Поверь, малышка, — в его голосе слышится счастье и некое самодовольство. — Мне нравится спорить с тобой.

Мне это тоже нравится. Даже больше, чем должно. Мне нравится Дрю.

— Ты же понимаешь, что я могу использовать тот же аргумент? Поскольку ты считаешь, что личные предпочтения в данном вопросе имеют больший вес, чем эмпирические факты.

Он смеется, и от этого его губы прижимаются к моей коже.

— В любом случае, — добавляю я, немного задыхаясь, — ты ошибаешься.

— Как так? — но по его тону, кажется, что Дрю знает ответ на свой вопрос. Его просто

это не волнует.

— Ты всегда нападаешь на меня со своими спорами, когда я в таком расслабленном состоянии.

Я понимаю, что права, потому что он снова усмехается.

— Я люблю соперничество. Так что чего ты от меня ожидала?

— Ну, точно не того, что ты уткнешься лицом мне в задницу, — бормочу я. Но от его внимания и заботы я ощущаю себя так чертовски хорошо, что не хочу, чтобы это заканчивалось. Никогда. Я хочу лежать здесь и разрешить Дрю делать со мной все, что он пожелает, пока я окончательно не забуду свое имя. Или его имя. Поэтому вдвойне глупо то, что я сейчас напрягаюсь.

— Расслабься, Джонс, — шепчет Дрю, пока его пальцы легонько щекочут мою кожу. — Ты способна справиться с этим.

— Легко сказать. Это же не твою задницу разглядывают с такого близкого расстояния.

У меня за спиной раздается еще один смешок.

— Ты тоже можешь исследовать мою задницу. Я не против.

— Бэйлор... — предупреждаю я.

— Джонс... — смеется он. А затем его язык проходится по изгибу моей ягодицы.

С моих уст срывается жалкое хныканье, а голова ударяется о матрас. На что Дрю еще сильнее смеется, хрипло и самодовольно.

— Если ты не в силах с этим справиться, то можешь считать это оплатой, — предлагает он, несильно щипая меня.

— оплатой? — мой голос больше похож на писк.

— Ага, — его теплое дыхание касается моей кожи. — Как награда за то, что ты терпишь мою задницу у себя дома, а не выгоняешь под проливной дождь.

— Ох, поняла, — мое дыхание замирает, когда Дрю затрагивает особо чувствительное место. — Так это что-то вроде рутины?

— Никогда не говори так, — он утыкается носом, *черт, он нюхает* мою попку. — Я сказал, что ты можешь рассматривать для себя мое исследование твоей попки в таком свете, если это поможет тебе почувствовать себя лучше. Что касается меня? То я был бы здесь каждый день, если бы ты мне позволила.

Я не попадусь на это. Но все же не могу и не улыбнуться.

— А какая оплата ожидает меня в следующий раз, когда я приглашу тебя?

Он еще раз нежно целует меня.

— Да все, что пожелаешь.

То, как быстро он ответил, то что не размышлял над моим вопросом, заставляет меня волноваться. Он мог бы дать задний ход или поставить какие-то условия, но нет, его ответ — это обещание. Я поворачиваю голову к плечу и утыкаюсь в него губами.

— Осторожно, Бэйлор, ты можешь пожалеть об этом.

Он издает рокошущий звук. Будто сдерживает смех.

— Возможно. Но что-то мне подсказывается, что я тоже буду этим наслаждаться, — едва касаясь, он проводит пальцами по моим бедрам, вызывая мурашки.

— Что, если я тебя заставлю сделать мне часовой массаж ног?

— Может, я в тайне фетиширую по ногам, — знаю, он улыбается. Я могу чувствовать, как изгибаются его губы, прижимаясь к моей коже. — Может, я мечтаю о том, чтобы массажировать твои ноги.

Я немного смеюсь.

— Если ты думаешь, что этим испугаешь меня, то нет, — вероятно, он отлично умеет массажировать ноги. У него такие сильные пальцы. Он так внимателен. Теперь мне хочется умолять его об этом массаже.

— Черт, — его дыхание щекочет мою спину. — Что еще? — еще один поцелуй. — Давай, огорошь меня.

Я наклоняю голову и зарываюсь лицом в ладони.

— А что если я заставлю тебя отредактировать мои задания по нескольким предметам?

Какое-то время он молчит, и я могу услышать свое собственное сердцебиение, а затем Дрю опускает свою голову на мою попку, прижимаясь щекой к ягодице. Мне хочется извиваться, но его руки проскальзывают под мое тело, надежно фиксируя на месте.

— Редактировать? — его голос посылает вибрации по моей коже.

Рассеяно я киваю.

— Ммм. Знаешь, судя по твоим замечаниям на занятиях, ты не лишен логического мышления. И хотя мне ненавистно это признавать, но твои суждения чаще верны, чем наоборот. Так что не удивляйся, что я считаю тебя умным.

Я практически лепечу, но в ответ его руки сильнее сжимают меня, одновременно с тем, как Дрю резко вздыхает.

Простыни шуршат, когда я поворачиваю шею, пытаюсь взглянуть на него. Мне виден лишь его профиль, золотистый беспорядок его волос на макушке и темно-каштановый ежик на висках, ровную линию его носа и густые изгибы ресниц на его щеках. Опираясь на мою попку, его тело полулежит на кровати, такое чертовски стройное и высокое. Худое, но сильное, мускулистое, но изящное. Я могла бы смотреть на него вечность. Но замечаю, как напряжены его плечи, каждое сухожилие выпирает.

— Ты не считаешь себя умным? — раздается мой голос в тишине.

Его ответ простой, но в голосе парня слышен намек на горький смех.

— Ох, я знаю, что умен, — он поднимает взгляд, и когда наши глаза встречаются, то этот его взгляд знакомо и сладко мучительно поражает меня прямо в сердце. Его глаза такие темные и блестящие при данном освещении. — Просто за исключением ребят из моей команды, не многих интересует умен я или нет.

Да уж, большинство людей больше волнуют его руки. Одна из них прямо сейчас еще сильнее сжимает мою талию, будто Дрю хочет притянуть меня еще немного ближе. А его вторая рука, нежно прижата к низу моего живота, от чего по моему телу распространяется жар.

Я хочу запомнить этот момент. Сохранить его словно секрет. Но Дрю не мой, даже при том, что люди ранят его, воспринимая столь поверхностно, ему нравится эта жизнь. А почему бы и нет? Он нереально талантлив и работает, не покладая рук. Я не хочу менять это. Потому что таким образом изменю его самого.

Глядя на меня, его черты лица приобретают выражение волнения и боли.

— Я подловил одного из преподавателей за тем, что тот завышал мои отметки, — он почти задыхается, говоря это, будто само признание его убивает. — Не знаю, сколько раз он это делал без моего ведома, или может все преподаватели поступали так со мной.

Он так сдерживается, но я все равно явно ощущаю его боль и унижение.

— К черту его, Дрю, — я никогда никого так сильно не хотела ударить, как сейчас хочу взрезать его преподавателю. — К черту всех, кто так поступает.

Щека Дрю сильнее вжимается в мою плоть.

— Я знаю. Мне просто не нравится думать, что вся моя учеба была ложью, — его голос стихает до уровня шепота. — Она что-то значит для меня.

Мои пальцы цепляются за предплечье так сильно, что остается полосатый узор.

— Ты работал и получил знания. Никто не может теперь отнять их у тебя, — я сглатываю ком в горле. — И даже если бы ты не ходил ни на одно занятия, то все равно бы остался одним из самых умных людей, которых я знаю. Одним из самых преданных.

Мое заявление встречает полнейшая тишина, лишь мягкое дыхание Дрю по-прежнему ласкает мою кожу. Когда он наконец-то говорит, его голос хриплый.

— Тебе всегда удастся улучшить мое самочувствие. Дать почувствовать себя снова самим собой.

Боль пронзает мое сердце, одновременно приятно и мучительно. Дрю не улучшает мое самочувствие. Он позволяет мне почувствовать себя *лучше*, чем я есть на самом деле. Так, словно он находит и исправляет сломленные и потерянные части меня, словно он собирает их и возвращает на место. Мысль о том, что он покинет меня, уйдет в этот холодный и мокрый сумрак улицы, буквально душит. Я начинаю отчаянно слишком сильно нуждаться в нем.

И потому что Дрю *умен* и знает меня довольно хорошо, знает мои дурацкие страхи, он неожиданно ослабляет свой захват. Одна его рука скользит к моей груди, тогда как вторая опускается вниз. Его длинные огрубелые пальцы двигаются между моих ног, и я закрываю глаза, мои мышцы напрягаются в предвкушении наслаждения, от чего чувствую себя будто наркоман, желая просить о большем. Еще большем.

— Снова? — спрашиваю я, изображая раздраженность. Но на самом деле я благодарна, а мое сердце дарит еще один свой уголок во владение Дрю. И это меня пугает.

Но Бэйлор не дает мне погрузиться в пучину страха. Он переворачивает мое тело, и его губы следуют за рукой.

— Я лишь доказываю свою точку зрения на счет твоей неотразимости, — бормочет он напротив моей кожи.

Я закрываю глаза. *Не думаю. Просто чувствую.* И он позволяет мне это, потому что мы оба сейчас отъявленные лжецы.

БУДУЧИ КВОТЕРБЕКОМ, Я направляю свою команду. Я задаю тон игре, даю подзаказ своим парням или позволяю им впасть в апатию, если я не в настроении. Данная ответственность никогда не давила на меня, потому что мне не нравится отсиживаться на скамье запасных, не нравится подчиняться в игре. Я люблю быть лидером в своей команде. Но это несет за собой некоторые обязательства.

Защита, нападение, боковые, задние и передовые игроки формируют собственные подгруппки. Они могут обговаривать свою стратегию и технику игры, часто проводя время вместе. А квотербеки? Я не привык обниматься или общаться по душам с запасными квотербеками. Лишь один из нас реально играет на поле, пока другие греют дерево скамейки запасных, ожидая своего шанса.

Мне повезло, что по факту наша команда очень дружная. Тренер заботится об этом. Но несмотря на сей факт, сидя в автобусе во Флориду, я одинок; меня окружает гул голосов друзей по команде, но между ними и мной широкая пропасть. Это чертовски сентиментально и глупо, и к тому же раздражает меня. У меня нет причины ощущать себя одиноким. Очень скоро Грей плюхнет на соседнее со мной кресло, чтобы прожужжать о чем-то мне все уши. А если это будет не Грей, то еще кто-то. Я знаю. Вот только прямо сейчас рядом со мной нет никого.

За окном мелькают поля с коричневой травой, этот пейзаж дополняет голубое небо и серое покрытие дороги. Все, что я хочу — так это развернуть автобус. Я хочу этого так сильно, что мой желудок болит.

— Трахните меня кто-нибудь, — бормочу я, потирая рукой ноющий живот.

Со стороны соседнего сидения слышится скрип.

— Ты не в моем вкусе, Бэйлор, — говорит Декс.

Я сажусь ровнее.

— Это к лучшему, — язвлю я, — ты бы сломал меня как тростинку.

Он хихикает.

— Тут ты прав.

Триста футов мышц и нереально быстрой скорости — он правда может разорвать меня на две части. Но насколько я знаю, Декс абсолютно не агрессивный парень.

Прямо сейчас он предлагает мне палочку вяленой говядины, но я качаю головой.

— Что такое, Боец? — его серые глаза внимательно изучают мое лицо, словно парень способен видеть меня насквозь. — Ты кажешься... подавленным.

Наблюдательность и постоянный анализ окружающей обстановки — вот что делает Декса отличным центральным нападающим. Но сейчас я не очень-то рад этим его навыкам. Я думаю об Анне, покрывающей мои синяки своими нежными поцелуями, от чего мое сердце замирало в груди, думаю о том, как после этого она сосала мой член, пока не свела меня с ума. Я думаю об Анне, простой разговор с которой помог мне вернуть утраченный кусочек гордости. Об Анне, которая так и не поцеловала меня в губы и не позволила поцеловать ее.

Прямо сейчас мне так чертовски хочется быть с ней, заклеить ее губы своими, раз и навсегда, поэтому мне так сложно ответить Дексу спокойным голосом:

— По сравнению с кем? Роландо? — я смотрю на Роландо, который в данный момент демонстрирует новый победный танец прямо в проходе автобуса. — Или может по сравнению с Лойдом? — я киваю в сторону огромного парня, защитника, спящего на заднем сидении. С его губ капает слюна, а Маршалл — наш фулбэк и в целом полнейший тупица — сейчас склонился над Лойдом и сует ему под нос грязные шнурки. Это точно не закончится ничем хорошим.

Декс фыркает на эти выходки, но не отступает от своего. Он вновь возвращает ко мне свое внимание.

— Я имею в виду твое подавленное состояние.

Во время игры его работа наблюдать не только за моей задницей, но и за каждым игроком на поле. Он может предугадать надвигающуюся атаку, подсказать, когда нужно сменить позиции, если он ощущает слабые стороны в нашей обороне. Его инстинкты отточены как лезвие, а это означает, что парень замечает все отклонения от нормы до, во время или после любой игры.

— Голова болит, — говорю я, пожимая плечами. С моей стороны довольно смело признаться в подобном, потому что обычно никто не желает говорить о боли. Но я предпочитаю эту ложь правде, которая, скажи я ее, привела бы к бесконечной травле.

Декс откусывает кусочек вяленой говядины, его зубы впиваются в мясо так, словно это мягкая булочка.

— Так это не связано с той цыпочкой, верно? — он понимающе улыбается.

Блядский. Грей. Гребаный болтун, будь ты не ладен, заноза в моей заднице, Грей.

— Я просто слышал, что ты заимел недавно милую миленькую рыжеволосую...

— Знаешь что, вы, ребята, хуже девчонок? — бормочу я, отворачиваясь к окну. — Кучки хреновых сплетниц.

Он просто пожимает плечами.

— Я не единственный, кто так считает. Не круто сейчас по уши влюбляться в *девчонок*. Я думал, мы говорили об этом. Это отнюдь не разумный ход, мужик. Особенно в твоём случае.

Я сжимаю кулаки, вот и вся реакция, которую могу себе позволить. После фиаско, известного под именем Дженни, я предполагал, что больше не стану ввязываться в отношения. Тем не менее, насмешка Декса все же несправедлива, после разрыва с Дженни я был так сосредоточен на том, чтобы надрать кому-то задницу, что в результате мы выиграли Национальный чемпионат. Снова. К сожалению, благодаря горькой лжи Дженни, в то время Дексу приходилось прикладывать гораздо больше усилий, чтобы поддерживать меня в форме во время игры. После всей той грязи, что она вылила в мой адрес, я бы не удивился если бы люди начали называть меня "Избивающий Бэйлор".

— Ты спрашиваешь Бойца о его новой девушке, а, большой Ди? — нависает над моим креслом Роландо, его усмешка широкая и чертовски злобная. Он смеется, легкомысленно и громко, а затем шутливо дает мне подзатыльник. — Думаешь, ты можешь все скрыть от нас, мужик?

— А разве нет? — одновременно я даю подзатыльники им обоим. — У вас разве нет занятия поважнее?

— Неа, — Роландо все еще усмехается, светясь сильнее, чем бриллиант в сережке, что в его ухе. — Нет ничего важнее, чем заставить тебя ежиться прямо в этом кресле. Блин, пацан, а ты умеешь краснеть?

Я сжимаю свою переносицу, молясь об аварии нашего автобуса.

— Умеет, но не очень хорошо, — отвечает Декс за меня. И в этот момент я понимаю, что они все, бля, смотрят на меня. Весь чертов автобус. Я реально собираюсь прикончить Грея, который сейчас явно затаился где-то в передних рядах и пытается изобразить полнейшую невинность, листая журнал *Спортивные Иллюстрации*.

— Кто она, бро? — спрашивает Маршалл, глядя на нас через проход.

— Я слышал, это девчонка с той вечеринки у парней из команды по лакросу, что была около месяца назад, — говорит Декс. — Рыженькая, на ней тогда был убийственный черный топик.

На этих словах все ребята, которые были на той вечеринке, начинают понимающе кивать. Черт, очевидно топик Анны произвел должное впечатление.

Декс обводит взглядом всю собранную этими словами аудиторию.

— Если бы вы видели, как Бэйлор смотрит на нее, то подумали бы, что она трофей чемпионата.

— Неа, Декс, — возражает Диаз. — Трофей нельзя съесть. А Боец выглядел тогда очень голодным.

Все дружно хихикают. Иисусе, неужто они все наблюдали за мной на той вечеринке?

Роландо громко свистит.

— Должно быть та прекрасная девушка заставила Бойца попотеть.

— Она похожа на Кристину Хендрикс, — добавляет услужливо Декс.

Роландо качает головой.

— Мужик, у нее самые большие сиськи в кампусе. Поверь мне, я знаю.

— Следи за своим ртом, — восклицаю я. Меня не заботит, что подумают обо мне все ребята. Никто не смеет говорить так об Анне. Даже учитывая то, что слова Роландо в целом правдивы, у Анны и правда очень большая... черт. Я официально ненавижу этих парней.

Роландо оборонительно поднимает руки.

— Эй, мужик, я не имел в виду ничего плохого, — он говорит это, так как знает, что среди мужчин есть одно вне гласное золотое правило — нельзя говорить неуважительно о девушке твоего друга или его матери. — Я просто подумал о Кристине Хендрикс и об этой ее особенности.

— И я не говорил ничего о сись... *груди* твоей девушки, — настаивает Декс, краснея. — Я хотел сказать, что она выглядела как леди. Просто она и правда похожа на эту актрису. *Лицом*.

То, что я сжимаю переносицу, явно не в силах унять мою нарастающую головную боль.

— Эй, думаешь, она похожа больше на Черную Вдову в *Мстителях*?

По автобусу раздается гул соглашающихся.

— Это реально клевый фильм, — вставляет Симмс. — Помните, когда Халк выбил все дерьмо из Локи, и тот стал словно какая-то тряпичная кукла? Черт, я бы убил ради того, чтобы мочь проделать такое на поле. Оттолкнуть нескольких соперников и *бам, бам, бам!*

— Спорю, ты хотел бы быть таким же зеленым как Халк, — Роландо бросает пустую коробку из-под чипсов в любителя Халка, на что тот бросает в ответ полупустую бутылку с водой.

— Как бы она там не выглядела, а наш мальчик Дрю явно запал, — эту реплику произносит Маршалл.

Ублюдок. Да, все они ублюдки.

— Почему бы тебе просто не позвонить ей, мужик? — кричит кто-то с задней части автобуса. Дженкинс. В уме я уже составляю список кандидатов на месть.

— О, сладкая, — стонет Томпсон — еще один гребаный умник, — я скучаю по тебе таааак сильно!

И когда все начинают имитировать звуки поцелуев, я делаю единственное, что могу в этой ситуации.

— Девушка Маршалла подарила ему розового медвежонка, и он возит его с собой повсюду в сумке, — выкрикиваю я.

— Ебаный предатель! — ревет бедный Маршалл. Но для него уже слишком поздно. Он ложится на свой рюкзак, стремясь удержать его, пока парни пытаются вырвать вещицу.

В автобусе воцаряется полнейший хаос, который останавливает тренер, вставая со своего места в первом ряду и угрожая дополнительными упражнениями. Ага, я люблю этих парней. Следующие несколько минут я сижу на своем месте, самодовольно улыбаясь до тех пор, пока Декс не наклоняется ко мне и не говорит шепотом:

— Если ты реально втюхался в эту девушку, то держи все это дерьмо при себе. Закрой его где-нибудь на задворках и сосредоточься на игре.

И в этот момент мой пузырь самодовольства лопается. Что, вашу мать, я вообще делаю с Анной?

ОН НЕ ЗДЕСЬ. Он уехал на выездной матч. Во Флориду. Вот как низко я пала. Узнал его график. Сейчас десять вечера субботы, я сижу в своей комнате вместо того, чтобы пойти гулять с Айрис и Джорджем. Я умоляла их оставить меня в покое, обуславливая это необходимостью чтения. Я люблю, свернувшись калачиком, валяться с книгой. Хотя сегодня вечером это было ложью. Моя электронная книга сейчас выключена, валяется на краю кровати, куда я бросила ее в порыве раздражения. Правда перед тем как окончательно сдаться, я все же пыталась читать, вот только приходилось перечитывать одну строчку по 10 раз.

Я нервно ерзаю ногами, в результате мое негодование лишь нарастает, так как голые ноги скользят по покрывалу, раздражая чувствительную кожу. Воспоминания о том, что Дрю делал со мной на этой кровати, нападают на меня будто злые волки, от чего я стону. Черт.

Утыкаюсь лицом в подушку, но это не помогает. Ничего не помогает.

Мне нужно что-то сделать, что-то физическое, пойти на прогулку — ненавижу пробежки — или попробовать те упражнения на растяжку, что постоянно делает Айрис, глядя руководство на DVD. Тысяча приседаний звучит не так уж и плохо. Я роюсь в поисках спортивного бюстгальтера, когда мой телефон звонит. И все мое тело вмиг замирает. Кроме сердца. Оно бьется, желая и ликуя. Глупое сердце.

Направляясь к прикроватной тумбочке, на которой лежит мой телефон, я пытаюсь успокоиться. Маленький зеленый символ на экране свидетельствует о принятом сообщении. Это Дрю.

Улыбка расплывается по моему лицу. Мои руки немного дрожат, когда снимаю блокировку с телефона и читаю.

Бэйлор: Эй. Ты там?

Следует ли мне ответить? Может быть мне не стоит быть "там", в том смысле, что он имеет в виду. Под "там" он явно подразумевает не то, что я у телефона. Кто вообще из студентов не носит с собой телефон постоянно? Дрю явно спрашивает о том, свободна ли я, чтобы поговорить с ним. Я сижу этим субботним вечером, тоскуя... я останавливаюсь. Если Дрю спрашивает об этом, то должно быть сам он свободен. Верно?

Я изгибаю уголок своих губ, отвечая.

Я: Я здесь.

Ему требуется буквально секунда на ответ.

Бэйлор: Что затеваешь?

А затем:

Бэйлор: Я в гостиничном номере.

Второе сообщение он отправил, вероятно, для того, чтобы я подумала, будто Дрю не просто хочет узнать о моем местонахождении, а скорее желает пообщаться. Я, конечно же, вообще не усмехаюсь, удобно усаживаясь на своей кровати.

Я: Я тоже в своей комнате.

Бэйлор: На кровати?

Я: Собираюсь сесть на пол.

Бэйлор: Я люблю эту кровать;)

Я фыркаю. Свинья. Вот никогда больше не займусь с ним сексом на этой кровати. Может быть в следующий раз мы сделаем это на его кровати. Пускай его преследуют подобные воспоминания.

Я: Свинья.

Бэйлор: Нет, я — парень. Свиньям не характерны мысли о нашем сексе.

Только Дрю станет использовать слова "свиньям" и "характерны" в смсках. А я сволочь, потому что когда-то считала его тупым качком.

Я: Знание — это половина дела. Почему ты сидишь в номере?

Спрашиваю я. Это почти убивает меня. Все становится еще более невыносимо, когда Дрю не отвечает в течение нескольких секунд.

Бэйлор: Не хочу идти гулять.

Я: Почему нет?

Стоп. Остановись сейчас же, ты, мазохистка-корова!

Телефон молчит, тем самым подкармливая мое самобичевание. Ты должна была спросить, это скажет тебе о многом. Я подпрыгиваю, когда телефон наконец издает сигнал.

Бэйлор: Устал от всего. Устал гулять. Устал от этих сцен. Ребята хотят вечеринку.

Он не говорит больше ничего. Ему и не надо. Ребята из его команды не пьют, из чего следует, что на вечеринке у них будет всего один вариант развлечения. Мой желудок стягивает в тугий, зеленый узел ревности, когда думаю о всех тех девчонках, что могли бы липнуть к нему сегодня вечером. Но он не пошел на вечеринку. Он переписывается со мной. Прямо сейчас приходит еще одно сообщение.

Бэйлор: К тому же ты не здесь.

Мое горло сжимается. Клянусь вам, сжимается, что есть мочи. Я не могу даже сглотнуть. Я смотрю на телефон в моей липкой от пота ладони. Коварный голос в моей голове кричит: Опасность, я бы отступил, будь я на твоём месте! Все это так близко к понятию "отношения". Я не хочу этого. Не с ним.

Хуже всего то, что я вру самой себе. Дрю — не высокомерный ублюдок, каким я его считала. Я хочу его. Постоянно. Я хочу говорить с ним. Всего несколько сообщений, и мой вечер заиграл новыми красками, более яркими и текстурными, словно моя комната стала более изысканной и красивой. Сейчас я ощущаю запах своего лосьона для тела, грейпфрута и ванили, тогда как несколько минут назад это была некая смесь не ясно чего. Еще я могу ощутить вкус кислого страха у себя во рту. Он обостряется, когда телефон начинает вибрировать в моих руках.

Это Дрю.

Он звонит мне. Он знает, что я схожу с ума. Мое сердце неумолимо стучит *тудух, тудух, тудух*, уверена, он может услышать его, когда беру трубку и отвечаю.

— Ты случайно сломал палец или что-то в этом роде?

— Я просто решил, что хочу услышать твой голос, — говорит он, смеясь.

Так как Дрю не со мной сейчас, так как я не могу прикоснуться к его магической ауре, его голос имеет надо мной неимоверную власть. Он будто погружается в глубины моего тела, достигая костей, вонзаясь в пульсирующее сплетение мышц, которое раньше было моим сердцем. Этот орган моего тела отныне принадлежит не мне. Головокружение будто змей ползет через мое тело.

— И я ненавижу смски, — продолжает он. Дрю колеблется. Я слышу это по тому, как он пытается отшутиться. И потому что знаю, ему сложно признавать подобное, он парень, которому все дается легко. Так что я прочищаю горло и бросаюсь в омут с головой.

— Они безликие, — добавляю я.

Теперь в тоне его голоса слышна настоящая улыбка.

— Ага. Большинство людей не понимают этого.

— Ты устал? — мой язык кажется немного распухшим, словно мой организм борется со словами, борется с тем, чтобы произнести то, что я не готова пока признать.

— Неа, — слышится звук каких-то шуршаний на заднем фоне, и я тут же задаюсь вопросом, в постели ли он. Спит ли он голым? — Однако, не могу уснуть, — говорит он, к счастью не подозревая о ходе моих мыслей.

— Сегодня было много событий? — я знаю, что это так. Мы уже говорили друг с другом перед сном раньше.

— Важнее то, что происходит сейчас, — он делает паузу. — Я все время думаю о тебе.

Дерьмо на палочке.

Мягкая подушка подпирает мне спину, но моя кожа все еще слишком разгоряченная. И именно в этот момент мой глупый рот предаёт меня.

— Я тоже думаю о тебе.

Я так сильно напрягаюсь, что мои щеки болят. Но Дрю всего лишь вздыхает. Это мягкий и порывистый звук, и я наклоняюсь в сторону телефона, прижимая щеку к экрану.

— Я бы хотел быть там с тобой, — говорит он.

Я бы тоже хотела этого. Как же это ранит. Это причиняет боль глубоко в моей груди и внизу живота. Я сползаю по кровати, ложась поудобнее, словно это может унять данное чувство.

Когда я не произношу ни слова, Дрю просто продолжает свою речь. Может, он знает, что сейчас я уже с головой нырнула под одеяло. А может, думает, что я потеряла голос.

— Ты когда-нибудь задавалась вопросом, тот ли ты человек, которым должна быть? — сейчас он говорит медленнее, от чего создается впечатление, что Дрю лежит рядом со мной на этой кровати, будто мы просто болтаем перед тем, как вместе уснуть, будто пребываем в полудреме.

— Ты о том, следует ли пытаться изменить самого себя? — спрашиваю я его.

— Не совсем. Скорее... — он тихо смеется. — Черт, я даже не уверен. Просто... я всегда хотел играть в футбол. Я даже не мог представить себя без него.

— По крайней мере ты знаешь, что это твое. Я даже не представляю, чем хочу заниматься. Я не хочу быть рабом работы. Не хочу, чтобы дело моей жизни было скучным. Хочу жить за рамками ординарности. Но как можно достичь этого, если не знаешь к чему стремиться? — *когда ты сам довольно ординарен.*

Я открываю перед Дрю свою душу. Но это не причиняет боли, потому что в ответ он открывает свою.

— Думаешь, если бы ты знала, то было бы лучше? Все, что я знаю, так это как быть квотербеком. И каждый момент моей жизни в этой роли вращается вокруг победы. Или проигрыша, — он останавливается, словно ему трудно говорить. — Думать об этом всю жизнь, постоянно концентрируясь на игре. Так неужто это и делает меня тем, кем я есть? Неужели я всего лишь бесконечный список побед и проигрышей?

На мгновение я ощущаю на себе вес всех этих взглядов, что постоянно направлены на Дрю. Этого давления. Мои пальцы сжимают телефон.

— А ты боишься проиграть?

Сперва мне кажется, что он не станет отвечать, но Дрю все же отвечает, а его голос таит в себе какие-то странные, загадочные нотки.

— Ты хочешь знать, что на самом деле представляет собой победа?

— Расскажи мне.

— Она не связана с талантом. Не на высшем уровне. В высшей лиге почти все талантливы. И дело даже не в том, кто сильнее хочет победить. Победа достается тому, кто верит сильнее всех, что может победить. Страх, сомнения и колебания — они убивают тебя и не дают выиграть.

— Так ты бесстрашен?

— Я боюсь темноты, поздней ночи. Это да. Иногда. Но на поле? Нет. Черт, на поле я ничего не боюсь. Это глубоко внутри меня. Знание, что я могу победить.

В ответ на это я улыбаюсь.

— Но сейчас ты кажешься немного... расстроенным. Вы сегодня проиграли?

— Мы выиграли, — в его голосе слышатся насмешка и осуждение. — Ты хоть раз видела мою игру, Анна?

Анна. Сейчас звук моего имени с его уст звучит более интимно, чем даже

прикосновения нашей голой кожи друг к другу. Я зарываюсь еще глубже в мою нору из одеяла.

— Однажды, — это было одновременно прекрасно и мучительно смотреть. Мой желудок сжимался каждый раз, как Дрю пересекал поле. — Я не хотела видеть, как кто-то другой наносит тебе увечья.

Ненавижу то, что его ранят. К тому же каждый раз, когда Дрю забивал гол, я ощущала такую гордость, такой трепет, что мое дыхание становилось прерывистым, а сердце болело.

Тишина между нами нарастает, становясь густой и тяжелой. Вдвойне дерьмово. Я спешу исправить положение.

— И думаю, что твое поведение и делает тебя тем, кто ты есть. У твоей души нет ярлыка или предназначения. Она — это просто ты. А весь остальной мир может идти на хрен.

Это вызывает у него ироничный смешок. Но спустя мгновение тишина возвращается.

— А каким ты видишь меня? — спрашивает он наконец-то. Так осторожно.

— Ты просто Дрю.

Трусливый ответ. Но это правда. Для меня он больше всех простых слов, я не могу отнести его к какой-то категории.

— Я думаю, ты красива, — говорит он нежно.

— Красота не вечна, — вздыхаю я.

— Не тогда, когда она исходит изнутри.

Иисусе. Я закрываю веки и погружаюсь в себя. Какое-то время мы не говорим. Его дыхание доносится до меня в виде тихого шума, который смешивается со звуком моего собственного дыхания.

Когда Дрю вновь начинает говорить, его голос более низкий, будто нежное прикосновение к моей щеке.

— Я хочу поцеловать тебя, Анна.

Мое дыхание замирает. Я практически на дороге в потусторонний мир, мир темноты и жара. Где нет ничего, кроме его голоса.

— Думаю об этом все время. О том, насколько мягкие твои губы. Что они напоминают на вкус? Будешь ли ты издавать во время поцелуя те тихие звуки, что издаешь, когда мы занимаемся любовью?

Занимаемся любовью. Не трахаемся. Я вся дрожу. *Дрю.*

Я даже не знаю, произнесла ли только что его имя вслух. Но это и не важно, потому что он просто продолжает свое признание, такое сильное эмоционально, даже когда голос Дрю становится тише.

— Я так сильно хочу поцеловать тебя, что готов отказаться от секса ради этого поцелуя в губы. Я люблю твой рот, Анна. Изгиб твоей верхней губы, припухлость нижней, даже то, как они выглядят, когда ты дуешься. Я люблю твой мягкий, манящий меня, рот.

Его шепот хриплый и тягучий будто мед. От этого звука мне становится жарко, а на коже выступает пот. Мои руки скользят по отяжелевшей, мучительно ноющей груди, останавливаясь на уровне сердца. Я прижимаю их к ребрам, словно пытаюсь удержать сердце в груди.

— Но ты не позволяешь мне тебя поцеловать, — говорит Дрю в полнейшей темноте. — Почему ты не позволяешь мне этого, Анна?

Я не могу дышать.

— Почему, Анна?

— Это слишком, — выдавливаю я.

— Не тогда, когда я хочу все, — он говорит это так искренне и властно, так уверено. —

И я хочу все это с тобой, Анна.

Думаю, сейчас он произносит мое имя, так как знает об эффекте, который оно на меня производит. Должно быть так и есть, иначе он не произносил бы его как нечто очень важное, нечто большее, нежели просто мое имя, раз за разом. Он произносит его с благоговением. Со скрытым намерением.

Слезы жалят мои глаза. Что, черт возьми, со мной не так? Я забочусь об этом парне. Он мой любовник, но и друг. Может даже больше друг, чем любовник. Почему я не могу просто подарить ему этот поцелуй? Почему я не могу позволить себе отдаться ему?

Я начинаю представлять, как к его лицу тянутся микрофоны, пока Дрю радостно кричит о победе, после того как выиграл еще один Национальный чемпионат. Как орут на заднем фоне сотни тысяч его фанатов. Дрю Бэйлора, который приносит миллионы долларов моему университету, который дает интервью кабельной сети спорт-каналов, вокруг которого носятся агенты, обещающие ему все блага мира. Дрю, который поедет в Нью-Йорк в следующем году и подпишет многомиллионный контракт.

Я соврала ему. Я не вижу в нем просто Дрю. Кроме Дрю, я вижу звезду футбола. Я же просто Анна. Я не люблю свет. Мне по нраву тьма.

Он слишком умен, так как понимает, что довел меня до предела, поэтому спустя секунду его тон становится нежным и осторожным. От чего мне еще хуже.

— Я просто подумал, что тебе следует об этом знать. Спокойной ночи, Анна.

Я не произношу ни слова. Просто держу телефон у уха еще очень долго, даже после того, как Дрю кладет трубку.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ МОЕГО УТРА нарушают Айрис и Генри. Которые даже пытаются быть тихими во время своих забав. Уверена, будь я на их месте, испытывала бы вину. Хотя я правда стараюсь сдерживаться, когда знаю, что Айрис дома. Не то, что они. Особенно не то, что Генри. Подозреваю, этот мудака сейчас специально ведет себя так громко; он типа кончает или что-то в этом роде. Когда он начинает похрюкивать "ага, ага, ага," мне становится все равно на его мотивы, я просто хочу убраться отсюда куда подальше.

Я хватаю телефон и набираю номер.

— Хочешь прокатиться на велосипедах? — спрашиваю, как только он берет трубку. Сейчас я почти в отчаянии, прыгаю кругами по своей комнате, пытаюсь одеться. — Айрис и Генри трахаются, словно бешенные кролики.

Слава Богу, он соглашается.

— Сделаешь мне одолжение, Анна?

Мой велосипед ныряет в ямку, и я вместе с ним.

— Какое? — говорю я, когда уже нет опасности прикусить свой язык.

Джордж быстро бросает на меня сердитый взгляд, прежде чем объехать еще одну выбоину.

— Можешь больше *не* рассказывать мне о том, как моя сестра трахается с этим неряшливым словно сучка, слизнем?

В секунду я съеживаюсь. Не только потому, что Джорджу не следует слышать о сексе его сестры, но и от того, что он ненавидит Генри.

— Дерьмо. Прости. Я не подумала.

Он увеличивает скорость на своем велосипеде, задавая быстрый темп.

— Ага, ну, теперь ты предупреждена. Сделаешь это снова, и я приведу Сильвестра на наш следующий ужин.

— Оу, нет! Я буду пай-девочкой, клянусь!

Сильвестр — это длиннорукий жуткий кузен Айрис и Джорджа, я убеждена, что он серийный убийца. Спустя годы я увижу, как Джордж и Айрис дают интервью на CNN: "Мы всегда подозревали Сильва, но наша мама заставляла нас здороваться с ним."

Заметив мое ужаснувшееся лицо, Джордж посылает мне усмешку и еще сильнее ускоряется. Мы едем в ногу друг с другом по тропе. Утренний свет пробивается сквозь золотистую листву, а воздух кажется очень свежим. Мне хочется нарисовать это утро и, глядя на картину, ощущать прохладу.

Через несколько миль мы достигаем поляны, и Джордж кивает в ее сторону.

Поворачивая к большому вязу, мы останавливаемся, опускаем велосипеды на землю и садимся. Нас окружает полнейшая тишина. Несмотря на хорошую погоду, мы почти никого не встречали. Сейчас ранее утро субботы, так что предполагаю, большинство народа спит после пятничной веселой ночи.

Выпив несколько глотков воды, я толкаю локтем Джорджа.

— Итак, что с тобой происходит?

Джордж заканчивает пить из своей бутылки, а затем отвечает.

— Это именно то, что я хотел у тебя спросить.

— Обломись! Я спросила первой, так что выкладывай.

— Черт, женщина, — но Джордж улыбается. Его улыбка становится шире, но он явно пытается затянуть паузу и подогреть мое любопытство. Однако, спасибо ему, что томит меня ожиданием не слишком долго. Его темные глаза искоса смотрят на меня, а щеки заливаются румянцем. — Я получил место стажера в "Джексон и Голдмэн" в Нью-Йорке.

— Джордж! — я снова толкаю его локтем. — Это здорово!

После стольких лет выслушивания болтовни Джорджа о финансах, я знаю, что "Джексон и Голдмэн" — это крупнейшая инвестиционная банковская фирма в Нью-Йорке, и Джордж приравнивает ее к нирване.

— Черт, так и есть, — он широко усмехается, кивая. — Несколько профессоров дали мне хорошие рекомендации и... — он пожимает плечами.

— И они осознали, насколько ты блестящий и перспективный? — добавляю я, от чего Джордж смеется.

— Ага, и это.

Мы оба улыбаемся, словно пара идиотов.

— Так ты пригласишь меня в свой домик на пляже в Хэмптонсе? — у нас с Джорджем есть одна общая мечта — жить в Нью-Йорке после выпуска из университета.

— А ты надолго приедешь, Банана?

— Ты и так знаешь, что надолго. Я могу мыть посуду.

— Нет, спасибо. Ты отстойно моешь посуду.

Я подталкиваю его плечо своим, и Джордж смеется, но в его глазах заметны тени.

— Итак, — говорю я, когда мы снова погружаемся в тишину, — в чем проблема? Ты волнуешься, что не справишься с работой?

Джордж фыркает.

— Я надеру всем задницы. Кажется, я ждал всю свою жизнь этого шанса.

— Но..? — спрашиваю я, потому что есть что-то мрачное и тяжелое в его взгляде и поведении.

Напряженность искажает его лицо, а в уголках глаз образуются морщинки, когда парень пристально смотрит на свои руки, что лежат на его согнутых коленях.

— Дело в Айрис, — его плечи вздымаются от вдоха. — Знаю, звучит глупо, но мы всегда были вместе. А сейчас...

Они не будут. Айрис страстно ненавидит Нью-Йорк. И ее уже приняли в аспирантуру по археологии в штате Аризона.

— Ты еще не сказал ей, верно?

— Нет. Я работаю над этим, — Джордж двигает плечами так, словно рубашка ему мала и жмет. — То есть какой парень сетует на расставание со своей сестрой? Но она же моя двойняшка.

— Знаю, — говорю я. И я правда понимаю его. Несмотря на их редкие споры, они самые близкие друг другу брат и сестра из всех, кого я знаю. Они часто заканчивают друг за друга мысли. И они почти всегда вместе.

Джордж мог бы уехать в университет Лиги Плюща, где получил бы ценные связи. У него были все нужные отметки и предложения. Но парень решил последовать за Айрис.

И словно он сейчас думает о том же, о чем и я, Джордж произносит:

— Я обещал маме присматривать за Рис. И хочу это делать, — он тихо фыркает. — Сейчас все ощущается столь реальным. Мы пойдем своими дорогами и, черт, как же неприятно осознавать, что возможно, это я нуждался в ее присмотре за мной.

Джордж быстро моргает, и я не трогаю его какое-то время. У меня нет слов утешения. Как я вообще могу его утешить? Мое будущее — тьма, пустая дыра. Если я взгляну на него слишком пристально, то закричу.

Мимо нас проезжает велосипедист, нарушая наше молчание. Я делаю глубокий вдох.

— Значит, мы позволим Айрис мыть посуду все лето.

Джордж взрывается смехом.

— Она будет той еще сучкой, ты же знаешь, она это полюбит, — Айрис практически помешана на порядке.

Мы оба смеемся, пока заканчиваем пить воду.

— А как дела у тебя с Бэйлором? — Джордж бросает на меня вопросительный взгляд. — Сейчас все серьезно. Никакой ерунды, — он знает меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что эта версия меня ненормальная.

— Ты спрашиваешь о том, тусуемся ли мы все еще вместе?

Джордж бросает на меня сердитый взгляд.

— Я и так уже проболталась, так что да, мы тусуемся вместе.

Я вздыхаю и опускаю руки на свои приподнятые колени. Зеленая трава щекочет мои лодыжки, колыхаясь от порывов ветра. Я беру с земли коричневый листочек и кручу его, держа за хрупкий стебель.

— Мы занимаемся сексом. Очень много, — боже, должно быть проще признаваться в этом, но все не так. И я боюсь открыть рот, так как хлынувший поток может вовремя не остановиться.

— Он задуривает тебе голову, Банана? — в его тоне витает угроза выследить Дрю и заставить заплатить за все сполна.

Из меня вырывается смешок.

— Тут скорее иная ситуация, — стыд разливается жаром по моей шее. — Он хочет... — *Всего.* Я вздрагиваю. — Это должен был быть просто секс.

Джордж прочищает горло.

— И кого, думаешь, ты сможешь этим обмануть?

— Видимо, никого, кроме себя самой, — я хмурюсь, глядя на землю.

Спустя несколько минут, Джордж начинает двигаться.

— Это не похоже на тебя. Все это неопределенное странное дерьмо, которое ты творишь с этим парнем. В чем все-таки дело?

Потому что для меня скорее приемлема интрижка или случайное знакомство. Дрю же не вписывается ни в одну из этих категорий. И никогда на самом деле не вписывался.

— Он... Он — мое зеркало, — это звучит глупо, когда я произношу слова вслух, но говоря их, ощущаю нутром, что это правда. — Когда я с ним, я не могу скрываться. Все

фигня, все гнилые вопросы, что роятся у меня в голове, отражаются наружу, и я не могу их скрыть, не от него, не от себя.

— Дерьмо, — говорит Джордж.

Я начинаю вертеть листик в руке быстрее.

— Знаешь, что хуже всего? Несмотря на то, что с ним я вижу все свои недостатки, я... — я отбрасываю в сторону листик, когда из меня вырывается беспомощный вздох. — Боже, это прозвучит так нелепо, Джордж, но я чувствую... все, — я нажимаю ладонями на глаза, не желая смотреть другу в лицо. Потому что эмоции внутри меня так живы. Так чертовски неистовы, что их невозможно отрицать. — Я так счастлива, что боюсь сделать следующий вдох, потому что все это может закончиться.

Хоть, я его и не вижу, но могу ощущать присутствие Джорджа. И тяжесть его взгляда.

— Если все так хорошо, — говорит он наконец, — почему ты держишь парня на расстоянии?

Мне требуется несколько секунд, чтобы найти в себе силы на ответ.

— Потому что это положит всему конец. Он собирается завоевать весь мир, тогда как я собираюсь найти работу с девяти утра и до пяти вечера. И когда все закончится, то уже нельзя будет все вернуть обратно.

Молчание повисает в воздухе. Его нарушает только щебет сверчков и звуки отдаленного дорожного движения. Я хочу отползти в сторонку и умереть. Особенно когда Джордж вздыхает.

— Черт, Анна.

— Ага, — говорю я, зная, что он имеет в виду: Я испорченная.

Друг обнимает меня и притягивает к своему потному плечу. Я прислоняюсь к нему, только сейчас понимая, что комфорт рядом с Джорджем не сравнится даже и на половину с теми ощущениями, что дарит мне Дрю. И от этого чувствую себя еще хуже.

Я не видела Дрю всю неделю. Он написал мне, что из-за потраченного на выездную игру время, ему нужно время для занятий и наверстывания упущенного материала. На сколько я знаю, ни у кого нет такого напряженного графика, как у Дрю. На рассвете он тренируется с командой, после этого у него занятия, затем тренировка, потом встречи, а затем классная работа и учеба. Честно говоря, я шокирована, как он вообще находит время, чтобы видеться со мной.

Когда Дрю был свободен на этой неделе, я сама застряла на работе. Будто вселенная ополчилась против нас, наше единственное занятие вместе было отменено, когда профессор Ламберт отправила всем письмо о том, что заболела гриппом.

Но поздно ночью, когда я уже лежу в кровати, а он ложится в свою, Дрю звонит мне. Мы говорим о довольно поверхностных вещах, о всяких мелочах. Это означает, что прямо сейчас я ожидаю услышать его голос так сильно, как нуждаюсь в том, чтобы ощутить его тело напротив своего. Это так заводит и нервирует меня. Но может, немного пространства между нами к лучшему.

Drew

ДОМАШНЯЯ ИГРА. ОСТАЛИСЬ секунды, а мы в шестидесяти метрах от конца зоны. Один гол, и мы выиграем. Гул толпы подобен шуму реактивного двигателя во время запуска. Она исходит со всех сторон стадиона и омывает меня словно невидимая сила, заставляя вибрировать мои кости. Поднимает волоски на моей коже. Мои яйца напрягаются. Пришло время.

Сердце подскакивает к горлу, я наклоняюсь ближе к моим парням, чтобы обсудить игру. Я едва могу слышать свой собственный голос, потому что использую условные знаки руками.

— Вспыльчивый Бэтти. Раз.

— Хат, — кричат они хором. Хлопок руками, и все разбегаются на позиции (*Хат — возглас в американском футболе — прим. пер.*).

Вокруг нас море фанатов в красном высоко вскидывают руки, словно бурные волны. Многие размахивают пластиковыми боевыми топорами, их голоса сливаются в ритмичную пульсацию: *Боец, Боец, Боец*. Передо мной простирается бесконечный участок зеленой травы и стена из жаждущих победы противников, которые так и ждут, чтобы уничтожить меня. Ворча и переступая с ноги на ногу. Огни над нами светят ярче полуденного солнца, к тому же греют, как в аду.

Адреналин струится по моим венам, но я усмиряю его. Быстрый взгляд на тренера. Все хорошо.

— Хат!

Декс сует мне мяч. Парни приступают к действиям. Плоть ударяется о плоть, от чего воздух дрожит. Ложная передача Грею, а затем я отступаю в карман. Шаг, и я на месте. Нападающие спешат обратно, когда поминают, что это была ложная передача. Мои мальчики задерживают их.

Роландо двигается в глубь поля, в безопасное место, а левый защитник другой команды следует за ним по пятам. Я уваливаю от нападающего игрока, мчусь прямо, снова уваливаю. Грея блокируют другие игроки. С Диазом ситуация еще хуже. Энергия пульсирует во мне, толпа орет. Я вновь смотрю, как там Роландо. Он готов к передаче, двигаясь на ускорение.

Все внутри меня замедляется. Есть только я и позиция, на которой должен быть Роландо. Глубокий вдох, отвожу руку назад. Лети!

Мою руку перехватывает центральной игрок, и я падаю на газон с такой силой, что кости сотрясаются. Мои глаза следуют за дугой, которую проделывает мяч в воздухе. И это так чертовски прекрасно, когда мой малыш падает с неба на землю, в колыбель из пальцев Роландо, словно я лично опускаю его туда.

Прямо в конец зоны. Идеально.

Оглушительный рев победы.

— Ага, — кричу я, но мой голос теряется в хаосе.

Мои ребята поднимают меня, отрывая от земли, прыгают вокруг, словно мячики.

— Вот, о чем я говорил!

Моя голова гудит в шлеме, от всех этих похлопываний.

— Все верно, сучки. Юху!

Я высоко подпрыгиваю, размахивая кулаком над головой, а затем бегу к Роландо. Он встречает меня на половине пути, ударяясь своей грудью о мою.

— Вот как ты это сделал! — я шлепаю его по шлему и широко улыбаюсь. — Это было чертовски прекрасно, мужик.

— Потому что мой парень бросил мне охуенный точный, будто ракета, пас, — кричит он, смеется и хватает меня за джерси, притягивает в свои объятия. — Мы выиграли!

По пути к краю поля, нас еще раз окружают все ребята из команды. Группа поет песню победы. Толпа кричит нам. Мне. Нет ничего подобного этому. Это словно полет и падение одновременно. Только одна вещь в мире может подарить мне лучшее, чем это чувство, только один человек. И я направляюсь к ней.

СУББОТА ПРОХОДИТ ЗА различной работой в Фонде выпускников инженерного отдела, входящего в состав студенческого союза. Мы обслуживаем большую вечеринку с полноценным сервированным ужином, а это означает, что в результате моя спина жутко болит от таскания массивных ящиков с тарелками. Посещаемость данного мероприятия оказывается очень низкой, но мой менеджер Дэйв обвиняет в этом уровень подготовки обеда, а не проходящий в это же время футбольный матч. Я думаю об игре Дрю, и странные уколы вины пронизывают мои внутренности. Я должна быть там. Наблюдать. Болеть за него. Но я отбрасываю эти мысли и сосредотачиваюсь на работе.

У нас уходит больше часа на то, чтобы собрать кухню, загрузить все кастрюли в посудомойку и запереть остатки вина. Когда весь остальной персонал расходится, остаемся только мы с Дэйвом, потому что кто-то же должен остаться, а никто не желает быть добровольцем. Как менеджер, Дэйв ответственный за ключи от главного офиса. Когда он заканчивает здесь, я тоже готова уходить.

Мы выходим из офиса вместе, что приятно, так как здание погрузилось во мрак и будто кричит "идеальное место для фильма ужасов." Когда говорю это Дэйву, мы вместе смеемся над данной идеей, даже несмотря на то, что вдоль моего позвоночника распространяется дрожь. Я буквально крадусь по темной улице.

— Хотя и правда, — говорит Дэйв легкомысленно, — если подумать, то каждое место, где мы работаем идеально подходит для фильма ужасов. Вот например, подвал в зале архитектуры. Все те жуткие стекла, — его брови изгибаются. — Там нет места, чтобы скрыться.

Я снова смеюсь.

— Остановись. Или я никогда больше не выйду в ночную смену.

Он лишь усмехается еще шире. И имитирует акцент жуткого Бела Лугоши.

— Тебе не устоять. Твои ночи отныне мои, Анна Джонс.

— Идиот.

Мы почти подходим к моему скутеру, когда я его замечаю. От чего мои шаги замедляются.

Купаясь в лучах множества фонарей стоянки, он стоит, прислонившись к боку вишнево-красного классического авто с толстыми белыми гоночными полосами по центру. Я знаю достаточно о машинах, чтобы определить, что это Camaro, и оно в довольно хорошем состоянии. Не то, чтобы для меня это имело особое значение. Мой взгляд прикован к Дрю. И боже, как же хорошо он выглядит. Потертые джинсы низко висят на его стройных бедрах. Он закидывает одну ногу поверх другой, скрещивая их, сует руки в карманы, и от этого джинсы опускаются еще ниже. Бледно-серый хенли обтягивает его широкую грудь и великолепные руки.

Он наблюдает за мной, и я замечаю, как одна ямочка на его щеке углубляется, когда наши взгляды встречаются.

— О, мужик, как мило, — выдыхает Дэйв сбоку от меня.

Я более чем уверена, что он сказал это не о машине. Потому закатываю глаза.

— Спокойной ночи, Дэйв.

Он уходит, бормоча себе под нос что-то о счастливых сучках, а я направляюсь к Дрю. Я иду прогулочным шагом, делая вид, словно мое сердце сейчас не стучит со скоростью десять тысяч ударов в минуту, как будто я не хочу с разбегу запрыгнуть на него.

Грешная улыбка расплывается на его лице, когда я оказываюсь рядом. Я тоже улыбаюсь. Я не могу сдержаться. Он выглядит так чертовски хорошо. Что у меня в груди появляется странная жизнерадостность. Счастье. Я так рада видеть его, что мои ноги невольно начинают двигаться быстрее. Шаг становится быстрым и размеренным.

Когда оказываюсь в пяти футах, Дрю отталкивается от автомобиля и становится во весь рост. Он все еще усмехается, когда я останавливаюсь прямо перед ним, а его взгляд путешествует по моему телу. Я ощущаю, как этот взгляд проникает до моих костей. Боже, как же Дрю сексуален. Обычно я не думаю о парнях в таком ключе. Слово сексуальный звучит неправильно, словно его лучше не использовать, а оставить на растерзание рекламодателей. Но Дрю сверхсексуален. Я хочу положить его себе в рот и попробовать.

— Он — гей, ты знаешь? — говорит Дрю вместо приветствия.

Чудо, что я вообще слышу и понимаю то, что он говорит, так как в данный момент мой разум затуманивает его чистый и острый аромат. Я могу почувствовать тепло его тела, от чего моя голова идет кругом.

— Учитывая, что я знакома больше, чем с несколькими парнями Дэйва, скажу, что да, я в курсе. Что интересно, так это почему ты меня предупреждаешь?

Дрю фыркает и посмеивается.

— Мелочная ревность, Джонс. Он — хороший парень, чтобы проводить тебя с работы.

— Ммм, — я смотрю на него. — Ты выиграл сегодня, Бэйлор? — угадываю я. Даже здесь, вдали от стадиона, были слышны звуки университетской команды поддержки и отголоски смеха.

Его лицо озаряется светом.

— Ага.

Я не могу сдержать ответной ухмылки.

— Хорошо же тебе.

Дрю пожимает плечами, как будто это неважно, но меня не обманешь. Вокруг него витает счастье, излучая свет в ночной тьме.

— Я лишь сделал свою часть работы, — его взгляд вновь скользит по моему телу. — Милая форма, Джонс.

На мне все еще одета рабочая одежда, белая рубашка на пуговицах и черная юбка до колен. Плюс, глупые балетки. Вероятно, я выгляжу на 12 лет.

— У тебя своя форма, — говорю я. — У меня своя. Почему ты так улыбаешься? — в его глазах сверкают греховные искорки, от которых мое сердце пропускает удар.

— Я представляю тебя в своей форме.

— Потому что эти массивные подплечники будут выглядеть тааааак сексуально, — я гримасничаю.

Его язык пробегается по краю зубов.

— Вообще-то, я думал о длине своей джерси. Боже, ты была бы очень горяча в моей джерси.

— Влажная мечта спортсменов, я предполагаю? — язвлю я, но мое дыхание становится более частым. Ощущение такое, словно я прямо сейчас ощущаю текстуру огромной джерси Дрю, чувствую, как она касается моей голой кожи.

— Хочешь поспорить на это, детка?

— Господи, — я закатываю глаза и качаю головой.

Он снова смеется, низким поклатистым тоном, от которого у меня внутри становится тепло. И вдруг я осознаю, как близко мы стоим, на расстоянии меньше фута. Я не знаю, что, если он подойдет ко мне, или что, если я сделаю этот последний шаг. Я не могу ясно мыслить. Он слишком близко, и от этого жар между моих ног разгорается сильнее, а грудь наливается тяжестью. Я будто окружена Дрю. Снова.

— Я скучал по тебе, — его голос нежен, и он использует тот тон, который, как я думаю, парень применяет только ко мне. Низкий интимный звук, заполняющий пространство между нами. Словно мы одни в нашем собственном мире. Я могу думать лишь о том последнем случае, когда он использовал этот тон, обращаясь ко мне. *Я хочу поцеловать тебя, Анна.*

И по тому, как он смотрит на меня, по тому, как его взгляд сфокусирован на моих губах, а брови сведены от напряжения, я думаю, что Дрю думает сейчас об этом же. Он все еще не прикасается ко мне, но его сильное тело склоняется ближе к моему телу.

Порыв ледяного ветра ударяет о наши тела, и я вздрагиваю.

— Я не знаю, как ты можешь стоять здесь без пальто, — бормочу я. — Ты не замерз?

Дрю тянется и хватается лацканы моего короткого пальто из сэкондхенда, полы которого развеваются на ветру. Его прикосновение такое нежное, когда парень запахивает мое пальто, в результате я стою замерев, с застегнутым пальто и пересохшим ртом.

— Я просто играл в футбол в течение четырех часов, — он не выпускает мое пальто из рук, его большие пальцы потирают шерсть, а предплечья висят в дюйме от моей груди. — Если бы я мог не носить одежду в обществе, то постоянно ходил бы голым.

— Это было бы... — здорово? Да, прошу? С карамелью сверху? — Это стало бы темой для разговора по всему кампусу за утренним кофе с донатами.

— Ммм, — соглашается он, лениво мыча, при этом легонько подтягивая меня к себе за полы пальто. Я делаю шаг еще ближе, и его голос становится тихим, сменяясь на бормотания. — Пресса получила бы тему для статьи. Дрю Бэйлор шокировал всех, продемонстрировав свои соски.

Ему не следует произносить такое слово как "соски" на людях. Словно по команде, мои соски затвердели. Его веки опускаются, и я знаю, что Дрю заметил, как напряглось мое тело. Я слышу, как он делает медленный выдох.

А между моих ног к жару добавляется еще и размеренная пульсация. Моя грудь так сжимается, что когда он опускает голову, прикасаясь губами к моему уху, я не могу дышать.

— Ты скучала по мне, Анна? — шепчет Дрю.

Мои руки сами по себе поднимаются к его груди, а ладони прижимаются к его сильным мышцам. Дрю пахнет чистотой, гелем для душа и его природным ароматом. Сейчас мне уже так хорошо знаком этот запах, что я не могу вам описать. Знаю лишь, что хочу запечатлеть его глубоко в своих легких. Хочу закрыть глаза и прислониться к его телу. Но все же стараюсь держать их открытыми и сфокусированными на золотистой коже его горла.

Мне нравится эта часть его тела, беззащитность его чувствительной кожи. Я люблю те

маленькие впадины, чуть выше его ключицы, где шея переходит в широкие плечи, и я знаю, что если прижмусь губами к этому чувствительному месту и пососу его, Дрю издаст беспомощный, мучительный звук, который он издает всякий раз, как я целую его там. Я почти сама начинаю издавать этот звук. Скучала ли я по нему?

— Да.

Я ощущаю его улыбку напротив своей щеки.

— Хорошо, — кончики его пальцев пробегают под моим подбородком, и мой пульс пускается вскачь.

— Это твоя машина? — выпаливаю я. Ни с того ни с сего. Словно Дрю нравится стоять оперившись на чужое авто, или словно я идиотка, которая констатирует очевидное.

Дрю быстро оглядывается.

— Ага.

— Шикарная, — я идиотка. Пытаюсь трусливо уклониться от темы.

Его улыбка искривляется. Дрю знает, что я пытаюсь отвлечь его и явно забавляется этим. Но вместе с тем он играет со мной. Разворачиваясь, он с любовью проводит ладонями по глянцевому капоту авто.

— Это Малышка Рыжая.

— Малышка Рыжая, — повторяю я. Слыша эти слова, я вспоминаю, как Дрю назвал меня во время нашего первого разговора: Большая Рыжая. И в секунду я решила возненавидеть его. Сейчас же я диву даюсь, как так получилось, что в результате я стою здесь с ним. Как так получилось? Что я хочу его больше, нежели следующий глоток воздуха. Что я нуждаюсь в нем сильнее, чем в ком-либо.

Возможно, Дрю ощущает мое напряжение, потому что он с опаской оглядывается на меня.

— Для меня это термин символизирующий симпатию, знаешь ли, — говорит он хрипло. — Во всяком случае, я не дал ей настоящего имени.

— Ей?

— Все машины — девушки, Джонс, — он подмигивает. И его подмигивание должно было бы меня повеселить, но нет. Вместо этого я хочу поцеловать Дрю в щеку. Он не только сексуален, но и чертовски очарователен. И сейчас он полностью игнорирует мое выражение лица, разворачивается к своему автомобилю и продолжает его поглаживать. — Она — Chevy Camaro Z28, 1971 года выпуска, — его выражение лица становится немного грустным, почти мучительным. — Она принадлежала моему отцу. Он купил ее со свалки и восстанавливал по крупицам.

Причины его гордости становятся очевидными; Дрю поглаживает еще раз капот.

— Из-за этой машины мама сходила с ума, психуя, что папа проводит все выходные с Малышкой Рыжей, но на самом деле мама знала, что папа любил эту машину так... — Дрю пожимает плечами.

— Ты тоже работал над ее восстановлением?

— В основном только над тюнингом и заменой ремней, но да, я знаю, как починить тачку, если ты об этом спрашиваешь, — в его темных глазах вспыхивают искры озорства. — Хочешь прокатиться?

— Сейчас?

— Нет. Через три часа, — подшучивает он. — Думаю, ты можешь пойти переодеться в свои пижамы, можешь немного поспать, а потом мы выйдем и прокатимся.

— Засранец.

Он уже открывает для меня пассажирскую дверь.

Но я колеблюсь.

— Все будет мило и забавно, — добавляет он.

Темный интерьер Сагао освещен лишь желтыми лучами фонарей парковки. Дрю ожидает. Он хочет поцеловать меня. Он хочет всего.

Я делаю короткий вздох.

— Ладно, но этой штуке лучше уметь ездить быстро.

— Она заставит волосы на твоём теле встать дыбом, — он игриво тянет меня за один из локонов, а затем закрывает за мной дверцу.

Внутри машина пахнет старой кожей и немного ароматом крема для бритья Дрю. От этого тонкого запаха Дрю я поудобнее усаживаюсь в кресле и глубоко вдыхаю. А затем он забирается в авто на свое место. Он усмехается, как ребенок, когда поворачивает ключи в зажигании и машина рычит, оживая.

— О, да, детка, — говорит он ей, — помурчи для меня.

— Вам дать немного времени наедине? — спрашиваю я, но мне очень нравится то, как парень ценит свое авто.

Его ямочка на щеке углубляется еще сильнее.

— Это обмен опытом, Джонс. Не тупи. А сейчас пристегнись.

Я делаю, как он и говорит, и счастливо откидываюсь на сиденье, пока Дрю выезжает со стоянки. Он медленно едет через кампус, настраивая печку и возясь с радио. Вскоре мне становится достаточно тепло, чтобы снять пальто, а музыка Led Zeppelin с песней *Kashmir* заполняет тишину.

— Ты не шутил на счет классического рока, — говорю я, бегло оглядывая все вокруг. — Я удивлена, что здесь нет восьмицилиндрового двигателя.

— А я удивлен, что ты знаешь, что такое восьмицилиндровый двигатель.

— По правде, я тоже.

Он смеется.

— Папа установил сюда новую стереосистему за год до его...

Он замолкает и сворачивает на главную дорогу. Машина устремляется вперед, издавая короткий горловой рев.

— Это прекрасное авто, — говорю я, чтобы заполнить неловкую паузу. Мне ненавистно то, что ему больно из-за смерти родителей, что он скучает по ним. — Рада, что она у тебя есть.

— Я тоже, — на мгновение он смолкает, а затем мягко улыбается. — Когда я наконец получил оценку отлично по всем предметам, папа разрешил мне брать эту машину для свиданий. И для меня стало задачей века найти удобные позы, чтобы перепехнуться в ней.

— Мило, — я морщусь нос. — И тебе не удастся получить от меня хоть что-то в этой машине.

В секунду я сильно краснею от сорвавшихся с моих уст слов, а Дрю фыркает.

— Черт, это входило в мои планы, — он бросает на меня косой взгляд. — Вообще-то, заднее сидение смехотворно маленькое для такой мощной машины. Там невозможно ничего сделать без того, чтобы не заработать судорогу ног.

К огромному веселью Дрю, я оглядываюсь. Место и правда мало. Раздражаясь от собственного поведения и самодовольного смеха Дрю, я достаю свой телефон. Сейчас мы

направляемся к большой пустынной дороге, и я знаю, что на ней он разгонит машину по максимуму.

— Это радио работает с моим телефоном? — спрашиваю я.

Дрю кивает.

— Мне нравятся старые машины, но все же у меня есть свои стандарты, — он тянется вниз и передает мне провод для подключения телефона, после чего я загружаю песню.

Сейчас моя очередь улыбаться.

— Думаю, тебе понравится эта, — я нажимаю проигрывание.

И выражение лица Дрю бесценно, его нос морщится в замешательстве от писклявого звука гитары и двух парней, разговаривающих в стиле битник.

— Что за черт?

— Просто послушай.

Он слушает, и его губы вздрагивают. Прямо сейчас парни стебуются над группой The Doors, и Дрю фыркает.

— Это Мертвые Молочники, — говорю я.

Один парень спрашивает у второго, какую машину подарил ему отец. Мой взгляд встречается с глазами Дрю, и мы оба усмехаемся.

— Даже не говори мне, — произносит Дрю, пока группа играет тяжелый и быстрый рифф в стиле панк-рок. Музыка маниакальна, полна басов, барабанного стука, звуков гитары и криков.

— *Сучий Camaro*, мужик, — подпеваю я, смеясь.

А Дрю ударяет по газам. Мы летим, моя спина вжимается в сиденье, и я смеюсь так сильно, что болят бока. Дрю смеется со мной. Мы сумасшедшие, несемся на скорости, слушая нелепую лирику. И я не хочу, чтобы это кончалось. Малышка Рыжая несется по дороге так, что асфальт размывается в серое пятно. Мне следует бояться, но вместо этого я чувствую себя живой.

Мы мчимся вперед, пока песня не заканчивается, и затем Дрю замедляется.

— Это было превосходно, — говорит он.

— Как и машина, — я опускаю голову на сидение и смеюсь вместе с ним. От смеха у меня кружится голова, а мышцы живота дрожат.

Мы молчим, слышны лишь звуки гудения мотора, и это здорово. Понимание происходящего наваливается на меня. Мы можем сидеть так в тишине и при этом чувствовать себя комфортно. Когда мы достигли этого уровня? Но прежде чем я могу поразмыслить над этим, живот Дрю урчит. Настойчиво.

— Почему мне кажется, что твой живот обращается ко мне? — спрашиваю я.

Уголок его рта искривляется.

— Это твоя вина.

— Да, неужели?

— Ты накормила его однажды. Естественно, что теперь он просит о большем.

— Естественно, — я фыркаю, а затем хватаю свою сумку. — Не знаю, следует ли мне поддаваться на эти уловки, но так уж получилось, что у меня есть сэнд...

— Давай сюда, Джонс.

— Ты уверен? Ты разрешишь нам поесть в Малышке Рыжей? То есть ее интерьер очень даже идеален.

Дрю смотрит на меня искоса. Он борется с усмешкой, но ему удается при этом

изобразить угрожающий вид.

— Дай сюда еду, и никто не пострадает.

Я достаю длиннющий сэндвич, оставшийся с вечеринки, который я забрала с кухни кэйтеринга, на что Дрю издает гортанный стон.

— О, детка, он такой большой.

— Это моя реплика.

— Ага, так и есть.

Фыркая, я отламываю себе маленькую часть сэндвича, а затем отдаю Дрю остаток.

Его стон такой истинный и лестный, когда парень начинает поглощать еду, держа одну руку на руле, а другой поднося пищу ко рту.

— Итальянский, — говорит он, перед тем как укусить еще раз. — Благослови тебя господь.

— Должно быть ты и правда голоден, раз тебе так нравится обычный заурядный сэндвич, — на самом же деле сэндвич влажный снизу и слишком соленый.

— Я голодаю. Последний раз я ел перед игрой, — Дрю бросает на меня быстрый виноватый взгляд.

От этого взгляда мой сэндвич становится поперек горла.

— Спасибо, что прокатил меня, — мои слова едва слышны в темноте авто, и когда тишина вновь повисает в воздухе, она становится менее комфортной.

Но Дрю просто пожимает плечами и доедает последний кусочек сэндвича.

— Это единственное место, где я хотел бы быть.

От этих слов боль внутри меня нарастает.

Дрю заглядывает ко мне в сумку.

— Я не предполагаю, что у тебя есть какая-то...

Я достаю бутылку воды и передаю ему еще до того, как он успевает договорить, в результате парень награждает меня еще одной своей усмешкой.

— Ты богиня, Анна Джонс.

Я изображаю, что меня не трогают его слова, даже при том, что по факту мое сердце учащенно стучит, а мысли спутаны.

— Ну, достаточно того, что тебе хорошо, и ты благодарен мне. Могу ли я прокатиться на Малышке Рыжей за рулем? — мне нужно что-то сделать, чтобы успокоиться и не броситься в объятия к этому парню с предложением вечного обожания и любви.

Его борьба с чувством ужаса, который так четко читается на лице парня, достойна восхищения. Я не рассчитываю на то, что Дрю может дать кому-нибудь сесть за руль этого авто. И должно быть так и есть, потому что прямо сейчас парень нервно ерзает на сидении. Я уж было собираюсь снять его с крючка, сказать, что все в порядке, что я понимаю все эти чисто мужские шутки, когда вдруг Дрю съезжает на обочину и останавливается.

— Ладно, но...

— Если ты скажешь сейчас что-то о моем умении управлять авто, то я тебя прикончу, — шучу я, просто чтоб снять напряжение.

— Я хочу жить, — дразнит он в ответ. А затем напряженно смотрит на меня, но в его глазах мерцают искорки серьезности. — Правда, я хочу жить, так что...

— Задница, — я в шутку ударяю кулаком в его плечо и выхожу из машины. Мы встречаемся на полпути, в свете фар, высвечивающих наши тела. Или скорее, я пробегаю мимо Дрю, в конце своего забега запрыгивая на водительское сидение и захлопывая за собой

дверцу. — На улице сейчас капец как свежо, — говорю я, пока парень садится на пассажирское место.

Мои ноги висают над чисто мужской территорией. Дрю такой высокий, что педали находятся на приличном расстоянии от моих ступней. Бормоча что-то о великанах, я поддвигаю сидение вперед, а Бэйлор фыркает.

— Скорее дело в рыжеволосых эльфах, которым нужно подтягивать сидение поближе к рулю.

— Я вообще не похожа на эльфа, — сама эта идея вызывает смех.

Его мимолетный взгляд проносится по моей груди и бедрам, и это такой пылкий страстный взгляд.

— Должно быть, ты права.

Я немного краснею, когда завожу машину.

Мне не нужно бить ее кулаком. Я еду быстро и гладко, начиная чувствовать авто и его особенности.

Дрю внимательно смотрит на меня, его корпус слегка развернут в мою сторону.

— Я думал, ты будешь гонять.

Я пожимаю плечами, пока машина поворачивает по плавной дуге.

— Сначала я хочу с ней познакомиться.

В ответ Дрю смотрит на меня так, будто я сказала нечто особенное. Я не понимаю этот взгляд, от него нервы скручиваются в узел глубоко внутри моего живота, так что я игнорирую парня и веду авто дальше. Мы молчим, успокоенные приятным урчанием двигателя. И это прекрасно. Старое авто, запах мягкой кожи, тепло и уют.

Дорога в виде огромной петли возвращает нас обратно в город. С этого расстояния могу видеть огни кампуса.

Через милью я замечаю заброшенный участок, и в уме делаю для себя пометку. Это по сути нелепо, так как мы и так здесь одни, но привычка есть привычка.

Когда Дрю заговаривает, его голос такой низкий, такой успокаивающий.

— Ты можешь отвезти нас назад в кампус, — говорит он. — Если хочешь.

Я не думаю, что смогу вынести его взгляд еще дольше. От этого ощущения мое сердце странно бьется в груди, то ускоряясь, то замедляясь. Дрю буквально сводит меня с ума, и я начинаю думать, что он это делает преднамеренно.

— Хорошо, — говорю я, въезжая на стоянку. Шины хрустят по гравию, когда машина наезжает на небольшой выступ. Я выжимаю тормоз, отключаю двигатель и тут же осознаю ошибку в своем плане действий. Мы остаемся одни в темном, теплом коконе авто. И хотя я никогда не против того, чтобы наброситься на Дрю, сейчас все ощущается иначе. Почему-то не спрашивая моего разрешения, мы стали ближе, и я знаю, что нужно принять решение.

Дрю тоже кажется нервным, его бицепс напрягается под тканью рубашки, когда парень ударяет рукой по своему колену.

— Давай поменяемся местами, — говорю я, не глядя ему в глаза.

Ясно, что никто из нас не хочет выходить на улицу, что оставляет лишь один вариант. Мы должны перелезть друг через друга. Или может это оправдание, которое нужно нам обоим. Даже если это так, то мой желудок все равно сжимается в предвкушении.

Как только мы приступаем к делу, то понимаем, что в реальности все не так сексуально, как представлялось. Не тогда, когда мои колени задевают его, и в этот же момент мой подбородок ударяется о массивное плечо Дрю.

— Ау!

— Ооой!

Я отодвигаюсь назад, упираясь ногами в пол, пока Дрю ударяется макушкой о потолок, а его задница опускается на рулевое колесо. И тут раздается гудок Самаго, разрезая тишину темной ночи. Бормоча ругательства, Дрю снова пытается перекинуть вторую ногу через консоль в одно и то же время со мной, в результате чего мы запутываемся.

— Подвинь свою задницу, большой, как гора, парень, — ворчу я.

Он начинает смеяться, и это прорывает мою оборону. Мы оба смеемся и ругаемся, пока Дрю скользит надо мной, и я наполовину перелажу на пассажирское сидение только для того, чтобы ощутить, как моя юбка зацепилась за что-то.

— Дерьмо! Я зацепилась за рычаг переключения передач.

Дрю смеется еще сильнее.

— Даже не смей отпускать шутки на счет рычагов, — предупреждаю я, смеясь.

— Я слишком занят попытками снять свою задницу с руля, — его плечо задевает мою грудь, когда парень шевелится, смеясь так сильно — он такой же неуклюжий, как и я. — Черт, почему ты не опустила спинку сидения?

— Нет? Ой. Так было бы удобнее? — я одергиваю юбку, но она зажата между бедром Дрю, моей голенью и водительским сидением. — Я не думала так далеко наперед.

— Очевидно. Приподнимись, — его ребра пододвигаются ближе к моему лицу, пока парень откидывает сидение водителя. Слышится негромкий щелчок, а затем мы заваливаемся вместе со спинкой сидения назад. Дрю поворачивается, приземляясь на сидение, его рука притягивает меня за талию и переворачивает мое тело вместе с его. В результате, я оказываюсь на коленях Дрю, а он стонет от боли. Моя согнутая нога упирается ему в грудь, помогая мне не свалиться и найти точку равновесия.

— Серьезно, Джонс, — говорит он, немного запыхавшись от нашего раунда смеха, — если хотела просто посидеть у меня на коленях, то так бы и сказала, — он кладет руку мне на спину, оберегая от удара о руль.

Мои щеки болят от хихиканья.

— Ты поймал меня. Все это было частью хитроумного плана по превращению нас в людей-печенок. Следи теперь за своей головой. А то моя нога может в нее нечаянно врезаться.

Он опускает подбородок, и я поднимаю ногу, перекидывая ее над его головой, эффектно усаживаюсь на его коленях так, что его руки ограничивают мое пространство. Не очень комфортно, но кого я обманываю. Мне нравится положение наших тел.

Однако моя юбка задирается так, что оголяет бедра. В одно мгновение его свободная рука опускается на голый участок моего бедра.

— Ты замерзла? — спрашивает Дрю тихо и начинает потирать мою кожу, чтобы согреть меня.

Я качаю головой, но мой голос, кажись, сбежал. Как мне может быть холодно, когда я так близко к его твердому разгоряченному телу. Его сердцебиение устойчивое и отчетливое под моей ладонью.

— Я не поранил тебя нигде? — он притягивает меня ближе так, что я почти лежу у него на груди.

— Нет, — лицом к лицу, я могу видеть только бледные голубые глаза Дрю в свете луны, они так пристально изучают меня. Его взгляд опускается на мои губы и задерживается там,

тогда как захват на моем бедре становится жестче, будто говоря о намерениях парня. Жар наполняет меня быстро и стремительно.

Губы Дрю. Так близко. Достаточно близко, чтобы наше дыхание смешалось. Я люблю его рот, эти совершенные линии, при том, что даже не знаю, каков он на вкус, как он ощущается. Его пальцы сжимают плоть моего бедра, словно парень хочет удержать что-то, и в это мгновение мой взгляд встречается с его.

В его глазах мучительная просьба.

Дрю никогда не вынуждает меня. Разве что если знает, что я тоже хочу этого. Чувственность смешивается внутри меня с жаром страсти, образуя опьяняющее сочетание, из-за которого я опускаюсь еще ниже в его объятиях. Аккуратно я провожу рукой по его челюсти, ощущая кончиками пальцев шершавую, как наждачная бумага, текстуру.

— Анна, — этот звук тише шепота.

Не разрывая зрительного контакта, я наклоняюсь. Мои губы касаются его губ. Это едва можно назвать прикосновением. Но на самом деле это все. Я ощущаю это до кончиков пальцев ног. Дрю шумно вдыхает, и его крепкое тело вытягивается. Так что я делаю это снова. Сильнее. Более уверенно. Слегка всасывая его нижнюю губу.

И затем он стонет. Его пальцы зарываются в мои волосы и с силой сжимают их, пока Дрю наклоняет свою голову и целует меня в ответ. Это не сумасшедший или иступленный поцелуй. Нет, он будто нежное исследование, от которого становится тепло, и ты таешь; мы будто сразу оказались на середине поцелуя, скользя друг о друга языками, губами и медленно распадаясь на части. И я загораюсь, пылая ярче солнца. Чувствительность, потребность, жажда выливаются в стон, приглушенный ртом Дрю.

Парень дрожит. Его пальцы пробегают по моей шее, моим щекам, и возвращаются обратно, тогда как его губы прижимаются и посасывают мои. Его язык погружается все глубже, с каждым разом крадя еще кусочек меня. И всякий раз мое сердце сжимается в груди чуточку сильнее, чем секундой ранее.

Головокружение всецело поглощает меня. Нет верха или низа, только Дрю. И его рот. Его вкус и жар. Я хочу погрузиться в него, утонуть в его прикосновениях. Я дрожу, хныча от разочарования, раскачиваясь напротив его эрекции и открывая свой рот шире для его поцелуев. Сейчас он держит меня еще крепче. Не давая сдвинуться.

— Это лучше, — говорит он на середине поцелуя.

— Лучше? — мои руки исследуют мышцы его груди, округлость его плеч. Я скучала по ощущениям от его тела рядом с моим.

— Целовать тебя. Это лучше, чем я себе представлял.

Я не позволяла себе представлять. Когда я касаюсь его щеки, наши взгляды встречаются. А мое дыхание становится поверхностным. Мое сердце и правда болит.

— Дрю, — не знаю, что мне еще сказать. Но прямо сейчас, кажется, что ему достаточно и этого. Он держит меня так, будто я ценна для него, будто он хочет объединить нас в одно целое.

— Поехали ко мне домой, — шепчет он между поцелуями, которые становятся более интенсивными и страстными. Его кожа влажная, а тело дрожит от напряжения, так же как и мое. — Ты нужна мне, Анна. Ты нужна мне в моей постели.

Я едва могу держать глаза открытыми. Моя одежда душит меня. Пот щекочет, стекая по моей спине, а бедра дрожат от потребности. Я не могу прекратить целовать Дрю. Глубоко, аккуратно, сильно, нежно. Это слишком для меня. Я знала, что так будет. Я потеряна в нем.

— Анна... — сейчас его голос слаб. Хриплый, как и его дыхание.

— Да, — удастся мне сказать. — Да.

Прижимая свой лоб к моему, он кивает, а его кончики пальцев все еще успокаивающе блуждают по моему лицу, будто Дрю хочет запомнить его на ощупь.

— Хорошо, — еще один неистовый поцелуй. — Хорошо.

Я ОСТАЮСЬ СИДЕТЬ на его коленях, пока мы едем домой. Это глупо и опасно, и никто из нас сейчас не может мыслить ясно. Даже не рассматриваю вариант сдвинуться с него или отпустить. Рука Дрю обернута вокруг моей талии, его большая ладонь сжимает мое бедро, словно парень боится, что я могу передумать и сбежать.

Но я не сбегу. Не хочу. Я зашла уже слишком далеко. Я слабая и нуждаюсь в нем. И так, он едет, а моя голова покоится на его плече, пока пальцы исследуют изгиб его шеи, касаются того места, где бьется его пульс. Он держит меня крепко, прижимая свою щеку к моей макушке, пока ведет машину по темным улицам округи.

Его сердце бьется быстрее моего собственного. Мы почти мурлычем от волнительного ожидания. Если мы не доберемся до его дома в ближайшие минуты, я знаю, что он остановится и возьмет меня на заднем сидении, узкое оно или нет. Я почти делаю намек, извиваясь на нем верхом, но машина резко поворачивает на подъездную дорожку, а затем останавливается у дома.

В секунды Дрю выключает зажигание и дергает стояночный тормоз. Дверь резко открывается, и каким-то образом мы оказываемся на улице. Я все еще в его объятиях. И даже не знаю, как он сумел так легко вылезти из автомобиля и при этом еще удерживать вес моего тела, не то чтобы я протестую против его заботы обо мне. Скорее я уверена, что если бы он попытался поставить меня сейчас на ноги, мы бы оба упали.

Его дом — это маленькое бунгало в ремесленном стиле, у него остроконечная крыша и широкое переднее крыльцо. Дрю успешно преодолевает ступени фасада. Я зарываю свой нос в его шею и сжимаю ноги вокруг его талии, пока он шарит в поиске своих ключей и мучается с открытием стеклянной двери. А затем мы вваливаемся в дом.

Я бросаю взгляд на белые стены, высокие потолки и темные полы. Настольная лампа с торшером из металла в ретро стиле отбрасывает теплый свет на кожаный диван, кресло и комод из тика. Это не похоже на берлогу парня студента. Это похоже на дом. На стенах висят матовые фото в рамках. Вот и все, что я сейчас вижу. Дрю атакует мой рот своим еще один раз, сжимая мою попку более крепко и уверенно, пока шагает через комнату.

В его спальне прохладно, тихо, и светит еще одна настольная лампа, заливая все вокруг золотистым светом. Дрю ставит меня на ноги возле своей кровати, пока его руки набрасываются на пуговицы моей одежды, пальцы отчаянно работают, а его рот ни на секунду не покидает мой.

Мои костяшки пальцев прижимаются к его животу, пока я пытаюсь расстегнуть его джинсы и спешно стянуть их вниз. Пояс его боксеров оттопыривается из-за размера его твердого члена. Дрю сам освобождает себя, а затем тянется ко мне. Все смешивается воедино: разлетающаяся в стороны одежда, грешные поцелуи. А затем мир улетучивается. В одну секунду в его объятиях, на прохладных пуховых одеялах.

Дрю взбирается на меня. Горячая, гладкая кожа скользит по моей коже. Его твердые мускулы. Накачанная, упругая плоть. И повсюду, где он меня касается, я горю.

Мы не перестаем целоваться. Не думаю, что я способна остановиться. Я так изголодалась по его устам.

Он движется между моих ног, и я раздвигаю бедра, предоставляя ему лучший доступ. *Сейчас.* Я хочу его сейчас. Жестко. Быстро. Но вдруг он замедляется, посасывает мою нижнюю губу, а затем приподнимает голову. Его предплечья упираются по обе стороны от моей головы, пока Дрю смотрит мне в глаза, а его пальцы играют с моими волосами.

Его веки немного опускаются, но он не закрывает глаза.

— Каждую ночь, — говорит он. — Каждую ночь, я думал о тебе здесь. Прямо как сейчас.

Я дрожу. Каждую ночь, я боялась оказаться здесь. Как сейчас. Потому что я так сильно хотела этого.

Кожа к коже, мы лежим, дрожа и покрываясь потом. Между нашими прижатыми к друг другу животами пульсирует его твердый и горячий член. Я борюсь за каждый вдох. Мои ладони скользят по его узкой, крепкой талии, пока я пытаюсь вернуть себе голос.

— Сейчас я здесь с тобой, что ты хочешь сделать со мной?

Губы Дрю медленно изгибаются в удовлетворенную улыбку.

— Удержать тебя здесь.

Черт.

Прямо в тот момент когда я боюсь, что эмоции могут меня искалечить, он начинает двигаться, его бедра изгибаются, пока округлый кончик его члена прижимается к моему входу. Мое внимание сосредотачивается на этой зоне, месте, где от жажды и потребности моя киска сжимается. Не разрывая зрительный контакт, Дрю скользит в меня кончиком своего пениса. А затем этот ублюдок останавливается.

— Дрю, — я пытаюсь толкнуться, чтобы получить больше.

Но он лишь улыбается и остается неподвижен — незыблемая скала из твердых мышц.

— Ты хочешь меня?

— Ты знаешь, что хочу, — каждым дюймом своего естества. Но он спрашивает не о другом, мы оба знаем это.

— Всего меня? — выражение его лица становится серьезным, его голос звучит словно призрак тишины. Ох, но парень качает бедрами, толкаясь в меня еще на дюйм, убивая мой рассудок. — Хочешь ли ты всего меня, Анна?

Я могу ощутить, как бьется его сердце. Стабильные быстрые удары на бешеной скорости. Я могла бы сказать ему нет. Спрятаться в безопасном месте. И это положило бы конец самой чудесному событию, которое со мной случалась. Трясущейся рукой я тянусь и скольжу пальцами по его влажным волосам на виске.

— Да.

Он громко сплывает, его тело содрогается будто от облегчения так, что я ощущаю это своей кожей.

— Рад, что мы прояснили это, — он движется еще на дюйм и останавливается. На этот раз извергая проклятия, которые отражают и мои мысли.

— Сейчас ты реально очень жесток, — восклицаю я.

— Я не... Блядь, — он задыхается. — Я забыл презерватив в машине.

— В машине? — меня передергивает, я едва способна думать. — Что они, черт возьми,

там вообще делают?

Его прерывистое дыхание скользит по моей щеке, когда парень мучительно смеется.

— Обычно они мне здесь не нужны, Джонс, — он наклоняет голову и целует меня под другим углом, более влажно, так, что наши рты соприкасаются сильнее. Когда Дрю снова отрывается, то напряженно шепчет. — Я бы оставил их у тебя дома, но это казалось слишком самонадеянным.

Боже, я даже люблю то, как он бормочет слово "самонадеянным" прямо напротив моих губ. От этого они вибрируют, и я облизываю их, прежде чем облизать и его губы. Я такая возбужденная, так заведена, что не могу этого вынести. Эта внутренняя пустота так мучительна.

— Забудь о презервативе, — говорю я, сдавленным голосом. — Просто... просто трахни меня.

По его телу пробегает легкая дрожь, и я ощущаю, как дергается головка его члена. Его медово-карие глаза смотрят на меня.

— Ты уверена?

Мы оба знаем, как важно верить друг другу, когда мы говорим, что чисты, и доверять в том, что мы друг у друга единственные, Дрю поверил мне, когда я сказала, что на таблетках. Доверяю ли я ему? Да. Нервничаю ли я? Черт, да.

Я напряженно сглатываю, пытаюсь устоять перед искушением начать двигаться.

— Если только ты тоже хочешь этого? — я не стану давить на него, если он захочет использовать презерватив. Никогда. Я начинаю было говорить это, когда Дрю отвечает.

Его ответ — это поцелуй, грязный сексуальный влажный трах моего рта, пока его член погружается глубоко внутрь меня. Это резкое вторжение заполняет меня до предела, от чего я начинаю задыхаться.

— Святой ад, — стонет он. — Ты ощущаешься так прекрасно, — и затем он раскачивается, тихо постанывая с каждым своим движением. Мой фокус сужается до ощущения запаха его кожи, его толчков, пульсации моей кисти и тех беспомощных звуков, что он испускает после каждого движения.

Его большой палец отыскивает тугую бусинку моего соска и кружит по ней. В сочетании с тем, как Дрю лижет вдоль внутренней стороны моей верхней губы, это простое действие ощущается греховным и грязным. От чего каждая клеточка моего тела дрожит.

— Ох, бля, — ахаю я ему в рот.

Оргазм накатывает на меня не с неистовством, а медленной омывающей волной жара, от чего я дрожу и хнычу в его открытые губы. Я так слаба, мои руки падают по сторонам, пока Дрю берет меня.

— Вот так, — шепчет он напротив моих уст. — Пусти все на самотек, — его руки накрывают мои щеки, его ладони большие, теплые и увесистые, а его глаза не отрываясь наблюдают за тем, как я кончаю, и от этого зрелища в них будто бы вспыхивает пламя.

Беспомощно я хватаюсь за его волосы, когда еще одна волна ударяет меня.

— Дрю. Я... — я не могу дышать. — Мне нужен... — *ты*.

— Я знаю, — говорит он, словно слыша мою невысказанную просьбу. — Я знаю.

Он перехватывает мою руку, вынуждая оставаться неподвижной, пока сжимает мой сосок и толкается в меня своими бедрами. Я на грани, когда он теряет контроль. Дрожь проходит по его телу, а затем он поднимается на руках и начинает в меня вколачиваться. Плоть шлепает о плоть. От силы ударов мой позвоночник выгибается. Я такая влажная, такая

возбужденная, что каждый звук кажется громче. И я люблю это.

— Ты так чертовски прекрасна, — хрипит он, двигая бедрами в необузданном, жадном ритме, словно гонится за мной, а мой мир погружается в темноту и необузданную похоть. Я снова кончаю, ощущения взрываются во мне, от чего спина выгибается еще сильнее, бедра толкаются ему навстречу, а руки царапают твердый рельеф его плеч.

Дрю кончает, испуская продолжительный тихий стон и наполняя меня своим теплом.

Мгновение мы лежим в тишине, тело Дрю выгибается рядом с моим, его щека прижимается к моей так, что уголки наших губ соприкасаются, пока мы пытаемся перевести дыхание. Медленно я прихожу в себя, ощущая, как его пальцы гладят мое плечо, а его член все еще пульсирует во мне.

Так тихо, что когда он шепчет мне на ухо, все мое тело вздрагивает от этого звука.

— Ты разрушила меня, Анна Джонс.

И я в точности знаю, что он имеет в виду, потому что он тоже разрушил меня.

ПОД ОДЕЯЛАМИ, В тепле и тишине, мы не можем прекратить касаться друг друга. Ничего такого, просто незначительные ласки. Поглаживания пальцами по плечу, щекотания вдоль руки, прикосновение губ к виску. Мы лежим лицом к лицу, рука Дрю у меня под шеей и обнимает за плечи, удерживая достаточно близко для того, чтобы мы дышали одним воздухом, наши ноги сплетены вместе в полнейшем беспорядке. Я не хочу двигаться. Хочу, чтобы моя рука так и покоилась на его влажной от пота груди, хочу ощущать, как бьется его сердце. Хочу отдохнуть. Мне кажется, будто я постоянно бегу и не знаю, куда или зачем.

— Поздравляю, ты снова выиграл сегодня ночью, — говорю я тягучим голосом, не желая разрушить наш хрупкий маленький мир, в котором мы скрылись.

Дрю отвечает улыбкой, в которой таится ленивое довольство. Его большая теплая рука бережно оборачивается вокруг моей шеи, а большой палец скользит по моему подбородку.

— Это была самая сладкая победа в моей жизни, — медленно он притягивает меня ближе. Его улыбка становится шире, даже когда парень одаривает меня легким, нежным поцелуем. Он мурлычет и целует снова, прежде чем отстраниться. — Я наконец уговорил Анну Джонс позволить мне ее поцеловать.

У меня уходит минута на то, чтобы осознать смысл его слов, и затем я фыркаю.

— Придурок.

Дрю тихо смеется и продолжает меня целовать, это маленькие, исследующие поцелуи, будто он пытается запомнить мои губы своими губами.

— Я не придурок, — бормочет он напротив моего рта. — Думаешь, выигрыш в футбольной игре сравнится с этой победой? Прошу тебя, — кончик его языка касается уголка моих улыбающихся губ, прежде чем его уста припадают к моим. — Ты, должно быть, сошла с ума, Джонс.

Его твердый член прижимается своей шелковистой поверхностью к моему боку. И затем он перекачивается на меня, располагая свои бедра между моими. Я оборачиваю руки вокруг его плеч и вздыхаю.

— Ну, кто-то из нас сошел с ума, — говорю я. — Это точно.

— Ммм, — Дрю целует мою шею, подбородок. — Кто-то да, — соглашается он, шепча мне на ухо, от чего я вздрагиваю и напрягаюсь, пока его бедра слегка раскачиваются, скользя по влажности моей киски. Вскоре он окажется во мне. Но пока еще нет. Ему нравится меня дразнить. И я люблю, когда он так делает.

Однако, Дрю останавливается и поднимает голову, улыбаясь мне. В тусклом свете одинокой лампы, его глаза кажутся темно-золотыми. Его прикосновение удивительно нежное, когда Дрю проводит костяшками пальцев по моей щеке.

— Поцелуй меня, Анна, — шепчет он, пока его губы висят в дюйме от моих.

И я потеряна. Мои руки кажутся такими тяжелыми, дрожащими, когда тянусь и

пропускаю пальцы сквозь его шелковистые пряди волос и притягиваю парня к себе. Мой рот движется медленно, исследуя, запоминая все, что я так люблю в Дрю. Он отвечает мне, издавая тихий стон, его бедра приподнимаются, а затем его твердая длина скользит в меня. Заполняя.

— Еще раз, — говорит он, как только поцелуй прерывается. И я целую. Целую его, пока он удовлетворяет меня, пока мы оба не станем слишком уставшими, чтобы делать хоть что-то большее, чем просто обниматься и прижиматься к дрожащей груди друг друга, сплетая обессиленные конечности.

И когда он переплетает наши пальцы, то шепчет:

— Останься.

И я остаюсь.

Я УСТАЛ. В течение ночи мы с Анной не могли оставить друг друга в покое. Я погрузился в сон, чтобы буквально через минуты выскользнуть из него, когда гладкие руки потянулись к моей заднице, а горячий язык заскользил по моей шее, путешествуя все ниже. Когда сладко вздохнув, засыпала удовлетворенная Анна, такая теплая и мягкая рядом со мной, я не мог сдержаться от того, чтобы накрыть ее полные груди своими руками. Моих сил было недостаточно, чтобы отказать себе в игре с ее сосками, чтобы не сжимать их и не пощипывать, пока она не заерзала под моими руками, поворачиваясь ко мне и бормоча.

— Снова?

Да, снова. И так, пока мы просто не смогли двигаться от усталости.

В ранние утренние часы я спал, ощущая теплоту ее тела возле моего бока, а ее рука покоилась у меня на груди, словно оберегая мое сердце. Такое простое действие, как сон, никогда не было настолько приятным, как сегодня. Я разбудил ее, погрузившись в ее влажное тепло. Анна наградила меня широкой улыбкой и обернула ноги вокруг моей талии, чтобы удержать меня в себе, пока мы лениво целовались.

Сейчас, после того, как оставил ее спящей под моим одеялом и принял длительный, горячий душ, я на кухне; мои колени слабы, а член воспален, руки немного трясутся, пока пытаюсь сделать яичницу. Я терплю неудачу в этом начинании. Когда яйца становятся коричневыми и застывают одним блином, я ругаюсь и отталкиваю сковородку с конфорки.

— Тосты, — бормочу сам себе. — Я могу сделать тосты.

— Что за ужасный запах? — Анна выходит из моей комнаты, на ней одета одна из моих футболок, доходящая до середины ее бедра, и пара черных штанов для йоги. Мое сердце делает кульбит у меня в груди.

— Эй, — я передвигаюсь так, чтобы заблокировать собой вид на улики своего яичного фиаско. Но она даже не смотрит в мою сторону. Анна бредет к мантии, где находится мой

трофеей Хайсмана. Я ощущаю гордость по поводу того факта, что она его заметила, хотя это, вероятно, нелепо, но мне все равно. Ее тонкий пальчик пробегает по основанию награды, на котором выгравировано мое имя.

— Я получил его будучи второкурсником, — говорю я. — Когда мы выиграли первый чемпионат.

Она бросает на меня взгляд, и ее глаза светятся.

— Это типа огромная победа, верно?

— Ах, ага, — самая важная и значимая в моей карьере на сегодняшний день.

Но Анну не обмануть моим немногословным ответом.

— Ты невероятен, Дрю.

Так же как и ты. Но я не говорю это вслух. А то могу упасть на колени и признаться во всех своих чувствах разом. Вместо этого, я строю из себя легкомысленного недотепу и смотрю на нее, пока Анна подходит ко мне.

— Где ты взяла штаны? — спрашиваю я ее, радуясь, что мой голос звучит обыденно.

Она осматривает кухню, морща нос, словно учуяла запах преступления. Но затем девушка останавливается, проводит рукой по своим спутанным локонам и улыбается.

— Они валялись в моей сумке, на крайний случай.

— Крайний случай? — типа внеплановой ночевки с парнями? Я не собираюсь ревновать.

— После того, как на пикнике выпускников Дэйв врезался в меня, держа при этом три галлона фруктового пунша, я никогда не хожу на работу без запасной одежды.

Но тем не менее на ней надета моя футболка.

Локоны Анны почти задевают меня, когда она качает головой.

— К сожалению, там нет средств для волос, так что я не могу помыть свою чертову голову.

И только сейчас я замечаю, что ее кожа розовая и румяная от душа.

— Если ты была внимательна, то заметила, что у меня есть шампунь.

Она одаривает меня взглядом, будто я сказал бранное слово.

— Я готова надеть одежду их сэкондхенда, купить дешевые футболки в Таргет, но *не* стану использовать аптечный шампунь на своих волосах. Не в том случае, если я хочу и дальше жить.

Не могу сдерживать усмешки.

— О, ладно, не скрывай своего отвращения.

— Этот шампунь, может, нормальный для тебя. Ты же парень. Ты вероятно, можешь использовать мыло для своих волос, и они все равно будут хорошо выглядеть. Хаотично торчащие в разные стороны кудри — это совсем другая история, — она проходит вглубь кухни и видит яйца. Я скрещиваю руки на груди, ощущая, как по щекам разливается румянец.

— Я пытался готовить.

Ее губы дергаются.

— Я вижу.

Я переминаюсь с ноги на ногу.

— Не то, чтобы у меня получилось.

С ее уст срывается короткий смешок. Однако, вместо того, чтобы почувствовать себя глупо, я тоже смеюсь.

— Предполагаю, температура была слишком высокой, — говорит она, подходя ко мне.

Ее рука опускается на мою грудь, прямо над сердцем, пока Анна становится на носочки и дарит мне поцелуй, от которого перехватывает дыхание. Мгновенно, мои руки оборачиваются вокруг нее. Она такая теплая по утрам, мягкая. Я целую ее в ответ, глубоко исследуя и ощущая вкус зубной пасты у нее на языке.

Голос Анны раздается между поцелуями.

— У тебя сегодня тренировка?

Я обнимаю ее немного крепче.

— Да. Черт возьми.

И она смеется, тихий успокаивающий звук.

И впервые в своей жизни я хочу пропустить тренировку. Я не хочу ничего так, как провести день с Анной, а затем уговорить ее остаться на ночь. Я всерьез обдумываю возможность затащить ее обратно в спальню, но она отступает назад и дружески хлопывает меня по груди.

— Тогда давай тебя немного накормим. Я могу приготовить нам яйца, — говорит она. — Просто сначала мне нужно немного кофе, — Анна осматривает столешницы.

— Ух... — я чешу затылок. — У меня нет кофе.

Кажется, будто я дал ей пощечину. Она ахает, а ее лицо становится бледным.

— Что?

— У меня нет кофе, да и кофемашины, раз на то пошло.

Я одариваю ее извиняющейся, миротворческой улыбкой, видя, как Анна начинает ощетиниваться. Словно бешенный еж, готовый к атаке.

— Как так получилось, что в твоем доме нет кофеварки? — расхаживая вдоль моей кухни, она вздымает руки в возмущении. — На этой роскошной кухне?

— Я отстойно делаю кофе, но могу купить его в магазине? — предлагаю я услужливо.

Ее ноздри расширяются от обиды.

— Ты не можешь сделать кофе? О, да ладно, Дрю. Это просто молотые зерна и вода! Ох!

— Поверь мне, — говорю я, наполняя ее стакан апельсиновым соком, — я могу роскошно испортить кофе.

Его губы кривятся, когда Анна бросает взгляд на испорченные яйца.

— О, я верю тебе.

Мне требуется всего два шага, чтобы оказаться рядом с ней. Она визжит, когда я сжимаю ее талию и усаживаю на стойку. Однако, ее бедра моментально раздвигаются, освобождая место для моего тела, и я поддвигаюсь ближе, опуская руки на изгибы ее бедер, пока она сжимает мои плечи.

— Итак, — я посасываю ее нижнюю губу, а затем верхнюю. — Сейчас, когда мы выяснили, что ты превращаешься в свирепое животное, если не получаешь свой утренний кофе...

— Ну, я бы не сказала, что прям в "свирепое животное"... — она делает паузу и усмехается, заливаясь румянцем. — Ладно, хорошо, я — свирепое животное.

— Впрочем, довольно милое, — я целую ее. Дважды. — Итак, если бы у тебя была возможность выбрать кофе, какой бы ты выбрала?

Ее ноги оборачиваются вокруг моих бедер, притягивая меня еще ближе, чтобы Анна могла исследовать мои шею своими мягкими губами. Когда она достигает того места, которое, как я думаю, напрямую связано с моими яйцами, я стону. Кожей чувствую, что она улыбается.

— Эспрессо, — бормочет она, все еще посасывая то место на моей шее. — Хотя, обычно по утрам я предпочитаю латте или капучино.

— Я могу ошибаться, — я поднимаю часть ее тяжелых локонов и целую ее за ушком, — но думаю, простая кофемашина не готовит подобного.

— Ты прав. Здесь нужна мокка-станция.

— Черт, что это такое? — я прокладываю дорожку из поцелуев к ее челюсти.

Юмор наполняет ее голос теплом, когда Анна отвечает.

— Это станция для приготовления эспрессо, — Анна отклоняется назад, немного хмурясь. — К сожалению, я не умею так хорошо готовить кофе, как моя мама. Мне и правда нужна одна из тех фантастических машины, чтобы приготовить идеальный эспрессо. Но я не могу себе этого позволить.

— Тогда ладно, — говорю я, — давай добудем тебе немного кофе.

— Мы собираемся выйти на улицу? — говорит Анна напротив моего плеча. — У меня реальная катастрофа на голове.

— Что? Ты сумасшедшая.

— Дрю, — возражает она раздраженно, — мои волосы выглядят, словно прошли тестирование в аэродинамической трубе.

Я отклоняюсь назад и разглядываю ее, Анна скрестила руки на груди, ее подбородок дерзко приподнят. Ладно, ее волосы немного взлохмачены, не так как всегда изящно ложатся вокруг ее лица, сейчас они скорее похожи на злобное рыжее облако. Но от этого она выглядит так, словно провела несколько часов в моей кровати. Мне это нравится.

Обнимая ее за плечи, я притягиваю девушку ближе, потому что, ну правда, не могу удержать свои руки и губы подальше от нее.

— Ты прекрасна.

Я не удивлен, когда Анна закатывает глаза. Моя колкая девочка.

— Прекрасна, — следующее слово она проговаривает, будто название болезни. — Обыкновенная.

— Почему обыкновенная? — я пытаюсь сдержать улыбку. Она думает, что я ее не знаю. Но я-то знаю. И отлично осознаю, куда она ведет.

Ее нос морщится, от чего щеки девушки становятся пухлыми. Хоть я и удерживаю ее в клетке своих объятий, ей удастся поднять руку, чтобы загибать пальцы на каждую сказанную реплику.

— А почему не забавная, умная или интересная?

Я обхватываю ее палец губами и всасываю его в свой рот, от чего Анна вздрагивает. Медленно я отстраняюсь, осторожно отпуская ее палец.

— Ты и сама все знаешь, — я провожу большим пальцем по ее щеке. — Но я думаю, что ты не знаешь, насколько ты прекрасна. Потому я выбрал сказать тебе именно об этом.

Медленно ее губы растягиваются в улыбке. Однако, она пытается ее побороть, что означает, что я задел ее за живое.

— Считаешь, мне нужно знать, что я прекрасна? — спрашивает она.

— Ага, — я неспешно и лениво целую ее в губы. — Ага, должна знать.

Анна обладает уверенностью и никогда не прикрывала от меня свое тело, что очень заводит. Но не думаю, что она реально ценит все то, чем обладает.

Сейчас ее зеленые глаза светятся удовольствием, и мое сердце сжимается. А затем длинные ресницы девушки с трепетом закрываются, и она целует меня в ответ, так легко и

томно, что в результате моя голова идет кругом. Из ее горла вырывается тихий стон.

— А что тебе нужно от меня услышать? — спрашивает она, проводя пальцами по моим волосам. Боже, какие же чудные ощущения.

Я наклоняюсь к ней, тыкаясь носом в теплое, ароматное местечко у нее на шее, в изгибе ключицы. Мои слова приглушены.

— Не моя задача рассказывать тебе об этом.

— Вызов? — кажется, ей это слишком нравится.

— Возможно, — я лизу вдоль линии ее ключицы.

— Хммм... — ее руки накрывают мои щеки. Она поднимает мою голову и заглядывает в глаза, будто бы ищет какой-то скрытый секрет. — Ну тогда, ты забавный. Умный. И интересный.

Я счастлив, что она так думает, но это не то, что мне нужно от нее услышать. Я уже начинаю сожалеть, что затеял это вызов. Потому что не могу рассказать ей, что же мне нужно и при этом не стать уязвимым. Так что я прибегаю к шуткам.

— Не красивый?

— Красивый, — ее усмешка становится наглой. — Но ты знаешь уже об этом, верно?

— Возможно.

— Знаешь.

Я прикусываю кончик ее носа.

— Хотя, боюсь, это не столь важно для парней, как для девчонок.

— Вероятно, ты прав, — она пододвигается ближе, обнимая меня за шею, а ее руки вновь играют с моими волосами. Я люблю этот блеск в ее глазах. — Ох, — говорит Анна легкомысленно. — Есть еще кое-что.

— Что же?

Ее выражение лица смягчается.

— Ты нравишься мне таким, каков ты есть, Дрю Бэйлор.

Прямо в яблочко. Снова. Мое горло сдавливает так сильно, что не могу говорить. Я с трудом сглатываю.

— Ты тоже нравишься мне такой, какая есть, Анна Джонс, — *я схожу с ума по тебе. Я пиздец как обожаю тебя.* — Иди и собери свои чертовы волосы, — говорю я ей вместо этого. — А затем мы пойдем за твоим кофе.

ПРОКРАДЫВАЯСЬ ДОМОЙ поздним утром, я ощущаю себя той еще пронырой. Мне не хочется быть здесь. Я хочу Дрю. Меня приводит в замешательство то, что сейчас я нуждаюсь в ком-то так сильно, как еще никогда в своей жизни. Никогда и ни в чем. Однако, я уверена, что Дрю чувствует себя аналогично. Нам потребовалось двадцать минут в его машине просто на то, чтобы распрощаться, затем он вздохнул и отпустил меня, пообещав встретиться со мной после тренировки.

Тренировка и командные встречи — это не его выбор, а обязательство. Если честно, я не знаю, как Дрю справится с этим, при том, что он почти не спал. Но с другой стороны, его тело — машина, великолепная, совершенная машина, и он знает, как ею управлять.

Несмотря на уговоры Дрю подождать его у него дома, а они, поверьте, были очень разнообразными и убедительными, я вернулась к себе домой. Было бы крайне странно ждать его у него дома одной. Там у меня было бы слишком много времени на размышления. И видит бог, я — эксперт чрезмерных раздумий.

Так что сейчас я здесь, мои губы припухшие, волосы торчат в разные стороны, а руки крепко держат связку ключей, чтобы те не звякнули, пока я на цыпочках крадусь через гостиную в свою комнату. Когда раздается скрип дивана, и из-за него выныривает темная фигура, я как любой нормальный человек ору, подобно раненной банши (*костлявая женщина-приведение — прим. пер.*).

Ключи вылетают из рук, летя через комнату, и Айрис вовремя наклоняется так, что они не попадают ей в голову.

— Что за черт, Анна?

— Прости, — я прислоняюсь к стене гостиной. — Ты до чертиков напугала меня.

— Это потому, что твое внимание было обращено на то, что ты вернулась домой во вчерашней одежде, — ворчит Айрис, прежде чем разразиться слезами.

— Рис! — я бросаю сумку и спешу к дивану. Только тогда я понимаю, что она в разбитом состоянии, ее макияж размазан, а волосы торчат в одну сторону. Одежда Айрис мятая, словно она в ней спала. И судя по вмятинам на подушках дивана, вероятно, так оно и было. — Что случилось?

— Генри, — кричит она, когда я сажусь рядом с ней на диван. — Он гребанный... долбаный...

— Что? — я хватаю ее руку. Если он причинил ей боль...

— Изменщик, — произносит она.

Я ожидала худшего и потому сейчас ощущаю облегчение, но мое сердце болит за Айрис. Я неэмоциональная девушка, но Айрис именно такая. Так что я притягиваю ее в свои объятия, и она наваливается на меня.

— О, боже, Анна, это было так неловко, — она шмыгает носом и тянется к полупустой

коробке с салфетками, что стоит у ее ног. На полу валяется настоящий снегопад из использованных салфеток. — Я пошла к нему, собираясь сделать сюрприз, ну знаешь? — ее темные влажные глаза моргают, глядя на меня, а все, что я могу сделать, это просто кивнуть, предугадывая печальный ход событий.

— Его сосед впустил меня и я... и я... — она дрожит. — На мне была одета обтягивающая комбинация...

Черт.

— И я ждала его на кровати в его комнате, когда он... он... Он ввалился в свою комнату, вылизывая горло какой-то шлюхе!

Ой.

Всхлипы вырываются из ее горла, когда Айрис наклоняется вперед, прижимая руки к лицу.

— Они даже не заметили меня, пока не свалились прямо мне на руки!

— Ох, Рисси, — я глажу ее по волосам. — Мне так жаль.

Она поднимается, ударяя со звучным шлепком ладонями по своим бедрам. Дикая ярость светится в ее глазах.

— И этот кусок дерьма, *проститутка*, хуйло имел наглость накричать на меня, — она тычет большим пальцем себе в грудь. — Потому что я пришла без предупреждения, — Айрис маниакально смеется. — Он сказал: "Черт, Айрис? А чего ты ожидала? Мы же не женаты."

Затем подруга на бешеной скорости выдает череду проклятий и матов на испанском, которой я восхищаюсь хотя бы из-за страстного звучания.

— Я не могу поверить в то, что он даже не попытался извиниться! — говорю я, когда она достаточно успокаивается, чтобы услышать хоть слово.

Айрис поворачивается ко мне лицом.

— Ну, а зачем ему это было делать? Генри и так *никогда* не бывает неправ, — ее кулаки сжимаются, и затем девушка снова плачет.

И я не могу ничего поделать, потому просто потираю ей спину.

— Хочешь я позвоню Джорджу...

— Нет! — она в ужасе. — Он просто сделает все еще хуже, пойдет к Генри и надерет тому задницу.

Да, в этом Джордж и правда был бы хорош. Даже при том, что он мог бы вести себя как типичный счастливец, обеспеченный деньгами, Джорджу нравится держать свое тело в форме, занимаясь смешанными боевыми искусствами.

— И в чем тут проблема?

Айрис хмурится.

— Я не хочу, чтобы Генри подумал, будто достоин этого, — она съеживается на своем сидении и хмурится. — Кроме того, Джордж будет твердить "Я же говорил тебе, Рис." А *я* не хочу этого слышать.

На заметку: прикусить язык и тоже не говорить фразу "Я же говорила тебе."

— Он все равно узнает рано или поздно, — я поднимаю руку, когда подруга выглядит, будто собирается оторвать мне голову. — Но до этого момента я буду молчать. Почему бы тебе не принять душ, а я приготовлю нам несколько действительно ужасных и поистине прекрасных закусок, а затем мы устроим небольшой пикник на диване.

Айрис улыбается и наклоняется, чтобы быстро поцеловать меня в щеку.

— Спасибо, Банана. Звучит замечательно.

Мне требуется совсем немного времени, чтобы сбежать в магазин за углом и закупить кучу лакомств. Как только я возвращаюсь, мой телефон издает сигнал.

Бэйлор: Эй, красотка. У меня сейчас короткий перерыв между тренировками. А что ты делаешь?

Я широко улыбаюсь. Черт. Я так зависима от него. Мне хочется танцевать на месте. Хочется бегать и прыгать. Но я успокаиваюсь и отвечаю Дрю.

Я: В моей грязной норе разгорелась драма. Прошлой ночью Айрис застучала Генри с другой девушкой. Теперь все плохо.

Бэйлор: Дерьмо. Жаль Айрис, но тот парень реальный поц.

Я: Ага, самый большой поц. Айрис встречалась с ним два года. Сейчас она разбита вдребезги.

Бэйлор: Предполагаю, ты сегодня по уши занята?

Разочарование что есть мочи разрывает мою грудь.

Я: Надвигается время лишь для девчачьих соплей. Фильмы сложены по алфавиту. Нездоровая еда наготове. Мишень для игры в дартс с фото Генри уже висит.

Бэйлор: Смешно. Так что увидимся на занятиях?

Я: Вероятно, что так.: (Прости.

Бэйлор: Я утешу себя, обнимая подушку, на которой ты спала. Может парни придут ко мне в гости, посмотрим фильм "Змеиный полет." Вздых...

Я: Забавно.:P

Бэйлор:;) Я бы позвонил тебе попозже, но пока что хочу жить.

Я: Я знала, что ты умнее, чем кажешься.

Бэйлор: Увидимся, Джонс.

Я: Ага, Бэйлор.

Черт, я уже по нему скучаю. Это не к добру. Давно забытая паника пытается пробраться внутрь меня. Уязвимость. Я чувствую, как она проникает в мою кожу, потому тру свои предплечья, стараясь помешать этому чувству распространиться по всему телу.

Айрис возвращается в гостиную, ее влажные волосы оставляют мокрые пятна на футболке с изображением Бибера. Его глупая, подростковая улыбка вызывает у меня стон. Но Айрис кажется истощенной, ее плечи опущены вниз. Я сую телефон в свою сумочку и встречаюсь с подругой на диване, крепко обнимая ее.

— Мне жаль, Рис, — я целую ее в макушку.

— Ага, мне тоже.

Нами поглощен один поднос брауниз и пять *Калуа* с водкой, при этом просмотрены все три части *Мальчишника в Вегасе*, *Подружки невесты* и *Незванные гости*. Когда мы осознали всю незадачу свадебной тематики, то пересмотрели еще раз свои DVD и переключили телевизор на *Крепкий орешек*. Не то, чтобы это нам помогло.

Когда Брюс целует свою жену в конце фильма, Айрис бросает горстку чипсов в телевизор.

— Боже, — рычит она со своего места на диване, — существуют фильмы без романтических моментов? — она закрывает лицо подушкой и стонет.

Я чувствую себя не на много лучше, после того как добавила себе веса съеденными углеводами. Я расслабляюсь в положении сидя, замечая, что комната вокруг меня вращается.

— Боюсь что нет, фасолинка.

Она отрывает от лица уголок своей подушки и прищуривает на меня глаза.

— Фасолинка?

Мы смотрим друг на друга, а затем разражаемся хохотом.

— А знаешь, Генри не был крут даже в постели, — говорит Айрис, фыркая.

Я не хочу этого знать. Но Айрис в настроении поделиться данной информацией.

— Все было очень однообразно. Быстро, резко и обыденно. Клянусь богом, было несколько раз, когда мои зубы буквально стучали друг о друга.

— Айрис!

Она смотрит на меня, злобно улыбаясь.

— Это правда! Он был похож на неистовую игрушку для траханья, знаешь ли? Все... — закусывая губу, она закидывает голову назад и дергает своими бедрами в быстром темпе.

Мы обе смеемся, хихикаем и предаемся опьяняющему чувству лишь ради того, чтобы отвлечься от боли Айрис. Но в результате наше веселье ведет к тому, что комната начинает вращаться еще быстрее. Наш смех стихает до хихиканья, не могу понять моего или Айрис.

— А знаешь, что самое хреновое? — говорит она, глядя в потолок. Ее голос вдруг становится мрачным и неестественным.

— Что?

— Я знала, что он мне изменяет. Клянусь, я *знала*, — ее нос краснеет. — Я просто закрывала на это глаза. Блин, я такая идиотка.

Я разворачиваюсь к ней лицом.

— Ты просто хотела, чтобы все было хорошо. Это он идиот, а не ты.

Ее внимание приковано к потолку, пока подруга протяжно вздыхает.

— Я не могу возложить всю вину на него.

— Что за хрень ты под этим подразумеваешь? — я валюсь на бок. Не слишком хорошая идея.

Айрис смотрит на меня, и в ее глазах виден мрак.

— Просто его положение тоже не было простым.

— Я тебя не понимаю, Рис.

Айрис пожимает плечами, а затем прижимает подушку к груди.

— Он сексуальный. Капитан команды по лакроссу. Многие девушки готовы с ним переспать. И я не знаю... — еще раз пожимает плечами. — Как бы я повела себя, если бы передо мной предстал такой соблазн?

Мой рот открывается и закрывается, пока пытаюсь найти слова. Она это серьезно?

— Айрис, если те девушки не разгуливают вокруг него голышом, случайно падая своими вагинами на его член, тогда у Генри нет никакого оправдания почему он их трахает, тогда как должен быть верен тебе.

Диван скрипит, когда она поворачивается ко мне. Ее губы сжимаются в тонкую линию.

— Хочешь сказать, что если бы к тебе постоянно подкатывали красивые парни, то ты бы игнорировала их ради Дрю?

И снова, она это серьезно? Она видела Дрю? Никто с ним не сравнится.

— Ага, я бы их игнорировала.

Ее темные глаза сверлят меня.

— И ты думаешь, он поступил бы так же? Не поддался бы постоянному соблазну?

Вредная еда так и норовит подняться из моего желудка к горлу. Я хочу сказать, что Дрю никогда бы так не поступил. Вся моя душа кричит об этом. Но мою челюсть кажется

заклинивает.

Голос Айрис тихий, но четкий.

— То есть, он же звезда, даже больше, чем Генри. О нем есть страничка на Википедии. Ему посвящают кричалки. Он встречался с чертовым президентом. Соединенных Штатов. Ты знала об этом?

Я тупо качаю головой.

— Последняя его девушка была похожа на королеву красоты.

Серьезно? Сейчас Айрис просто жестока ко мне. Она реально считает, что я хочу знать о девушке Дрю? О долбанной *королеве красоты*? Уродливые чувства, слишком похожие на ревность, гнетут меня, когда я смотрю на подругу.

— Это Юг. У любой наполовину симпатичной девушки при наличии амбициозной мамы есть хотя бы одна корона.

Айрис фыркает, словно я несу ерунду, и клянусь богом, если она скажет мне сейчас, что эта его бывшая девушка спасала детей в Тибете, я ее ударю кулаком. Но подруга просто качает головой.

— Ты хотя бы представляешь, сколько девушке убили бы, лишь бы оказаться на твоём месте? Сколько из них, вероятно, ждут возможности быть с ним? Или быть может, у них уже есть эта возможность. И хочу тебе напомнить, что ты для него просто интрижка.

Мое горло першит, когда пытаюсь вымолвить хоть слово.

— Зачем ты говоришь мне это?

Ее худенькое плечо поднимается, и я хочу ударить Айрис. Но вместо этого просто сижу на месте, пока она грустно смотрит на меня.

— Я просто указываю на то, что ты не знаешь. Ты думаешь, все хорошо. Думаешь, он хочет только тебя. Но когда ты с кем-то столь популярным, то никогда не знаешь, как на самом деле обстоит дело.

Я тру свои предплечья и сдерживаюсь, чтобы не съежиться.

Айрис даже не понимает меня.

— Возможно, хорошо, что ты столь легкомысленно относишься к этому. Это убережет тебя от боли.

Я СТОЮ ПЕРЕД рядом полок с маленькими чугунными горшочками различных цветов радуги.

— Для чего, твою мать, их используют, — спрашиваю я Грея.

Присев, он осматривает гораздо больший горшок цвета тыквы.

— Для отдельных порций.

— Для кого? Барби и Кэна?

Грей фыркает и встает.

— Возможно. Я не знаю, предполагаю, их можно использовать для закусок. Супа, например? — сейчас разноцветные кукольные горшки находятся в центре его внимания.

Когда Грей поднимает ярко-синий порционный горшок, тот почти полностью помещается в его руке. Он хмурится и ставит его обратно на полку.

— Ага. Это чертовски тупо. Я даже не хочу разливать суп по таким маленьким посудинам.

Он двигается с такой уверенностью и авторитетом, что следуя за ним, я ощущаю себя неловким парнем на чужой территории. Мои онемевшие плечи сгорблены, и я будто бык в кукольном домике. Женщины бросают на нас настороженные взгляды. Мы не единственные парни в магазине кухонной утвари, но мы моложе, крупнее, и на нас обуты грязные поношенные кроссовки в паре с потертыми джинсами.

Раздраженное выражение Грея сменяется на внимательное.

— Мужик, куда бы меня не занесла судьба, но лучше пусть это будет город, в котором достаточно холодно, чтобы есть суп.

— Суп? Это и есть твой критерий? — я не знаю, имеет ли Грей в виду какую-то конкретную команду или город. Негласное правило, не говорить друг другу, в какую команду ты хочешь попасть после окончания университета. В противном случае, разочарование было бы слишком велико, если бы это не случилось или если бы вообще не подвернулся подходящий шанс. Только по этой причине я никогда не фокусировал свои надежды на какой-то конкретной команде.

— Никогда не недооценивай силу супа, — Грей пожимает одним плечом. — Мне нравится прохладная погода. Осень. Зима. Я не хочу оказаться в тропиках, — он снова усмехается. — Даже если моя задница будет замерзать во время игры в снегу.

— То есть, ты откажешь команде Грин Бей?

— Ну, вот давай не будем сейчас сходит с ума. Я бы не хотел, чтобы мои яйца

постоянно замерзали от холода.

— Мужик, пожалуйста. Мы из Чикаго. Чудо уже то, что мы пережили половое созревание не отморозив себе яйца.

Мы оба смеемся.

— А что на счет тебя? — Грей кажется немного меланхоличным. Я понимаю его. Мы сейчас очень близко к моменту выбора дальнейшего пути. С самого начала, когда NFL был далекой фантазией, мы часто развлекались тем, что валяясь на диване, рассуждали о своей будущей карьере: Супер Кубок, самый успешный игрок года, рекорды в скорости и умении. Короче говоря, об очевидных вещах. Сейчас же остался всего месяц до окончания университета. И хотя за нами обоими увиваются агенты из почти каждой команды страны, скорее всего, что в дальнейшем мы не будем играть вместе. И это отстойно.

— Честно? Я хочу попасть в динамичную живую команду. Хочу, чтобы между нами была та же синергия.

— Чувак, я бы тоже этого хотел.

— Не раскатывай губу, — мы оба знаем, что NFL чистейший бизнес. Лучшие команды платят невменяемые деньги, чтобы держаться на плаву. Не многие команды могут себе позволить заполучить талантливых игроков на все позиции. И это уже не говоря об эго этих талантов, которое обычно прилагается, и с которым вам, так или иначе, придется иметь дело. Я тру свою грудь и поднимаю лопатку, похожую по форме на голову Микки Мауса, через секунду бросаю ее обратно в корзину.

— Я хочу жить в большом городе, будучи частью команды, у которой уже есть свои верные фанаты, отнюдь не отстойные тренеры и генеральный менеджер, у которого не задница вместо головы.

— Владелец, который вникает в суть игры и работы команды, тоже был бы плюсом, — улыбается Грей широко.

Мы направляемся к противоположному концу магазина.

— А Анна..? — Грей лениво взмахивает рукой, словно ждет, что я заполню пробелы. — Что происходит между вами двумя? Что-то изменилось, это на фиг точно.

Глупая усмешка искривляет мои губы. Я не могу ее сдержать.

Он закатывает глаза.

— Все так плохо?

— Ничего не плохо, — фактически, все так хорошо, что я гадаю, возможно ли умереть от удовольствия. Я готов проверить это на практике. Как только смогу снова привезти к себе Анну.

Мы останавливаемся перед стойкой с приборами из блестящей стали.

Глаза Грея прищуриваются.

— Я не понимаю тебя, зачем столько усилий ради одной девушки? Ты будто бы покинул нас на ментальном уровне.

Я трогаю ценник в 1500 долларов. Как правило, я не трачу на себя много денег. А на Анну? Я бы не пожалел и 15000 долларов. Это делает меня ненормальным? Да пофиг. Счастье Анны — мое счастье.

— Ты можешь объяснить мне, как чувствуешь себя, ведя мяч по полю, чтобы забить гол? — спрашиваю я, не глядя на него.

— Ты пытаешься приравнять ваши отношения к прелестям игры в футбол? — он качает головой. — Да ты надо мной издеваешься? Seriously?

Я улыбаюсь, частично веселясь от того, что думаю об Анне, а частично потому что знаю, что спорить с Греем всегда забавно.

— Нет. Я поясню тебе прелести наших с Анной отношений на примере игры в футбол.

— Меня сейчас стошнит. На тебя, — добавляет он, кривясь.

— Это твои проблемы, Грей. Ты не знаешь, каково себя чувствовать, когда ты влюблен.

Если бы знал, то не спрашивал бы, — я хлопаю его по плечу. — А сейчас, помоги мне выбрать это дерьмо, ладно?

ЗАБАВНАЯ ШТУКА ЖИЗНЬ, так просто увидеть все со стороны. Мы можем чет[ко] понять, где именно облажались наши друзья, совершив ошибку, будучи слепы к тому, что было прямо у них перед носом. Вот только какого хрена они не хотят просто нас послушать, принять наш совет вместо того, чтобы наступать на грабли раз за разом?

Мы смотрим фильмы ужасов и знаем, когда крикнуть тупой девице, направляющейся в подвал, чтобы она прислушалась к странному шуму; мы упиваемся ее тупостью, ощущая себя выше этого. Мы уверяем себя, что будь на ее месте, не поступали бы столь глупо.

Но, конечно же, мы бы так и тупили, так же не осознавали бы всей опасности. Правда в том, что половину своей жизни мы движемся, будучи слепыми, глухими и немыми. И даже если я могу постфактум сделать работу над своими ошибками, это не улучшает положение дел. Потому что я снова на грани новой *эпической* ошибки. Приправленной новыми специями. Я чувствую это мозгом костей, словно неизбежную смерть, от которой не смогу скрыться, даже если попытаюсь. И часть меня знает это, даже когда я движусь по пути саморазрушения. По факту, большая часть меня знает об этом. Заставляет ли это меня притормозить и остановиться? Конечно, нет. Я — девушка, идущая по той самой темной лестнице в подвал. Правда в том, что я была ей еще до того, как все это началось.

ЗА ОКНОМ ДВОР, будто покрыт ковром из зелени, по периметру окруженным медно золотистыми деревьями. Ветки качаются от легкого бриза, а золотая листва танцует. Красивая картина. Студенты хаотично перемещаются между зданиями из красного кирпича, выстроенных в форме квадрата. Но здесь сейчас так тихо, вся эта жизнь кипит за окном.

Внутри же мне предстоит встреча лицом к лицу с моим инквизитором.

— Что-то интересное увидели на улице, мисс Джонс? — профессор Ламберт постукивает по своему блокноту кончиком ручки.

Я полувиновато улыбаюсь.

— Я люблю осень. Это мое любимое время года, — уверена, что отныне буду сравнивать Дрю со свежим воздухом и золотистыми солнечными лучами.

Тонкие морщинки вокруг глаз Ламберт углубляются.

— Я предпочитаю весну. Цветы и новую зеленую листву, — явно устав ходить вокруг да около, она делает неглубокий вдох и фокусируется на мне. — Скажите, мисс Джонс, вы размышляли о том, чем могли бы захотеть заняться после выпуска этой весной?

Я знала, что этот вопрос прозвучит. Из-за него я собственно и здесь. Оценки моего прогресса в течение всего времени обучения и мотивации в моих планах на будущее. Как заведующая отделом, профессор Ламберт обязана встречаться со мной для подобных бесед во время моего обучения в колледже.

Я откидываюсь назад, скрещивая ноги.

— Я размышляла над этим, — когда я не думаю о Дрю, то думаю о своем будущем. — Но мои размышления не завели меня очень далеко.

Понимание смягчает черты ее лица.

— Не позволяйте этому слишком сильно вас волновать. Большинству из нас нужно какое-то время, чтобы на самом деле понять, кто они и чего хотят. Я просто стараюсь помочь вам сделать шаг в нужном направлении.

Я думала, что сам колледж и станет таким шагом, но, очевидно, это не так. Здесь я просто стала интеллектуальным дилетантом.

— Вы думали о магистратуре? — спрашивает она. — Благодаря вашему среднему баллу, предполагаю, множество программ было бы заинтересовано в вашем участии.

Мой бал 4.0, и да, передо мной открыто много дверей. Это в некотором роде наталкивает на мысль, что академия — единственное безопасное для меня место.

— Нет. По правде, профессор, у меня нет желания прямо сейчас продолжать обучение, — эта мысль заставляет меня вздрогнуть. Я учусь, потому что такова моя текущая задача, но в целом у меня нет ни малейшей страсти к обучению. Я так чертовски выдохлась. Однако, даже притом, что меня до чертиков пугает жизнь за пределами колледжа, я хочу этого, хочу быть маленькой рыбкой в большом и синем море.

Ламберт пристально смотрит на меня, ее голова наклонена в сторону, словно она пытается взглянуть на меня под другим углом, и таким образом найти ключ к ответу, кто же я такая. Что ж, удачи ей. Я смотрела в зеркало часами, пытаюсь понять то же самое, и все еще не имею представления.

Говоря следующее, она очень осторожна.

— Я понимаю, что у вас есть отношения с мистером Бэйлором.

Мое тело напрягается в кресле, пока сердце ускоренно стучит в груди.

— Что натолкнуло вас на эту мысль?

На этот раз ее улыбка мягкая и ироничная.

— Взгляните сами, мисс Джонс. Вы оба в моем классе. Я была бы слепой, не заметь очевидное.

Мне удастся подавить в себе сильное желание поерзать в своем кресле, будто ребенок. Разве мы были столь очевидными? Вероятно, что так и есть. Мне требуется вся сила воли, чтобы не смотреть на Дрю, не тянуться к нему и не прикасаться, пока он сидит всего в футе от меня. А Дрю всегда был еще менее осторожным. На каждом занятии я ощущаю жар и силу его взгляда на себе, словно солнечные лучи.

— Не понимаю, как это относится к теме нашей беседы, — говорю я.

Она прикусывает уголок губ, и в этот момент кажется намного моложе своих пятидесяти с чем-то лет. Профессор наклоняется вперед, опираясь руками о стол, и ее седые, коротко подстриженные волосы выбиваются из-за ушей.

— Я понимаю, что это не мое дело, — вступление, которое никогда не сулит ничего хорошего, — но легко забыться в любовном пыле.

Опять это слово на букву "Л".

— Это понятно, — продолжает она. — Но когда дело касается кого-то вроде мистера Бэйлора...

— Вы боитесь, что я растрачу свой потенциал на футболиста, — заканчиваю я за нее. — Но поверьте, я была достаточно осмотрительна в этом отношении, — однако, не уверена, что это так и по сей день. И это тоже пугает меня до чертиков.

Ее губы искривляются в ответ на мой сарказм.

— Мистер Бэйлор обладает властным характером, затмевающим других людей. И тогда как большинство из моих коллег преподавателей стали бы убеждать вас в том, что самое главное — это счастье мистера Бэйлора, я больше обеспокоена вашей жизнью.

Я тоже наклоняюсь вперед.

— Вы правы. Это не ваше дело. Однако я ценю ваше беспокойство.

Она прищуривает глаза, глядя на меня.

— Все, что я от вас прошу, это думать сперва о себе. К слову, это все, чего я прошу от каждого студента. Даже от мистера Бэйлора.

Но мы обе знаем, что Дрю совсем не грозит потерять себя во мне. Его жизнь распланирована, а ее контрольные точки высвечены на карте.

Передо мною же зияет темная пропасть, грозя засосать и утянуть в свои глубины. Поскольку профессор права, и я не имею ни малейшего понятия, кем хочу быть или что собираюсь делать, когда окончу школу, а Дрю меня покинет.

Раздражающее, гнетущее чувство не угасает, даже когда следую за профессором Ламберт в нашу аудиторию. Я просто хочу уехать домой и заползти под одеяло. В комнате слишком холодно, и кончики моих заочневших пальцев начинают пульсировать, когда

сажусь и достаю свою электронную читалку. Из-за встречи я сегодня рано, и Дрю еще не пришел в класс. Но вскоре он будет здесь.

Уже несколько дней я с нетерпением ждала, чтобы увидеть его. Я так сильно по нему скучаю и хочу его, что это сводит меня с ума и лишает сна. Сейчас же, глядя на Ламберт, я ощущаю, как мой живот наполняет чувство тревоги.

И вот наконец приходит Дрю. Как всегда, я ощущаю его прежде, чем увижу. Но сегодня в этот момент, я не могу вздохнуть.

Дрю останавливается у входа в аудиторию и смотрит на меня. А затем улыбается. Кажется, что все его тело светится. Словно он лампа, а я его розетка. И эта энергия наполняет меня, электризуя волоски у меня на руках, нарушая размеренный ритм моего сердца. Потеряна. Я знаю это сейчас. Я потеряла себя в нем, растворилась. Абсолютно.

Его усмешка становится шире, пока парень шагает вперед. Он такой красивый, что люди смотрят ему в след. И мой пульс еще сильнее учащается. Я почти подпрыгиваю на месте, от необходимости схватиться и броситься на него. Но тут я замечаю понимающий взгляд профессора Ламберт и напрягаюсь. Чертовая надоедливая профессорша.

Дрю останавливается перед моим столом.

— Привет, — ох, как же нежен его голос, когда он обращается ко мне, этот голос каждый раз растапливает мое сердце.

До того, как успеваю что-либо сказать, он наклоняется и накрывает мои губы своими. Я ощущаю себя захваченной им до мозга костей. Поцелуй такой собственнический, нежный и страстный, что мне хочется броситься за ним вслед, когда Дрю отстраняется. Но мы в аудитории, так что я сжимаю руки в кулаки и держу их неподвижно на столе.

Возбуждение в его глазах говорит мне, что Дрю абсолютно точно знает, что я делаю, и как он на меня влияет. Его теплая рука ложится на мою прохладную щеку, и я дрожу.

— Я скучал по тебе, — шепчет он, прежде чем оставить легкий поцелуй на кончике моего носа, а затем занимает свое место.

Я, было, собираюсь послать ему косую улыбку, но замечаю направленные на нас несколько окружающих взглядов. Иисусе. Все смотрят. Они отворачиваются, как только Дрю окидывает взглядом аудиторию. Но, кажется, его не волнует излишнее внимание. Он просто пододвигает свою парту ближе к моей, пока наши плечи не соприкасаются, вызывая еще одну волну мурашек у меня на коже.

Когда его пальцы переплетаются с моими, я наклоняюсь к нему.

— Тебе и правда нужно было показывать им шоу?

Он тихо фыркает себе под нос.

— Я никогда не понимал, почему всех так волнуют мои действия.

— Думаю, их скорее волнует на кого направлены твои действия, — бормочу я мрачно.

Он смеется, а его большой палец ласкает мое предплечье.

— Ладно, это меня тоже волнует.

Еще один взгляд от Ламберт, и я отдергиваю руку от Дрю, открывая свой ноутбук. Он тоже открывает свой, но пододвигается ко мне, тесно прижимаясь каждой возможной на данный момент частью своего тела. И я чувствую, будто задыхаюсь, словно меня завернули в плотную, горячую шерсть. Не из-за Дрю, а по вине всего остального мира, все время следящего за нами из-за углов.

Люди не перестают бросать на нас любопытные взгляды и после занятия. Излишнее внимание преследует нас, когда выходим из аудитории в зеленый двор. Дрю, как обычно, не замечает этого. Его больше волнует, как бы меня обнять и уткнуться носом в мои волосы.

— Боже, как же ты хорошо пахнешь, — говорит он. — Чем ты пользуешься, чтобы так пахнуть, Джонс?

Я не могу удержаться от смеха.

— Вероятно, виновник этого, та уйма марроканского масла, что я обычно наношу на волосы, чтобы предотвратить электризацию.

— Ах, — говорит он, улыбаясь. — Дорогая штукавина, которая может надрать зад моему шампуню за десять центов, верно?

— Точно, детка.

Думаю, это слово "детка" задевает его, потому что, как только я произношу его, Дрю оказывается совсем близко. Одна его рука скользит по моему затылку, тогда как вторая обнимает меня, притягивая близко-близко.

Часть меня хочет раствориться в нем и никогда не покидать это тело. Другая же часть ощущается, будто оголенный натянутый нерв. Лучшая половина меня побеждает, когда Дрю прокладывает дорожку из поцелуев вниз по моей шее, направляясь к тому местечку, которое превращает меня в его рабыню. Я дрожу, прижимая руку к его тугому боку.

— Назови меня деткой еще раз, — бормочет он, а его горячее дыхание ударяется о мою кожу.

— Зачем? — не могу сдержаться и не зарыться пальцами в его волосы.

Его зубы касаются особо чувствительного места у меня на шее.

— Потому что мне нравится это слышать.

Мои губы изгибаются, когда тепло разливается у меня между ног.

— Детка.

— Ммм, — он притягивает меня еще сильнее. — Снова.

— Идиот, — я тихо посмеиваюсь.

— Давай же, Джонс, — настаивает он, а его собственный хриплый смех щекочет мою кожу.

— Детка. Детка. *Детка*... — последний раз выходит каким-то более нежным, чем я того ожидала.

Кожей шеи я могу ощутить его усмешку.

— Поехали сегодня ко мне. У меня есть кое-что для тебя.

— Спорю, что есть.

— Это моя распутная девочка, — дразнит он меня.

А затем я слышу их, голоса двух девушек, которые пытаются скрыть свое презрение.

— О мой бог, эта не может быть той, с кем он встречается.

— Она? Почему она? — говорит вторая. — Я могла бы перевернуть его мир получше этой.

— Ты только посмотри на размер ее задницы. Определенно она ему не подходит.

Комментарии поражают меня, словно неожиданный выстрел, прорываются сквозь мою кожу и продырявливают внутренности. Не думаю, что Дрю их слышит. Он не напрягается и

даже не вздрагивает, пока покусывает и лижет изгиб моей шеи, а его руки тянутся к моей попке, чтобы сжать ее. Моей попке, которая прямо сейчас ощущается на пять размеров больше обычного. Я выпрямляю спину и упираюсь руками в его грудь, пытаюсь удержать его от следующего шага.

Его взгляд тинистый, смущенный, так что парню требуется медленно моргнуть, чтобы прояснить свои мысли.

— Щекотно? — он выглядит слишком довольным, представляя дальнейшие перспективы сегодняшнего вечера.

— Не здесь, — я отказываюсь смотреть на наблюдающих за нами девчонок.

— А что здесь не так? — кривая улыбка перекашивает эти грешные губы, пока его теплая ладонь скользит по моей спине к шее, а затем и к моему затылку. Его губы накрывают мои, мягко и внимательно лаская, от этого так легко забыть обо всем окружающем нас мире. Из его горла вырывается бесподобный хриплый звук, от которого мои колени подгибаются. Я не могу не схватиться за полы его рубашки, просто чтобы удержаться на ногах.

Приглушенное, злобное хихиканье развеивает окружающий меня туман.

— Заблудился, Бэйлор?

— Может, он проиграл пари.

Я не могу здесь больше находиться. Я вырываюсь из его объятий.

— Нет, — говорю я Дрю. — *Нездесь*, — уголком глаза замечаю двух девушек, к которым сейчас примыкает и третья, они пристально наблюдают за нами. И это так унижительно.

— Анна, — говорит Дрю, рассеяно и смущенно, — о чем ты говоришь? — он поднимает руку, собираясь коснуться моей щеки, но останавливается, когда я напрягаюсь, а затем смотрит в направлении моего мимолетного взгляда. Темный румянец заливает его щеки, а брови сходятся на переносице. — Ты разыгрываешь меня?

Его голос раздается на весь двор, и я напрягаюсь еще сильнее. Мой взгляд мечется по пространству двора. Несколько людей замедлили свой шаг. Наблюдая. Я могу прочитать их «Что Бэйлор делает вместе с этой девушкой?» выражение лица.

— Говори потише, — обращаюсь я к нему. Ненавижу разыгрывать сцены. Ненавижу этих людей. Мои щеки горят.

Дрю выглядит так, словно хочет ударить кого-то кулаком.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Почему? Потому что кто-то может узнать, что мы вместе?

— Мы не...

— Верно, — восклицает он, перебивая меня. — Мы просто трахаемся, — сейчас он и правда орет. — Как я мог забыть?

Я хочу умереть прямо на этом месте. Еще больше народа останавливаются. Дрю видит, куда я смотрю, и сердито оглядывается на девушек через плечо, сейчас они наблюдают за нами с широко открытыми глазами. Матерясь, он хватает меня за локоть. Его захват сильный, но не причиняет боли, пока парень тащит меня к столику под кронами деревьев в углу двора. Это предоставляет нам чуть-чуть больше уединения, но мы все еще выставлены на обозрение окружающих. Я все еще на виду у них. Мне нужно прекратить это. Но, кажется, я не могу сказать и слова. Я и не должна. Так как Дрю снова набрасывается на меня.

Боль и злость отражаются в его словах, когда он наклоняется ко мне.

— Так что, я могу засунуть в тебя свой член. Ты можешь отсосать мне, — я морщусь, — я могу вылизать твою киску, пока ты кричишь мое имя, — добавляет он с усмешкой, — но лишь одна идея о поцелуе со мной на людях для тебя так ужасна, что ты отскакиваешь, на хрен, как от огня.

Моя губа дрожит, и я прикусываю ее. Боже, я ранила его. Я раню его прямо сейчас. Мне нужно исправить это, но мой ум и тело отключаются.

— Я просто...

— Просто что? — давит он. — Просто не хочешь, чтобы люди знали, что ты... — его уста движутся, но слова не выходят наружу, а затем его челюсть замирает, а глаза наполняются разочарованием.

— Я что? — я не могу сдержаться и не спросить. Сучка? Ага, я и так это знаю. В этой ситуации виновник именно я. Я отлично это знаю.

Но он не произносит этого вслух. Его слова гораздо хуже.

— Моя! — кричит Дрю. — Что ты моя!

Земля у меня под ногами вздрагивает, раскачиваясь. Моя голова ударяется о ствол дерева. *Его*. Я даже не могу представить себе мир, в котором кому-то принадлежу. Такого со мной никогда не случилось. Никто не хотел меня всецело и без остатка. Должно быть, он ошибается. Он поймет это. Со временем он увидит.

— Мы. Я, — я глубоко вдыхаю. — Мы никогда не планировали...

— Ага, я все понял, — он проводит рукой по своим волосам. — Ты отлично прояснила вопрос, кем мы являемся друг для друга, а кем нет, — он прищуривает глаза. В них видна боль. Разочарование.

Я не стою этого. Хочу крикнуть это ему. Я не стою его боли. Он держит мир в своей ладони. Он не нуждается в том, чтобы нести мое бремя.

Когда он снова оглядывается, его кулаки сжимаются возле бедер, голова наклоняется, а губы сжимаются в линию. Несколько прядей волос падают ему на лоб, и мои пальцы пульсируют от желания прикоснуться к нему.

Его голос становится тихим и горьким.

— То есть, не дай бог, эту идеальную, великолепную Анну Джонс увидят вместе с мужиком проституткой Дрю, так? — он качает головой и фыркает. — Ты себе даже не представляешь, насколько все это иронично, — его глаза встречаются с моими, и в них пылает огонь. — Ты даже не имеешь гребаного представления.

Я не могу сдержаться, чтобы промолчать.

— Дрю. Я не хочу ранить твои чувства.

— Сказала девушка, у которой вообще нет никаких чувств.

Я быстро моргаю, желая присесть на корточки и свернуться в позу эмбриона. Я даже не знаю, что сказать. Я знала, что все это закончится рано или поздно. Я не думала, что могу стать его. Даже когда думаю о словах, знаю, что делаю огромную ошибку. Я чертовски облажалась. Беспомощно, я тянусь к нему. Мои пальцы касаются его предплечья. Он вздрагивает, словно я порезала его.

Его руки отлетает в сторону, и Дрю делает огромный шаг назад.

— Нет! — он сжимает в кулак волосы на затылке, словно хочет их вырвать. — Я пытался дать тебе пространство, дать тебе время. Я думал, ты просто испугалась, стесня... блядь, я не знаю, что это такое.

Боже, он знает меня так хорошо, я хочу плакать, но он еще не закончил свою речь.

— Но я охуенно себя обманул. Ты просто не хочешь меня так, как я хочу тебя.

— Нет, Дрю, это было...

— Тогда скажи мне, что я ошибаюсь, — настаивает он, его голос больше похож на рычание. — Скажи мне, что вся эта ерунда на тему интрижки не была связана с тем, кем я являюсь.

Мое горло болит так сильно, что слова ощущаются, будто разбитое стекло.

— Я не могу.

Его выражение лица становится безэмоциональным, а взгляд проходит прямо сквозь меня. И мое сердце уходит в пятки. Я сделала это. Я вызвала этот его взгляд, сейчас он смотрит на меня как на незнакомку.

— Знаешь что? Мне это не надо, — он отступает. — Я не нуждаюсь в этом больше, — даже несмотря на то, что я знаю, что грядет, это все еще ощущается, словно нож в сердце, когда слова все-таки выходят из его уст. — С меня хватит. Мы закончили.

А затем он уходит.

ВНУТРИ Я МЕРТВА. Мои эмоции заперты так глубоко, что я едва ли способна ощущать хоть что-то, кроме тупого веса своего тела, которое двигается по заданному маршруту. Я словно барахтаюсь в густом, холодном болоте. Даже не знаю, как, в конце концов, я оказалась в кофейне. Вероятно, я пришла сюда. Вероятно, сделала заказ; так как передо мной стоит нетронутое латте и мой ноутбук. Я пишу... что-то. Мое сочинение для зачета, посвященное королеве Елизавете и использованию девственности, как средству политической силы.

Идеально. Я даже не хочу смотреть на написанное. Если там скрыто хоть какое-то отображение моих мыслей, то это должно быть что-то вроде: оставайтесь девственницей. Не меняйте этого. Бегите от мужчин как можно дальше.

Конечно, воздержание от секса не защитило бы меня от Дрю. Он проник мне под кожу до того, как коснулся меня хоть пальцем.

Люди приходят и уходят, и несколько человек бросают на меня взгляды, словно я с ними знакома. Я замечаю это, но меня не волнует сейчас их внимание.

Я собираюсь уходить, когда меня находит Айрис. Ее улыбка слишком ослепительная, когда она хочет приободрить меня.

— Предполагаю, у тебя был дерьмовый денек, — говорит она, садясь напротив.

— О чем ты говоришь? — мы обе знаем, но я не знаю, откуда это известно ей.

— Люди судачат, что Боец Бэйлор порвал с какой-то рыжей лисой сегодня в кампусе. Лисой?

— Люди сплетничают об этом дерьме? — вот и все, что мне удастся выпалить. Святое дерьмо. Они сплетничают? Кто, черт возьми, эти люди? У них что, нет собственной жизни?

Айрис смотрит на меня, будто я сошла с ума.

— Конечно, они сплетничают об этом! Это же Дрю Бэйлор, девочка.

— И как, черт побери, ты вообще узнала об этих сплетнях?

Айрис пожимает плечами.

— В Твиттере, забив хэштег #БоецБэйлор. Я подписана вообще-то на этот тег.

Конечно, у него свой собственный хэштег.

— Подписана? Ты издеваешься надо мной?

— Я и еще пара тысяч человек. Я подписалась на него, когда ты замутила с Бэйлором.

Я стону и прижимаю основания ладоней к своим болезненным глазам.

— Не волнуйся, милая, — Айрис сочувственно хлопывает меня по плечу. — По крайней мере, там не было фото. Пока что. Хотя, я не проверяла Инстаграм. Мы сделаем это позже.

— О, боже, — я даже не думала о фото. Я хочу умереть. Просто умереть. Думаю, я могла бы это сделать, если бы увидела снимки орущего на меня Дрю. Я официально ненавижу

социальные сети. Обязательно удалю все свои аккаунты. На всю жизнь.

— Итак, — Айрис поднимает мой кофе, понимает, что он холодный и ставит обратно на стол, хмурясь. — Что случилось? Ты устала от бесконечного секса?

Вопрос будто пощечина ударяет меня. Думаю, я реально дергаюсь от него. Она усмехается мне, словно мое сердце только что не разбилось на части. Очевидно, я слишком сильно доказывала им, что Дрю не был ничем серьезным для меня. Или дело в этом, или несчастные люди любят, когда несчастливы и другие. Что бы это ни было, я хочу, чтобы Айрис ушла.

— Я не хочу говорить об этом.

— Ты попросила у него стать его единственной, и он послал тебя? — в ее глазах появляется опасный блеск. — Потому что я надеру ему зад, если он ранил мою Анну Банану.

— Не знаю, что хуже, — говорю я, выдавая свое раздражение, — тот факт, что ты думаешь, будто я была частью какого-то гарема или то, что считаешь, что я бы стала умолять, — я не добавляю ничего о той смехотворной идее Айрис надрать Дрю задницу. Эта часть в некотором роде вызывает умиление. Даже если из этого следует, что я отчаянная.

— Я знаю, — говорит Айрис. — Ты влюбилась в него и рассказала ему об этом. И сейчас он убежал, испугавшись.

Ну вот. С меня хватит. Я хватаю свой ноутбук и сую его в сумку.

— Нет, — говорю я притворно радостным голосом. — Все потому, что он хотел поцеловать меня на людях, а я отнеслась к нему так, будто у парня чертова чума. И когда он сказал мне, что хочет, чтобы я была его, я бросила ему это в лицо, — я встаю, закидываю сумку на плечо, пока Айрис изумленно смотрит на меня снизу вверх. — Ты разве не знала? Я не способна влюбиться или испытывать все это дерьмо.

Ночь наступает, пока я слушаю песню Трента Резнора *Ближе*, звук включен настолько громко, что бедная Сьюзи Сью вибрирует на моей стене, на грани того, чтобы свалиться на пол.

По крайней мере, я сама не валяюсь на полу, обнимая подушку, как незрелый подросток с разбитым сердцем. Нет, я выбиваю все дерьмо из боксерской груши, что подарил мне Джордж на мой двадцать первый день рождения. Потому что, как он сказал, хоть время от времени я должна быть способна выбить дерьмо из чего-то.

Но единственный человек сейчас, которого я хочу избить — это я сама. Мои костяшки болят, когда ударяю кулаком о твердую грушу. Этого недостаточно. Я бью еще раз и еще. Пот стекает по моему лицу, вызывая жжение в глазах. Я не слышу, как дверь открывается, не слышу его шаги, когда он пересекает комнату.

Я не замечаю его, даже когда он стоит прямо рядом со мной. Воздух наполняет мои легкие и вырывается из них, когда останавливаюсь и прикладываю свои руки в перчатках к бедрам.

Темные глаза Джорджа внимательно осматривают все вокруг. Грусть и сочувствие наполняют его взор, но он пытается скрыть это изо всех сил.

— Nine Inch Nails? — спрашивает он. — Seriously, Банана?

Бедный Трент, его так неправильно понимают в этой песне. Она не о сексе. А с потребности и отчаянном поиске спасения. Мои глаза пылают, и я с трудом дышу.

— Они кажутся сейчас подходящими, — говорю я. А затем раздражаюсь плачем.

Джордж притягивает меня к себе и крепко обнимает. Через несколько секунд в комнату заходит Айрис. Мы все втроем прижимаемся друг к другу, но это они меня поддерживают, а

не я их.

Drew

МОИ НОГИ УДАРЯЮТСЯ о тротуар, создавая при этом гулкой звук, отдающийся прямо в мою голову. Я не знаю, где нахожусь и куда направляюсь. Я просто бегу. Мои голени горят, а горло дерет, но это ничто по сравнению с ощущением зияющей дыры, распирающей мою грудь. Боль. Она исходит из моего сердце, проникая через мои ребра, вены и кожу, словно густая, грязная вода из болота. Святое дерьмо, как же больно.

Я ускоряюсь, пытаюсь преодолеть свою боль с помощью бега. Но она лишь нарастает.

Что же я наделал? Что же я наделал?

Безобразная сцена сама собой воспроизводится у меня в голове. Я помню свои слова, то, как они слетали с моих уст, словно я был вне себя, не в силах их контролировать. Я не остановился, а она не возразила мне. Она не сказала и слова против того, чтобы я ушел.

Поражение никогда не было моим уделом. Но все это не игра. Игры проходят и заканчиваются. Некоторые вы выигрываете, некоторые проигрываете. Но Анна такая одна, нет никого подобного ей. Я не могу просто двигаться дальше и заменить ее. А я ведь только что потерял ее.

Мой желудок сводит изо всех сил. Меня вот-вот стошнит. Я зашел слишком далеко. Мои колени ударяются о тротуар за секунду до того, как я блую на траву. Рвота неистова, но свободнее я себя не чувствую. Нет, это болезненное чувство просто возвращается, снова наполняя меня доверху.

Я сажусь на задницу, задыхаясь, пот заливает мне глаза. Птицы чирикают. Кто-то заводит авто. Неподалеку женщина кричит, зовя ребенка в дом. Я вытираю рот и обнимаю себя за колени, прижимая их к груди.

Я скучаю по своим родителям. Я скучаю по ним так сильно, что дыра, которую Анна оставила в моей груди, когда вырвала мое сердце, становится настолько огромной, что боюсь, я могу развалиться на части. Я хочу поговорить с мамой и папой. Это иронично, учитывая, что пока они были живы, я никогда не обсуждал с ними свою любовную жизнь. Вероятно, если бы они все еще были живы, я тоже не стал бы этого делать. Но я бы пришел домой, пообедал бы в их доме и позволил бы себе болтать с ними ни о чем, пока не почувствовал некую видимость нормальности. Вместо этого я чувствую себя одиноким, более, чем когда-либо.

Этого достаточно, чтобы возыметь жажду заорать об этом на весь мир. Я заставляю свои ноги поднять меня с земли и возобновить движение.

Пока хромаю домой, мой живот болит, боль распространяется, и я не думаю ни о чем другом, кроме как о том, чтобы переставлять одну ногу за другой.

Когда захожу в дом, там царит тишина. Здесь всегда тихо. Но сейчас тишина заставляет

мое тело гудеть. Сейчас я реально почти ненавижу ее.

Моя рука дрожит, когда упираясь ею о стены, иду за бутылкой спортивного напитка. На вкус он гадкий, горький и противный, но я глотаю его. Ручейки липкого напитка стекают вниз по моему подбородку.

Я вытираю их, опускаю взгляд на столешницу, замечая то, что сейчас выглядит будто долбанная насмешка. Совсем новая, блестящая хромированная машина для эспрессо. Мое зрение затуманивается, пока жар хлещет по моему телу. Бутылка из моей руки вылетает, секундой позже разбиваясь взрывом яркого оранжевого цвета на мои кухонные шкафы. А затем я тянусь к машине, с чрезмерной силой вырываю шнур с гнезда, так, что накладку на розетку срывается вместе с вилкой.

Острая сталь ударяет о мое предплечье, когда пинаю ногой дверь и направляюсь к мусорному баку. С криком, я бросаю тупую машину в контейнер. Я хочу наброситься на что-нибудь, выбить из чего-то все дерьмо, но замечаю свою пожилую соседку миссис Хатчинсон, которая изумленно глядит на меня. Миниатюрная женщина, кажется, готова упасть в обморок. Черт.

Стискиваю челюсть, разворачиваюсь и бросаюсь обратно в дом. Я стою в пустом коридоре, хватаясь руками за затылок и пытаюсь глубоко вздохнуть, пока ярость неудержимо струится по моим венам. Моя грудь вздымается и опадает, зубы болят там, где я стискиваю их. И тут гнев просто испаряется. Вот только он оставляет мне нечто похуже, коварную боль, которая почти валит меня на колени.

Шатаюсь, я иду в душ и стою там очень долго. К тому времени, как мои ноги вновь меня держат, мое горло отекает, а тело ощущается слабым. Я не хочу думать ни о чем.

Когда приезжает Грей, я сижу на диване, играя в *Ходячих Мертвецов* в темноте.

Как обычно он вламывается в мой дом и включает лампу у дивана.

— Я предполагаю, ты выбросил ту эспрессо машину за тысячу долларов в свой мусорный бак.

Я мугыкаю и продолжаю уничтожать зомби с помощью своей виртуальной бейсбольной биты.

— Я забрал ее, — добавляет он, словно мне есть до этого дело.

— Выпроводи себя сам, — мне так больно говорить, что решаю в дальнейшем воздержаться от этого.

Грей вздыхает и проходит вглубь гостиной. Я улавливаю запах копченого мяса, но не утруждаюсь взглянуть. В любом случае, мне не хочется есть. Однако мое внимание привлекает звон, когда о журнальный столик ударяется упаковка из шести бутылок. Кажется, что ярко-зеленые бутылки светятся на фоне темного дерева. В моем горле образуется ком. Газировка Зеленая Река. Я любил это дерьмо в детстве. Мой отец обычно позволял мне выпить пару бутылок во время летнего барбекю.

— Где... — я прочищаю горло. — Где ты это достал? — их по факту можно купить только в Чикаго.

— Особый заказ. Я собирался подарить их тебе на твой день рождения, — признается Грей, садясь на диван рядом со мной, после того, как распаковывает еще один пакет, содержащий контейнеры с той пахнущей едой. — Но подумал, что сейчас ты оценишь это сильнее.

Не нужно спрашивать, откуда Грей об этом узнал, весь гребаный кампус распространяет сплетни с интенсивностью и плодотворностью пожара.

— Они стояли у меня в холодильнике, — продолжает Грей, — потому что если мы собираемся и правда выпить что-то настолько сильно схожее с токсичными отходами, то, по крайней мере, оно должно быть холодным.

Ком в моем горле достигает грандиозных размеров. Ручной контролер для игры кажется свинцовым в моей ладони, когда я бросаю на него взгляд. На мгновение Грей смолкает, а затем подает мне газировку и хот-дог из контейнера.

— А сейчас я осознаю, что эта шипучка так же хороша, как чикагские хот-доги, но нам придется обойтись этими. Так как ни одна из тех сучек не захотела их сюда доставить.

Я держу холодный напиток в руке.

— Спасибо, — черт, если я скажу еще хоть слово, то заору, чем смущу нас обоих.

Слава богу, Грей больше ничего не говорит. Мы просто сидим вместе, пьем лаймовую газировку, едим неважные на вкус хот-доги и играем в видеоигры, и так пока на улице не наступает темнота.

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ — упражнение в вечном несчастье. М состояние комфортного онемения рассеивается. И на его месте начинает зиять огромная пропасть. Она такая большая, что я удивилась, когда смотрю на себя и вижу свое обычное тело вместо черной дыры. Все мои усилия идут на то, чтобы держать себя в руках, не валиться на пол каждый раз, когда захожу в аудиторию на наше совместное с ним занятие. Хоть и не думаю, что мой притворно спокойный фасад имеет значение. Дрю даже не смотрит на меня.

Что еще хуже? Он сменил место. Он выбрал максимально удаленную от меня парту, в абсолютно противоположном конце аудитории, и чтобы увидеть его с моего места мне пришлось бы свернуть себе шею. Конечно же, все замечают это. Он — их солнце. В тот момент, как он меняет положение, их миры сходят со своих орбит. И мой сильнее всего. Я чувствую себя выброшенной за пределы системы, словно могу провалиться под землю между столами.

Каждый раз, как Дрю заговаривает во время занятия, моя кожа покрывается мурашками, а сердце практически выпрыгивает из груди, стремясь ускакать к своему владельцу. И я ненавижу свое предательское сердце.

Я могла бы попытаться попросить прощения, но он не дает мне такой возможности. Как только профессор объявляет об окончании занятия, Дрю уже за дверями класса. Даже если выбежать следом за ним, мне не удастся поговорить с ним. Я могла бы попытаться, но мои ноги не несут меня вперед. Я просто хочу, чтобы все закончилось.

В любом случае, что я могу ему сказать?

Прости, Дрю, но я не могу отпустить эту глупую часть самой себя. Помнишь старшую школу? И ту толстую неуклюжую девушку? Такая есть в каждой школе. Ее обычно знают все, но никто по-настоящему не видит? В моей школе? Ага, тоже такая была, с курчавыми рыжими волосами и брекетами. Она была черезчур бледной и слишком тихой. Ее никогда не приглашали на танцы. Она не ходила на бал и не зажималась с парнем в его машине. Ее даже никто не целовал до колледжа.

И не важно, что она сама себе твердит сейчас, что всему виной глупый чертов стыд, эти леденящие душу годы изоляции не покидают ее. Не важно, что сейчас она знает, что парни считают ее привлекательной. Не важно, что она знает, что умна и что у нее есть друзья. Глубоко внутри она все еще та самая девушка. Даже когда пытается доказать обратное.

И она не может, черт возьми, дышать, когда прожекторы направлены в ее сторону. Потому что тогда все увидят. Они увидят, что она все еще та толстая девочка, которая так и не приспособилась. А ты, Дрю, центр внимания. Ты ослепляешь ее.

Ага. Печально. Потому что я должна быть выше этого. И я ненавижу то, что не могу. Ненавижу собственную слабость. И потому лучше пусть Дрю ненавидит меня пс

неправильным причинам, чем жалеет по правильным.

Это вызовет во мне еще большую ненависть к самой себе.

Так что боль продолжает мучить меня и на следующей неделе, когда я выхожу следом за ним из аудитории лишь для того, чтобы умереть на месте, увидев, как он встречается с другой девушкой. Она из студенческой команды черлидеров, и это видно во всему, начиная от ее четвертого размера джинс и заканчивая ее идеально прямыми волосами, ниспадающими, словно светящееся полотно к ее крошечной заднице. И возможно, она тоже таит под кожей множество личностных переживаний и неуверенности, но я все равно ее ненавижу.

Он ослепительно улыбается ей, одной из тех улыбок, от которых подкашиваются мои колени, а она берет его под руку. И они так здорово выглядят вместе, что я останавливаюсь посреди коридора. Возможно, это к лучшему. Он заслуживает счастья. Заслуживает кого-то, кто не такой проблемный и с заморочками, как я.

Следом за этой снисходительной мыслью идет более значительная: К черту. Это.

Я пойду и расскажу ему правду. О том, что это меня волнует. Волнует слишком сильно. Но тут Дрю поворачивает голову, словно почувствовав, что я наблюдаю. Наши взгляды встречаются, и он выгибает бровь, будто бы спрашивая: какого черта ты вообще смотришь на нас? Будто говоря мне: твой шанс упущен.

Я разворачиваюсь и ухожу не оглядываясь.

В РАЗДЕВАЛКЕ ВОНЯЕТ грязью, потом и поражением. Я сижу один на скамейке перед своим шкафчиком и смотрю на свои руки. На руки, которые сегодня умудрились трижды потерять мяч при передаче, четыре раза не завершить до конца маневр и совершить перехват мяча, который и привел к проигрышу. Самая хреновая игра всей моей жизни.

Каждый вдох, который делаю, распространяет ощущение агонии по моей ушибленной спине и бедрам. Моя голова болит так сильно, что боюсь, могут вывалиться глаза. Тихие бормотания рассекают тишину, но никто не обращается лично ко мне. Я не виню их. Я — их лидер, и я подвел их.

Становится еще хуже, когда Роландо похлопывает меня по плечу.

— Бывает всякое, мужик, — говорит он тихо, так, чтобы услышал только я. — Это просто игра.

Я хочу закрыться в себе. Я — тот, кто дал ему плохие пасы, выставив *его* в плохом свете на этом поле. И от того, что он знает, почему я так облажался, но при этом не винит меня, у меня в горле встает огромный ком.

Пот выступает на висках, стекая и жая глаза. Но я не двигаюсь, чтобы его вытереть. Я жду, молчу, пока пари принимают душ и переодеваются. Пока они уходят, оставляя меня.

Я принимаю душ наедине с самим собой, стою под горячей водой, пока ком в моем горле не достигает размеров булжника, а затем закручиваю краны. Я одеваюсь и застегиваю сумку, когда возвращается Грей.

Он смотрит на меня в течение нескольких секунд, его брови встречаются на переносице, а взгляд будто сверлит меня. Ага, его я тоже подвел. "Прости" кажется таким банальным в данной ситуации.

Его голос прерывает мои мысли и тишину.

— Послушай, мужик, ты должен знать, что я люблю тебя, как брата.

— Все твои братья — мудаки, — это старая шутка, много раз звучавшая раньше, но мой голос кажется, словно гравий, а слова вызывают ощущение царапающего по горлу стекла. Унижение разрастается внутри меня. Все проигрывают время от времени. Но никто не проигрывает так, никто не действует, как чертов остолоп, решивший слить игру.

Небольшая улыбка пересекает его лицо.

— Абсолютные мудаки, — он ныряет еще глубже. — Ты мне больше, чем брат.

Я хочу улыбнуться, хочу притвориться, что все хорошо. Но не могу даже взглянуть ему в глаза. Я знаю, что приму все то, чтобы он не пожелал бы сейчас мне сказать. Видит бог, я слышал многое от своих тренеров.

— Я не хочу бить тебя по яйцам, — продолжает Грей. — Так что я просто скажу лишь раз. Вытяни свою голову из собственной задницы и забудь ту цыпочку.

Легче сказать, чем сделать.

— Нам нужна твоя светлая голова, Дрю. Я уважаю твои личные переживания, не хорошего понемногу. Ни одна задница не стоит этого дерьма.

Моя голова дергается вверх. Я сердито смотрю на Грея, не смея даже открыть рот. Но он просто качает головой и шагает ближе ко мне.

— Она просто обычная лживая сука...

Я не осознаю, как вскакиваю со скамьи. Наваждение затуманивает мой взор, когда я швыряю Грея в стену, а мои кулаки сжимают рубашку на его груди.

— Не смей никогда... — цежу я сквозь стиснутые зубы.

Челюсть Грея отвисает.

— Что за хрень?

Черт. Грей и так претерпел много дерьма от людей, которые должны были бы о нем заботиться. Я отступаю, резко отпуская его, и на секунду он отклоняется назад лишь для того, чтобы в следующее мгновение броситься вперед, оказываясь в миллиметрах от моего лица.

— Ты, блядь, напал на меня из-за нее?

Глубоко вдыхая, я отступаю.

— Я не собирался этого делать. Просто не... Не говори о ней так. Она не сука.

— Не могу в это поверить, — Грей смотрит на меня так, будто я незнакомец. — Ты надо мной издеваешься?

Я хватаю свою сумку и закидываю ее на плечо.

— Ты хочешь кого-нибудь обвинить? Тогда вини меня. Я тот, кто проиграл эту игру, не... — я не могу произнести ее имя.

— Она запудрила тебе мозги, — его лицо краснеет.

Я провожу рукой по голове, которая так сильно болит, что в глазах мутнеет.

— Она никогда мне не лгала. Я сам лгал себе.

Его глаза прищуриваются, когда Грей смотрит на меня, а затем его брови приподнимаются.

— Ты влюблен в нее.

Чертова головная боль. Сейчас мои глаза заволакивает тьма. Я моргаю один раз, резко и отчаянно. Грей отводит от меня взгляд, словно смущаясь. Жар покалывает мою кожу.

— Мне жаль, что я подвел тебя, — я направляюсь к двери. — Это не повторится.

АЙРИС ПРОПАЛА. В пятницу ночью она не вернулась домой. Как и в субботу. Поскольку она ни с кем не встречается сейчас, то я волнуюсь. Для Айрис обычно не характерны интрижки. Ей потребовалось шесть месяцев отношений с Генри, чтобы переспать с ним впервые. Так что ее отсутствие дома беспокоит меня. Как и тот факт, что она не отвечает на звонки и те десять сообщений, что я ей послала.

Мое беспокойство нарастает, и я звоню Джорджу, чтобы спросить, знает ли он, где она. Этот звонок уже ошибка, так как в ответ на мой рассказ и вопросы на другом конце линии повисает смертельная тишина.

— То есть ты хочешь сказать, что последний раз видела ее в пятницу и звонишь рассказать мне об этом только сейчас? — отвечает он таким тоном, который я до сих пор от него не слышала.

Меня передергивает, а хватка на телефоне усиливается.

— Прости. Я не подумала.

— Дерьмо, — Джордж шумно вздыхает.

Холодный пот выступает у меня на спине.

— Я думал, она была с тобой. Она сказала, что будет с тобой, — поясняет Джордж. — *Put a mierda! Pendejo, maricon...*

От того, что он матерится на испанском, мне становится еще страшнее. Как и Айрис, он делает так, только когда вышел из себя.

Прежде чем снова заговорить, он еще раз шумно вздыхает.

— Она, блин, сказала, что собирается позависать с тобой!

— Ты же не думаешь, что она с...

— Ага, именно так, я, черт возьми, и думаю, — восклицает Джордж. — Клянусь богом, я хочу пнуть сучую задницу того маленького *pendejo* за то, что снова прикоснулся к моей сестре.

Потому что если она соврала нам обоим, то явно, что Айрис с Генри. И я хочу ее убить. Смерть в результате боя подушками. Возможно, если я достаточное количество раз попаду ей в голову, то ее ум встанет на место.

— Я еду к нему, — говорит Джордж.

— Если ты убьешь его, — отвечаю я, — обставь все, как несчастный случай, — я шучу лишь на половину.

Джордж фыркает, прежде чем положить трубку.

Я готовлю себе замороженные вафли и кофе, когда наконец слышу звук входящего

сообщения.

Айрис: Остынь. Я в порядке. И ты ведь не звонила и не волновала Джорджа?

Хотя облегчение и накатывает на меня волной, я все равно хочу пойти и треснуть ее по голове. Ноготь большого пальца с силой ударяется о экран, когда пишу ей ответ.

Я: Черт, только что это сделала. Ты испугала нас до чертиков, Рис!

Айрис: Ладно, ладно, прости. Я поступила хреново, не перезвонив.

Сердито глядя на телефон, я пишу еще одно сообщение.

Я: И кстати, где ты?

Думаю, я знаю, что должна получить доказательства, прежде чем ее убить.

Айрис: С Генри.

Я: Что за черт, Айрис? Он ТЕБЕ ИЗМЕНИЛ!

Я почти ощущаю, как она психует. А длительное отсутствие ответа лишь подтверждает это.

Сигнал смс слишком громко раздается в пространстве кухни.

Айрис: Ага, Анна, я знаю. Я была там.

Я закатываю глаза и откусываю кусочек вафли, которая стала холодной и твердой. Еще одно дзиньканье телефона.

Айрис: У него были свои причины.

Я отбрасываю вафлю в сторону и отвечаю.

Я: Он поскользнулся и упал на чью-то вагину?

Ага, я идиотка, но не могу ничего с этим поделать. Как она вообще могла к нему вернуться? У нее поехала крыша? Он же снова ей изменит. Они всегда делают это снова. Мы же обсуждали это.

Айрис: Забавно. Он испугался, ясно?

Я фыркаю. Но она не слышит этот звук. Или, может, слышит.

Айрис: Наши отношения просто стали для него слишком интенсивными.

Я: Потому он подумал все упростить, трахнув какую-то девку?

Или несколько девок? Кто ж знает скольких.

Айрис: Послушай, люди совершают глупости, когда они напуганы. Не мне тебе говорить. Ты полностью оттолкнула Дрю просто потому, что была напугана.

Мое лицо горит, а пальцы порхают над клавиатурой.

Я: Я не изменяла Дрю! Мы даже не были официально вместе!!

Айрис: Ага, и почему же? Потому что ты стыдилась, что тебя с ним увидели? Ты относилась к нему, как к своей персональной игрушке. Так чем ты лучше?

Сейчас жар заливает каждую клетку моего тела. Мои глаза щиплет, и я хочу бросить телефон через комнату, увидеть как он разобьется на тысячу кусочков.

Айрис: Признай это, мы всегда ведем себя дерьмово по отношению к тем, кого любим.

Кровь шумит у меня в ушах. Сука. Абсолютная сука.

Я: Я не люблю Дрю.

Айрис: Верно. Как скажешь.

Я так давлю на экран, набирая следующее сообщение, что мой ноготь болит.

Я: Прямо сейчас мы говорим не обо мне. Мы говорим о тебе.

Айрис: А почему мы не можем поговорить о тебе? Почему мы никогда не можем поговорить о тебе? Потому что ты уже все решила? Это все полнейшая херня.

Я швыряю телефон на столешницу. Она не хочет принимать мою помощь. Ладно. Пусть

испортит себе жизнь. С меня хватит. Как только я беру телефон, чтобы написать ей об этом:

Айрис: Все верно. Это моя жизнь. Мои ошибки. И по крайней мере, я стараюсь. А ты что делаешь со своими ошибками?

Я: Нечего здесь делать.

Я не собираюсь рыдать. Даже притом, что кончик моего носа немеет, и ком в горле ощущается так, будто он размером с яблоко.

Айрис: Позвони ему? Скажи, что тебе жаль?

Телефон в моей руке дрожит, когда я делаю огромный вдох.

Я: Он ДВИЖЕТСЯ ДАЛЬШЕ! ЯСНО?! Он трахает других. Конец истории.

Я тоже так сделаю. Все закончилось до того, как началось, и я в порядке. Я в порядке.

Когда телефон звонит, я отвечаю на звонок чисто по инерции. Я даже не смотрю на имя звонящего, просто жму на кнопку "принять вызов".

Голос Айрис кажется нежным и нерешительным.

— Эй, детка. Прости. Это было резко с моей стороны.

— Все нормально, — бормочу я. Я лучше пробегу голой по кампусу, чем буду с ней сейчас разговаривать, но если повешу трубку, все станет еще хуже. Айрис станет охотиться на меня и в конце концов настигнет.

Айрис вздыхает.

— Послушай, я знаю, что ты просто пытаешься меня защитить, ладно? И я люблю тебя за это.

В некотором роде я сейчас тебя ненавижу, Айрис.

Вероятно, мне стоит ей об этом сказать, чтобы она наконец перестала давить на меня.

— И то, что я сказала о тебе и Дрю... — она выдерживает паузу. — Прости. Я была бесчувственной сукой. Я не осознавала... Просто. Просто расслабься на этих выходных, Банана. Ладно?

— Ага, — я прокашливаюсь. — Конечно.

— Я должна идти, — говорит она. — Генри наверху и...

— Верно, — я верчу ручку своей кружки. — Тогда хорошо.

Мы кладем трубки после неловкого прощания.

ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ, я не рада, что сегодня мой день рождения. Я не в настроении праздновать. День рождения Дрю был вчера. И хоть я как идиотка оттолкнула его обеими руками, подсознательно, я собиралась праздновать наши дни рождения вместе. По крайней мере, я нашла способ быть с ним в один из дней. С кем он празднует? Вспомнит ли он обо мне сегодня?

Сидя на кровати в пустой квартире, я сворачиваюсь калачиком, прижимая руки к груди. Когда же закончится эта боль? Я чувствую себя такой оглушенной, придавленной весом этой боли настолько, что едва ли могу пошевелиться. Сон тоже не утешает. Каждое проведенное с Дрю мгновение проигрывается в моем сознании, издеваясь надо мной. Когда я просыпаюсь, моя подушка влажная, на щеках следы от высохших слез.

Я выхожу, чтобы встретиться с Джорджем у дома, но спотыкаюсь о коробку на коврике перед входной дверью. Это подарок, в довольно большой квадратной коробке, он завернут в простую белую бумагу и перевязан черной лентой. Из-под ленты торчит конверт. Я не вижу на нем никаких надписей, но мое сердце мгновенно начинает биться так гулко, что я слышу шум в ушах. Я практически боюсь брать в руки этот подарок. С улицы раздается гудок автомобиля.

Хватая упаковку дрожащими пальцами, я выбегаю к машине.

— Не предполагалось, что ты будешь дарить подарки сама себе, Анна, — шутит Джордж, когда видит коробку у меня в руке.

— Ха, — я пытаюсь рассмеяться, но не могу.

Мы уезжаем, и по дороге подарок холодит мою потную ладонь. Глядя в окно, я прижимаю кончик пальца к твердому уголку карточки, пока та не сгибается. Следует ли мне открыть его сейчас? По крайней мере, может стоит посмотреть от кого он? Я думаю, что и так знаю. Но может, я ошибаюсь. Не уверена, какой из вариантов сильнее ударит по мне, если я права или если ошибаюсь.

Есть только один способ узнать. И я не могу ждать, пока вернусь домой. Мои пальцы дрожат, когда вытягиваю конверт и разрываю его, открывая. Внутри невзрачная белая карточка с написанным на ней "Анна", почерк явно мужской и четкий. Мое дыхание замирает, а с губ слетает безумное фырканье. Я даже не знаю, написал ли это Дрю. Мне остается лишь предполагать. Насколько все грустно?

Неспешно, я открываю карточку.

"Я купил это раньше..."

Показалось глупым выбрасывать.

С днем рождения.

— Дрю"

Я не плакала неделями. Я не позволяла себе этого. Но сейчас, глядя на этот завернутый подарок, я чувствую знакомое пощипывание на веках. Мое горло сжимается так сильно, что я не могу сглотнуть. Я не могу перестать ругаться на подарок Дрю. Я хочу сохранить его в первоначальном виде, именно таким, каким его в последний раз касался Дрю. Но что-то внутри меня гложет, желая узнать, что же это. Машина ускоряется на шоссе, когда я осторожно тяну за ленту и пытаюсь открыть подарок, не порвав бумагу.

Под бумагой находится коробочка, и когда я открываю крышку, из моей груди вырывается всхлип. Это обложка альбома *JuJu* где-то 1981 года группы Сьюки Сью и Банши, вставленная в рамочку. И она подписана всеми членами группы. Редкая и прекрасная вещь, не думаю, что кто-то еще в этом мире знает, что я люблю такое.

Думая об этом, я впадаю в истерику, реву и пускаю сопли, задыхаясь, всхлипывая и прижимая к груди рамку.

Джордж смотрит на меня с ужасом.

— Что за чертовщина? Анна, поговори со мной.

Но я не могу. Если расскажу, то еще больше внутренне умру.

— Прости. У меня ПМС.

И пока ужас в глазах Джорджа лишь нарастает, я шмыгаю носом и ищу в своей сумке платок. Я нахожу помятую салфетку, которая царапает мое лицо, пока я вытираюсь ею.

— Подарок от моей мамы, — лгу я. — Предполагаю, я просто заскучала по дому.

Кажется, он не верит мне. Фактически, я уверена, что Джордж знает, что я лгу. Но он не требует от меня откровений, просто пожимая плечами.

— Думаю, хорошо, что во время каникул ты поедешь домой.

Но мой дом это не место. Я осознала это слишком поздно, мой дом — это человек. А я вышвырнула его из своей жизни.

Drew

МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ три вчера. С тех пор как мои родители умерли, ненавижу свой день рождения. Он служит мне лишь напоминанием, что моя семья исчезла, что я остался одинок. Грей очевидно принимает антикризисные меры против последствий от воздействия Анны. Вчера он сумел уговорить меня посмотреть фильм, хоть, по его мнению, это крайне дерьмовый способ отпраздновать. Сейчас он хочет вытащить меня на празднование дня рождения с ребятами, которые не против отметить его со мной. Но я бы с большим удовольствием притворился, что моего дня рождения и вовсе не существует.

Я думаю о подарке, что оставил на коврике у двери Анны. С тех пор как обложку доставили, я хотел увидеть ее выражение лица, когда она откроет подарок. Сейчас же я даже не могу себе его представить. Улыбнулась ли она своей яркой мимолетной улыбкой, когда открыла коробку? Или ее улыбка была неспешной и нежеланной, словно Анна проиграла битву со своими эмоциями.

Интересно, понравилась ли ей вообще эта обложка? Или я был жалок, подарив ей ее? Черт, что если она когда-нибудь узнает, сколько я за нее заплатил, в результате я без сомнений буду выглядеть, как дурак. Не суть, я все равно не мог ее вернуть, так как купил на аукционе.

Почему я вообще мучаю себя этим? Я не могу вернуться в прошлое и попросить еще один шанс. У меня еще есть гордость. И я не знаю, как бороться за Анну и не потерять достоинства. Подарить ей подарок — последнее, что я мог сделать. Теперь я могу лишь надеяться, что она поймет мой посыл: Я здесь, если ты еще хочешь меня.

— Как же глупо, — бормочу я себе под нос.

Резкий стук в дверь моей спальни заставляет меня подскочить.

— Буду через секунду, — кричу я Грею, который ждет, пока я соберусь. Черт, я правда не хочу никуда идти. Но один парень не может сказать другому, что он бы лучше посидел дома, чем шел на вечеринку. Не в случае, если он хочет дожить до завтра.

— Тебе пришел пакет, — голос Грея приглушается закрытыми дверями, но в его нейтральном тоне что-то скрывается, от чего мою грудь сдавливает.

В два шага я преодолеваю расстояние до двери и резко ее открываю. Он просто стоит там, сдержанно глядя на меня и протягивая завернутый подарок. На мгновение я нахмуриваюсь. Это он так пошутил? Это от него?

Но я не могу представить, чтобы Грей использовал серебристую бумагу или завязывал сложный бант из белого шелка. Это очень по-женски.

Чтобы ответить что-то, мне приходится прочистить горло.

— Где ты это взял?

У Грея плохо выходит скрывать свою настороженность.

— Мне показалось, что я услышал какие-то звуки на крыльце. И в результате нашел это перед входной дверью.

Все мое тело напрягается от потребности броситься из дома и обследовать улицу. Это должно быть от Анны. Почему она не постучалась? Черт, я тоже не постучался, возможно, она подумала, что это способ, которым я впутываю ее в новую игру. Не совсем так. Я просто испугался, словно полнейший слабак.

— Ну и? — Грей машет коробкой. — Ты будешь его забирать? Или мне следует выбросить эту штуковину?

Прежде чем он успевает сделать еще хоть одно движение, я выхватываю подарок из его руки. Не глядя на него, я завожу руку за спину, удерживая подарок так, словно тот может меня обжечь. Мои пальцы с силой впиваются в бумагу.

Мы с Греем смотрим друг на друга, пока я не могу решить, что делать, мучаясь сомнениями. Возможно, это и не от Анны. И почему я колеблюсь, словно какая-то старушка? Я бросаю на Грея порочный взгляд, он ухмыляется, и я захлопываю дверь у него перед носом. Ни за что на свете, я не стану открывать перед ним эту потенциальную бомбу.

Развязывая ленты, я срываю упаковку одним движением. Карточка падает на пол. Трясущейся рукой я хватаю ее, пока изучаю кожаную книгу, скрывающуюся в порванной оберточной бумаге. *Эссе Эмерсона*. Торец покрыт золотом. Состояние идеальное. Я опускаюсь на пол, прислоняясь спиной к кровати. Проведя рукой по обложке, я открываю карточку.

"Что же ты за парень такой, который, кажется, не хочет ничего?"

Я подумала, что немного прошлого может быть во благо.

С днем рождения, Дрю.

— Анна"

Мои пальцы так сильно сжимают книгу, что слышу, как хрустят костяшки. Опуская лоб на свои, прижатые к груди, колени, я глубоко вдыхаю, стараясь не рассыпаться на части. Я не хочу ничего? Она слепая? Я хочу вылететь из дома и охотиться за ней. Просто, чтобы в итоге взять ее за плечи и закричать: *"Ты! Я хочу тебя, такую упрямую, болезненную занозу в"*

моей заднице!"

Но вместо этого, я прижимаю книгу к груди. *Эссе Эмерсона*. Она помнит. И она вернула мне кусочек моих родителей. Знает ли она, что я потерял их на свой день рождения? Я быстро моргаю. Конечно же, она знает. В ее записке почти прямо говорилось об этом. Вдруг, мне становится трудно дышать.

Еще один стук в мою дверь раздаётся в тишине моей спальни.

— Дрю, мужик... Ты идешь?

Сглатывая несколько раз, я прижимаю пальцы к своим горячим глазам и выдавливаю:

— Ага.

Кладя книгу и карточку в свою прикроватную тумбочку, я выхожу из комнаты. Жизнь продолжается. Даже если тебе этого не хочется.

СЕЙЧАС 10 ВЕЧЕРА пятницы, и я в ночном клубе. На свидании.

Когда Айрис настояла на том, что мне нужно выйти за пределы своего страха и пойти на свидание, все внутри меня съежилось лишь от одной этой идеи. Но затем я представила, как холодные глаза Дрю встречаются с моими, пока он уходит вместе с другой девушкой. Он и правда подарил мне подарок на день рождения, но в его карточке говорилось все — он не мог вернуть обложку назад, так что отдал ее мне.

С нами покончено, я должна признать свою ошибку и двигаться дальше.

Камэрон идеален. Он гибкий и смуглый. Его черные джинсы обтягивают ноги, исчезая в его винтажных кроссовках Рита. Его узкую грудь покрывает порванная футболка с принтом мистера Гадость, который хмурится на меня, когда Камэрон откидывается на спинку своего кресла, попивая пиво. (*Мистер Гадость — типичный смайлик, выражающий отвращение — прим. пер.*) Мы обсуждаем места, которые хотели бы посетить в Лондоне, и мне даже весело.

Ну, настолько весело, насколько может быть девушке с дырой в груди. С чертовой пустой ямой, которая никак не исчезнет. Но возможно, сегодня вечером случится чудо, и я пойму, как заполнить эту пустоту. Почти незаметно я тру рукой вдоль своей грудины, пока Камэрон обращает свое внимание на сцену. Группа готова к выступлению, и огни со сцены отбрасывают ореол синего цвета на темные волосы Камэрона. Блестящие локоны достигают ему до плеч, когда он наклоняется ко мне; в его дыхании улавливается запах пива, пока парень говорит мне на ухо:

— Я слышал, что эти парни превосходны.

Я киваю. Мне, правда, ничего не известно об этой группе, но я поверю Камэрому на слово. Он по истине красив. Густые черные ресницы обрамляют его голубые глаза, и когда это он обернул руку вокруг моих плеч?

Я ничего не почувствовала.

Я не готова еще признавать поражение. Я не отодвигаюсь, пока его теплые пальцы скользят по моему затылку. Довольно смело, учитывая то, что мы познакомились всего час назад.

— Итак, как давно ты знаешь Айрис? — спрашивает он у меня.

Камэрон работает в магазине свежавыжатых соков вместе с Айрис. Она пыталась свести его со мной в течение нескольких месяцев. Я отказывала из-за Дрю. О котором *не* буду сегодня думать.

— Мы познакомились на первом курсе, — я делаю глоток пива. Оно уже выдохлось. — Во время ориентации.

— Круто, — он отбрасывает назад прядь своих волос. Это такой идеальный жест, одновременно демонстрирующий рельефность его сильных мышц и ухоженность волос, что в результате я гадаю, тренировался ли он перед зеркалом. Ненормальный и нетактичный

порыв склоняет меня к тому, чтобы спросить, играет ли он на гитаре те скверные версии песни *Crash Into You* (*Втюрнуться в тебя*).

Но тут я замечаю *его* и быстро моргаю, стараясь прояснить зрение от света со сцены. Он стоит у бара, и он привел с собой друга. Однако когда ее рука ложится на его задницу, я думаю, что зря использовала слово "друг". Кажется, что он не возражает против ее шаловливых рук. Его улыбка ленивая и легкая, когда Дрю подает ей пиво и наклоняется, чтобы услышать, что она нашепчет ему на ухо. Он немного смеется, от чего его широкие плечи вздрагивают.

Мне следует отвести взгляд. Но как всегда, моя шея не повинуется. Нет, я просто сижу и наблюдаю за тем, как они болтают, а ее руки обходятся еще более фамильярно с его задницей. Я едва ли замечаю, что Камэрону все еще играет с краем воротничка моей футболки, так что кончики его пальцев задевают мою кожу или то, что он по-прежнему рассказывает о своих любимых группах.

Мне нужно сделать усилие, чтобы вернуть свое внимание к собственному свиданию. Было бы отстойно, если бы Дрю увидел, что я подглядываю. Я почти отворачиваюсь, когда Дрю неспешно обводит взглядом толпу, и его глаза фокусируются на мне.

Что ж, меня поймали, теперь я могу лишь просто отвести взгляд. Он стоит более чем в двадцати футах от меня. Воздух наполнен дымом, а освещение тусклое. Головы людей раскачиваются и мелькают между нами, пока народ перемещается по бару. Но тем не менее, есть ощущение, что он прямо передо мной.

Понравилась ли ему книга?

Как и Дрю, я купила ее задолго заранее. Но, в отличие от Дрю, я слишком трусила подарить ее ему. Пока он не подарил мне свой подарок. Я должна была справиться со своими переживаниями и вручить ее ему лично, но мне не хватило смелости взглянуть ему в лицо.

Боль в моей груди разгорается, а руки трясутся. Я не могу пошевелиться, зачарованная его взором. Я хочу подойти к нему так сильно, что мои бедра напрягаются, словно я собираюсь встать с кресла. Но в следующее мгновение наша связь рушится.

Он обращает внимание на Камэрона. Или скорее, на его руку. Даже с такого расстояния, я знаю, на что именно он смотрит: Камэрону меня касается.

Глаза Дрю прищуриваются. Его выражение не милое и такое сосредоточенное, что я задаюсь вопросом, это ли выражение лица видит полузащитник прямо перед тем, как сделать пас для тачдауна над головами соперников.

Внезапно, я ощущаю злость. У него нет никакого права бросать на меня сердитые взгляды, тогда как кое-кто не может оторвать руки от его задницы. И эта замечательная мысль вызывает у меня отчетливые рвотные позывы. Особенно, когда я смотрю на Мисс Шаловливые ручки, которая прямо сейчас обнимает его за талию. Теперь она поглаживает его живот. Мое любимое место.

— Извини меня, — говорю я Камэрону. — Я скоро вернусь.

К счастью, Камэрону не задает вопросов о том, почему мне нужно уйти. Я не смотрю в направлении Дрю, пока иду в уборную.

Оказавшись в туалете, я лью холодную воду на свои запястья. Всегда лейте воду на запястья, чтобы успокоиться. Когда вы брызгаете водой себе в лицо, кто-то обязательно войдет в уборную. И этот кто-то поймет, что вы расстроены. Лучше всего, что он посмотрит на вас с жалостью. Хуже — что он спросит, все ли с вами в порядке, при этом все еще глядя

с жалостью.

Однако, запястья? Вы можете с легкостью притвориться, что просто моете руки.

Так что я стою здесь, пока мои пальцы не немеют от холода. Я не смотрю в зеркало. Я не знаю, понравится ли мне то, что увижу. Несколько капелек воды падает на мой живот, и я вздрагиваю, вырываясь из своего тумана. Моя черная футболка немного задирается, демонстрируя полоску голой кожи поверх моих джинс. Чертова футболка очень тесная. Это яркое дополнение Айрис к моему сегодняшнему наряду. Потому что по ее словам "если у тебя есть такие груди, то их нужно правильно продемонстрировать". Айрис настаивает, что майки с глубоким вырезом выглядят дешевыми и скучными.

"Однако, оставаясь полностью закрытой, но обтянутой чем-нибудь, ты сводишь парней с ума желанием увидеть, что же прячется под тканью. Это словно бесконечное поддразнивание". Дамы и господа, познакомьтесь, мир в представлении Айрис.

Прямо сейчас я была бы более рада длинной растянутой футболке и пижамным штанам. Я хочу уйти домой.

Вытирая руки, я в последний раз тяну вниз свою футболку, а затем выхожу из уборной. Только для того, чтобы оказаться на пути Дрю.

Он прислонился к стене коридора, ведущего к туалетам. Это так напоминает мне о том первом разе, когда мы прикоснулись друг к другу, что в результате мои колени подкашиваются. У него за спиной я вижу, что клуб погрузился во тьму, и начала играть музыка. Здесь же, кажется, слишком светло. Каждая черта его лица, насыщенный золотистый цвет его глаз, незначительный намек на ямочку на его левой щеке — все это видно. И все это так знакомо мне. Слово повторение одной и той же истории, от чего я гадаю, как бы повернулась моя жизнь прямо сейчас, если бы я ушла от него тогда в первый раз, когда мы столкнулись в темном коридоре. Но я не ушла. И вот мы здесь. И я разбита.

Вижу, как ему больно. Его внимание направленно на меня, чего не было уже долгое время, сейчас же я словно одновременно укутана теплым одеялом и острыми лезвиями. Он начинает разговор первым, и его маслянистый голос звучит так хорошо, что мне требуется прижать свои ладони к шершавой стене, чтобы устоять и не прикоснуться к нему.

— Спасибо за книгу, — его выражение лица не выражает ни единой эмоции, кроме морщинок в уголках его глаз, будто один взгляд на меня вызывает у него жжение в глазах.

Мои глаза несомненно тоже горят от взгляда на него.

— Спасибо за обложку альбома. Это было... Ну, я влюбилась в нее, — черт. Сейчас я восторгаюсь.

Он немного хмурится, но затем кивает.

— Аналогичная история с книгой, — его взгляд встречается с моим, и его слова кажутся напыщенными. — Я влюбился в нее тоже.

Жар наполняет мое тело. Я не могу этого сделать. Я не могу стоять так близко к нему и не прикасаться. Я бросаю взгляд в направлении бара, гадая, может ли Камэрон меня увидеть, может ли девушка Дрю его разыскивать. Все эти чувства неправильные, словно мир перевернулся вверх тормашками.

Дрю замечает то, куда я смотрю, и его плечи замирают, от чего он кажется выше. В тоне его голоса слышна горечь.

— Я вижу, ты нашла своего эмо-мальчика.

Я пораженно бездумно пожимаю плечами.

— Если быть точной, то он, скорее хипстер, чем эмо, — когда Дрю сердито смотрит на

меня, я продолжаю бросать колкости. — Разве твоя девушка не будет волноваться о том, где ты пропал?

Уголки его губ изгибаются. Это не улыбка.

— Да, верно, у нас свидание. Вижу, ты знакома с этим термином, несмотря на все попытки доказать обратное.

— Я не встречаюсь с кем-либо на постоянной основе, как некоторые, но все же пытаюсь выбираться из дома, — что я делаю? Я не хочу его ранить. Я просто хочу уйти отсюда.

— Ты следишь за тем, с кем я встречаюсь, Анна? — спрашивает он нежно, ухмылка искажает его лицо.

Я хочу ударить его по губам. Я хочу закричать на него за то, что он перепахивает все женское студенческое общество, тогда как менее месяца назад заявил, что я была его.

— Нет, Дрю, — говорю я, неожиданно почувствовав усталость. — Я просто знаю твой стиль поведения.

Он отталкивается от стены и плавно передвигается ко мне. Какой-то большой части меня нравится то, как он оттесняет меня. Я люблю все, что связано с его силой и пылом. Его знакомый запах вызывает боль в моем сердце, а мое тело оживает. *Да, прошу,* — говорит оно мне.

Он наклоняется ближе, так, что его нос почти касается моего, а его голос прокатывает по мне волной, от чего по телу разносится дрожь.

— Я никогда не смотрел на другую девушку, когда был с тобой. Никогда даже не помыслил ни об одной из них. Ни разу.

Я вынуждаю себя встретиться с ним взглядом, наши губы тоже слишком близко друг к другу.

— Я тоже не смотрела ни на кого. Лишь на тебя.

— Тогда почему... — он перебивает сам себя, матерясь и ударяя кулаком по стене.

Я подпрыгиваю, готовясь сбежать, но он зажимает меня в клетке своего тела: его лоб прижимается к стене, а дыхание вырывается из легких. Он так близок ко мне, что его грудь касается моей с каждым новым вздохом. И я дрожу от потребности схватиться за него. Но все же не делаю этого. Я могу ощутить его гнев. Он исходит от парня словно вибрации.

— Нам могло бы быть так хорошо, — говорит он.

Но прежде чем я отвечу, Дрю отталкивается от меня так быстро, как может лишь звезда легкой атлетики. Он отходит. Возвращаясь к своему свиданию.

А я двигаюсь в другом направлении, когда он хватает меня. Одна его ладонь накрывает мою щеку, а другая ложится на мою спину, проскальзывая под футболку и касаясь моей голой кожи. Через секунду его рот яростно накрывает мой. И мое тело становится сверхновой звездой. Его язык скользит глубоко в мой рот, а его губы вжимаются в мои, и это ощущается столь хорошо, что в результате я стону. Это всегда так прекрасно. Я не могу насытиться им. Я поглощаю его рот, играя с языком Дрю. Мое дыхание сбивается, когда резко оказываюсь зажатой между твердой стеной и его грудью. Сладостное облегчение.

Дрю.

И затем он снова отталкивает меня. Я, шатаясь, делаю шаг назад. Его глаза мутные, полные боли, сожаления и хуже всего, отвращения.

— Так чертовски хорошо.

И он оставляет меня там, сползая на пол по стене.

Drew

К СЛОВУ ОБ ошибках, эта была довольно колоссальной. Она была чертовски глупой. Черт, мне не следовало идти за Анной к уборным. И уверен, что, черт возьми, мне не следовало ее целовать. Мои ребра болезненно сжимаются лишь от одной этой мысли. Держать ее, ощущать эти мягкие пухлые губы еще раз было и агонией и экстазом. Я все еще чувствую ее вкус у себя во рту. Я не выпил еще ничего с тех пор, как поцеловал ее, потому что какая-то отчаянная часть меня не хочет смывать ее вкус с моего языка. Короче говоря, я ненормальный.

К сожалению, мой разум покинул это помещение в ту секунду, когда я увидел, как мистер Гадость положил свои чёртовы руки на Анну. Все, на что я был способен, так это собраться с силами, чтобы не пойти через толпу народа и не разбить морду этому мальчику-эмо. Святое дерьмо, наблюдать за тем, как его пальцы ласкали шею Анны, при этом зная, какая на ощупь ее кожа, зная, что я никогда больше не смогу так сделать — это все сломило меня. Ничто не могло меня удержать от преследования ее, от того, чтобы коснуться ее и позволить ей просто вспомнить, что она потеряла.

Великолепный план. Вот только сейчас я тоже очень четко вспоминаю, что именно утратил.

Испытав истинную ревность, я могу уверенно сказать, что это отстойное ощущение, и я не хочу почувствовать его снова. Эта эмоция распространяется словно эпидемия, пожирая тебя изнутри множеством своих огромных зубов.

Я тру то место в центре своей груди, а затем выныриваю из тумана, в котором барахтался последние несколько минут. Иисусе, я здесь с другой девушкой. Мне не следует думать о той, которая меня не захотела.

Я глубоко вдыхаю и встречаюсь лицом с... Дерьмо. Как ее имя?

В темноте салона моей машины ее глаза сияют, когда девушка смотрит на меня. Она красивая. Они все красивые, те девушки, которых я приглашаю на свидания без намерения продлить это дольше, чем на одну ночь. Черт, они все выглядят очень похоже, те же черты лица, то же строение фигуры, вкус в выборе одежды. Всеамериканский тип энергичной девушки из студенческого общества. Почему я раньше не замечал Анну? А еще и обвинил ее в однотипном выборе противоположного пола.

Горечь наполняет мой рот.

Моя девушка на одно свидание улыбается.

— Это было... мило.

Мило. Верно. Мы были в клубе десять минут, до того как я исчез, чтобы засунуть свой язык в горло другой девушке, а потом незамедлительно вернуться и утащить ее оттуда так быстро, словно в здании разгорелся пожар. И правда мило, нечего сказать.

— Ага, — я откашливаюсь. — Извини, но я сегодня устал. Мы много тренируемся. Ложь. Но кажется, девушкам это нравится.

Эта не отличается от других. Она снова улыбается, и в ее глазах светится сочувствие.

— Все в порядке. Твоя преданность команде восхищает.

Скажи это парням, большинство из которых хотят убить меня прямо сейчас.

— Спасибо... — блядь. Да *как* же ее зовут? Стэйси? Нет. Шэннон! — Шэннон.

Я приготовился к возражениям, так, на всякий случай, если я ошибся, но девушка улыбается так, словно я наградил ее высоким званием.

Так как мне больше нечего ей сказать, я возвращаю все свое внимание на дорогу. Почему я вообще ушел вместе с ней из клуба? Это было глупо. Я чувствую удушье. Я не могу поехать домой так скоро. Я включаю радио в отчаянной попытке заполнить тишину. Джек Уайт поет о влюбленности в призрак, для поцелуя которого ему не хватает смелости. Я нажимаю на кнопку отключения радио с большей силой, чем необходимо.

Слава богу, мы сейчас уже перед домом ее студенческого общества, потому что я не думаю, что смог бы проехать еще хоть милю. Я останавливаюсь, достаточно резко выжимая тормоз, от чего нас обоих немного бросает вперед.

И словно Шэннон ждала этого момента, она поворачивается ко мне на своем сидении и выжидающе смотрит. Язык ее тела кристально ясен, начиная от того как она наклоняется ко мне и заканчивая ее взглядом, который мечется от моего рта к глазам. Она хочет, чтобы я ее поцеловал.

Мои пальцы напрягаются вокруг руля так, что тот скрипит.

Я не буду целовать ее в этой машине. Не там, где я впервые испробовал вкус губ Анны. Просто образ другой девушки на пассажирском сидении моей машины ощущается как пощечина. Это неправильно. Здесь должна быть Анна. И в некотором роде она и правда здесь. Преследует меня с каждым моим вдохом. Моя зона комфорта сейчас фактически разрушена, от чего мне хочется ударить что-то кулаком.

Отстегнув ремень, я распахиваю дверцу машины и выскакиваю в холодную ночь. Глубоко вдыхая, я огибаю машину и открываю дверь для своей сегодняшней девушки.

Не колеблясь, она скользит своим телом напротив моего, когда выбирается из авто. Черт.

— Итак, — бормочет она, прижимая ладони к моей груди, — спасибо, что вывел меня погулять сегодня вечером.

Я медленно отодвигаюсь назад, захлопывая пассажирскую дверцу своим бедром. Она следует за мной, и ее руки поднимаются к моей шее.

— Ага, уверен так и есть, — я говорю, как идиот. Я и есть идиот. Почему я вообще вышел сегодня из дома?

Ее глаза глядят на меня. Ожидая.

Нет. Этого не случится. Я не могу вызвать в себе даже чуточку энтузиазма. Но затем я думаю о том, что сегодня Анна отправится домой с мистером Гадость. Она двигается дальше. Хмурясь, я наклоняю свою голову ближе к девушке, которая хочет меня. Розовые губы приоткрываются, приглашая. Но я останавливаюсь.

Просто сделай это. Сделай это и тоже двигайся дальше. Поцелуй уже гребаную девчонку.

Она забирает шанс принять решения из моих рук. Ее губы прижимаются к моим. Это ощущается неправильно, ее губы неправильной формы. Она пахнет неправильно, сладкими

цветами вместо теплых пряностей. Неправильно, неправильно, неправильно. Все мое тело испытывает отвращение. Я отскакиваю назад, вырываясь из ее объятий и что-то невразумительно мямля. Иисусе. Мой член, кажется, увял в моих шортах.

— Извини, — говорю я ей просто.

Жар заливает мое лицо. Я должен был оказаться способен хотя бы на поцелуй. Она милая, в конце концов. И жаждет меня. Но вместо этого мою плоть скрючивает. И это расстраивает меня в конец. Я заражен Анной. Я хочу пробить дыру в крыше своей машины.

Неуверенно смеясь, я отступаю в сторону так, что моя задница ударяется о машину.

— Я хм... — *абсолютно больной* — ... устал.

— Ага... — ее рот неправильной формы искривляется в полуулыбке. — Ты уже говорил это.

— Верно, — боже, просто помоги мне выбраться отсюда.

Но прежде чем я могу сбежать, она снова начинает говорить своим странно нейтральным тоном.

— Это из-за неё?

Я так сильно вздрагиваю, что мой локоть ударяется об окно машины.

— Неё?

Шэннон подмигивает мне.

— Ну, ты знаешь, рыжей из бара, — я не очень-то скрытен. — Она та, с кем ты порвал недавно? Она и есть Рыжая Курица?

— Рыжая Курица? — повторяю я, а моя голова начинает гудеть. Что. За. На фиг?

Девушка посылает мне успокоительный взгляд, но я очень далек от состояния спокойствия. Я вижу блеск в ее глазах, выдающий желание поделиться сплетнями. Она и правда думает, что я хочу говорить с ней об Анне? И опять же: Рыжая Курица? О, черт, нет.

— Ты знаешь, — говорит она, — одно из прозвищ, что ей дали в Твиттере и Инстаграме.

Уродливое болезненное чувство давит мне на плечи. С секунду я могу лишь смотреть на эту девушку, пока у меня в ушах нарастает шум.

— Что, чет побери, они еще говорят?

Не обращая внимания на мою более чем очевидную ярость, она отвечает:

— Что ты бросил какую-то рыжеволосую посреди двора кампуса.

Тот день все еще ранит меня. Слыша о нем еще от кого-то, я чувствую боль в груди.

— Почему они зовут ее Рыжей Курицей? — мой голос звучит так, словно исходит из длинного туннеля. Знает ли об этом Анна? Она бы возненавидела это. Возненавидела.

— Я не знаю, кто именно дал ей это прозвище.

— А что оно означает? — мое сердце колотится так сильно, что это ранит. Как правило, я держусь подальше от социальных сетей. Явно, что парни скрывали что-то от меня, потому что обычно они рассказывают мне о любой бессмыслице.

Шэннон переминается с ноги на ногу. Ее неожиданная скромность заставляет меня надавить на нее сильнее.

— Предполагаю, это потому что она пыталась заманить тебя в отношения. Ну, знаешь, забеременев.

Земля, кажется, качается подо мной, а холодный пот выступает на коже. Святое дерьмо. Анна беременна? Она не выглядела... Черт, как вообще выглядит ранняя беременность? Но она бы сказала мне об этом сегодня вечером, верно? И опять же, я довольно упорно напирал на Анну, чтобы ей было так уж просто открыться в данном вопросе. Святое чертово дерьмо,

но если она...

Меня сейчас стошнит. Прямо здесь, на тротуаре Шэннон. Тем не менее, мгновенный ужас сопровождается странным видом ликования. Если Анна беременна, я пойду к ней и уже не отстану. Чертова гордость.

Почему-то я не могу сказать и слова. Чудо, что мне удастся выдать из себя следующее:

— Почему люди думают, что она беременна?

Возможно, Шэннон наконец замечает, что я почти сошел с ума, потому что она съезживается.

— Почему! — ору я в ночной тиши.

Шэннон глубоко сглатывает, ее глаза становятся круглыми.

— Ну, ты, ах... вероятно кричал на нее за то, что ваши отношения были всего лишь интрижкой и ну, ушел совсем расстроенный, а она стояла, обхватив себя за живот, так что...

Итак, нет никаких доказательств беременности Анны. Просто дураки пришли к неправильному выводу и сунули свои носы, куда их не просили, в чужое дело. Даже несмотря на то, что облегчение накатывает на меня, звон в ушах не прекращает становиться все громче.

— Итак, вы все думаете, что я бы обрюхатил девушку, а затем публично бросил ее, когда она сообщила мне об этом?

В относительной темноте я могу видеть, как румянец заливает ее щеки.

— О... ну...

Мурашки бегут у меня по коже.

— И притом что ты веришь в это, ты все равно хотела пойти со мной на свидание? — ладно, сейчас я, наверное, ору. Черт, это чудо, что в этот раз я не кричу, обращаясь к небу. Вот, что люди думают обо мне?

Шэннон делает шаг назад.

— Я не винила *тебя* в этом, — словно беременность — это всецело вина Анны.

— Ну, тебе следовало бы, — восклицаю я. — Если бы это была правда. Тебе следовало бы держаться подальше от такого мудака, который ведет себя подобным образом.

Она тупо смотрит на меня, словно я сошел с ума, а тем временем меня захлестывает ярость. Что, вашу мать, не так с это девушкой?

Я делаю вдох, не желая пугать ее еще больше. Я намного крупнее ее и даже притом, что мне не терпеться уехать, не круто вызывать у девушки страх.

— Послушай, — говорю я, притворяясь спокойным, — что бы ты там не услышала, это неправда. Да, это была та самая девушка и да, мы порвали. Но это было взаимное решение, — я слегка морщусь от собственных слов, но на деле это правда. Анна не хотела отношений, и я не мог притворяться, что тоже не хочу этого. — Она милая девушка. И меня тошнит от того, что люди думают по-другому.

Широко открыв глаза, Шэннон кивает, словно от этого зависит ее жизнь. Она прижимает руки к своей груди. Я вижу в ее глазах страх, и вина сжимает мой живот.

— Мне нужно идти. Прости, — не уверен, что еще могу сказать. Мне просто нужно убраться отсюда.

В тот момент, когда возвращаюсь домой и открываю свой ноутбук, мои руки дрожат. Тошнота скручивает мой желудок, пока забиваю в поисковике Твиттера свое имя и читаю кучу тэгов. Результат более чем 140 твиттов чистейшего зла. Предположения на тему,

почему я спорил с фигуристой рыжей. Полные ненависти комментарии об Анне, которая разбила мое сердце и высосала мою кровь, а затем я нахожу фото.

Мои зубы сжаты. Вот я нависаю над Анной, которая рядом со мной выглядит крошечной. Я монстр с мускулами и вздутыми венами на моем виске. Я никогда не ощущал такого стыда. Анна бледная, ее подбородок приподнят в знак неповиновения. Это я помню. Но я никогда не видел последствия. А вот фото меня, идущего прочь, униженного и поглощенного своей собственной болью. Мое лицо искажено. И еще одно фото Анны.

Она прислонилась к дереву, прижимая руки к своей талии, ее прекрасные глаза смотрят в небо, словно у него есть какие-то ответы. Боль пронизывает черты ее лица. Дрожащими пальцами, я почти касаюсь экрана. Ее боль отражает мою собственную.

Совершил ли я ошибку, порвав с Анной? Имеет ли это еще значение? Сейчас она встречается с мистером Гадость. Но я не могу упустить из виду тот факт, что один публичный спор свалил на ее голову столько грязи со стороны общественности. Я никогда не хотел для нее этого. После прочтения ненавистных твиттов, как я могу обвинять ее в нежелании видеть меня?

Впервые в своей жизни я боюсь выходить на поле и снова играть. Потому что все они наблюдают за мной по ошибочным причинам.

Я ТАК БЛАГОДАРНА за осенние каникулы, что могу расплакаться. Мне не только придется сталкиваться с Дрю во время занятий, но еще и нужно уехать. Впервые за несколько лет, моя мама — это гавань, в которую я хочу убежать как можно быстрее.

Еще лучше то, что во время этого визита мне не придется видеться с Терренсом. В прошлом месяце, когда мама озвучила свои мысли против продажи дома ее детства, Терренс взбесился, сказав ей, что она не имеет никакого права убивать их мечтания из-за своей трусости. Мама осознала, что это не было ее мечтой, а скорее его. Через две недели старина Терренс уехал на Багамские острова с грумером (*занимается стрижкой и гигиеной домашних животных — прим. пер.*) своего чау-чау.

Обед на День Благодарения проходит в унылом настроении. Мама часто приглашает людей провести с нами этот праздник, просто друзей-одиночек, которые не могут отпраздновать его дома со своими собственными семьями. Когда я была младше, то была против этого, потому что не хотела делиться ею с другими людьми. Не из-за того, что видела свою работающую маму лишь во время ужина.

Когда я стала старше, я постепенно начала ценить звук смеха и интересных бесед во время тех праздников. К сожалению, в этом году моя мама не пригласила никого. Я знаю, что это из-за того, что они начали бы спрашивать о Терренсе, а разрыв еще слишком свеж для нее. Я сочувствую ей. Очень. Вот только предпочитаю чем-то отвлечься. Сейчас здесь только я и мама. И пустой тихий дом.

Мы вместе готовим, и я пытаюсь найти какую-то отвлеченную тему для беседы. Обычно это не является проблемой, но с тех пор, как все, что я хочу делать, это свернуться в кровати и плакать, мне сложно свободно общаться с людьми.

Моя мама заполняет пустоту, разговаривая на разнообразные темы. Говорит о своей практике. О ее подруге Сильвии, которая думает, что у нее может быть булимия. О новом увлажняющем креме, который мама купила и влюбилась по уши. И все хорошо. Вот еще бы эта болезненная, огромная дыра во мне заполнялась по мере того, как я откусываю еду, а не наоборот увеличивалась еще сильнее. Если бы только я могла ощутить тепло вместо холода. Мои стены больше не могут выдержать натиска. Я могу взорваться в любой момент. Прямо на шикарный турецкий ковер моей мамы.

Десерт, как всегда, мама подает в гостиной, пока в старом камине горит огонь, а мы сидим на диване типа Честер, который мама в прошлом году обила новым кремовым льном. Когда мама безумствовала, устраивая дома ремонт, то заменила дровяной камин на газовый, и хотя пламя танцует, выглядя довольно живо, я все равно скучаю по запаху горящего дерева.

В доме Дрю камин на дровах. Я представляю его перед ним, как он поправляет полена и подготавливая растопку. Там ли он сейчас? Может он с Греем? Боже, я надеюсь на это. Сама идея, что Дрю может быть в одиночестве, вызывает в моем сердце физическую боль. Я

откусываю супер большой кусок чизкейка и стараюсь не подавиться им.

— Что с тобой происходит, Анна?

Я почти подпрыгиваю на месте. Я и не заметила, что мама пристально наблюдала за мной. Хотя мне не следует этому удивляться. Даже притом, что она постоянно делает вид, будто ее ничего не волнует, по факту, она все замечает.

Я провожу зубчиками вилки по блестящей поверхности чизкейка. Я могла бы увильнуть от нежелательного внимания, но в случае общения с мамой, проще сказать правду. Это схоже со срыванием пластыря одним рывком.

— Я кое с кем рассталась.

— Мне жаль это слышать, дорогая.

Моя вилка оставляет глубокие борозды на торте.

— Все зашло не слишком далеко. Мы на самом деле не подходили друг другу, — боже, ложь душит меня. Меня вот-вот вывернет съеденным мною в этот праздничный день обедом прямо здесь, на пол гостиной. Глубоко вдыхая, произношу. — Но думаю, я ранила его и сожалею об этом, — возможно, я непоправимо ранила и себя саму, но мы сейчас говорим не обо этом.

Мама мудро молчит, а затем встает и идет готовить для меня чашечку эспрессо. Это предоставляет мне достаточно времени, чтобы выровнять мое сбившееся дыхание и унять дрожь губ. Когда она возвращается, я спокойна.

— С дополнительными *сливками* наверху, — говорит она, ставя передо мной на стол крошечную белую чашку.

— Спасибо, — богатый, глубокий аромат эспрессо дарит мне такой необходимый комфорт.

— Мам, — говорю я, сделав долгожданный глоток, — ты думала, мой отец был... именно тем? Ну, знаешь, когда ты впервые его повстречала?

Как обычно, упоминание о моем отце вызывает у мамы бледность и прохладное выражение лица. Она делает глоток своего кофе.

— Тяжелая правда?

С тех пор, как я была ребенком, она всегда спрашивала меня, хочу ли я получить суровый вариант или смягченный. Меня огорчает осознание, как часто я просила легкую версию истины. Но не сегодня.

— Говори как есть, — отвечаю я.

— Вообще нет, — говорит моя мама, вздыхая.

Я сажусь прямо.

— Тогда почему ты вышла за него замуж?

Она проводит рукой по своим идеально уложенным волосам — настоящий признак ее стресса; она бы никогда не рисковала испортить свою прическу.

— Потому что я хотела, чтобы он был именно тем. И возможно... — она слегка пожимает плечами, ее темные волосы скользят на спину. — Возможно, если бы он остался, то мог бы им быть.

Вкус кофе становится горьким у меня во рту. Я отставляю свою чашку и подгибаю под себя ноги.

— Но если бы он был именно тем, он должен был бы остаться. И ты бы знала, что он тот с самого начала. Верно? То есть было бы ощущение, что все идеально, — это глупый аргумент, но сама идея того, что мой отец мог бы стать истиной любовью моей мамы,

сбивает с толку.

Мамин легкий смех наполняет комнату.

— Ты думаешь, любовь не требует, чтобы над ней работали? Думаешь, ее не нужно возвращать? — ее волосы покачаются, когда мама мотает головой. — Конечно же, это не так.

Я снова откидываюсь на подушки, дуясь.

— Честно, мам? Я шокирована тем, что ты все еще веришь в любовь.

— Почему? — ее глаза прищуриваются до узких щелочек.

— Потому что, ты... — я расстроено вздыхаю. Я не хочу ее ранить, но мой безумный рот уже извергает слова. Сейчас я не могу уже забрать их обратно. — Все эти парни... — я смолкаю, отводя взгляд. Жар от мерцающего огня стягивает кожу на моих щеках.

Моя мама смотрит на меня, прожигая мою кожу взглядом.

— Потому что я терплю неудачи в любви?

Я тупо киваю. И она пьет свой кофе, тоже глядя на огонь. Дзиньканье ее чашки о блюде прерывает наше молчание.

— Почему ты думаешь, я продолжаю пытаться, Анна? — грусть подавляет ее мягкий голос.

И когда я осмеливаюсь взглянуть на нее, то вижу, что морщинки вокруг ее глаз углубились.

— Нет, я не нашла свою любовь, — говорит она. — Не ту, что длилась бы по сей день. Пока что нет. Но она существует. И мне больно думать, что из-за моих ошибок и промедления, ты стала такой циничной.

Все мое лицо заливается жаром и покалывает от сильного желания заплакать. Чертов ад, никогда не плакала так много за всю свою жизнь, как за последние несколько недель. Ненавижу это. Ненавижу тот огромный ком сожаления и отвращения, что поселился у меня в животе. Притягивая колени к груди, я обнимаю сама себя. Однако, мне по-прежнему холодно, я не ощущаю опоры под ногами, словно утратила что-то важное.

Голос моей мамы становится резким.

— Мне ненавистно говорить тебе это, но сейчас ты напоминаешь мне своего отца.

Это словно удар в живот. Я резко выдыхаю.

— Это низко. И несправедливо. Я не похожа на него ни в чем. *Ни в чем*, — я так сильно старалась быть не похожей на них обоих.

Она поджимает губы и приподымает брови. Мама знает, что буквально повалила меня на колени. Я расплачиваюсь за то, что сказала ей. Даже если она не признается в этом.

— Ну, — говорит она, — он тоже сдался, когда все стало сложным. Он никогда не хотел даже попытаться. Всегда выбирал простой путь.

— Если ты думаешь, что я ищу простых путей, — цежу я, — то ты ошибаешься.

Мама ставит чашку на журнальный столик.

— Возможно и так. Но ты все еще прячешься в своем несчастье, вместо того чтобы выйти в неизведанную зону.

Я вскакиваю на ноги, прежде чем успеваю об этом даже подумать.

— Я иду спать.

Мои ступни топают по плюшевому ковру, вырывая меня из когтей собственной матери. Но ее слова следуют за мной, и я не могу отбросить ее финальную реплику:

— Что ж, ладно, Анна. Убегай. Но в результате ты почувствуешь себя еще хуже.

Иногда я и правда ненавижу свою мать.

Я возвращаюсь в кампус в субботу ночью и осознаю, что мне нужно уволиться с работы. Я решаю это в тот момент, как открываю электронное письмо от Дэйва и читаю расписание мероприятий, которые мы обслуживаем. Нас наняли на завтрашний футбольный матч. Что за черт?

— У меня семейные проблемы, — выпаливаю я, когда звоню Дэйву. Кроме того, что это самая хреновая отговорка в мире, так она еще и абсолютно лживая. Мои планы на выходные включают приготовление огромного количества брауниз, просмотр фильмов без романтических сюжетных линий, а затем игру в прятки под одеялами и просиживание там до начала занятий.

Однако Дэйв очень вредный.

— Тогда ты должна была сообщить об этом две недели назад, когда я составлял график.

— Может, я могу поменяться с кем-нибудь сменами?

— С кем? Я задействовал всю команду для обслуживания этого вечера. Это последняя игра перед плей-офф.

Последние проигрыши дали шанс конкурентам команды Дрю. Что, все, кроме меня, воспринимают крайне серьезно. Для Дрю — это последние шаги на пути к Национальному чемпионату. На мгновение я задаюсь вопросом, как он себя чувствует, нервничает ли. А затем вспоминаю, что я запретила себя думать об этом парне. Однако весь остальной мир считает должным говорить о нем. Волнение об игре и обсуждение шансов команды так и слышно по всему кампусу на протяжении последних недель.

Тон Дэйва отнюдь не сочувственный.

— Извини, но видимо тебе не везет.

И в результате, я работаю, организовывая кейтеринг во время игры Дрю.

Чтоб. Мне. Трахнуть. Эту. Утку.

Обычно это полный улет. Роскошная еда нагрета и подана, пока все отмораживают свои задницы на улице. Мне просто нужно накрыть фуршет и подготовить винный бар, а затем следить, чтобы все было чистым. Вот только я не смогу избежать просмотра игры. Или не смогу ее не слышать. Радио нашего колледжа проигрывается со всех динамиков, выдавая детальные подробности о прогрессе Дрю, пока я пытаюсь сосредоточиться на своей работе.

Университетские шишки и их друзья расслабляются, набивая свои животы и составляя мнение о Дрю и его коллегах по команде.

— Грейсон выглядит хорошо, — говорят они. — Но Бэйлор сдал позиции. Не знаю, что он себе думает, бросай чертов мяч, парень!

Я хочу сказать этому мужчине, чтобы он на хрен заткнулся или вышел сам на поле и сыграл. Но прикусываю язык.

— Он открыт. Джонсон открыт. Бросай же, черт побери!

В комнате раздаются стоны, когда по радио диктор оглашает незаконченный маневр. Я не могу сдержаться и бросаю взгляд. На Дрю, на реального мужчину и его двойника по телевизору, который держит свои руки на бедрах и смотрит на траву. Он отчетливо произносит матерное слово, а затем поворачивается к своей команде.

— Он проиграл несколько последних игр, — отмечает мистер Всезнайка.

И хотя парень рядом с ним молчит в ответ, я все еще слышу, как мужчина бормочет.

— Девчачьи проблемы.

Чертов мудака.

Но, боже, неужто это то, что думаю люди? Мой желудок сжимается.

Должно быть это потому, что этот мудака не единственный, кто не доволен игрой Дрю. Радиодиктор продолжает рассуждать о том, как облажался Дрю за прошлый месяц. И как ему нужно взяться за ум, потому что эта игра очень жестока.

И это так. Каждое столкновение Дрю вызывает в моем теле дрожь. Колонки так близко к нам, что я могу расслышать, как на поле плоть ударяется о плоть, как кто-то фыркает. Команда противников состоит из крупных долбанных парней из Алабамы, которые сбивают с ног Дрю и его ребят.

Грейсон хромает после повторного жесткого падения, он явно пытается отбросить боль в сторону; Дрю же поднимается медленнее после каждого следующего столкновения с защитой противников. Но он все еще держится. Он выигрывает, даже не смотря на то, что очевидно, это забирает у него все силы.

К тому времени, когда между таймами объявляют перерыв, я — сплошной комок нервов. Моя шея болит, и я только могу представить, как себя чувствует Дрю. Живое воспоминание о его бедре и насыщенных черных синяках всплывает в моем сознании. Я бы целовала и облизала его израненную плоть. А он бы запустил свои пальцы мне в волосы и держал возле себя, словно я для него единственная имеющая значение.

Правда накатывает на меня словно бурная волна, и в результате я резко всасываю воздух. *Он* для меня единственный имеющий значение. Я знала это, но до сегодняшнего дня никогда полностью не позволяла себе ощутить пустоту от его потери в моей жизни. Чувство настолько сильное и острое, что меня почти пошатывает.

От наворачивающихся слез болят глаза, пока я возвращаюсь на крошечную кухню, чтобы захватить еще одну тарелку с куриными пальчиками. Слепо глядя на банку с соусом барбекю, я ощущаю, как онемело мое тело, как ком образуется у меня в горле, угрожая удушьем.

Я стала тем, кем никогда не хотела становиться, — никем, тенью, прячущейся по углам, боясь, что ее осудят. И именно я сделала это с собой, поверив мнению других людей о себе, играя в эту игру и прячась, словно я и правда настолько ужасна. Самое худшее в этом то, что я думала, будто делаю совершенно противоположное, думала, что была сильна и не лажала.

Что за хрень. Если на то пошло, я волнуюсь слишком сильно. Я волнуюсь о мнениях неправильных людей, безликих чертовых людишек, которым никогда до меня не было дела, а я все время прятала голову в песок, переживая о том, что они подумают.

— Боже, — мой кулак ударяется о столешницу с неестественной силой. Опираясь о стол, я раскачиваюсь взад-вперед, пытаюсь сморгнуть слезы. Я не могу в это поверить. Я была так глупа. Так слепа. — *Боже*.

В соседней комнате толпа радостно кричит. Так что я резко вдыхаю и вытираю глаза внешней стороной ладони. Странное чувство легкости подхватывает меня. И мои плечи распрямляются. Но глубоко внутри я все еще ощущаю боль. Дыра все еще там.

Дрю. Только он может заполнить эту пустоту.

Когда игра закончится, я пойду к нему. Я расскажу ему все. Буду умолять о еще одном шансе, если это потребуется. *Мы могли бы быть такой замечательной парой*. Нам было так хорошо вместе. Я была просто слишком труслива, чтобы в это поверить.

Когда возвращаюсь к обслуживанию гостей в ложе, то ощущаю себя уставшей, но более спокойной, словно я плакала всю ночь, но наконец, сумела перевести дыхание и успокоиться. Игра продолжается, и зрители занимают свои места на трибунах.

Я собираюсь поставить тарелку на стол, когда это происходит. Словно я могу заранее ощутить подкрадывающуюся опасность. Моя голова поворачивается к широким окнам прямо в тот момент, когда мужчины и женщины в ложе начинают кричать. Все замедляется. Мои глаза прищуриваются, концентрируюсь на массивном полузащитнике, врезающемся в Дрю и отбрасывающем его в сторону, пока еще один громила подходит к нему с противоположной стороны.

Дрю падает. Его нога подворачивается под странным углом. И он кричит. Звук, подобный дикой агонии. Он разлетается по ложе и стадиону. Ревущая толпа вмиг затаила дыхание, от чего воцаряется гробовая тишина.

Тарелка падает на пол, а кусочки жареной курицы разлетаются по сторонам. Кто-то поворачивается и смотрит на меня. Но я уже бросаюсь бегом из комнаты.

В САМОМ ЦЕНТРЕ стадиона царит хаос. Репортеры и игроки мечутся повсюду. Люди кричат, и через мгновение среди толпы появляются представители охраны. Мой бейджик персонала кейтеринга позволяет зайти достаточно далеко, но все еще не настолько, как хотелось бы. Меня останавливает бдительный охранник в раздевалке.

— Я его друг, — неистово кричу я. *Дрю. Дрю.*

— Ты и все остальные, сладкая. Дайте нам передышку, и пусть врачи осмотрят парня в тишине и покое, — охранник перемещается так, чтобы суметь закрыть дверь, когда я замечаю за его спиной Грея.

— Грей Грейсон! Грей! — кричу я.

Он останавливается и хмурится, глядя в сторону щели закрывающейся двери.

— Прошу, Грей!

Он по-прежнему хмурится, направляясь вперед и протискиваясь мимо охранника. Я хватаюсь за его руку, как только парень оказывается достаточно близко. Его кожа холодная и покрыта потом. Рядом со мной он кажется огромным зданием, красно-белой стеной в кроссовках и униформе. Его выражение лица мрачное и испуганное, от чего мне становится еще более страшно.

— Он в порядке? — пыхчу я. Мой захват на его руке усиливается.

Кадык Грея дергается, и когда он начинает говорить, его голос похож на скрип.

— У него сломана нога. Все плохо.

— О, Дрю, — шепчу я. Его сезон окончен. Может и карьера. Мне так жаль его. Обнимаю себя за талию, я заглядываю в лицо Грею. — Ты не мог бы проводить меня к нему?

Голубые глаза Грея полны подозрения. Словно он воспринимает меня в роли врага. Я не знаю, что именно Дрю ему рассказал, но это не к добру.

— Не надо ему надоедать. Если ты здесь, чтобы потарашиться...

— Да пошел ты, — я ударяю ладонью по его массивному подплечнику. — Черт меня побери, если я здесь ради этого.

Его лицо искажается, и парень делает шаг в мое личное пространство.

— Тогда почему ты здесь? Ты обращалась с ним, как с дерьмом, — вероятно, я морщусь, потому что он начинает усмехаться. — Ага, я знал. Ты не хотела его раньше, так почему же ты здесь сейчас?

— Потому что я... — у меня во рту пересыхает. Я не скажу этого Грею. Только Дрю. Но Грей смотрит так, словно хочет пробурить дыру у меня в голове, и он — тот, кто может отвести меня к Дрю. — Я волнуюсь за него, — это правда, но не полная. — Я не знаю, нужна ли ему, и хочет ли он меня вообще видеть. Но ему нужен кто-то. Он одинок и ранен, а я... — мое дыхание замирает. — Я хочу, чтобы он знал, что я здесь. Для него. Я... Я не хочу, чтобы он был одинок прямо сейчас.

Грей смотрит на меня практически вечно, а затем его плечи опадают.

— Послушай, сейчас они не позволяют никому его повидать, только тренерам. Они повезут его в больницу. Езжай домой, — его взгляд сканирует меня, и я осознаю, что моя одежда и руки покрыты соусами из медовой горчицы и барбекю, — прими душ, и я заеду за тобой. Мы сможем поехать к нему вместе.

Оставить Дрю — один из самых сложных поступков, которые мне пришлось сделать. К тому времени, как я возвращаюсь домой, мое тело дрожит.

Через час я сижу в грузовике Грея, и мы направляемся в больницу.

Наше молчание неловкое и тяжелое. Я знаю, что не нравлюсь Грею и не удивлена почему. Вина лежит грузом у меня на груди.

— Ты ошиблась в нем, — наконец-то говорит Грей.

Я отворачиваюсь от окна. И когда посылаю ему вопросительный взгляд, парень продолжает. — Дрю не спит с кем-попало. Он не практикует бессмысленный секс. По крайней мере не в последнее время.

Должно быть я выгляжу скептически — признаю, я немного шокирована — потому что Грей пожимает плечами.

— Ага, он был немного неотесанным пару лет. Мы все были такими. И да, он тискался с девушками направо и налево. Но это все, что они делали. Обнимались.

— Из доброты душевной, — я не могу сдержаться и не съязвить. Образ бесконечной череды девушек, как на подбор, словно они сошли с рекламы зубной пасты, не дает мне до конца поверить словам Грея.

— Нет, — говорит он, довольно терпеливо. — Скорее Дрю слишком ленив и непринужден, чтобы реально ухаживать за ними. Возможно, время от времени он баловался, но точно не трахался с ними, — Грей фыркает, когда я приподнимаю бровь. — Можешь не верить мне. Но это правда. Тренер забрасывает нас сообщениями о безопасном сексе постоянно. Дрю — звезда, и люди пойдут на любые сумасшествия, лишь бы переспать с ним. Ему могут предъявить поддельную беременность, изнасилование и всякую другую хрень, с которой обычные парни не имеют никогда дела. И ну...

— Что ну?

Грей чешет за ухом.

— Он обжегся. В начале третьего курса. Дженни, — он произносит ее имя словно ругательство. — Дрю и Дженни были вместе с конца второго курса. Она хотела выйти замуж.

— Когда им было по двадцать лет? — практически кричу я. — Это сумасшествие.

Он кивает, будто говоря: не учи ученого.

— Дрю ей так и сказал. Но Дженни хотела перестраховаться. Хотела быть уверена, что он не будет спать с кем попало, не найдет другую девушку, словно это было в стиле Дрю. Когда он сказал ей нет, что они слишком молоды. Она поставила ему ультиматум, и он ушел.

— Ну, это конечно печальная история...

— Через неделю, — перебивает меня Грей, — Дженни рассказала всем, кто только стал ее слушать, что Дрю бросил ее, потому что нервничал из-за футбола. Что он боялся проиграть. Что его руки дрожали после каждой тренировки. Она выставила на показ их

переписку. Выбрав те сообщения, которые вписывались в ее версию правды.

— Вот сучка.

Выражение лица Грея становится болезненным.

— Ты говоришь так. А они слушали. Пресса. Другие команды. Ты обнажаешь намек на свою слабость, и стервятники нападают. На Дрю нападали каждую игру. Так что сейчас он гадает на счет каждой своей девушки, не предаст ли она его.

Я откидываюсь на спинку кожаного сидения.

— Почему ты мне это рассказываешь? — я смотрю на Грея. — То есть, разве ты не должен прикрывать его спину, а не выдавать его секреты?

— Я и *прикрываю* его спину. Тебе нужно знать, что он не игрок. И если это все, кем вы стали, после...

— У нас с Дрю тоже были ошибки, — восклицаю я, но через секунду успокаиваюсь. — Я не выставляю их перед тобой. Но он для меня больше, чем просто...

— Перепих?

Мое лицо заливается краской:

— Серьезно? Ты правда только что сказал мне это?

Он смеется.

— В некотором роде, я сказал это ради того, чтобы увидеть твоё отвращение.

Пока Дрю оперируют кость, мы с Греем сидим в лобби больницы. Немного дальше по коридору группа девушек ошивается, очевидно ожидая появления Дрю. Они посмеиваются, когда замечают нас, и я закатываю глаза.

— Извини, — говорит одна из них, ее голос вовсе не вежлив. — Это ты Большая Рыжая Курица?

Мое лицо перекашивает. Рядом со мной Грей бормочет что-то себе под нос и трет своей большой рукой глаза. Вот значит как люди меня прозвали? Айрис и Джордж скрывали от меня это, не давая читать социальные сети, но я знаю, что сплетни распространяются, и люди судачат. Большинство из этих пересуд уродливы.

Медленно я разворачиваюсь. Передо мной оказывается четверо девушек. Загорелые, худые и самодовольные.

— Нет, — говорю я. — Я Анна Джонс.

Чрезмерно-подведенные-глазки ухмыляются.

— Ага, точно. Я не могу поверить, что ты здесь. Это типа жалость? Дрю бросил тебя.

Грей ерзает на своем месте, морщась. Я же остаюсь неподвижна, будто камень. Так много всего я могла бы сказать им в ответ о том, кто и почему плачевен в этом сценарии. И, да, часть меня ощущает горячий груз унижения и хочет отделаться от этого.

Однако я делаю глубокий вдох и сосредотачиваюсь на том, что действительно важно.

— Серьезно, что не так с вами? Разве я предоставила вам хоть одну причину вести себя со мной, как сучки? Знаете что, — говорю я, когда они открывают рты, — меня это не волнует. Я закончила со всеми вами. Трахайте мозги друг другу. Пошли вон, летучие обезьянки! Вон! — я отмахиваюсь руками, пока они не становятся свекольно-красными и не отходят в сторону, бормоча себе под нос несколько оскорблений.

Рядом со мной Грей смеется в свой кулак.

— Женщины — зло.

— Женщины восхитительны, — отвечаю я, не глядя на него, потому что я все еще раздражена. — Ты просто сталкивался с худшими представительницами нашего рода.

Он бормочет что-то в подтверждение моих слов, а дальше мы снова сидим в тишине. К тому времени, как Дрю переводят в его палату и приглашают посетителей, его тренер уже приехал и стоит словно грифон, блокируя дверь в палату. Когда Грей проводит меня к палате Дрю, его тренер отходит в сторону. Я почти ожидаю, что он обратится в Гендальфа и заявит: "Вы не можете пройти!"

Что он по сути и делает, однако в более вежливой форме.

— Извините, молодая леди, но посетителям вход воспрещен. Лучше будет, если вы сейчас отправитесь домой.

К сожалению для него, я не в настроении проявлять социальную тактичность.

— Я не уйду, пока не увижу Дрю. Он может сказать мне уйти, если сам захочет этого.

Тренер довольно большой мужчина, и когда он скрещивает руки на груди и расставляет ноги в стороны, то закрывает собой почти весь дверной проем.

— Дрю не в состоянии принимать решения. Я делаю это за него. Так что вы не можете войти.

Я улыбаюсь тренеру так мило, словно у меня есть все время мира.

— Я не один из ваших игроков и не ваша дочь. У вас нет полномочий говорить мне, что я могу, а чего не могу делать.

— Послушайте, молодая леди...

— Не используйте, — перебиваю я его, — это сексистское, снисходительное обращение по отношению ко мне снова. Вы можете называть меня Анна или мисс Джонс, если хотите сохранить формальный тон. Но только не "юная леди", — я приподнимаю бровь, глядя на него. — Если только вам не хочется, чтобы в ответ я называла вас "престарелым мужчиной", что в целом эквивалентно оскорбительно.

Стоя рядом со мной, Грей несколько раз откашливается, но я не одариваю его даже взглядом. Тренер Дрю смотрит на меня, словно у меня выросла вторая голова.

— Ладно, — говорит он, немного хриплым голосом, — предполагаю, Вы поставили меня на место.

— Я не пыталась сделать ничего, кроме как повидаться с Дрю.

— Тренер, — вмешивается Грей, — она девушка Дрю.

Девушка Дрю. Не совсем. Это так больно.

— Так она и есть причина, по которой он играл, словно ходячий мертвец? — глаза тренера Смита сурово смотрят на меня, от чего хочется свернуться калачиком.

— Так что он, вероятно, почувствует себя намного лучше, увидев ее прямо сейчас, а не нас с вами, — говорит Грей.

Я хочу обнять его, хоть и не уверена, что он прав.

Тренер Смит, кажется, думает так же.

— Я захожу, — говорю я. — Только попробуйте меня остановить, и все станет куда хуже.

На этот раз Грей не так успешно сдерживает смехок. Брови тренера Смита приподнимаются, но он отступает в сторону.

— Ну, если вы так настаиваете. Тогда разумеется.

Я направляюсь к двери, когда он пододвигается ко мне.

— Но если я услышу какие-либо признаки истерики, я вытащу вас оттуда и перекинув через плечо выволоку на улицу, мисс Джонс.

Мне начинает нравиться мужчина, который защищает своих игроков, словно

собственных детей. Я киваю, а затем открываю дверь в палату Дрю.

Прохладный воздух и запах антисептиков ударяет мне в лицо. Услышав звук открывающейся двери, он поворачивает голову, но через секунду быстро отводит взгляд. Его кровать приподнята внизу так, чтобы сломанная нога находилась выше его головы. Свет заходящего солнца проникает сквозь окно, окрашивая комнату в оранжевый; на фоне лучей его профиль кажется заостренным и четким. Его густые ресницы пронизаны золотым светом, когда Дрю моргает. Но в остальном он все еще неподвижен. Неподвижен. И хотя он большой парень, на больничной койке он кажется меньше.

Дрю не двигается, пока я подхожу ближе, но резко сглатывает, от чего из его горла слышится странный щелкающий звук. Его ноздри расширяются, а тело пробирает дрожь. Он так сильно пытается не обернуться. И это убивает меня.

Я не хочу его заставлять, потому просто обхожу кровать с другой стороны. Так, чтобы оказаться к нему лицом. Щелкающий звук из его горла становится громче. Он втягивает воздух через нос. Боже, он такой бледный и уставший.

— Дрю, — мой голос едва ли громче вдоха, и его нижняя губа начинает дрожать. Его взгляд бросается в сторону, словно парень не знает, куда смотреть, и готов сломаться в любой момент.

Я присаживаюсь возле него, и он прерывисто выдыхает. Качает головой, словно хочет сказать "нет, нет, нет", а его лицо становится еще краснее. Аккуратно я накрываю руками его щеки. Глаза Дрю зажимаются, однако, он льнет к моим ладоням, а по его щеке катится слеза.

— Детка, — шепчу я полным боли голосом.

Всхлип срывается с его уст. Он падает на меня, его голова льнет к моей груди, тогда как руки хватаются за заднюю часть моей футболки. Я притягиваю его ближе, насколько он позволяет. Сдавленные звуки, громкие всхлипы, слезы вырываются из него. Я сворачиваюсь вокруг его тела, защищая его, как могу, пока он плачет.

Я не говорю ни слова, не пытаюсь заверить его, что все в порядке, потому что это совсем не так. Я могу лишь гладить пальцами по его волосам, ласкать его широкую спину и медленно раскачиваться вместе с ним. Его захват на моей рубашке становится еще сильнее, словно я его жизненный якорь. И потому я прижимаюсь к нему ближе, чтобы Дрю мог почувствовать всю меня. Я — стена. Никто не сможет сломить меня сейчас. Я защищу его, всем, что имею.

Я теряю ощущение времени, и мои ноги немеют. Но я не жалуясь. Вскоре Дрю становится тяжелее, давя на мое тело. Но я знаю, что он не спит. Его ресницы щекочут мою шею, когда парень моргает.

— Мне так жаль, Дрю, — наконец-то шепчу я, и это не только на счет его ноги.

Возможно, он слышит меня, потому что вздрагивает и вздыхает. Я целую его в висок, оставляя влажный след на его скуле, его лбу, все это время глядя его. Нежно прикасаюсь к его шее, к его плечу, подбородку. — Мне так жаль, — говорю я снова.

Его большая ладонь открывается и прижимается к моей пояснице. Я ощущаю жар его губ у себя на шее, и его дыхание напротив моей кожи.

— Мне так жаль, Дрю.

— Анна, — просто мое имя. Но я слышу в нем покой. И потребность.

Сейчас мы держим друг друга в объятиях. И я не отпущу его.

Я ОСТАЮСЬ С Дрю, пока сотрудники больницы не выгоняют меня. И возвращаюсь утром, чтобы оставаться с ним снова на весь день. Мы почти не говорим. Я сижу в большом кресле, которое пододвинула к его кровати. Иногда держу его за руку. Иногда он просто садится и играет с моими пальцами, пока смотрит в окно с задумчивым выражением на лице. Я читаю ему Эмерсона, медленно и тихо, так, чтобы только он меня слышал. Когда он становится неподвижен и тих, я остаиваюсь.

— Еще, — его голос хриплый и мягкий, а рука хватается мою, окружая ее теплом.

Я читаю, пока он не засыпает. Но я не уйду. Не могу. Нахождение рядом, помогает понять, какой пустой я ощущала себя без него. Я знаю этого мужчину на стольких крошечных уровнях. Так, как и не осознавала, мне знакома интонация его дыхания, запах кожи, те тихие звуки, что вырываются из его горла, когда он меняет положение в постели. Маленькие кусочки информации, которые составляют Дрю, делают его целостным и уникальным.

Его больничная палата быстро становится похожей на магазин флориста. Букеты с надписями "Выздоровлявай" бесконечным потоком заносятся в комнату улыбчивыми медсестрами. Но ни одной из них не удастся получить ответную улыбку от Дрю. Когда фигуристая медсестра вносит массивный, похожий на футбольный шар, букет, Дрю рывкает.

— Унесите его, — его рука взмахивает в жесте раздражения. — Унесите их все, — он смотрит на шокированную медсестру, и его выражение становится полным боли. — Пожалуйста, просто отдайте их людям, которые нуждаются в какой-то радости. В этом месте есть много подходящих кандидатов.

Медсестра, которая очевидно является его поклонницей, улыбается Дрю, будто он бог.

— Хорошо, конечно. Разве это не мило с вашей стороны?

Только я могу услышать, что в ответ он бормочет:

— Скорее я просто схожу с ума от этого запаха, — мне приходится сильно постараться, чтобы не улыбнуться.

— Если еще кто-то пришлет букет, не могли бы вы поступить с ним так же? — спрашивает он.

Медсестра соглашается, но когда она поднимает ближайшую к нему вазу, он останавливает ее, быстро говоря:

— Подождите.

Кровать скрипит под ним, когда парень наклоняется и достает из вазы маленький желтый бутон розы. Он обламывает стебель, оставляя его длиной всего в три дюйма, а затем, не церемонясь, засовывает розу у основания моего конского хвоста. Я заливаюсь румянцем, а медсестра снова улыбается, однако, Дрю просто плюхается обратно на свои подушки, скрещивая руки на своей широкой груди и глядя в экран ТВ, который даже не включен.

— Ваш мужчина от природы соблазнитель, — говорит медсестра, будто гордая мама.

— О, да, — бормочу я, усмехаясь Дрю, который сейчас тоже покраснел. — Особенно, когда он ворчит.

— Гм... — Дрю хмурит лоб. — В любом случае, лучше следите за собой.

Счастливо вздыхая, медсестра спешит в коридор, не замечая, как уголки губ Дрю приподнимаются. Но я это вижу, и когда она выходит, я наклоняюсь и целую его

щетинистую щеку.

— Спасибо, — шепчу я. — Я старалась не чихать от запаха тех цветов, — я знаю точно, почему он ненавидит вид цветов, но счастлива претвориться, что это я была той, кто не хочет их видеть.

Голова Дрю наклоняется, а его веки слегка смежаются.

— Я просто хочу обратиться отсюда.

— Я знаю, — легонько, я провожу пальцами по его предплечью. Я люблю его тугие, гладкие, рельефные мышцы и могу касаться его кожи бесконечно. Но тени от окна из коридора привлекают мое внимание. — Похоже парни пришли повидать тебя.

Дрю приподнимается на слабых руках, его взгляд безумен.

— О, черт, нет.

— Что ты имеешь в виду, под своим "нет"?

— Избавься от них, Анна, — он выглядит крайне паникующим.

— Дрю, я не скажу им уйти. Они, должно быть, волнуются о тебе.

Он хватает меня за руку.

— Я не хочу, чтобы они видели меня вот таким, — его веки опускаются, и парень отводит взгляд. — Я не хочу слышать об игре. Или встретиться с ними лицом к лицу. Блядь!

Так как Грей уже направляется к двери палаты, а за ним и вся команда, я уклоняюсь от руки Дрю, встаю и наклоняюсь к нему.

— Эти парни любят тебя. И ты любишь их. Не забывай об этом, — я целую его в щеку и делаю вид, что не замечаю его сердитого взгляда, говорящего мне, что я предатель, пока выхожу за двери.

The image shows the name 'Drew' written in a thick, black, cursive font. Above the letter 'w', there is a realistic illustration of a brown American football with white laces and stripes.

Я ПРИСТАЛЬНО СМОТРЮ на дерзкую попку Анны, раскачивающуюся, пока девушка выходит из комнаты. Вероломная женщина. Когда она выходит, мне приходится повернуться к ребятам, которые заходят в палату, словно идут на гребанные похороны. Разве они все это так воспринимают, серьезно? Леди и Джентльмены, вот и умерла карьера Дрю Бэйлора. К сожалению, он не достиг пика славы, обожания и восторга фанатов. Нет, его выбросило на обочину, пока парень кричал от боли и хотел плакать по своей мамочке. Черт.

Никто и словом не обмолвился, пока они выстраиваются в палате, образуя шеренгу, заполняя воздух ароматом дезодоранта, геля для душа и того слабого запаха, который я называю "футбол".

Черт. Черт. Черт.

Я должен поднять взгляд, и от этого моя шея болит. Глаза жжет, когда пытаюсь держать их открытыми. Меня окружают ребята из стартового состава команды, запасные стоят поодаль, несколько даже в коридоре.

— Эй, — говорю я, не обращаясь ни к кому в частности.

В ответ слышится хор ворчаный:

— Эй, Боец.

Все так неуклюже, что я начинаю задыхаться. Под простыней я стискиваю руки в кулаки. Я не встречаюсь с ними взглядом, и они не стремятся заглянуть мне в глаза. Грей выступает вперед и плюхается на место, которое только что занимала Анна.

— Иисусе, пошутите уже кто-нибудь или скажите хоть что-то.

Пара парней нервно смеются. Когда их смех стихает, наступает оглушительная тишина.

— Эй, — говорит Грей в пустоту, — откуда Дарт Вэйдер знал, что Люк подарит ему на Рождество? Он ощутил свои подарки!

Все стонут в ответ.

— Чертовски слабовато, Грей-Грей.

Но ребята смеются активнее. Роландо выходит вперед и похлопывает меня по плечу. Сильно.

— Ты в порядке, мужик? — он морщится. — Если не говорить о твоей сломанной ноге.

Наши взгляды встречаются на секунду, а затем мы оба смеемся. Это не полноценный смех, но сейчас достаточно и этого.

— Ага. В отличии от моей сломанной ноги. И за исключением больничной вони.

— Тот нападающий больше не сможет причинить никому боли, — говорит Дэкс, улыбаясь.

Кто-то прокашливается:

— *Скарлет.*

Я закатываю глаза, но не затрагиваю этого.

Улыбка Дэкса угасает.

— Мы надрали им задницы, Дрю.

— Ради тебя, мужик, — добавляет Симмс. Холодная ярость вскипает в его глазах и глазах других парней, когда я бросаю на них беглый взгляд. На короткое мгновение мне становится жаль игроков, которых они, вероятно, избивали. Но затем вспоминаю почему, и боль скручивает мой живот. Я не хочу быть Гиппером команды (*Джордж Гиппер — футболист колледжа в Нотер-Даме, был крайне успешен, однако в возрасте 25 лет скончался от стрептококковой инфекции — прим. пер.*)

— Уебки получили по заслугам, — говорит Маршал. Громкое ворчание рокотом разносится по комнате.

— Значит мы вышли в плей-офф? — удастся мне спросить.

Никто не смотрит на меня.

— Ага.

Без меня. Они не нуждаются во мне после всего этого. Думаете мелочно то, что для меня это ощущается будто пинок в живот? Ага. Но я говорю ребятам то, что им нужно услышать. Глубоко вздыхая, я выдавливаю слова, говоря их уверенно и глядя каждому из парней в глаза.

— И вы надерете им задницы.

Звук соглашающихся реплик разносится по комнате, но они воодушевлены не на полную силу.

Слава богу, или кто бы там не слышал мои мольбы, медсестра пробирается сквозь толпу и начинает выпроваживать парней из палаты. Они уходят. Я был на их месте и знаю, как

сильно ребята жаждут сбежать отсюда. Я сам хочу последовать за ними.

Один за другим они направляются к двери, перед этим пожав мне руку или похлопав по плечу, пробормотав: "Выздоровливай" или что-то в этом роде. И каждый раз, это ощущается будто еще один гвоздь в моем гробу. К тому времени, когда остаемся лишь мы с Греем, я так сильно ощущаю себя одиноким, что начинаю потеть. Выцарапайте это из меня, я хочу Анну. Я хочу забыться в ее теплом запахе, ее сладком тягучем голосе или просто гладкости ее кожи.

Но Грей задерживается. Он хмурится, открывает рот, закрывает его, а затем снова старается что-то сказать.

— Мы выиграли, потому что наша оборона закрыла им все возможные ходы. Мы не заработали ни одного очка. Наша пресловутая продуктивность улетучилась, когда тебя исключили.

Мое горло сжимается, и я тупо смотрю на тонкую ткань своего вафельного больничного одеяла.

— Ты один из великих, Дрю. Не забывай этого.

— Был, — бормочу я.

Он делает шаг ближе, перемещаясь в мое поле зрения.

— *Есть*, — его выражение лица сурово. — Ты еще не закончил.

Анна входит в палату, но останавливается, когда ее взгляд встречается с моим, а затем порхает к Грею, она явно обеспокоена, что прервала нас. Грей бросает на нее сердитый взгляд, но потом снова смотрит на меня. Двигаясь быстрее, чем я ожидал, он тянется и ерошит мои волосы, несильно толкая мою голову назад.

— Люблю тебя, ты тупой ублюдок, — голос Грея неровный, и тогда я осознаю, как возбужден он был. Я бы тоже был в подобном состоянии, если бы увидел его сломанную, будто ветку, ногу.

— Аналогично, — говорю я, откашливаясь.

Он быстро отступает задом-наперед, посылая Анне маленькую улыбку.

— Позаботься о нашем мальчике. Увидимся завтра, Дрю.

Завтра. Когда я выберусь на свободу из этого места. Даже несмотря на то, что я считаю секунды до этого дня, подсознательно меня захлестывают черные волны паники.

Анна садится обратно на свое место. Я беру ее за руку и не отпускаю.

НОЧЬЮ, КОГДА МЕНЯ снова вышвыривают из палаты Дрю, я хватаю его ключи и направляюсь к нему домой. Да, я по сути вламываюсь в чужой дом, но мне нужно кое-что сделать. Машина Дрю на подъездной дорожке, возможно, один из его коллег по команде доставил ее сюда, использовав запасной ключ. На крыльце горит свет, и сзади дома тоже виден свет, очевидно, исходящий из кухни. Это вдохновляет меня нанять кого-то, чтобы обеспечить лучшую защиту его дому.

В одной руке удерживая тяжелый пакет с бакалеей, второй я открываю замок и распахиваю дверь, толкаясь бедром. Посреди гостиной я замираю, замечая массивную

фигуру, появившуюся со стороны кухни. Естественно, я вскрикиваю и бросаю ключи в нападающего. С громким звоном они отскакивают ото лба Грея Грейсона, прежде чем с дребезгом упасть на пол.

— Что за любвеобильное приветствие? — он хватается за голову и смотрит на меня.

Смутившись и все еще ощущая бешеное сердцебиение, я оглядываюсь.

— Большинство людей уклоняются от летящих в них предметов.

— Ага? — все еще хмурясь, он сгребает связку ключей одной рукой. — Большинство людей не врывается в дома и не бросает ключи в голову невиновной жертве.

Поскольку пакеты с продуктами врезаются мне в руку, я проталкиваюсь мимо Грея и опускаю сумки на столешницу.

Он заходит на кухню, где на плите в горшке что-то готовится. Запах фантастический.

— Я не знаю, — он буравит меня глазами. — Ты спрашивала Дрю о том, можешь ли использовать его ключи, чтобы попасть к нему домой?

Попалась.

Я пожимаю плечами.

— Дрю был немного занят, — я начинаю выгружать продукты. — Я просто собиралась приехать сюда, убраться и оставить ему какую-то еду на неделю. Но я не знала, что у него уже есть постоянный повар.

Удивительно, но Грей улыбается.

— Это бартерная система. Я готовлю, а Дрю позволяет мне здесь зависать.

От самой идея того, что Грею нужно затевать бартерные отношения, чтобы побыть в компании Дрю у меня болит сердце за этого парня. Я знаю, что он не особо мне доверяет, но в целом Грей мне нравится.

Я бросаю еще один взгляд на горшочек.

— Что ты готовишь?

— Суп, — Грей помешивает его, словно это требующий деликатности отвар.

— Какой? — выпытываю я, кривя губы.

— С белыми бобами, сосисками и кукурузой.

В ответ мой живот урчит. Я не ела весь день.

— Боже, я люблю суп.

По удовлетворенному выражению лица Грея могу сказать, что сказала что-то правильное.

Наклоняясь вперед, чтобы еще раз понюхать пряный аромат, я почти что танцую от нетерпения.

— Когда он будет готов?

Светлые брови Грея приподнимаются в фальшивом возмущении.

— Это для Дрю, женщина. Приготовь свой собственный ужин.

— О, да ладно. Одна порция не нанесет урона. К тому же, — я достаю пакет с яблоками, — я собираюсь испечь пирог. И весьма уверена, что смогу поделиться с ним в обмен на суп.

В глазах Грея вспыхивают искры, и он облизывает губы.

— Ты реально умеешь печь?

— Умею ли я печь? Ты серьезно только что спросил меня об этом?

— Ах... — он поднимает свои руки в знак капитуляции. — Спросил тебя о чем? Я не говорил ни о чем, кроме нашей сделки.

Умный парень. Я улыбаюсь.

— Хорошо. Значит, раз мы договорились, ты можешь помочь мне почистить яблоки.

— Его угораздило втюриться в задиру, — бормочет Грей себе под нос. Однако при этом он улыбается. И в конце концов наше время наедине проходит хорошо.

ДРЮ ОТПУСКАЮТ ИЗ больницы, и он ведет себя так, словно выходит из тюрьмы.
— Наконец-то! Где моя одежда?

Доктор смеется над его энтузиазмом. Так что когда Дрю встает с больничной койки и спешно хромает к ванной, задняя часть его больничного халата распахивается, демонстрируя миру его голый зад. Я закатываю глаза, а Грей фыркает. Кроме нас здесь присутствует еще тренер Дрю.

Бэйлор возвращается, одетый в мешковатые баскетбольные шорты и футболку с длинным рукавом, которая обтягивает его стройное тело в области груди.

— Не могу дождаться, чтобы убраться отсюда.

— Я бы стал волноваться, если бы ты хотел остаться в больнице, — говорит тренер Смит, улыбаясь. Он довольно строгий мужчина, но я могу заметить его привязанность к Дрю.

Все хорошо, пока не приходит медсестра с инвалидной коляской.

— Готовы отправиться домой, мистер Бэйлор?

Дрю смотрит на коляску, будто это ядовитая гадюка.

— Ага. Но я не воспользуюсь этой штукой.

Она терпеливо улыбается ему.

— Боюсь, это постановление больницы. Даже для вас, — в ее взгляде виден стальной стержень, и раздражение Дрю нарастает, потому что мы все знаем, он не станет с ней спорить.

— Ладно, — он спускается со своей кровати и на одной ноге допрыгивает до коляски. Дрю не смотрит ни на кого, пока медсестра устраивает его ногу на выдвижной подножке и по-дружески похлопывает парня по руке.

— Готовы?

— Да, — ему ненавистно находиться в инвалидной коляске. Каждый мускул его тела, его угрюмый взгляд излучают эту ненависть. Сумасшедшее харканье ногтями — вот как мой дед назвал бы выражение лица Дрю.

— Хорошо. А сейчас мне просто нужно знать, что у вас дома есть кто-то, кто бы о вас позаботился в следующие несколько дней.

Дрю приподнимает подбородок, пока легкий румянец заливает его щеки.

— Мне никто не нужен. Я в порядке.

И снова медсестра использует на нем свою не-спорь-со-мной улыбку.

— А я не хочу, чтобы вы вернулись сюда, мистер Бэйлор. Дайте себе время привыкнуть к костылям, прежде чем останетесь дома одни.

Румянец Дрю становится насыщеннее, а его руки сжимаются в кулаки. От того что парень кривится, становятся видны его зубы. Я видела раньше этот взгляд. Прямо перед тем,

как он порвал со мной. Я делаю шаг в их сторону.

— Я позабочусь о Дрю.

Его сердитый взгляд режет меня, словно острая коса.

— Нет.

Звук эхом раздается в воздухе, резко и неестественно. И моя спина напрягается что есть мочи, так что позвоночник ощущается, будто стальной стержень.

— Да.

Ноздри Дрю расширяются.

— Я не хочу твоей жалости, — если бы его слова были когтями, они бы вонзились в меня.

Я глубоко вдыхаю.

— Все в порядке. Грей, вычеркни жалость к Дрю из моего списка дел, ладно?

Грей задыхается от смеха, а тренер Смит вдруг проявляет повышенный интерес к своей обуви. Глаза Дрю прищуриваются, и какое-то время я уверена, что он заорет, но его рот просто искривляется.

— Я же говорил тебе, что она умница, — говорит он Грею.

— Хах, — Грей чешет затылок, — я мог бы поклясться, ты говорил, что она "заноза в заднице".

Медсестра выбирает именно этот момент, чтобы прервать их.

— Так мы все готовы?

— Я подгоню машину, — говорю я. Достаточно уже того, что Дрю придется выехать отсюда на инвалидной коляске. Мое присутствие рядом с ним во время этого не даст ничего хорошего.

— Анна...

Я перебиваю Дрю, прежде чем он сможет возобновить свои анти-жалостные возражения.

— Если бы я была на твоём месте, — говорю я, — разве ты не сделал бы того же?

Все смолкают. Если вы думали, что до этого все было неловко, то вы очень недооценили понятие неловкости. Потому что, а что если сейчас он скажет "нет"? Что если, он не хочет больше быть со мной? Что если, он не чувствует ко мне ничего?

— Да, — он говорит это так нежно и с такой уверенностью, что мое дыхание замирает. Его темные глаза смотрят прямо в мои. — Да.

И вдруг все вокруг нас уходит на задний план. Есть только мы.

— А если бы мне нужна была помощь, но я не хотела о ней просить? — спрашиваю я.

Его грудь приподнимается от вдоха, когда Дрю смотрит на меня.

— Я бы никогда тебя не оставил.

Мне больно сглатывать, а голос звучит более грубо, чем должен.

— Тогда и меня не проси об этом.

Когда он кивает, то не встречается со мной взглядом, но я знаю, что это лишь потому, что в комнате слишком много людей.

— Пригони машину.

Drew

Я НИКОГДА НЕ был так рад оказаться дома. С тех пор, как погибли мои родители, я не испытывал такого облегчения, входя в свой дом. Здесь тепло, тихо, пахнет кожей, а все вещи аккуратно стоят на своих местах. Я хромаю в гостиную, ударяя своими костылями по отполированному деревянному полу. Остановившись на полпути, я разворачиваюсь к Анне, интересуясь, кто удалил то пятно на стене.

— Ты здесь убиралась, — весь дом сияет.

Она пожимает плечами.

— Кому понравится возвращаться в грязный дом?

— Анна, ты не должна была...

— Если ты скажешь мне, что я не должна помогать тебе еще хоть раз, то я... — ее милый носик морщится, когда она смолкает на полуслове.

— То ты что? — дразню я. — Ударить меня? Врежешь мне по яйцам?

Ее рыжая бровь вздымается, когда Анна смотрит на меня, а ее взгляд останавливается на моей груди.

— Я зажму твои соски в тиски.

Я фыркаю, но в моей груди разгорается жар. Христос, сама идея того, что Анна щипает мои соски возбуждает меня до чертиков.

— Я ведь могу вернуть тебе эту услугу, Джонс.

Как я и надеялся, она краснеет.

— Извращенец.

— Я предпочитаю, чтобы меня называли "эгалитарный развратник", — я иду дальше и плюхаюсь на диван, поставив свои костыли рядом. Кожа прогибается подо мной, и знакомое чувство комфорта поглощает мое тело. Я ожидал, что Анна последует за мной, что будет оберегать и бояться, что я могу споткнуться. Но вместо этого, она неподвижно стоит у двери и смотрит на меня со странным выражением на лице, ее рот изогнут в нервной полуулыбке.

— Что? — я немного ерзаю на своем месте, устраивая сломанную ногу на кресле напротив.

Сейчас, когда мы остались одни и нас не отвлекают больничные мониторы, снующие медсестры и моя сильная боль, между нами возникает некое чувство неловкости. Она разбила мне сердце, и я поклялся освободиться от нее. Эта клятва распалась на песчинки, в ту секунду, как Анна зашла в мою палату и посмотрела на меня так, будто я имел огромную значимость в ее жизни. Несколько месяцев я ждал этот взгляд. Однако он не стирает все наше прошлое.

— Ничего, — говорит она, все еще наблюдая за мной. — Я просто скучала по твоему юмору.

А я скучал по очень многим вещам с ее стороны.

— Большинство людей не очень-то понимают мой юмор, — вместо этого говорю я.

А затем она широко улыбается.

— Могу в это поверить.

Наконец-то она заходит в дом, закрывая за собой дверь. И тут я замечаю в ее руке маленькую сумку. Она краснеет, осознавая, куда я смотрю.

— Я подумала, может быть, я могла бы... — ее румянец покрывает все лицо. — Ну, возможно, ты бы предпочел компанию кого-то еще.

Что ж, она довольно неуверенная. Мне следует спросить у нее прямо сейчас, чего она ожидает от меня. Если Анна хочет вернуться к нашим прежним взаимоотношениям, то это меня убьет. Я не могу вернуться к этому. Но она ведь должна это понимать. К тому же Анна оставалась со мной в больнице, когда могла убежать в любом другом направлении.

Мгновение тянется, пока она переминается с ноги на ногу, а ее выражение лица искривляется, пока кожа бледнеет, словно девушка боится, что я откажу ей, скажу уйти сейчас же. Такого не случится.

— Я хочу тебя, Анна, — говорю я низким голосом. — И всегда хотел. Если ты хочешь остаться, то должна знать, что я тоже этого хочу.

Ее ресницы опускаются, скрывая от меня ее глаза, когда Анна активно кивает.

— Это то, чего я хочу, — ответ едва ли громче шепота, но я слышу его, и мое тело откликается жаром, заливающим мои щеки румянцем и удовлетворением.

— Хорошо, тогда... — я не знаю, что еще сказать. Тащи свою сладкую попку сюда и садись мне на колени, вероятно, звучит крайне неловко, даже если я и правда этого хочу. Черт, прошло больше месяца с тех пор, как я по-настоящему к ней прикасался.

Однако у Анны совсем другое на уме.

— Ты хочешь чего-нибудь поесть?

Только сейчас я осознаю, что кроме обычного запаха дома здесь пахнет чем-то пряным и сладким.

— Здесь был Грей?

Она фыркает, двигаясь в сторону кухни.

— То есть ты думаешь, что это Грей здесь готовил. Что ж, да, он тоже здесь был.

Я представляю Анну и Грея в своем доме вместе и хмурюсь. Пока доктора собирали меня в кучу, они продолжали жить. Ни ее, ни его жизнь не развалилась на куски. И разница между ними и мной болезненно очевидна.

Анна смотрит на меня искоса, не подозревая о нарастающей во мне тревоге.

— Тебе следовало мне сказать, что у тебя есть личный шеф-повар. Я бы не стала беспокоиться.

Я поворачиваюсь на своем месте, чтобы хорошо ее видеть.

— Ты готовила для меня?

— Не делай такой шокированный вид. Я готовила для тебя и раньше, — сейчас она хмурится.

— Я благодарен тебе за каждый раз, Анна.

Моя честность вознаграждается ее румянцем.

— На самом деле не совсем я готовила. Этим занимался Грей. Он сварил бобовый суп, — ее губы искривляются. — Он сказал, что болеутоляющие препараты могут "засорить" твой организм, так что тебе потребуется грубая пища.

— Вот же мудак.

Она смеется.

— Что? Разве тебе это не нужно?

— Вряд ли. Но так как я голоден, то не откажусь от его супа.

— Я шокирована, — у нее наглое выражение лица, словно Анна уже съела свою порцию супа. — А я занималась выпечкой.

— Вы только подумайте, она умеет печь, — усмехаюсь я, глядя на потолок, в ответ Анна закатывает глаза. — И что же ты испекла мне, Джонс?

— Яблочный пирог.

— Здорово. Приноси и его, — сейчас, когда я не в больнице и не должен есть эту отвратительную безвкусную еду, я чувствую такой голод, что думаю, мог бы съесть весь пирог. А то, что его приготовила для меня Анна, лишь делает ситуацию более приятной. Как бы там ни было, она неплохо постаралась: убралась в моем доме, испекла мне пирог и остается рядом.

Звуки того, как Анна хозяйничает на моей кухне, пока греет суп и сервирует поднос, вызывают у меня сонливость. Я расслабляюсь на диване, а мои веки тяжелеют. Ее присутствие делает мою хижину настоящим полноценным домом. Глупо так думать, учитывая, что Анна здесь только на время. Но где-то глубоко я знаю, что хочу, чтобы она осталась тут навсегда. Мне двадцать три года, моя карьера, над которой я трудился почти всю жизнь, развалилась на части, но я четко знаю, что никогда не хочу расставаться с Анной Джонс.

Я наблюдаю за тем, как она идет мне на встречу, и моя грудь сжимается. Ее кожа бледна от недостатка сна, рыжие волосы растрепались во все стороны, она не в лучшем виде, однако для меня она все еще самая прекрасная женщина, которую я видел.

— Предполагается, что твоя нога должна быть приподнята, — она ставит полный поднос на журнальный столик до того, как хватает диванные подушки и подсовывает их под мою сломанную ногу. Не то чтобы ей это очень хорошо удавалось. С ее уст срываются фыркающие звуки, когда девушка пытается осторожно приподнять мой гипс.

— Иисусе, она словно ствол дерева, — ворчит Анна.

Я фыркаю и помогаю ей приподнять мертвый груз в виде моей ноги, так, чтобы она могла подложить под нее подушки.

— Это означает, что ты не отнесешь меня в кровать?

Она качает головой, сдерживая улыбку, но затем ловит мой взгляд.

— Ты устал?

— Ага, — усталость накатывает на меня. Если бы я мог себе это позволить, то отключился бы и проспал несколько недель. — Но все, что я делал за последние дни, так это спал.

Она кивает, понимая, о чем я, и подсовывает еще одну подушку мне за спину.

— Тогда мы какое-то время потусуем здесь.

До того как пойдем в постель. Вместе. И хотя я дерьмово себя чувствую, сама идея о сне в одной постели с Анной стягивает мои внутренности. Мне нужно прикоснуться к ней. Просто почувствовать ее рядом.

— Садись, — говорю я. — Ты и так уже достаточно сделала.

Анна передает мне тарелку с супом, а затем берет свою собственную, после чего подчиняется и садится. Без колебаний она устраивается поудобнее, а ее плечо прижимается

к моему, словно ей тоже нужен комфорт. Прежде чем могу сказать хоть слово, она подает мне пульт дистанционного управления, и я усмехаюсь.

— Ты знаешь, как позаботиться о парне.

— Нет, — возражает она, — не знаю. Я никогда не делала этого прежде.

Суп неожиданно становится мне поперек горла.

Анна съедает еще одну полную ложку со своей тарелки, прежде чем добавить:

— Я просто знаю, что парни любят смотреть телевизор.

Но я не включаю ТВ. Пока что нет. Если честно, я боюсь, что попаду на спортивный канал, а я не думаю, что прямо сейчас готов к просмотру спортивных новостей. Я чертовски уверен, что не хочу увидеть запись того, как была сломана моя нога, по национальному ТВ, или услышать мнение спортивных критиков на счет моих шансов на восстановление и о том, каково оно — оказаться за бортом.

Когда суп оказывается в моем желудке, я нагибаюсь вперед, чтобы поставить тарелку на столик. Вот только я не могу дотянуться до стола, так как моя нога торчит прямо вверх. Я стискиваю зубы и борюсь с желанием бросить миску через комнату.

Однако Анна забирает ее с моей руки и аккуратно ставит на стол.

— Ложись обратно, — говорит она мягко.

Я слушаюсь, потому что альтернатива не лучше — впасть в гнев и со всей силы ударить по стороне дивана.

Анна включает ТВ, выключает звук, а затем переключает канал, прежде чем я понимаю, что изображено на экране. Она так хорошо меня знает. И мне это нравится. Когда она вновь включает звук, на экране идет какое-то кулинарное шоу, и Анна устраивается у моего бока. Я обнимаю ее за плечи и притягиваю ближе. Опустив свою голову мне на грудь, она кладет теплую ладонь на мой живот.

Мы едим и смотрим кулинарное шоу, и я ощущаю, как ее вес на мое тело увеличивается, как ее тело становится мягче, по мере того, как девушка расслабляется. Так тихо, тепло и умиротворяюще я никогда себя не чувствовал. Кончиками пальцев я рисую узоры на ее руке и изгибе бедра. Она так молчалива, что я гадаю, может Анна задремала, но затем ее пальцы вторят моим, вырисовывая круг у меня на животе. Похоть словно фитиль разгорается во мне, но я ничего не делаю с этим. Просто держу ее в своих объятиях.

И когда она мягко и сонно зевает, я целую ее в макушку.

— Почему ты не ложишься? Клади голову мне на колени.

Ее зеленые глаза смотрят на меня с неуверенностью.

— Обещаю вести себя хорошо, — в некотором роде это правда.

Она ложится.

— Ты говоришь это так, словно это хорошая затея, — затем она опускает голову на мои колени, довольно вздыхая. — Забудь, что я сказала это. Я хочу остаться здесь, на твоих коленях, еще недель на сорок, если ты не против.

— Все что пожелаешь, детка, — я хотел, чтобы это прозвучало как поддразнивание, но мой голос звучит хрипло. Я откашливаюсь и хватаю пульт управления, намереваясь переключить канал.

Рассеяно, я поглаживаю волосы Анны. Дикие густые и гладкие как шелк локоны, они подпрыгивают между моими пальцами, словно живут собственной жизнью. Темно-рыжая масса волос такая густая, что я могу сосредоточить свои движения лишь на участке ее головы. Я могу позволить себе это удовольствие; мне хотелось прикоснуться к ее волосам

кажется в течение века.

— Ты хочешь сделать меня похожей на чучело, — говорит она тихо, но не двигается.

— Хочешь, чтобы я остановился? — пряди приятно трутся о кожу между моих пальцев.

— Нет, — ее веки трепещут. — Никогда.

К счастью для меня. Моя любимая девушка и мое любимое шоу. Иногда жизнь прекрасна. Она становится еще лучше, когда Анна улыбается, радуясь началу новой передачи.

— *Top Gear* Идеально.

— Тебе нравится *Top Gear*? — я продолжаю проводить пальцами по ее волосам.

Ее губы изгибаются, от чего нижняя губа становится более полной, это сводит меня с ума.

— Ага, — она немного поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня. — Разве это так удивительно?

— Типа того, — я пожимаю плечами. — До тебя я не встречал ни одной девушки, которой бы нравилось это шоу.

— Ммм, — ее зеленые глаза прищуриваются, но в них все еще светится и тепло и искорки веселья. — Что в нашей ситуации наталкивает тебя на мысль, что я вообще похожа на других девушек, с которыми ты знаком?

Я мягко смеюсь и тепло растекается по всему моему телу.

— Хорошее замечание.

Она сильнее вжимается в мои колени; я любую это ощущение, словно я защищаю ее, дарю ей безопасное место для отдыха.

— Дай угадаю, — говорю я. — Джордж подсадил тебя на эту передачу?

— Вообще-то, Айрис.

Кожа скрипит, когда Анна переворачивается на спину, сейчас ее голова полностью накрывает мой пах, что производит ожидаемый эффект на мой член. Он вздрагивает, и я, как полный ублюдок, становлюсь твердым там внизу. Если она это замечает, то не подает вида. Вместо этого, Анна смотрит на меня широкими зелеными глазами, напоминающими по цвету листья дуба.

— Эван МакГрегор был звездным гостем в одном из эпизодов, когда Айрис включила тогда это шоу.

— Его документальная передача *Длинный путь вниз* была прекрасной.

Глаза Анны блестят.

— Откуда, по-твоему, берет корни мое желание ездить на маленькой *Vespa*?

Внутренне я стону из-за этой женщины, которая понимает толк в автомобильных шутках.

Но затем она пожимает плечами и отводит взгляд, будто стыдится.

— Я обычно фантазирую о том, что когда-то сделаю что-то в этом роде.

— Что именно? Сядешь на мотоцикл и просто укачишь в закат?

Возможно, я тоже так сделаю. Взяв с собой Анну. Как только эта чертова нога срастется. Своими черными кончиками пальцев паника касается моего сознания. Но легкий смех Анны возвращает меня обратно.

— Не совсем так, — ее волосы разметались по ее плечу, когда Анна поворачивается ко мне лицом. — Я обычно думаю, как бы весело было снять документальный фильм о чем-то подобном, ну, знаешь? — она снова смеется, звук кажется неловким. — Или, возможно, это

было навеяно моей симпатией к Эвану МакГрегору.

Я играю с одним рыжим локоном ее волос.

— Спорю, ты бы надрала задницу киноиндустрии.

Щечки Анны розовеют.

— Я не знаю ничего о кино.

— Так узнай. Мы все начинаем разбираться в чем-то, будучи сперва невеждами.

Она снова пожимает плечами.

— Возможно.

Я опускаю свою ладонь на ее щеку.

— Детка, за что бы ты ни решила взяться, у тебя все получится. Ты так совершенна и даже не знаешь об этом.

— Фи, — она закатывает глаза. — Ты забываешь, что я терпеть не могу смотреть спортивные матчи.

Я и не забывал. Волнение сжимает мои плечи, но я игнорирую его. Я не хочу думать о том, почему мы порвали, но эта тема будто витает в воздухе и рано или поздно ее придется обсудить, но не сейчас, когда я наконец-то смог расслабиться.

— Вот чего я не ожидал от Айрис, — говорю я вместо этого, — так это симпатии к Эвану МакГрегору. Seriously, что ли? Я думал, она симпатизирует всяким музыкальным группам.

В уголках ее прекрасных глаз образуются морщинки, когда Анна улыбается.

— Айрис нравятся парни из музыкальных групп. Но в основном блондины.

— Но тот парень, с которым она была... Генри, верно?

Голова Анны находится в опасной близости от моего члена, когда она кивает, и я сдерживаю желание поерзать на месте.

— Она вернулась к нему. Идиотка.

— Генри или Айрис? — шучу я, но меня волнует то, что мы так сильно не в курсе жизней друг друга.

— Оба? — предполагает Анна.

Я не могу сдержать улыбки в ответ на ее возмущенный взгляд.

— Однако у Генри темные волос, — отмечаю я.

— Ага, ну, — говорит она, хмурясь, — я все жду, когда она осознает, что он не ее тип.

Щеки Анны, словно шелк, напротив кончиков моих пальцев. Я глажу ее висок, а потом следую по дуге ее брови. А она просто наблюдает за мной, словно получает удовольствие от этого действия. Ее дыхание мягкое и ровное, а тело теплое, в тех местах, где мы соприкасаемся.

Мое разбитое сердце начинает ныть. Отстой, этот перелом ноги, вдобавок к остальным проблемам, все это расстраивает меня, и даже просто прикасаться к Анне, лежать здесь с ней вот так, невероятно влияет на меня. Я хочу плакать. Хочу засмеяться. Хочу похоронить себя так глубоко внутри Анны, что забуду свое имя. Ком встает у меня в горле, и я позволяю своей ладони опуститься на ее щеку. Чертовы непостоянные эмоции. Док предупредил меня об этом. Но, блин, с такими темпами к концу недели я превращусь в развалюху.

— А каков твой тип парня? — вдруг спрашиваю я. Часть меня ругает собственную слабость и нужду. Но, к черту, другая часть реально очень нуждается. Я знаю, почему я ушел от нее. Но чего я по факту не знаю, так это зачем Анна вернулась ко мне.

Ее глаза становятся темнее, когда она заглядывает мне в лицо, словно знает, что я

больше не дразнюсь. Между нами затягивается напряженная тишина, звук телевизора отходит на второй план. Медленно, она тянется и проводит пальцами по моему подбородку. Ее выражение лица меняется, открываясь мне. Я вижу, как страх мерцает в ее зеленых радужках, но есть что-то еще, что-то, от чего мои внутренности сжимаются.

— Ты — мой тип, — ее голос низкий и нечеткий. Однако прикосновения становятся увереннее, когда Анна оборачивает свои пальцы у основания моего горла, там, где сильно бьется мой пульс. Ее подбородок приподнимается, упрямо и уверенно. — Ты — тот единственный, кого я хочу, Дрю. Больше всего.

Ничто не способно удержать меня от того, чтобы проскользнуть руками ей под подмышки и притянуть к себе. Ее губы такие мягкие и уступчивые, но я не целовал ее по-настоящему так давно, что это буквально причиняет боль, будто удар кулака в живот. Я резко втягиваю воздух, воруя его у нее, и поворачиваю голову так, чтобы углубить поцелуй. Ее язык скользит по моему, и моя голова идет кругом. Я чувствую, словно теряюсь в ней. Мой пресс напрягается до дрожи, но я не могу прервать этот поцелуй. Мне нужно больше. Всегда.

И она дает мне это, целуя в ответ с такой же сильной потребностью. Я счастлив дать ей то, чего она хочет, но когда пытаюсь передвинуть ее на своих коленях, резкая боль пронзает мою ногу. Этого достаточно, чтобы я отстранился и сделал новый вдох. Но я не отпускаю Анну.

Ее пальцы зарываются в мои волосы, пока я сжимаю руками ее щеки и притягиваю ближе. Какое-то время мы просто пытаемся отдышаться, а затем я нахожу в себе силы сказать следующее:

— Я скучал по тебе.

Ее губы щекочут уголок моего рта.

— Я тоже скучала по тебе. Так сильно, что это причиняло боль.

Мне не стоит чувствовать удовлетворение от ее слов, но я чувствую. Не то, чтобы я радовался ее боли. На самом деле, ничего не радует меня так сильно, как возможность доставить ей удовольствие. Прямо сейчас это было бы к месту. Лежать здесь на диване становится не так удобно, как пару минут назад. Если бы у меня были силы, я бы взял ее на руки и отнес в свою комнату. Но я не могу, и это отстойно. Мне нужна помощь, чтобы самому добраться до кровати. Обычно я ненавижу просить о помощи, но это Анна, так что есть огромная разница. Если какой-то парень скажет мне, что ему не по душе, чтобы о нем заботилась женщина, когда он ранен, то я подумаю, что, вероятно, он лжет.

— Отведи меня в кровать, — шепчу я напротив ее щеки.

— Или потеряешь меня на веки? — в ее голосе слышна улыбка.

Я усмехаюсь, неспешно и широко.

— Ты только что процитировала мне реплику из фильма "*Лучший стрелок*"?

— Возможно.

Эта девушка. Иисусе, то, что она делает со мной, не поддается сравнению.

В один момент ее фигурка смещается, а в следующий — она уже стоит на ногах, поднимая мои костыли. Я ненавижу один их вид, ненавижу то, как пульсирует моя нога, то, насколько я беспомощен. Но я отбрасываю все это на задворки разума, потому что Анна здесь. Я не одинок, и если потребуется, я выпью пять таблеток обезболивающего, лишь бы быть с ней сегодня ночью.

НЕСМОТРЯ НА ТОТ факт, что он на костылях, Дрю быстро добирается до своей спальни. Знакомый блеск в его глазах вызывает во мне жар и возбуждение. Однако я беспокоюсь, стоит ли заниматься с ним сексом прямо сейчас. Должно быть, ему будет больно. Непреднамеренно толкнуть его ногу или ранить его еще сильнее — не то, чего мне бы хотелось. Но опять же, поцелуи с ним на диване так сильно меня завели, что я знаю, если он прикоснется ко мне, то все мои благие намерения канут в лету.

Дрю проходит в центр комнаты, прежде чем останавливается. Здесь я тоже убралась, и хотя я не думаю, что он возражает против этого, часть меня все равно съезживается. Я ворвалась в его дом безнаказанно, позволила себе вести себя здесь как дома притом, что мы еще не разобрались во всем. Тогда я послала все это куда подальше, оправдываясь тем, что действую во благо Дрю, но сейчас он здесь, видит все, что я сделала.

Его золотистые глаза встречаются с моими, и я вижу в них улыбку, мягкость и нежность.

— Моя мама обычно застилала мне свежие простыни, когда я болел. Мне всегда так нравилось проскользнуть в чистую постель, — его губы причудливо изгибаются. — Я не пытаюсь сравнить тебя со своей мамой, просто это... ну, я ценю то, что ты сделала.

Сейчас я краснею.

— Моя мама тоже так делала. Возможно, это фишка всех мам.

Он удерживает мой взгляд.

— Если ты когда-то заболеешь, обещаю, что сменю для тебя простыни.

Тепло разливается по моим венам. Одно маленькое заявление, обещание будущего.

Он направляется в ванную.

— Убил бы за душ. Клянусь богом, я воняю больницей.

— Совсем немного, — дразню я, следуя за ним. Я подготовила комнату на такой случай.

Ванная Дрю роскошна. Полы с подогревом из темного состаренного дерева, стены покрыты бело-синим кафелем, а душ закрывают панели из матового стекла, остальное пространство занимает джакузи. Белая фарфоровая раковина расположена над тиковым шкафчиком. Дрю прислоняет к ней свои костыли, когда тянется, чтобы включить душ, через секунду вода струится из большой душевой лейки. Почти в секунду воздух становится душным и влажным.

Его глаза вновь блестят, когда парень разворачивается ко мне.

— Присоединишься ко мне, Джонс? — он двигает бровями, подражая актеру-злодею, а затем снимает через голову футболку. Милостивый боже, я никогда не смогу спокойно относиться к этому великолепию, которое называется грудью Дрю, или к тому, как его накачанные мускулы двигаются и перекачиваются под медовой кожей.

— Не сегодня, — мой голос неровный, так как я представляю образ его влажной и

блестящей груди, то, как мой язык скользит между кубиками его пресса к дорожке темных волос, ведущей к его твердому...

— Кайфообломщица, — вздыхает он. — Хотя, думаю, что все закончится удовольствием для нас обоих, когда я приду в нормальное состояние.

Быстро моргая, чтобы отбросить свои грязные мыслишки, я тянусь и хватаю мешок для мусора и пластырь, которые оставила здесь на полке заранее.

— Кстати о... — я приподнимаю их и бросаю взгляд на его сломанную ногу. Доктор говорил, что если намочить гипс, то он будет очень долго сохнуть, что причинит дискомфорт Дрю.

— Извращенка, — глядя мне прямо в глаза, большими пальцами он подцепляет свои шорты на талии и стягивает их, открывая вид на эти длинные сильные ноги и большой член, который подарил мне так много часов удовольствия. Я сильно сглатываю. По этой части Дрю я тоже скучала. Он начинает становиться твердым у меня на глазах, изгибаясь и поднимаясь к животу парня.

С трудом я отрываю взгляд и поднимаю его к лицу Дрю, на котором сейчас красуется самодовольное выражение. Я спокойно смотрю на него.

— Веди себя хорошо.

— Что? — он изображает невинность. — Я просто собираюсь принять душ, Джонс. Для этого обычно нужно раздеться догола.

— Не важно, — и поскольку я тоже в силах его подразнить, то встаю на колени перед Дрю так, что мое лицо оказывается в дюймах от его горячего члена. Он вздрагивает, и мускусный запах наполняет мои ноздри. Я поднимаю взгляд на парня, сладко улыбаясь. — Приподними свою ногу.

Визуально заметно, как пульс бьется у основания его горла, пока Дрю смотрит на меня сверху-вниз. Медленно он поднимает на дюйм свою покрытую гипсом ногу. Мешок для мусора шуршит, когда я засовываю его под ногу парня и начинаю натягивать к колену. Плоский живот Дрю поднимается и опадает в стабильно-быстром темпе.

Его нога настолько длинная, что мешка едва хватает до конца гипса. Быстрыми движениями, я закрепляю полиэтилен пластырем, оборачивая его вокруг ноги, при этом не упускаю из виду его гордо ожидающий член. Тоска наполняет меня. Я знаю, каков он на вкус, солёный и сладкий, как он будет ощущаться у меня на языке, такой большой и внушительный. Но вместо этого я заглядываю в глаза Дрю.

— Ну вот, все готово.

Слышно, как он сглатывает, а его бедра слегка изгибаются, словно он не может сдержаться.

— Тебе нравится мучить меня, верно? — его голос — хриплый шепот, едва слышный сквозь шум от душа.

Я облизываю пересохшие губы, замечая то, как его дыхание замирает, когда я это делаю.

— Все по справедливости, знаешь ли.

— Почему это, Джонс? — он и так знает ответ. Я могу увидеть это в его глазах, тех чертовых глазах, которые бросают мне вызов и обещают нечто большее.

Я накрываю ладонями его ягодицы, фантастически твердые ягодицы, которые являлись ко мне в стольких грязных снах. Мой палец поглаживает его тату в виде боевого топора, и в ответ ноздри Дрю расширяются, резко втягивая воздух.

— Потому, — говорю я, — что ты стоишь здесь, мучая меня.

— Ты только что придала новый смысл всем тем мучительным часам, что я провел на тренировках, — дразнящие нотки придают его голосу более светлый оттенок, но в его глазах мерцает тьма. Дрю занимается не для того, чтобы впечатлить людей. Его тело — инструмент, прекрасно отточенный на должном уровне. И сейчас он сломан. Я знаю, Дрю борется со страхом, и это отстойно.

Мои колени протестуют против того, что встаю. По мере того, как поднимаюсь, я останавливаюсь и целую гладкий горячий кончик его члена, от чего Дрю шипит. Прежде чем я полностью выпрямляюсь, он сжимает рукой мою шею и притягивает ближе к себе. Его бицепсы напрягаются, когда его руки сгибаются, а затем рот Дрю накрывает мой, его поцелуй соблазняет меня, он нежно лижет, посасывает и крадет у меня дыхание. Его член утыкается в мой живот, когда я прислоняюсь к телу парня, в результате я так возбуждаюсь, становлюсь такой влажной, что забываю, почему несколько минут назад считала это плохой идеей.

Дрю раскачивается на своих ногах, и его длинное стройное тело грозит свалиться. Я отклоняюсь.

— Дрю...

Он не отпускает меня, вздыхая.

— Все в порядке, все в норме. Со мной все будет хорошо, — наши взгляды встречаются, и я вижу в них жар. — Но тебе придется заплатить за это, Джонс.

— Я подожду этого, Бэйлор, — нежно целуя его в губы, я задерживаюсь на столько, чтобы он потянулся за мной, когда я начинаю отстраняться. Я улыбаюсь ему. — А сейчас прими душ.

Он нежно кусает мою верхнюю губу, прежде чем отстраняется.

— Бессердечная девушка, — и потом, пока я не передумала и не схватила его, Дрю отступает под струи душа.

Нет, я не буду наблюдать. Не буду. У меня во рту пересыхает. Эти красивые мускулы и такая скользкая блестящая кожа. Вода струится ручейками по его все еще твердому члену. Я втягиваю воздух и закрываю дверь, чем вызываю его смех.

Убегая в безопасность такой знакомой мне комнаты Дрю, я стягиваю покрывало и размещаю подушки так, чтобы он мог удобно устроиться. Мне приятно делать для него подобные вещи, пока ожидание мечется, словно зверь внутри моего живота. Я собираюсь спать здесь вместе с ним. Я делала это прежде. Однако не совсем так; мы никогда не планировали это и всегда занимались сексом. Сейчас же я предпочитаю вести себя иным образом, осознавая, что я здесь, просто потому что хочу быть с ним. Я отпускаю все на самотек, и это дарит мне большее ощущение свободы, чем я могла бы предположить.

Я улыбаюсь, когда ловлю свой взгляд в зеркале, но потом останавливаюсь в ужасе. Мои волосы взлохмачены по максимуму.

— Святое дерьмо, — бешеные щупальца торчат в разные стороны от моей головы. Я словно женская версия безумного Кэррота Топа. И в таком виде я флиртвала с Дрю. Я практически стону, но сдерживаюсь, когда слышу, что душ отключился.

Я хватаю свою косметичку как раз тогда, когда Дрю входит в комнату.

Он, конечно же, не потрудился обернуться полотенцем. Нет, он абсолютно прекрасен,

хромая и светя голым задом, Дрю одаривает меня наглой усмешкой.

— Я приму душ, — говорю я, медленно проскальзывая мимо него, до смерти желая привести в порядок свои безумные локоны.

Он сердито приподнимает бровь.

— Тогда почему ты не приняла душ вместе со мной?

— Ты знаешь почему, — я почти в безопасности.

— Растрачивать воду понапрасну — преступление в некоторых штатах, Джонс, — кричит он, пока я бегу по коридору к ванной.

— Хорошо, что мы живем не в одном из таких штатов, — я закрываю дверь.

Несмотря на мой кошмар с волосами, душ Дрю — это рай. Я выгибаю шею и позволяю воде струиться по моим ноющим мышцам. Но я не задерживаюсь надолго. Сейчас мне хочется быть с Дрю.

Используя достаточно средств для волос, я привожу свои локоны в относительный порядок, а затем оглядываюсь в поисках своей ночной рубашки и ругаюсь. Я забыла о ней. И хотя я не стесняюсь Дрю и своего обнаженного тела, кажется, что сейчас это будет воспринято в роли поддразнивания. Если завернусь в полотенце — это не улучшит ситуацию. Я могла бы одеться в свою одежду, которую только что сняла, но она тоже воняет больницей. И тут я замечаю одну из его рубашек, висящую на внутренней стороне двери ванной. Она кажется чистой и пахнет хорошо, так что я беру ее, после чего осознаю, что это не рубашка, а одна из его джерси.

Я натягиваю ее через голову, фактически она достигает мне до колен, а рукава висят в районе локтей. Я колеблюсь, гадая, стоит ли ее носить, когда слышу Дрю из соседней комнаты.

— Ты что там потерялась, Джонс?

Закатывая глаза, я наношу немного лосьона на ноги.

— Проблемы с терпением?

— Эй, — говорит он из-за двери, — а что это за маленькая баночка здесь?

Я приоткрываю дверь.

— Это оливковое масло, — я оставила маленькую баночку масла на его прикроватной тумбочке. — Физиотерапевт твоей команды сказал, что тебе оно может понадобиться, а у меня не было никакого масла для массажа, так что...

— Ты говорила с моим физиотерапевтом? — кажется, он немного задыхается, удивлен, но не сердится.

— Конечно, — я вхожу в комнату. — Я не могла бы тебе помочь, если бы не поговорила с ним. Я могу помассировать твою ногу сейчас, если ты... Что? — я останавливаюсь у изножья кровати. — Почему ты так на меня смотришь?

Он приподнимается на кровати, его мускулы изгибаются и напрягаются, пока Дрю изумленно смотрит на меня. Мгновение мы просто смотрим друг на друга. Боже, один его вид чего стоит. Лампы отбрасывают теплый свет на его золотистую кожу, цвет которой контрастирует с постельным бельем, прикрывающим его узкие бедра, тем самым больше дразня меня, чем создавая барьер.

Дрю нарушает тишину.

— Ты... — он откашливается. — Ты серьезно пытаешься убить меня, верно?

— Ты под кайфом? — смеюсь я мягко, но мое сердце стучит чаще, возбужденно трепещет в моей груди.

— Возможно, — его губы изгибаются в улыбке. — Ты выглядишь нереально эффектно и сексуально в моей джерси, Анна Джонс.

Я закатываю глаза и усмехаюсь.

— Ты *точно* под кайфом.

— Иди сюда, — он протягивает мне руку. — Прямо сейчас.

Качая головой, я иду к нему, вскрикивая, когда он хватает меня за запястье и затягивает на кровать.

— Полегче, — предупреждаю я, оседлав его колени, лицом к Дрю. — Я не очень обрадуюсь, если по твоей вине нечаянно задену твою ногу.

— К черту мою ногу, — его руки ложатся на мои бедра.

Поскольку сейчас весь Дрю в моем распоряжении, я исследую изгибы его шелковистой кожи груди, наслаждаясь тем, как перекачиваются его мышцы и тем жаром, что исходит от его тела. Дрю всегда такой теплый.

— Чувствуешь себя хорошо? — мой голос мягок, заботлив, я не узнаю сама себя.

— Я чувствую себя довольно чертовски хорошо сейчас, Джонс, — он поднимает руки и аккуратно рисует пальцем единичку на моей правой груди. Мой сосок твердеет под его прикосновением, и в ответ Дрю задерживает палец возле него, проводя несколько раз назад-вперед. — Она выглядит на тебе лучше, чем на мне.

И хотя его взгляд полон страсти, я слышу тьму в интонации его голоса. Мои внутренности сжимаются. Я пытаюсь отстраниться, но он крепко удерживает меня, складка образуется между его бровей, когда Дрю вопросительно смотрит на меня.

— Мне не следовало ее надевать. Это было бесчувственно, — почему я не поняла, что он вспомнит о своей потере, увидев эту глупую джерси?

Он сжимает мое бедро.

— Нет, следовало. Тебе следует надевать ее каждую чертову ночь, если тебе интересно мое мнение, — он мужественно старается улыбнуться.

Желая успокоить его, я поглаживаю плечи парня.

— Все в порядке. Если ты будешь одеваться так же каждую ночь.

— Но на мне ничего нет, Джонс.

— Я знаю, — я нежно целую его.

Наши губы соприкасаются, и он запускает руку мне в волосы.

— Ты так прекрасна для меня, — говорит он напротив моего рта.

Я отстраняюсь, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Для тебя?

Он часто говорит это, и часть меня задается вопросом, говорят ли другие ему нечто совершенно противоположное.

— Для меня, — его пальцы скользят к изгибу моего плеча, касаясь заколки на моих волосах. — Когда мы вместе, то есть, просто ты и я. Больше никого не существует.

От этих слов мне хочется плакать, хочется рассказать ему о том, что я никогда не позволяла себе произносить вслух.

— Дрю, — я прижимаю свой кулак к его груди. — Ты не можешь продолжать говорить мне такие прекрасные вещи, — я неуверенно ему улыбаюсь. — То есть, как мне соответствовать им?

Он смеется.

— Ты хочешь, чтобы я раскаялся в собственной романтичности?

— Нет, — я целую его в щеку, рядом с уголком его глаза. — Возможно. Когда дело касается тебя, мне хочется соревноваться.

Еще один смешок вырывается из его груди.

— Тогда сыграем?

— Ага, — я целую его вторую щеку.

Он вздыхает, прикасаясь к моей шее, нежно поглаживая ее.

— Нанеси свой удар, Джонс.

— Дрю? — я утыкаюсь носом в его ухо.

— Да?

— Думаю, ты правда очень милый, — растягиваю я слова.

Он раздражается смехом.

— О, вау, — говорит он невозмутимо. — Я просто тренировался.

— Ты знаешь, о чем я.

Я так скучала по нему. Счастье — лезвие, режущее мое сердце.

Теплые ладони Дрю скользят вверх по моему бедру, пока его пальцы не касаются изгиба между моих ног. Незамедлительно мой центр сжимается. Еще сильнее, когда его голос становится низким рокотом.

— А, как же я скучал по этому. Я скучал по твоей идеальной киске.

— О, это крайне льстиво, — говорю я, фыркая.

— Но и здорово.

Мы смеемся, но еще одно легкое прикосновение его большого пальца делает меня нереально влажной. Дрю чувствует это и вздыхает, прижимая свой лоб к моему.

— Киска Анны Джонс. Абсолютное совершенство.

— Думаю, стоит сделать карточки с этой надписью, — я пытаюсь не ерзать напротив его неугомонного пальца.

— По крайней мере, стоит сделать такую надпись на твоём нижнем белье, — его большой палец щелкает по моему клитору.

— Я решила в дальнейшем обходиться вовсе без нижнего белья, — я не могу дышать. — Кажется крайне постыдным, прикрывать такое совершенство, ну, ты понимаешь?

— Хорошая идея. Ты же не хочешь перекрыть здесь нашей девочке кислород.

— Ты такой заботливый, Дрю.

Хотя мы шутим, и он делает все возможное, чтобы завести меня, мрачный осадок все еще витает в воздухе. Дыхание Дрю слишком медленное и тяжелое, словно огромный груз давит ему на грудь. И мое сердце болит за него. Особенно, когда Дрю рассеянно выводит номера на моей груди.

— Эй, — я опускаю руки на его щеки. — *Я надену* свои трусики обратно. Не смей думать о посторонних вещах.

— Да, мэм.

— Я правда сделаю это, Дрю. Вот увидишь.

Уголки его глаз морщатся от беспокойства.

— Что наталкивает тебя на подобные мысли, красавица?

— Ты слишком тих, а это несвойственно для тебя.

Дрю медленно, но широко улыбается.

— Поцелуй меня, Анна.

Мы встречаемся на полпути. В секунду я приоткрываю свои губы, и его язык скользит в

мой рот, пробуя меня на вкус. Я дрожу, обожая то, как он прикасается ко мне и выдыхает воздух в мой рот, когда вздыхает.

Под простыней его член становится больше, тверже и, приподымаясь, прижимается между моих ног. Я раскачиваюсь напротив него, и мы оба стонем. Дрю сжимает мои щеки, держа мое лицо так, как он хочет.

— Я люблю твои губы, — шепчет он.

А затем всасывает мою нижнюю губу, играя с моим ртом так изысканно и приятно.

— Я люблю то, как ты меня целуешь, — говорю я.

Он рычит, эта вибрация передается и мне. Его поцелуй становится более грубым и наглым.

— Я люблю *тебя*.

Слова ударяют в меня, и все мое тело замирает. Я трясусь, отстраняясь от него, чтобы взглянуть ему в лицо. Его выражение напряжено, он смотрит на меня с опаской. Дрю знает, что только что перевернул мой мир.

— Что ты сказал? — задыхаюсь я.

— Ты слышала меня, — его тон осторожен, словно парень ждет, что я сбегу, но надеется, что это не произойдет.

Слезы затуманивают мой взор. Мое тело наливается свинцом. Я наклоняюсь в его объятия и прижимаюсь к его груди. Аккуратно он приподнимает меня так, чтобы видеть мое лицо.

— Эй, — его большой палец вытирает мои слезы. — Я сказал это не для того, чтобы тебя расстроить. А потому, что слишком трудно держать все в себе, — он наклоняется вперед, пока наше дыхание не смешивается. — Я хочу говорить тебе это каждый день.

Дрю выдерживает паузу, и уязвимость искажает его лицо.

— К тому же тебе необходимо знать, что это значит для меня, потому что ранее я не был предельно откровенен, — глубокие золотистые глаза зачаровывают меня. Он открывает себя передо мной, обнажая свою душу. — Мое сердце твое, Анна. И каждый раз, когда я должен был уходить от тебя, каждый раз, когда ты покидала меня, я чувствовал, словно мое сердце вырывают из груди. Это так чертовски больно, Анна.

Его признание отражает мои чувства так точно, что свежая волна горячих слез выступает у меня на глазах.

— Меня это тоже ранило. Очень сильно. Я ощущала себя такой пустой, что не могла устоять на ногах.

Темные брови Дрю сходятся еще сильнее.

— Тогда почему ты не...

— Я боялась. Черт, — я прерывисто вздыхаю, ощущая тошноту. — Ты светишься так ярко, Дрю. И мне это нравится, но я не знала, как смогу жить в тени твоего света.

Он хмурится, и в выражении его лица читается ярость. Однако его слова тихие и уверенные.

— Вот, что во мне видят люди? Просто лоск. Но, Анна, это ты зажигаешь *меня*. Дрю. Не игрока. Ты не знала, как жить в моем свете? Однако у меня нет света, если ты не со мной.

— Дрю, — дрожащей рукой я глажу его шею, потом всей ладонью провожу к центру его груди. — Я не... — я зажмуриваю глаза. Я не хочу признаваться в своих слабостях. Даже перед самой собой. Но это же Дрю, и я доверяю ему. Что важнее, он заслуживает это знать. Я открываю глаза и смотрю ему в лицо.

И он смотрит на меня в ответ сейчас более неуверенно, словно ему снова больно из-за меня и моих чертовых сомнений.

— Я никогда не ходила на вечеринки, — выпаливаю я. — Меня никогда не приглашали на свидание, парни никогда даже не смотрели в мою сторону, пока я училась в старшей школе.

Его выражение лица сменяется от шокированного до смущенного, а затем в его чертах читается понимание, от чего мой живот стягивает в узел. Мои пальцы сгибаются, хватаясь за него как за якорь.

— Я не нравилась никому по-настоящему. Я была толстой девочкой. Угрюмой, потому все притворялись, что меня не существует, — я фыркаю — уродливый, болезненный звук. — Или возможно все и правда не знали о моем существовании.

Я пожимаю плечами, не желая встречаться взглядом с Дрю, но все равно делаю это.

— Мама называла меня поздним цветком. Что ни хрена не объясняет, когда тебе шестнадцать, и ты умираешь внутри, — злобно я вытираю свои глаза. — А ты... — мой голос срывается, прежде чем могу восстановить над ним контроль. — Когда я сказала, что ты сияешь, я имела в виду именно это. Ты — солнце, вокруг которого вращаются другие люди. Если бы ты учился в моей школе, ты был бы тем, кого все считали лидером. Ты бы никогда не посмотрел на ту, что скрывается в тени.

— Анна... — его голос такой мягкий, что это вызывает у меня отвращение.

— Нет, — восклицаю я. — Просто... позволь мне закончить.

Он неуклюже кивает.

— Я знаю, что нехорошо было поступать с тобой таким образом, — говорю я. — Или причислять тебя к какой-то категории, которую я придумала, основываясь на собственном плохом опыте и тревогах подростковых лет. Но это сложно, Дрю, — мои губы дрожат, я прикусываю их. — Сложно свести все это на нет, когда оно возвращается ко мне всякий раз, как ты обращаешь на меня внимание на людях, и они смотрят. Они спрашивают, почему ты вообще со мной.

— Меня не волнует, что думают люди, — перебивает он отрывисто. — Мне важно лишь твое мнение.

Моя челюсть отвисает. Я не могу больше смотреть на него.

— Разве ты не понимаешь? Я чувствовала себя будто самозванка. Я ждала, что ты осознаешь то, что неправильно все понял. Что я была девушкой, на которую ты никогда не должен был даже смотреть.

— Но это невозможно, — говорит он, сдерживая гнев.

— Но...

— Анна, детка, ты бы никогда не могла быть девушкой, которую я бы не заметил, неважно, когда бы мы познакомились, сейчас или в старшей школе, — он притягивает меня ближе, потираясь своим носом о кончик моего. — Разве ты не поминаешь? Я знаю это, потому что в то мгновение, как увидел тебя, ты стала всем, что я могу видеть, — Дрю целует меня, удерживая до того, как снова отстраниться, чтобы понять мою реакцию. Его глаза такие чистые и настолько переполнены эмоциями, что мое горло сжимается. И словно он ощущает то же самое, Дрю напряженно сглатывает, и его голос стихает до шепота. — Я люблю тебя, Анна Джонс. Это не изменится. Я полюбил тебя, когда думал, что мы никогда не будем парой, и люблю тебя до сих пор.

Я прерывисто выдыхаю и наклоняюсь к нему. На этот раз я целую его не в губы, а в то

чувствительное место на его шее, где под кожей бьется пульс.

— Мне следовало рассказать тебе раньше.

Его горло двигается под моими губами, когда парень еще раз сглатывает.

— Ага, — губы Дрю касаются моего виска, а его грубые теплые ладони двигаются вниз по моим бедрам. — Но сейчас я понимаю.

— Мне так жаль, Дрю, — я нежно целую его в центр груди.

Его голос такой хриплый.

— Не нужно.

Нет, ему нужны эти слова, по крайней мере, чтобы знать, что я тоже забочусь о нем. Я так много задолжала ему. Садясь на его колени, я встречаюсь взглядом с его глазами. Эмоции образуют новый ком у меня в горле, разгоняют мое сердце до бешеных оборотов.

Дрю кажется строгим, его губы расслаблены, но он не улыбается. Боже, он — это все. Все. Я прикасаюсь к его щеке, трогая кожу под щетиной кончиками пальцев. Мой рот приоткрывается, но слова не выходят. Со странным звуком я снова бросаюсь к нему, крепко обнимая его и пряча лицо в плавном изгибе его шеи. Он такой теплый, а его запах так знаком и комфортен, что я начинаю сильнее плакать.

И хотя я очевидно его шокировала, Дрю все равно обнимает меня и крепко держит в своих руках.

— Эй, — говорит он нежно. — Анна...

— Прости меня, — я заглатываю воздух, стараясь успокоиться. — Прости меня, — я не могу унять дрожь.

Его руки, словно стальная стена, поддерживают мою спину, а его грудь — твердь напротив моей груди. Я сильнее прижимаюсь к нему.

— Я так боялась, — шепчу я напротив его влажной кожи. — Я видела тебя... когда ты получил травму. Мне нужно было прийти к тебе и... — я не могу закончить предложение.

Его тело подо мной немного расслабляется, а его большие ладони ложатся на мой затылок, поглаживая его.

— Шшш. Все в порядке.

Но это не так. Как я могу объяснить ему это? Если бы он не оправился от того удара, что-то жизненно важное внутри меня бы умерло. Правда душит меня, жжет мое горло.

— Все в порядке, Анна. Ты со мной, — его вкрадчивый, глубокий голос прокатывается по моей коже, словно ласка. — Я не отпущу тебя.

Он не отпустит меня. И никогда не хотел этого делать. Вздыхая, я прижимаю свой лоб к его.

— Этого не должно было случиться.

— Чего именно, детка?

Я провожу трясущимися пальцами по линии его подбородка.

— Я не должна была оказаться с тобой сейчас. До того, как разобралась бы сама со своим дерьмом.

— Но ты здесь, — шепчет он. — И я не жалею об этом.

Как и я.

Я смотрю на него. По-настоящему смотрю, мои глаза широко открыты, позволяя ему увидеть всю меня. Каждое скрытое слабое место. В ответ, я вижу целый мир в его глазах. Дрожь пробирает меня, и я опускаю руки на его щеки.

— Я люблю тебя, Дрю Бэйлор. Никто и *никогда* не значил для меня столько, сколько

значит ты. Я обожаю тебя, нуждаюсь в тебе, жажду тебя...

Его губы встречаются с моими в глубоком требовательном поцелуе.

Я растворяюсь в нем, сжимая шею и плечи Дрю, словно спасательный круг. И больше нет места разговорам, есть только поцелуи, иступленные и долгие. Есть места, что так требуют прикосновений. Эмоции и потребности, которые наводняют нас подобно приливу. Простыня на его коленях отлетает в сторону, и его горячий член прижимается к моей киске, скользя по ее влажности.

— Впусти меня в себя, — выдыхает он в мой рот, пока его губы ласкают мои. — Мне нужно оказаться внутри тебя.

Я раскачиваюсь на нем, вызывая ответный стон. И когда приподнимаюсь, и его толстый округлый кончик члена прижимается к моему центру, наши взгляды встречаются. Мы оба дрожим, пока я опускаюсь на него. Ощущения чертовски приятные, словно я заполучила все то, по чему так скучала, и в то же время что-то такое, чего никогда еще не ощущала. Это лучше. Более правдиво.

Мышцы на его груди напрягаются, когда Дрю толкается глубже, а на его щеках выступает румянец.

— Боже, — хрипит он, — Я скучал по этому. Чтобы быть вот так зажатым внутри тебя. Так совершенно. Это именно то, в чем я нуждался. Ты. Здесь.

— Я знаю. Я тоже в этом нуждалась, — я сжимаю его щеки своими ладонями. — Я скучала по тебе. Я так сильно по тебе скучала.

Его глаза почти закрываются от этих слов, а горло движется. Руки Дрю поддерживают меня, как и мои поддерживают его. И он толкается вверх, встречаясь со мной на полпути. Наши лбы соприкасаются, неровное и горячее дыхание смешивается.

Я медленно двигаюсь на нем, волнообразно работая бедрами в размеренном темпе, от которого мы оба содрогаемся. Моя киска кажется опухшей и наполненной им. Каждое движение — пытка. Я остро ощущаю каждый дюйм его длины, входящей и выскользывающей из меня.

Моя кожа покрывается потом, и я срываю с себя джерси; холодный воздух ударяет по моей коже и соски напрягаются. Дрю втягивает один в свой рот, посасывая его резкими рывками так, что пульсация простреливает в самый мой центр. Мое дыхание перехватывает, и внутренности замирают. Я знаю, что он чувствует это, так как стонет и отвечает резким движением своих бедер. Его большая рука сжимает мою попку, массируя и растирая ее, словно тем самым он компенсирует мне все то, что мы упустили.

Боже, он выглядит таким вкусным, весь потный и покрытый румянцем, его мышцы двигаются, когда наши тела ударяются друг о друга. Я наклоняюсь, облизывая основание его сильной шеи. Его запах наполняет меня, даря комфорт и возбуждение. Я люблю то, как он пахнет, как ощущается.

Обе его руки накрывают мои ягодицы. Его пальцы касаются входа в мою попку, и я шиплю. Ощущения, темные и запретные, проносятся сквозь меня.

Наши глаза встречаются. И так как Дрю обращает внимание на каждое мое движение, я вижу, как понимание вспыхивает в его глазах.

Медленно, преднамеренно он поглаживает это место снова, исследуя эту область моего тела. И снова мои внутренности затягивает в узел. Это прикосновение кажется недозволенным, однако, несмотря на колотящееся в моей груди сердце, или возможно из-за него, я толкаюсь навстречу его пальцу. Достаточно сильно. Его кадык вздрагивает, а кожа

колется. Я ощущаю, как его член становится больше во мне.

Не разрывая зрительного контакта, двигаясь достаточно медленно, чтобы я могла его остановить, Дрю тянется к прикроватной тумбочке. Я не смотрю на то, что он делает. Часть меня знает, готова на все. Ожидание вызывает трепет в моем сердце, а горло пересыхает. Мы замираем и напрягаемся, и я ощущаю, как его член пульсирует во мне. Наше смешанное дыхание кажется слишком громким в тишине комнаты. И затем я вижу блеск на его пальцах, сейчас покрытых оливковым маслом.

Первое прикосновение — медленный, уверенный толчок. Я напряженно сглатываю, мой клитор пульсирует, а киска сжимается. *Боже.*

Толстый кончик его пальца протискивается через тугое кольцо моей попки. Я стону, и моя голова падает вперед. О, боже. То, что мы делаем — нечто новое для меня. Что-то, в чем я никогда и никому не доверяла. Эти личное, пикантное, испорченное. Но я хочу большего.

Наблюдая за мной своими темными глазами, он понимает все. Мои веки трепещут, удовольствие и наполненность так сильно атакуют меня. Я так возбуждена, так заведена, что едва могу дышать. Моя грудь вздымается, а бедра трясутся.

Он тоже дрожит, его тяжелый взгляд не покидает меня ни на секунду, и я знаю, что он никогда не делал ничего подобного ранее. Дрю дышит так, словно пробежал несколько миль, пот покрывает его золотистую кожу и блестит в свете лампы.

С каждым толчком его члена, его палец выскальзывает, а затем проникает обратно, когда его эрекция покидает меня. В середину и наружу, медленный неумолимый ритм двойного проникновения, от которого я буквально схожу с ума. Я так слаба, что могу лишь лежать у него на груди и принимать все то, что он мне дает, дрожа и покрываясь потом. Наши губы соприкасаются, и мы дышим одним воздухом. Я целую его, скользя своим языком в его рот, трахая его так же, как он трахает меня. Дрю стонет. Его бедра врезаются в мои, сильнее и агрессивнее.

Еще один палец погружается в меня, и я хнычу. Вторжение болезненно, чувство которого я одновременно хочу и избежать и испытать по полной. Я ощущаю его всем телом, оно прокатывается по моей коже, будто скользит вдоль позвонка. Я сейчас рассыплюсь здесь и сейчас, исчезну, растворюсь в его плоти.

Его следующее вторжение в мое тело разбивает меня на осколки. Мое дыхание скользит по груди Дрю. Он шевелит своими пальцами. И я теряю всякое ощущение самой себя, испуская протяжный пронзительный крик. Моя спина выгибается, а руки упираются в его плечи.

Но Дрю не прекращает мучить меня. Он толкается глубже. Оргазм нарастает с каждым моим вдохом. Исступленно я покачиваю своими бедрами, нуждаясь в трении.

— О, черт... О, чер...

Я наклоняюсь над Дрю, мое лицо зарывается в изгиб его шеи, пока все мое тело напрягается и сотрясается дрожью. Из последних сил я хватаюсь за его плечи и трусь о его бедра. Мне нужно освобождение. Оргазм никак не отпускает меня, удовольствие, будто волна, захлестывает.

— Дрю, — это беспомощная мольба. — Дрю...

Испуская стон, он поворачивает голову и сжимает мой затылок. Его поцелуй неистов, грешен, пока его бедра вколачиваются в меня жестко и дико. Оргазм достигает своего пика, поглощая меня, словно холодный пожар. Я всхлипываю напротив его рта. Он поглощает эти звуки, резко выдыхая через нос. Все его тело вздрагивает, а захват в моих волосах

усиливается, когда Дрю погружается в меня и замирает. Он кончает, испуская ревущий звук, от которого содрогается все его тело.

Какое-то время мы лежим, словно скользкое желе. Мое тело приподнимается и опадает по мере того, как Дрю дышит. А затем он обнимает меня, одна рука оборачивается вокруг моих плеч, а вторая ложится на мои бедра, тогда как его губы покрывают мое лицо нежными поцелуями.

— Детка. Ты в порядке? Это было... — сладостная дрожь проходит по его телу.

— Ага, — шепчу я, — это было *нечто*, — улыбаясь, я играю с кончиками его волос и слабо отвечаю на его поцелуи. *Наконец-то*. Наконец-то все ощущается правильно.

Дрю прижимает мою руку к своей потной груди, там, где все еще дико бьется его сердце. Его голос тише шепота, но я отчетливо слышу каждое слово.

— Мой мир в твоей ладони, Анна.

И я наполню этот мир всей той любовью, что есть у меня. Так мы и засыпаем, он все еще глубоко внутри меня, а наши тела переплетены, как единое целое.

У МЕНЯ ЕСТЬ Анна, всецело моя, на целых семь дней. Семь дней, которые я начинаю называть Святой Троицей буквы "С" — семь дней для Секса, Сна и подкрепления Сил. Все это нам так необходимо. Моя кровать — это базовый лагерь, хотя иногда мы совершаем налеты на диван, на кухонную столешницу и один раз на мою скамью для качания, хотя я не могу вспомнить, как мы туда попали. Однако я четко помню то, как Анна кончила, как стеночки ее киски сжимали меня, как она кричала. И это снова возбуждает меня, пока я хромаю на кухню за очередной порцией еды.

Как парень, который всегда жил по расписанию, я думал, что буду злиться и нуждаться хоть изредка выбираться из дома, но знаете, мне нравится перерыв. Пока я не думаю о футболе, я счастлив. Расслаблен. Когда я в последний раз был расслаблен? Даже не помню. Но вот, что я точно знаю, так это то, что за данное ощущение мне стоит благодарить Анну. Анну, которая любит меня. Боже, ее любовь изнуряет меня. Я чувствую себя таким слабым, как чертов котенок, и настолько большим, как гребаная гора.

И словно мои мысли притягивают ее, Анна заходит в гостиную. Вот только у нее в руке ее сумка. В ответ мое сердце уходит в пятки.

— Ты уезжаешь? — думаю, мои слова звучат легкомысленно, но может это и не так. Я слишком неуравновешен, чтобы адекватно оценить это.

Она бросает сумку на диван и завязывает волосы в хвост.

— Мне нужно кое-что постирать.

— Ты можешь сделать это здесь, — круто. Прозвучало так, будто я умираю от потребности.

Она мимолетно улыбается мне.

— Я знаю. Но в некотором роде мне надоела эта одежда.

Верно. Ну, это уже аргумент.

Двигаясь, как всегда грациозно, Анна направляется на кухню.

— После завтрака, думаю отправиться домой и кое-что заняться.

Я стучу ногтем по своему стакану с апельсиновым соком.

— Ладно.

Не знаю, что со мной не так. Мне нравится уединение. Анна должна иметь возможность уехать, когда пожелает. А я должен нормально к этому относиться. Я просто знаю, что в тот момент, когда она выйдет из этого дома, то заберет с собой солнечный свет.

Раздается громкое и длительное жужжание, и воздух наполняется запахом кофе. Кофе-

машина. Грей принес ее обратно, сделав вид, что он одолжил ее на то время, пока я лежал в больнице — ложь, за которую я ему очень признателен. Особенно после того, как Анна завизжала будто ребенок в Рождественское утро и набросилась на меня с объятиями, когда я сказал ей, что купил эту штуку для нее.

Анна несет свою полную чашку кофе к стойке и садится на барный стульчик. Она одета в белую мешковатую футболку и укороченные брюки. Чертовски сексуально. Я очень хочу задрать ее футболку и пососать сладкие вершинки ее груди, но дыра у меня в животе не желает исчезать.

Не замечая моего кислого настроения, Анна убирает упавшие ей на лицо локоны и делает глоток кофе.

— Сегодня я собираюсь встретиться с Айрис и Джорджем, — она смотрит на меня, и я замечаю сомнение в выражении ее лица. — Тебе тоже стоит выбраться из дома. Возможно, потусоваться с друзьями. Декс постоянно названивает.

Она боится, что я стану отшельником. Слишком поздно.

— Очень тонко, Джонс.

Она усмехается.

— Одно из многих моих достоинств.

Я фыркаю.

— Ладно. Я прогуляюсь, — не хочу этого делать, но будь я проклят, если дам ей причину жалеть меня.

— Хорошо, — она хватает банан, при этом хмурясь, а потом кладет его на место и спрыгивает с табурета. Ее шикарная попка приподнимается, когда Анна шарит в холодильнике. — Что ж, думаю, увидимся завтра.

Моя рука с силой сжимает стакан.

— Ты можешь вернуться сегодня вечером, Анна. Это будет нормально. У тебя есть ключ.

Она не смотрит на меня, пока тянется к йогурту.

— Нет. Будет уже поздно, — не то, чтобы я очень волнуюсь. — И в любом случае, я должна дать тебе некоторое пространство. Хоть ненадолго.

Черт, ее руки двигаются так быстро, доставая упаковку йогурта, перемешивая его, вертя в руках ложку. Я слежу за тем, как она порхает по кухне, и мое сердце ухает вниз.

— Тебе нужно пространство? — говорю я так осторожно, как только могу. Но она замирает неподвижно, словно пойманный вор, смотря на меня настороженно. Я чувствую, что мы оказались словно на минном поле.

— А тебе? — нападает она в ответ.

Несмотря на волнение, улыбка касается моих губ.

— Мы так и будем ходить вокруг да около?

Ее плечи немного расслабляются. А губы отражают мою улыбку.

— Возможно. Почему бы тебе не определить, что ты подразумеваешь под этим самым пространством, а я расскажу тебе, что подразумеваю я.

Эта одна из девичьих уловок, которые разработаны таким образом, чтобы оставить вас уязвимым, чтобы вы провалились в выкопанную вами же самими яму. Я знаю это. Как и она. Но ее уверенный взгляд говорит, что лучше бы мне ответить, или же я свалюсь в какую-то иную яму. Чертова женская логика. Я провожу рукой по своим волосам.

— "Пространство" подразумевает возможность для нас обоих совершать разные штуки

совместно, потому что мы хотим быть вместе. Однако мы можем делать какие-то вещи по отдельности, потому что хотим сделать их раздельно.

Медленно, она кивает, а ее взгляд ни на секунду не отрывается от моего.

— Я бы сказала тоже самое.

Некое напряжение спадает с моих плеч.

— Если быть предельно откровенным, — говорю я, — твое присутствие освещает мой день.

Анна немного прикусывает свою губу, но не может скрыть удовлетворенное выражение, что расцветает у нее на лице.

— Ты тоже мой свет.

Сейчас моя очередь кивать, не глядя на нее, потому что не хочу, чтобы она заметила выражение облегчения у меня на лице.

Анна снова смотрит на меня.

— И это все, что ты хочешь сказать, а? — она машет рукой так, словно выуживает из меня остальные слова. — Давай, я знаю, что есть нечто большее.

Я сжимаю свой затылок.

— Переезжай ко мне, — слова покидают мой рот, прежде чем я даже успеваю их толком осмыслить. Вот так они и повисают между нами, бомба с заведенным механизмом. Анна щурится, глядя на меня.

Ее рот открывается и закрывается до того, как слабое "Что?" наконец вырывается из моего горла.

Мне хочется съежиться. Но я не отступаю, не отвожу взгляда.

— Знаю, у тебя, вероятно, есть куча хороших, логичных причин, почему мы не должны жить вместе так скоро. Черт, я сам могу придумать с дюжину таких причин прямо сейчас. Но вот в чем дело... — мои пальцы широко раздвигаются на столешнице, а гранит холодит мою ладонь, — в начале я двигался осторожно, не желая спугнуть тебя или давить на тебя...

— Но ты не прочь надавить на меня сейчас? — перебивает она, в ее голосе слышна ирония, но на лице сияет неуверенная улыбка. Именно эта улыбка и дарит мне надежду, что девушка не развернется на своих каблуках и не убежит от меня в любую секунду.

— Это не так. Тогда я не был честен с тобой. На счет того, чего я хотел, — я делаю шаг ближе к ней, и моя рука тянется над стойкой. — И в результате все полетело в тартарары.

Темные тени подкрадываются к ее глазам. Вина. Я знаю это, но не собираюсь забирать обратно свои слова. Я понижаю голос, стараясь говорить мягко, но убедительно.

— Так что я думаю, что сейчас нужно выложить все карты на стол. Потому что, Анна, — мои пальцы прикасаются к холодным пальцам ее руки и крепко переплетаются с ними, — когда я говорил, что хочу всего, то подразумевал это на самом деле. Я хочу засыпать с тобой и просыпаться с тобой. Каждый день. Мысль о твоём отъезде домой сегодня вечером и о том, что мне придется спать без тебя... Ненавистна мне.

— Правда?

— Ты кажешься удивленной.

Ее губы слегка приоткрываются, когда Анна машинально качает головой.

— Нет. Я... Я тоже ненавижу это. Я просто не знала, хочешь ли ты, чтобы я осталась или ушла или... — она смолкает, выглядя взволнованной.

Это уже больше, чем гребаный проблеск надежды.

Я сильнее сжимаю ее пальцы.

— Вероятно, мне следует заканчивать с признаниями о моих намерениях.

— А есть еще что-то? — она борется с улыбкой.

— Ага, — я тяну ее вокруг стойки так, чтобы она оказалась прямо передо мной. Ее голова отклоняется назад, когда Анна смотрит на меня, и я прикасаюсь большим пальцем к линии ее щеки. Мое сердце буквально ударяется о ребра. Я выхожу за пределы разумного. Но хочу этого так сильно. Я извлек свой урок — Анна слишком важна для меня, чтобы использовать полумеры.

— Однажды, — говорю я ей. — Я хочу жениться на тебе.

Все ее тело рефлекторно вздрагивает, ее челюсть отвисает.

— Жениться на мне?

Я не могу сдержать улыбку в ответ на ее шок.

— Не сейчас. Мы пока что не готовы, — я провожу кончиком большого пальца по ее нижней губе. — Но однажды. В один день я попрошу тебя об этом и надеюсь, ты скажешь "да", — я прикладываю ладонь к ее щеке. — Ты для меня все, Анна Мария.

Она делает шаг в мое личное пространство, ее рука ложится мне на талию, тогда как другая накрывает мое предплечье, с силой сжимая его. Мое сердце делает кульбит, прежде чем на меня накатывает чувство легкости. Анна заглядывает мне в лицо, немного улыбаясь.

— Потому что иногда ты просто знаешь?

Усмешка касается моих уст.

— Ты *обратила* на это внимание.

А затем она ныряет в мои объятия, ее руки скользят по моей груди к шее. Внутри меня разливается тепло, и я наклоняюсь, чтобы встретиться с ней губами, но останавливаюсь в дюйме от них.

— Это значит да?

Она тоже замирает, а на ее щеках появляются ямочки от улыбки.

— Ты знаешь, тебе было совсем не обязательно меня уговаривать. Я и так собиралась ответить "да".

Мой желудок сводит. Она прижимается ближе, покусывая мой подбородок, направляясь к чувствительному уголку моего рта. Я ощущаю, как сжимаются мои яйца.

— Правда? — мой рот почти накрывает ее, желая поглотить, но Анна уклоняется, красиво улыбаясь в ответ, а затем мимолетно проводит своим губами по моим.

Я хватаю ее за бедра, с силой притягивая к себе.

— *Джонс*.

— *Бэйлор*, — она смеется и, наконец, сдается, ее пальцы играют с кожаным ремешком у меня на шее. — Конечно, я бы сказала "да", — ее большой палец ласкает деревянную щепку, которую я отколол от двери дома моих родителей. И когда наши взгляды встречаются, ее глаза широко открыты, такие насыщенно зеленые. — Ты — мой дом, Дрю.

Я рвано выдыхаю.

— Мы будем домом друг друга.

Анна

РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ о моем переезде к Дрю проходит именно так, как я и ожидала, то есть не очень хорошо. Прямо сейчас Айрис набрасывается на меня.

— Ты, блин, с ума сошла? — она следует за мной в мою комнату, наблюдая за тем, как я открываю шкаф и вытаскиваю чемодан, с которым моя мама отправила меня в колледж. — Вы только что сошлись. Почему ты должна к нему переезжать?

— Потому что он попросил об этом? — я швыряю чемодан на свою кровать. — И потому что я хочу этого?

Джордж заходит в комнату.

— А как же Айрис? Ты не можешь так просто бросить ее.

Я смотрю на него, прежде чем подойти к своему комоду.

— Думаешь, я поступаю именно так? — меня ранит то, что он так думает, но я выдержу это; любовь делает людей безумными. — Я все еще буду платить за аренду здесь, пока Айрис не переедет учиться в магистратуру.

— Так Дрю типа станет тебе кем-то вроде сладкого папочки? — Айрис усмехается этой идее.

— Ага, потому что вот такая я, — я закатываю глаза. — Он владеет домом и оплачивает лишь коммунальные услуги. Я же буду покупать продукты, — я хотела оплачивать больше вещей, но Дрю настоял на таком распределении. Его имя на всех счетах, и у него есть деньги, так что мы пошли на компромисс.

Айрис плюхается на кровать и лениво клацает замком на чемодане.

— Я понимаю, что ты рада вернуться к Дрю, Банана, но очнись, ты же избегала привязанности словно чумы, а сейчас собираешься съехаться с ним?

Я не могу винить Айрис в скептицизме. Если бы я сама себя услышала неделю назад, то подумала бы то же самое. Но все меняется. Люди растут.

— Несколько месяцев я закрывалась, не подпуская Дрю, уверяла себя, что потеряю саму себя, если подпущу его. Что он разобьет мне сердце. Но это я погубила свою душу. Я была чертовски несчастна.

Даже воспоминание об этом причиняет боль. Я отбрасываю его, глубоко вздыхая.

— Я счастлива с Дрю.

— Это еще не значит, что ты должна с ним жить, — говорит она.

— Нет, не значит. Но если само его присутствие рядом делает меня счастливой, тогда зачем держать дистанцию из страха, что все это не сработает? *Это* было бы глупо.

— Но ты так молода. Разве ты не хочешь посмотреть, что еще мир может тебе предложить?

Словно жизнь прячется где-то за углом, и я найду ее, если продолжу поиски. Это то, что нам все обещали, неуловимое кольцо из латуни, которое всегда останется вне досягаемости, но однажды оно вдруг появится прямо перед нами. Но я не хочу жить в этом беличьем колесе. Я пыталась, и это было отстойно.

Я качаю головой.

— Я привыкла думать, что если пойму чего хочу от жизни, то все станет на свои места. Сейчас же, — я пожимаю плечами, — сейчас я думаю, что счастье не зависит от идеальной работы, дома и жизни. Счастье — это не конечный пункт, знаешь ли? Это серия моментов. То есть, не это ли и есть жизнь? Моменты? Здесь и сейчас?

Я засовываю свое белье в чемодан.

— Ага, мне нужно разобраться чего я хочу в своей жизни. И я могла бы, в конце концов,

построить самую крутую карьеру в мире, но вечером, когда день окончен, к кому я приду домой, кто разделит со мной мои успехи, чтобы борьба была стоящей. Для меня этот человек — Дрю. Так что да, возможно, это опрометчиво и когда-то ударит меня же в лицо, но я не боюсь. Я так сильно взволнована, как никогда в жизни. И просто... поддержите меня, ладно?

— Черт, — тянет Джордж, улыбаясь. — Крутой монолог, — он уворачивается от носка, который я запускаю ему в голову. А затем выражение его лица становится серьезным. — Если ты так уверена в этом, тогда у тебя есть мое благословение, дитя Анна.

Я целую его в макушку.

— Спасибо, Джордж, — и тут я даю ему щелбан. — Умник.

Он смеется. Но Айрис явно не весело. Ее темные глаза все еще полны волнения. Что меня очень беспокоит.

— Рис?

Медленно она качает головой.

— Я все еще считаю тебя сумасшедшей. Но согласна с Джорджем. Если ты так уверена, я поддержу тебя.

— Я никогда не была так сильно уверена ни в чем, — я думала, что потеряю себя в Дрю. Но правда состояла в том, что я нашла себя в нем. Мне никогда не приходило в голову, что Дрю мог быть тем, кто потеряет веру.

СПЕРВА Я НЕ вижу проблемы. Все, что я вижу — Дрю. Единственное, что занимает мои мысли — то, как мы мгновенно сходимся во всем, когда я переезжаю. Мы так слажены, что это похоже на бесконечную вечеринку с ночевкой у самого любимого в мире человека. Так что, конечно, я не замечаю первые признаки беды.

Все в порядке до конца следующей недели, но когда начинают появляться его друзья, я замечаю, что что-то не так. Во-первых, Дрю не хочет их видеть. Это его коллеги по команде. Эти парни практически все время проводят вместе. А сейчас? Сейчас Дрю скрючился на самом дальнем кресле, глядя в никуда, пока ребята тусуются с их тренером на диване, просматривая игру NFL. Они ведут себя довольно шумно, кричат и смеются, бросая друг другу шуточные оскорбления. Они мне нравятся.

А еще они едят. Много. Я тороплюсь обратно на кухню, за еще одной миской чипсов, когда Дрю хватается меня за руку.

— Ты не обязана их обслуживать, детка.

Я провожу рукой по его волосам.

— Я на половину ирландка, а на половину итальянка и родом с юга, Дрю. Практически нереально удержать меня от угощения людей напитками и едой, — честно, думаю, что умерла бы от стыда, если бы не делала этого.

Его брови сходятся на переносице, пока он сердито смотрит на парней.

— Тогда я скажу им уйти. Проблема решена.

Смеясь, я целую его в лоб, и его рука мгновенно оборачивается вокруг моей талии. Я наклоняюсь к нему, потому что, кажется, он в этом нуждается.

— Но мне нравится, что они здесь. Они — твои друзья. А это означает, что они и мои друзья.

Он бурчит что-то себе под нос, но я игнорирую это, надеясь, что его настроение поднимется, когда он знает, что со мной все в порядке.

Но нет. Его настроение становится еще хуже. Он утопает в молчании, так очевидно кричащем о том, что Дрю раздражен.

— Йоу, Дрю, — зовет его друг Роландо. — Мужик, тебе нужно выбираться отсюда. Клянусь, раньше ты разговаривал больше, а сейчас сам не свой, — он усмехается, говоря это, и бросает чипсину в голову Дрю.

Дрю убирает ее.

— Уверен, что ты чешешь языком за нас всех, Лондо.

В его тоне нет и намека на юмор. Я не много знаю о его команде, но кажется, что Дрю и Роландо близки. Взгляд Роландо мечется ко мне, и я вижу в его глазах волнение, которое подпитывает мое собственное.

Все становится еще хуже, когда наступает перерыв между таймами, и один из парней

переключает ТВ на ESPN. Как назло дикторы как раз обсуждают Дрю и его шансы вернуться в топ рейтинги. Очевидно, что большинство экспертов называли его номером один. Сейчас же, из-за повреждения его ноги, вопрос витает в воздухе. Все ребята замирают, а Дрю совсем каменеет, но кажется, никто не в силах переключить канал.

Свет от экрана мерцает, освещая каменное выражение лица Дрю, пока он наблюдает, как какой-то здоровенный парень в костюме строит предположения на счет ноги Дрю. Мое сердце болит за него. А затем дикторы упоминают, что они посетили кампус. В секунду мой желудок ухает вниз. Черт. Я как раз вышла за едой — или пополнением запасов, как называет их Дрю — и меня, мягко говоря, не оставили не удел.

Я медленно подхожу к пульту.

— Возможно, нам следует посмотреть...

— А вот, что сказала Анна Джонс, девушка Дрю Бэйлора, — объявляет репортер.

Мое лицо вспыхивает на экране, а микрофон толкается под мой нос, пока я пытаюсь сбежать с парковки возле Пигли-Вигли. Я ощущаю, как жар заливает мои щеки. Боже, неужели мое лицо и правда такое круглое?

Мгновенно все оживляются, бросают на меня взгляды, а затем снова смотрят в телевизор. Я не могу заставить себя встретиться взглядом с Дрю. Хочу плакать. Но вместо этого смотрю в экран. На видео мое лицо в мгновение ока искривляется, когда мне надоедает слышать сомнения в голосе репортера, видеть то, как скоро они повернулись против своего героя. Я хочу врезать каждому из них.

— Вы называли его Бойцом не просто так, — кричит мой голос через динамики. Я выгляжу злой. Я помню эту злость. Она переполняла меня, сделала мои слова жестокими. — Потому что он никогда не бросал дело на полпути. Вам стоит доверять ему, что и на сей раз он не проиграет, — моя ТВ-версия проталкивается мимо съемочной группы и убегает к машине Дрю.

Сейчас мое лицо реально горит. Взгляды всех направлены на меня, но я волнуюсь лишь об одном из них, однако, как раз он-то на меня не смотрит. И затем я замечаю, что остальные парни начинают усмехаться.

— Ты задала им жару, — говорит Маршал, тем самым зарабатывая щелбан от Декса.

— Никто не смеет смешивать с грязью нашего парня, — настаивает Роландо. — Особенно рядом с нашей, надирающей задницы, девочкой.

Грей ловит мой взгляд, и небольшая смущенная улыбка играет на его губах. Я сильнее краснею.

И тогда все они раздражаются смехом и разговаривают, будто ничего такого не случилось.

Я смотрю на Дрю до тех пор, пока он наконец-то не поднимает голову. Я не могу понять, о чем он думает, и это меня пугает. Подхожу к нему ближе, но боюсь прикоснуться. Мне не следовало разговаривать с прессой. Никогда не говорите со СМИ. И я это знала.

Все еще не встречаясь со мной взглядом, Дрю берет меня за руку. Его ладонь холодная и сухая, когда парень переплетает наши пальцы и целует их.

— Ты заступилась за меня, — это тихое бормотание.

— Конечно, я это сделала. Я всегда вступлюсь за тебя, Дрю.

Он прижимает губы к моим пальцам.

— Мне жаль, что тебе пришлось иметь с этим дело.

— А мне нет, — говорю я. — Мне лишь жаль, что им нужно спрашивать о таком.

Конечно же, ты вернешься.

Он отводит взгляд.

Вскоре Дрю хромает в нашу комнату, ссылаясь на усталость. И больше он не возвращается. С того дня он больше не зовет парней в гости. Его способность избегать их впечатляет, вот только еще сильнее она беспокоит меня.

— Я хочу только тебя, — шепчет он напротив моей шеи, закутавшись в темный кокон нашей постели. — Только тебя.

Это должно меня радовать. Но нет.

ПОКА Я НЕ думаю о футболе, я в норме. Но мир не хочет, чтобы я перестал думать о футболе. Меня начинают возмущать виды, которые имеются на меня у фанатов. Я отдавал всего себя футболу. Сейчас я устал.

Тренер ожидает, что я вернусь к тренировкам, осталась всего одна игра до Национального чемпионата. Мне нужно быть там, выразить свою поддержку. Трус во мне хочет скрыться. Я не хочу видеть жалость окружающих. Но моя команда заслуживает лучшего с моей стороны. Так что я пойду на игру. А еще тренер хочет, чтобы я начал физиотерапию. Мне нужно прийти в форму, как только нога заживет.

Я пообещал сходить к физиотерапевту, но не сделал этого. Я не делаю ничего. И это ложится грузом на мои плечи. Но кажется, я не могу избавиться от данной тяжести. Я знаю, Анна все замечает. Она ничего не говорит, но это ненадолго. Она не была бы Анной, если бы держала свое мнение при себе.

Что еще хуже? Ночные кошмары. Они атакуют меня, и это отстойно. Я просыпаюсь, дрожа и потея. Мне требуется слишком много времени, чтобы осознать, что я не на поле, что мой шлем не утопает в грязи, что у меня во рту нет травы, и моя кость не сломана пополам.

Что я в порядке. Пока я не думаю о футболе, то буду в норме.

Сложно не думать о чем-то, что вы так любите.

Анна вышла прогуляться с Айрис. Она злилась, когда уходила, крутила в руках ключи от машины и, рассеяно поцеловав меня, поспешила к двери.

Я сижу на табурете возле кухонной стойки и верчу в руке крышку от бутылки. Она разочарована во мне? Может Анна хочет, чтобы я чаще выходил на улицу? Я тру пальцами щетину на моей челюсти. Черт, я не выходил из дома несколько недель, не желая видеть людей. В последний раз я осмелился выйти, чтобы сходить на осмотр, в результате получил кучу жалостливых похлопываний по плечу, один здоровый мужик даже плакал у меня на плече — боже, помоги мне — все превратилось в полнейший кошмар. Я начал потеть и меня почти стошнило до того, как Анна забрала меня домой.

Она не сказала почти ничего, просто отметила, что люди чертовски странные. Когда мы

оказались в безопасности дома, она отвела меня в кровать и заняла мои мысли и тело на всю ночь. То, как я к ней привязался, неправильно. Это еще одна вещь, которую, кажись, я не могу остановить.

Стук в дверь вырывает меня из лап собственного страха. Я буквально вздрагиваю, моя спина напрягается, а сердце стучит слишком часто. Раздраженно рыча на самого себя, я отталкиваюсь от стойки и иду к двери.

Тренер стоит у меня на пороге, его обветренное лицо скрыто козырьком бейсболки. Он одет повседневно, что в его случае означает, что на нем слаксы и рубашка поло. Для меня же это кажется подозрительным. Вероятно, тренер не в курсе того, что о нем говорят. Костюм означает, что он собирается надрать ваш зад. Повседневная одежда говорит о том, что он придет к вам, как друг, надеясь сломать вашу оборону, прежде чем вы осознаете, что вас обыграли.

— Эй, тренер, — я отступаю, впуская его.

— Дрю, — он направляется на кухню. Он был здесь достаточное количество раз, чтобы знать планировку дома. Тренер помог мне выбрать этот дом. Помог мне оторвать мою задницу от земли, когда умерли мои родители. А сейчас я не хочу видеть его здесь. Запах его дорогого одеколona сжимает мое горло как удавка.

Он оборачивается и окидывает меня взглядом сверху донизу.

— Как поживаешь?

— Хорошо, — я хромаю к стойке. На ней стоит полупустая бутылка пива. Я хочу выпить ее и в тоже время выбросить куда подальше, спрятать от тренера.

Я устраиваюсь, упираясь руками в холодный мрамор столешницы.

— Хотите пива или чего-нибудь еще? — боже, я просто хочу, чтобы он убрался из моего дома. Его присутствие душит меня.

Он спокойно смотрит на меня.

— Ты часто пьешь?

Я не могу сдержаться и фыркаю.

— Хотелось бы думать, что я не настолько прозаичен, чтобы стать алкоголиком. Или наркоманом, — добавляю я, потому что знаю, его следующий вопрос будет об обезболивающих.

Раздражая меня, он улыбается так, словно я заставил его гордиться собой. От этой улыбки мне хочется что-то разбить. Но через секунду она блекнет.

— Ты пропустил еще один сеанс физиотерапии.

Что я могу сказать? Ничего. Тяжесть на моих плечах растет.

Я чувствую, как тренер наблюдает за мной.

— Хочешь рассказать мне, почему ты так поступил? И почему не пришел на тренировку? Может ты и не в состоянии играть, но ты все еще член команды. Твое отсутствие плохо влияет на тебя и на команду.

Никогда я не слышал такого сильного разочарования в голосе своего тренера. Я откашливаюсь. Я не могу сказать ему правду. Как сказать этому человеку, что я не хочу возвращаться?

В столовой размеренно тикают огромные часы, которые моя мама спасла из старого разрушенного здания в Чикаго. И тут тренер делает шаг ко мне.

— Если бы ты только мог видеть себя моими глазами, — он качает головой. — Я просто хочу, чтобы ты не растрачивал весь тот потенциал, что имеешь, в пустую, Дрю.

— Ага, ну, как и я, — к сожалению, не все подвластно моему контролю. Я переношу вес на здоровую ногу и говорю то, что нужно сказать, чтобы тренер ушел отсюда. — Послушайте, я не пропущу следующий сеанс физиотерапии.

Удушье нарастает, сдавливая мое горло и переполняя легкие.

— Перелом чистый, — говорит он. — Ты молод и здоров. Ты поправишься и вернешься в лучшую форму очень быстро.

Я совершаю ошибку, встречаясь с ним взглядом. И, блин, это так глупо, потому что наши взгляды замирают друг на друге, и я знаю, он видит меня насквозь. Он видит все, что происходит у меня в голове, видит, что я напуган. В этот миг я слышу звук соприкосновения моей ноги с полом, и что-то щелкает у меня в мозге, и я осознаю, что все, на что когда-либо полагался такое же зыблемое, как дым.

Возможно, он тоже вспоминает сейчас о моем отце, чья профессиональная карьера закончилась в результате травмы в колледже. Мой отец не горевал по этому поводу, но потеря преследовала его. Я видел это в его глазах, в том, как он иногда становился отстраненным, особенно когда мы начинали говорить на счет меня и NFL. Мой отец был замечательным человеком, самым лучшим, кого я когда-либо знал. Но я не хотел бы стать ним, не таким образом.

Тренер должен понимать это. Он дружил с моим отцом. Напряжение между нами натягивается сильнее, и я так сильно хочу отвести взгляд, что сжимаю зубы.

— Дрю, — тренер делает паузу, и я знаю, сейчас все станет еще хуже. — Возможно, было бы хорошо, если бы ты встретился с консультантом...

— Нет, — кричу я, желая сохранить спокойствие. — Я не чертов... — я резко вздыхаю и поднимаю руку. — Я не обращусь к консультанту, ясно? Так что давайте закроем эту тему.

Его взгляд напряжен.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы поговорить с кем-то.

— Думаете, я этого не знаю? — я опираюсь о стойку так, чтобы перенести свой вес и унять боль в ноге. — Я разговаривал достаточно, когда умерли мои родители. Я в порядке, — я сердито смотрю на него. — Ладно?

Тренер вздыхает.

— Просто подумай об этом, сынок.

— Я не ваш сын, — чудно, сейчас я кажусь раздраженным. Я хватаюсь за свои волосы, стараясь снова не закричать.

— Я знаю это, — говорит он тихо. — Но данный факт не значит, что я не могу заботиться о тебе и не волноваться о том, через что тебе сейчас приходится пройти, — его взгляд пронизывает меня. — И я обещал твоим родителям, что присмотрю за тобой. Я не отступаю от своих обещаний. Как и ты.

Нож в спину. Потому что, когда я согласился принять участие в программе тренера после того, как он поклялся поступать со мной по справедливости, я пообещал своим родителям, что буду уважать права человека. Сейчас же я не могу сказать ничего, чтобы это не выглядело как оборона. Я сжимаю переносицу, а затем тру свои ноющие глаза. Мне просто хочется спать.

Тяжелая рука тренера ложится на мое плечо и сжимает его.

— Просто подумай об этом, ладно?

Тупо, я киваю в ответ; пустое обещание, и нам обоим известно об этом.

Возможно, станет легче, когда Анна вернется домой. Она может отвлечь меня лучше,

чем что-либо. Правда в том, что я желаю лишь ее рядом с собой в эти дни. И это, должно меня волновать, я знаю.

Единственное развлечение, которое мне удастся найти, пока ее нет, — это покачать руки и спину на силовом тренажере.

Когда я слышу звук звонка телефона, со звоном опускаю гири на пол. К сожалению, это не Анна, а Грей.

— Эй, мужик. Я собираюсь заглянуть к тебе сегодня и сделать лазанью. И прежде, чем ты скажешь нет, сообщаю, что Анна проговорилась о том, что сегодня ты свободен. Шокирующе, не правда ли?

Я хмурюсь, глядя на штангу.

— Ты сперва поговорил с Анной?

— Гм, да. Как еще я мог бы получить приглашение? — в его голосе слышны нотки раздражения, и это бесит меня.

— Тогда зачем ты вообще звонишь мне? Почему просто не пришел?

— Потому что я не полный мудака?

— Ты в этом уверен?

На другом конце линии повисает гробовая тишина.

Ладно, это прозвучало дерьмово. Но я не смог сдержаться. Маленький ебарь действовал у меня за спиной. Сговорился с Анной. Моя грудь сильно сжимается. Интересно, а они, нафиг, в курсе, что тренер приходил ко мне? Жар разливается по моей шее. Я пиздец, как уверен, что они все знали.

Когда Грей все-таки заговаривает, его голос резок и полон злости.

— В чем твоя проблема, Дрю?

Прямо сейчас у меня есть длинный список проблем.

— Забудь.

— Верно, — восклицает Грей. — Я так и поступлю.

Что означает, он будет сердито смотреть на меня, когда придет сюда и заставит меня почувствовать себя дерьмом. Я зарываю пальцы в свои волосы, вжимая их в кожу головы. Сейчас она чертовски болит и пульсирует.

— Тебя нужно подвезти? — говорю я, потому что только сейчас понимаю, как все хреново; Грей не только предложил снова приготовить что-то для меня, он еще и одолжил мне свой грузовик, чтобы я мог выбираться из дома. Вина — такое отстойное чувство.

— Нет, — говорит Грей, сейчас не так злобно. — Анна сказала, что захватит меня по дороге.

Мои зубы клацают, когда я сжимаю челюсть. Верно. Потому что они общаются. Я с такой силой сжимаю телефон, что белеют костяшки пальцев.

— Мне нужно идти. Увидимся позже.

Следует еще одна неловкая пауза, а затем Грей говорит.

— Увидимся, — он кладет трубку.

И телефон виснет грузом в моей руке. Я хочу позвонить Анне и спросить ее, почему она думает, что в порядке вещей натравливать на меня моего друга. Это будет своеобразная вечеринка сочувствия? Или может Анне больше не по душе проводить время со мной наедине? Пригласила ли она Грею в виде буфера?

— Дерьмо.

Я ненавижу состояние паранойи. Ненавижу чувство неудовлетворенности, скребущееся

во мне все эти часы напролет. Мне нужно выбраться из дома.

Беря ключи от грузовика Грея, что порождает новую волну вины, я направляюсь на улицу. Анна любит вино, так что я куплю пару бутылок вина к ужину. К сожалению, только когда оказываюсь в магазине, становится ясно, что я не представляю, как выбрать вино. Знаю, она бы предпочла красное вино к лазанье, или, по крайней мере, его всегда пили мои родители. Но здесь около пяти сотен разных бутылок красного вина. Какой сорт ей больше нравится? Мерло? Каберне? Пино Нуар? В чем вообще разница?

— Дерьмо.

— Могу я помочь тебе... Дрю?

Я поворачиваюсь, наталкиваясь на глядящую на меня Дженни. Дерьмо в двойне.

Я умудрялся избегать ее в течение года. И это мне подходило. Странно видеть ее здесь и сейчас. Каждый дюйм ее тела знаком мне, и это все равно странно.

Дженни относится к некому типу безупречных красавиц. У нее идеально строение тела, ярко-голубые глаза, глянцевые темные волосы и фигура модели. Это и привлекало меня в ней в первую очередь.

Я воспринимал себя тогда, как полубога, и очевидно, что мне нужно было правильное сопровождение, чтобы соответствовать своему высокому статусу. Вот видите, каково оно быть высокомерным засранцем.

— Ты здесь работаешь? — вот и все, что удается мне сказать.

Она краснеет, кивая, и ее волосы рассыпаются волной каштановых локонов по плечам.

— Нет. Я... ну, я увидела, как ты здесь стоишь, хмурясь на вино... — она беспомощно пожимает плечами, прижимая руки к своим бокам, от чего ее грудь выпирает вперед, а ее попка приподнимается.

Она кивает и пожимает плечами. Я видел эти движения тысячу раз. И как всегда я гадаю, делает ли она так, чтобы подчеркнуть свои достоинства. Сейчас я почти что уверен в этом.

— Я подумала, что смогу с тобой поговорить, — произносит она мягко, делая крошечный шаг навстречу.

Искусственный запах клубники наполняет мои ноздри. Я знаю его так хорошо. Клубничное масло для тела. После душа она всегда становилась голышом передо мной и втирала его в себя, создавая из этого шоу, этакий момент, задуманный в роли соблазна. Вот только в добавление ко всему она делала вид, что стесняется, что покачивания ее попки не несет в себе никакого подтекста. В одну ночь Дженни трахнулась со мной, используя какое-то средство. Через десять минут, после того как я кончил, мой член стал ярко-красным и горел, словно его обьяло чертово пламя. Сколько бы я не мыл бедного ублюдка, это не помогало, моя кожа была воспалена в течение недели.

От этого ужасного воспоминания мои яйца сжимаются.

— Мне так жаль, — бормочет она. Не знаю как, но она оказывается в паре дюймов от меня. Моя спина касается стойки с вином. — На счет твоей травмы. Знаю, игра значила для тебя так много.

Она сожалеет на счет моей травмы? В ту секунду, как слова "мне жаль" слетели с ее уст, я подумал, что она извинится за то, что показала всему миру нашу личную переписку, или возможно за то, что рассказывала после каждой игры народу, что я был долбаным нытиком. Это все еще злит меня.

Хотя опять же, мне не следует удивляться ее сосредоточенности на футболе. Дженни

всегда хотела, чтобы я был успешен. Она хотела слышать мое имя по ТВ так же сильно, как и я сам, пока не стало ясно, что отныне она уже не часть этого шоу.

Она хотела быть моей женой. Женой. В секунду, когда я услышал от нее эти слова, я хотел сбежать как можно дальше, в любом другом направлении. Я заботился о ней, мне нравилось, что она заботилась обо мне, но я не был в нее влюблен. И в тот момент я знал, что никогда не буду. Я все еще не знаю, разбил ли мой отказ ей сердце или просто расстроил. Дженни всегда скрывала свои чувства.

— Имеем то, что имеем, — бормочу я. Мой затылок снова заливают жар, запах ее клубничных духов щекочет мой нос.

— Ты вернешься, — ее голубые глаза так сладко смотрят на меня. — Я знаю, что вернешься.

Анна говорит тоже самое. Вот только она смотрит на меня, когда говорит это, так, словно мне лучше не спорить с ней и просто послушаться.

Неуверенно Дженни тянется ко мне. Ее прохладные пальцы с наманикюренными ногтями прижимаются к моей коже.

— Я скучала по тебе, Дрю, — один ноготь рисует линию вверх по моему предплечью.

Ее грудь почти соприкасается с моей, а губы приоткрываются в приглашающем жесте. Я могу получить ее. Могу последовать за ней к ней домой и трахнуть вслепую. Секс с Дженни был всем, что она могла мне дать. В теории это звучит хорошо, но на практике сколько бы раз я не спрашивал, она никогда не раскрывала мне того, что творилось в ее голове. Зная Дженни, могу сказать, что она бы все еще позволила мне сделать с ней все, что я бы пожелал.

А я вообще ничего не чувствую в ответ на это предложение. Ничего, кроме постоянного жуткого сочетания тревоги и злости, терзающего мою плоть и ожидающего подходящего момента, чтобы нанести свой удар.

Дженни смотрит на меня, и в ее глазах мерцают искорки победы. Словно она считает себя неотразимой.

Возможно, в каком-то роде так и есть. Но хотя она и выглядит безупречно внешне, глядя на нее я никогда не испытывал такого же всепоглощающего желания, которое чувствую от одного взгляда на Анну.

Анну, чьи непослушные кудри и роскошные изгибы тела для меня более красивы, чем когда-либо была Дженни. Анну, которая пахнет экзотическими пряностями, теплой кожей и домом. Анну, которая дарит мне мир, может свести меня с ума и завести до чертиков.

Анну, которая смотрит на меня из-за стойки с вином.

Все мое тело каменеет, бросаясь из жара в холод.

Ее красивый голос сейчас звучит так резко.

— Я просто подумала купить вина к ужину, — качая головой, она поднимает пакет с винными бутылками, пока я изумленно смотрю на нее, бездумно ужасаясь. — Кажется, вы делали тоже самое, — ее зеленые глаза мечутся к Дженни, а затем снова ко мне. — Я оставляю вас, чтобы вы могли продолжить... беседовать.

И она уходит, а пол словно проваливается подо мной.

ЕБАТЬ, ЕБАТЬ, ЕБАТЬ вашу мать! Я шагаю через парковку с вином в руках, моя голова пульсирует в такт с иступленным биением сердца. Я ненавижу то, что только что увидела. Ненавижу это. Мой желудок скручивает, а рот наполняется слюной. Я хочу вернуться туда и схватить эту маленькую сучку за волосы, разбить ее лицо о секцию с бутылками каберне.

Мои пальцы сжимают ключи от машины, при этом так дрожа, что мне едва удастся повернуть их в замке и открыть дверь.

Я знаю, кто она такая. Дженни. Настырная маленькая сучка, которая пыталась разрушить жизнь Дрю, когда он порвал с ней. Я знаю это, потому что эта пизда была одета в розовую футбольную джерси на два размера меньше нужного, с надписью "Дженни" на спине. Заткните меня. Я не могу поверить, что Дрю встречался с кем-то, кто носит одежду со своим именем на ней.

Очевидно, она хочет снова попытаться восстановить их отношения, сейчас, когда он уязвим. Боже, то, как она на него смотрела, словно кошка на блюдце со сливками. Сучка.

— Анна! — оказывается, Дрю может ходить очень быстро на костылях, если у него есть мотивация. Он почти бежит по парковке, его глаза дикие, а лицо бледное. — Подожди.

Я забираюсь в машину и завожу ее, влюбляясь в то, как она оживает подо мной. Это авто Дрю, но меня это не волнует, потому что я собираюсь уехать куда подальше от его задницы. Но прежде чем успеваю захлопнуть дверцу, он хватается за нее, немного подпрыгивая, он прислоняет бедро к боку машины.

— Я могу все объяснить, — сейчас он задыхается, пот выступает у него на виске.

— Прямо слова, которые желает услышать каждая девушка, — бормочу я. Мои глаза покалывает. Только не сейчас. Мне нужен воздух.

Сучка выходит из магазина, останавливаясь у входа и с интересом наблюдая за нами. Она будет здесь, чтобы подобрать добычу, если я сейчас порву с Дрю.

Он даже не смотрит в ее сторону. Его глаза широко открыты и полны боли, они буравят меня.

— Ты должна знать, что...

— Дома, — кричу я. — А сейчас отойди с дороги.

— Нет, — он наклоняется, хватая меня за руку, его ладонь влажная. — Поговори со мной.

— Не. Здесь, — я бросаю резкий взгляд в сторону суки. — Я не сделаю этого на людях. Шокировано он делает шаг назад и кивает.

— Ладно, — он поднимает руку. — Ладно, но я поеду следом за тобой.

Как и сказал, он едет прямо за мной до дома. Я так хочу ускориться, но сдерживаю себя, едя размерено и при этом глубоко дыша всю дорогу домой. Мои руки такие холодные и потные, что скользят по рулю.

Я хочу блевать. Хочу плакать. Дрю ускользает от меня. И я не знаю, могу ли справиться с ситуацией.

Оказавшись дома, я ударяю по машине, а затем слышу, как подъезжает Дрю и делает точно так же. Я ничего не говорю, пока открываю двери и захожу в дом, ставлю вино на кухонный стол. К тому времени, как он заходит внутрь и закрывает дверь, я умываюсь холодной водой из-под крана.

— Анна, — его голос мягкий, вкрадчивый, когда парень подходит ближе ко мне. — Детка, знаю, это выглядело не ахти, но...

— Все в порядке, — я поворачиваюсь к нему лицом, отмечая бледный цвет его кожи и смущенное хмурое выражение. — Все в порядке, Дрю.

Его ноги стучат об пол, когда он хромает ко мне.

— Не то, что бы я хочу ссориться, — начинает он медленно, — но за последние двадцать минут я почти сошел с ума от страха, так что можешь объяснить мне это? — его брови приподнимаются, но он выглядит расстроенным, когда смотрит на меня сверху вниз. — Потому что я в недоумении.

Я кладу руку на его холодную ладонь, и тут же он сжимает ее, переплетая наши пальцы и держа их так крепко, будто я собираюсь сбежать. Этот жест вызывает у меня улыбку, даже несмотря на то, что я ощущаю себя уставшей и хочу прилечь. Он паникует. Не то, чтобы я его винила. Сцена, с которой я столкнулась, выглядела очень мило для кого-то со стороны.

— Я видела, как ты смотрел на нее, — говорю я.

— И как же я на нее смотрел? — его голос резок, а любопытный взгляд нацелен на мое лицо.

— Словно она была ничтожеством.

Он выпускает невеселый смешок.

— Ага, это все объясняет.

Быстро притягивая меня в свои объятия, Дрю крепко сжимает мои плечи, зарываясь лицом в мои волосы.

— Христос. Я увидел, что ты стоишь там, и подумал... — он сильнее прижимается ко мне, а его губы целуют макушку моей головы. — Я люблю, как ты пахнешь, — довольно странная смена темы, но я не возражаю. Я оборачиваю руки вокруг его талии. Это простое движение вызывает неукротимую пульсацию в моей груди.

— Что ты подумал? — спрашиваю я. — Что я брошу тебя?

Я могу почувствовать напряжение в мышцах его спины.

— Возможно, — бормочет он мне в волосы. — Я не знаю. Я не думал, просто паниковал. Ожидал, что ты будешь орать и, возможно, разобьешь бутылку вина о мою голову.

Я смеюсь, уткнувшись в его плечо. Мне нравится быть в его объятиях, теплых и безопасных.

— Я доверяю тебе, Дрю, — если бы он смотрел на свою бывшую девушку так, как смотрит на меня, то мы бы поссорились, это точно. Это бы разрушило меня. Но он не дал мне повода сомневаться ни на минуту, потому что я видела его печаль и то, как он отстранялся от маленькой ведьмы.

Удивление пронесется через его сознание, и Дрю немного отодвигается, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Тогда почему ты уехала?

Я пожимаю плечами.

— Мне нужно было мгновение, чтобы прийти в себя. Иначе я могла бы размазать по стене лицо этой маленькой сучки.

Он явно старается сдержать улыбку. Умный парень.

— Так что не будет никаких драк в кошачьем стиле?

— Нет, если ты хочешь остаться живым.

Его глаза такие ясные и теплые.

— Ты знаешь, о чем я думал как раз перед тем, как тебя увидел?

— А я хочу это знать? — говорю я, немного хмурясь.

Он усмехается.

— Я думал, что ты — мой дом и мой мир.

— Боже, без сомнений покажусь провинциалкой. Но когда ты меня воображал, на мне был одет фартук? — я притворно закатываю глаза, но внутри меня расцветает счастье.

— Если бы воображал тебя, то кроме фартука на тебе бы не было больше ничего, — притягивая меня к себе, он обнимает мое тело, тесно прижимая наши бедра. Так тесно, что я ощущаю, как кое-что увеличивается под его джинсами. — А еще я подумал, что ты возбуждаешь меня так, как никто другой.

— Какое милое замечание, — я целую его. Потому что невозможно стоять так близко к Дрю и не поцеловать его. Эмоции переполняют меня. — Люблю тебя, Бэйлор.

— А я люблю тебя больше, Джонс, — он еще раз целует меня, поворачивая голову и углубляясь, поглощая мой рот своим.

— Дрю, — говорю я между жаркими возбуждающими поцелуями.

— Ммм? — он посасывает мою нижнюю губу, а затем верхнюю.

— Как прошел твой разговор с тренером? — я должна спросить. Если позволю ему отвлечь меня, то забуду об этом, а это важно.

Однако Дрю выпускает меня из объятий, хмурясь.

— Так ты знала, что он придет.

Я не собираюсь за это извиняться. Ему нужно было поговорить с кем-то, кроме меня. С кем-то, кто мог бы понять, что он чувствует. Как бы я не сочувствовала ему, я не была на его месте. Я не профессиональный атлет.

— Вы обсудили терапию?

— Иисусе, — кричит Дрю, проводя руками по волосам. Каштаново-золотистые кончики торчат во все стороны на его макушке. Он снова отступает к стойке и сердито смотрит на меня. — Я не хочу говорить об этом.

Конечно, нет. Он никогда не хочет. Я открываю рот, собираясь сказать ему так много, когда дверь в дом открывается.

— Эй, эй, эй! — Грей вваливается внутрь, держа в руках огромный пакет с продуктами. Не замечая очевидного, он ставит все на столешницу. — Ты, — говорит Грей мне, — забыла меня захватить.

Меня передергивает.

— О, черт, Грей. Прости. Я немного отвлеклась.

— Ага, ага, просто оставила бедного незащитного парня сидеть на обочине, пока сама забавлялась с квотербэком, — он усмехается, прежде чем приветственно целует меня в щеку.

Над его плечом я вижу, как взгляд Дрю становится более злым, пока парень прожигает дыру в моей щеке. Румянец раздражения расплзается по моей коже. Итак, я могу закрыть

глаза на то, что его бывшая трется о него своим телом, но он расстраивается, когда меня целуют в щеку? Я бросаю взгляд на Грея, когда тот поворачивается и похлопывает Дрю по плечу.

— Эй, мужик. Как дела?

— Здорово, — кажется, Дрю скрепит зубам.

Если Грей и замечает это, то не подает виду.

— Круто. Но подожди, я так сильно хочу писать, что ты не поверишь.

Дрю закатывает глаза, пока Грей бежит в туалет.

— Почему ты вообще его пригласила?

— Тсс, — я быстро щипаю его в районе талии, и он вскрикивает, отскакивая от меня. —

Он здесь, потому что Грей твой друг, осел ты.

— Он просто жалеет меня.

— Ну, а кто бы не жалел, когда ты решил снова вести себя, будто пятилетка?

Дрю предупреждающе смотрит на меня, но я игнорирую это.

— Он здесь, потому что волнуется о тебе. И с какого это времени тебе не по душе компания Грея?

— С тех пор, как он стал целовать мою девушку? — предлагает Дрю с фальшивым удовольствием.

Я изумленно смотрю на него. Это не Дрю. Он не такой собственник и не настолько иррационален. Он не отворачивается от друзей.

— Ты будешь сожалеть об этом заявлении, — говорю я тихо. — Ты осознаешь, каким дерьмом ты был.

Его губы сжимаются в линию, но в коридоре как раз появляется Грей. Он смотрит на нас, продолжая шагать.

— А сейчас, — говорит Грей, словно ничего не случилось. — Давайте готовить.

Дрю угрюм все то время, что Грей готовит. Он все еще угрюм, когда мы садимся за стол. И когда едим.

Моя рука сжимает салфетку, и я борюсь с желанием швырнуть ее ему в голову. Все, что я могу сделать — это пытаться поддержать напряженный разговор с Греем.

— Все в порядке, — говорю я ему, — ты приготовил восхитительную лазанью. Она не так хороша, как у моей мамы, но пойдет.

— Не убивай меня своей похвалой, — Грей смеется, а затем качает головой. — Я даже не пытаюсь превзойти твою маму итальянку в приготовлении лазаньи, Джонс. Так что обсуждать это — сплошное безумие, — он шевелит бровями. — Но я принимаю твои слова, как комплимент.

Дрю фыркает. Звук резкий и внезапный.

— Джонс?

Джонс — это мое прозвище, которое использует Дрю. Но я не думала, что он будет против его использования другими. Дрю смотрит прямо на Грея, и моя грудь сжимается.

— Знаешь, я думал, что тебе не нравится моя девушка.

Я хмурюсь на Дрю. Кажись, быть кретином — его девиз на сегодняшний вечер. Приятно знать.

Грей даже не шелохнется.

— Нет, мужик, — усмехается он, отвечая, — все в порядке. Мы с Анной сошлись, готовя пирог.

Он пытается успокоить Дрю, но даже я знаю, что это не поможет.

Скулы Дрю становятся красными.

— Очевидно, что так, — говорит он, усмехаясь.

Плечи Грея напрягаются, когда он, не двигаясь, смотрит на Дрю. Его голос пропитан холодом, когда Грей говорит следующее:

— Что ты подразумеваешь, мужик?

— Грей, он не... — начинаю я, но он поднимает руку, не сводя глаз с Дрю.

— Позволь ему сказать, что он хочет, Анна, — ноздри Грея немного раздуваются. — Что ж, скажи мне, ты обвиняешь меня в попытке подкатить к твоей девушке? — он злится сильнее, чем я когда-либо видела, но за злостью скрывается боль. Я ранила их обоих.

Мышцы вдоль предплечий Дрю напрягаются, когда он сжимает руки в кулаки. Они смотрят друг на друга, почти четыре сотни фунтов мышц с примесью агрессии в виде двух мужчин. Никто из них не готов первым разорвать зрительный контакт. Когда Дрю делает резкое движение, я вздрагиваю.

Его кулак ударяется о стол, в результате гремят тарелки.

— Нет, — восклицает он, резко вдыхает и вскакивает из-за стола. — Нет, все нормально? — он движется со своей обычной грацией, когда распрямляет плечи, ударяя ногой о стул. — Я просто на хрен устал, что вы двое пытаетесь исправить меня у меня же за спиной.

За спиной? Я почти выкрикиваю эти слова, потому что неистово злюсь, но сдерживаюсь, не желая ругаться при Грее.

Грей фыркает.

— Мы пытаемся тебе помочь.

— Ну, нет.

— Да, пошел ты, Бэйлор. Именно так и поступают друзья.

Дрю стискивает зубы.

— Со мной все в порядке. Или вы ожидаете, что я буду вальсировать тут кругами, разбрасывая маргаритки из своей задницы?

— Меня не волнует, что ты там достаешь из своей задницы, — говорит Грей, — пока ты не обвиняешь меня в предательстве моего лучшего друга.

Дрю вздрагивает, его губы кривятся. Но он не извиняется. Он просто уходит, решительным неуклюжим и полным злобы, шагом.

— Я иду спать, — говорит он, не оглядываясь.

Грей встает.

— Я лучше пойду.

— Не волнуйся. Делай все, что пожелаешь, — Дрю останавливается возле двери в нашу комнату. Он не оборачивается, но его рука с силой сжимает дверную раму. — Спасибо за ужин, — слова грубые и явно исходят от него по привычке, а затем Дрю закрывает за собой дверь, и в тишине дома раздается глухой звук.

Мои плечи опадают.

— Прости за это, Грей.

Он качает головой, а его голубые глаза полны боли и злости.

— Я ожидал чего-то подобного. Странно, что он до сих пор не намекал на это.

— Ты же знаешь, что он не имел этого в виду, — я не уверена, правдивы ли мои слова. Я знаю, что если Дрю был бы прежним, он бы никогда не стал ссориться с Греем.

Грей качает головой.

— Он не подозревает нас, — его голос низкий, словно парень не хочет, чтобы Дрю его услышал. — Он ревнует тебя ко мне, что по сути просто отстойно.

Я хмурюсь, а он вздыхает.

— Он сейчас уязвим, Анна. А я нет. Все просто, — Грей пожимает плечами и кивает в сторону двери. — Заставь его поговорить с врачом. Я не виню его за то, что он избегает этого, — глаза Грея прищуриваются с намеком на веселье, — он пережил слишком много первоклассного дерьма.

АННА НЕ ПРИХОДИТ в спальню, когда Грей уходит. Я не удивлен. Я облажался. Хуже того, я знал, что делал, осознавал каждый свой шаг. Словно умного рационального Дрю закрыли на замок внутри моей головы, пока Дрю-мудак спокойно правил.

Лежа на кровати, я смотрю в потолок и ругаю себя за то, что был идиотом. Снова. Здесь почти крошечная тьма, потому что Анна настаивает на том, чтобы закрывать жалюзи и занавески. Очевидно, ей нравится спать в полнейшей темноте, словно мы находимся в утробе матери.

И в настоящее мгновение мне нравится этот мрак. Было бы хорошо забыться.

Линия лунного света пересекает кровать, когда Анна открывает двери. Должно быть, у нее ночное зрение убийцы, или она на половину вампир, потому что девушка не включает свет, когда крадется через комнату в ванную.

Мое сердце гулко бьется в груди, отдавая шумом в ушах, пока я слушаю, как бежит вода, и жду ее возвращения. Намек тренера так и всплывает у меня в голове. Терапия? Я не ранен, по крайней мере, не умственно. Ага, у меня предрасположенность к чрезмерному анализу, но я точно не был поклонником консультаций.

— Расскажи мне о своих родителях, Дрю.

— Они умерли, док. Что еще вам нужно знать?

— Как ты себя чувствуешь?

Словно я падаю в глубокую черную дыру.

Как я чувствую себя сейчас? Словно я падаю в глубокую черную дыру.

Неосознанно мои пальцы сжимают простыни. Я вынуждаю себя отпустить их и успокоиться. Это просто чертова сломанная нога. Она заживет. Я вернусь в форму.

Делаю еще один вдох, и я на поле, запах травы с мелом и моего собственного пота ударяют в нос. Я слышу шаги защитников, ощущаю, как их ноги ударяются о землю, когда

они подходят ко мне. Мой желудок сжимается, кислота поднимается, неся с собой глубокий ужас, и я знаю, что этот отстой сейчас превратится в катастрофу. А затем меня пронзает острая боль, и я слышу, как ломается моя кость, словно твердая древесина. Живот пронзает боль.

Треск, этот тошнотворный звук эхом раздается в моих ушах, когда я втягиваю следующий поток воздуха. Но тут я вижу Анну, она забирается на кровать, матрас едва прогибается под ее весом.

Впервые я сожалею о покупке кровати такого большого размера. С таким же успехом Анна могла находиться в Сибири, пока я лежу на спине, словно говяжья тушка, на своей половине кровати.

Так как я нахожусь в темноте дольше нее, мне видны очертания ее плеч, сгорбившихся и находящихся так далеко от меня. Ее локоны рассыпаны по подушке в темной спутанной массе.

Ком встает у меня в горле.

— Прости меня.

Мои слова висят между нами, громкие и некомфортные.

Простыни шуршат, когда Анна поворачивается, через мгновение она оказывается рядом со мной, ее теплая рука скользит по моему животу. Я люблю то, как она ко мне прикасается, то, как она находит самые чувствительные места моего тела. Я подсовываю руку ей под шею и притягиваю ее тело ближе, устраиваясь удобнее, когда она кладет голову мне на плечо. Лакомый изгиб ее попки заполняет мою ладонь и я слегка сжимаю ее плоть.

— Я извинюсь перед Греем завтра, — это будет непросто, потому что мы почти никогда не ссоримся, а я был сегодня супер придурком.

Груди Анны прижимаются к моему боку, и она вздыхает. На ней надета одна из ее любимых тонких ночных рубашек, которая не блокирует от меня тепло ее тела, и я с трудом противостою влечению, когда кончики ее пальцев начинают вырисовывать круги чуть ниже моего пупка.

— Мы все, бывает, лажаем тем или иным образом, — говорит она. — Единственная разница в том, как глубоко наше безумие заходит, и как мы справляемся с этим дерьмом. Если честно, думаю, сумасшествие приходит и уходит и так по кругу.

Я издаю некий звук, что-то между смехом и фырканьем.

— Должно быть тогда, сейчас мое время в этом месяце.

— Ммм... — Анна продолжает поглаживать мою кожу. — Мне не следовало приглашать сюда Грея, не спросив тебя. Прости.

Я не могу сдержаться. Одним движением я возвышаюсь над ней, и ее бедра раздвигаются, пропуская мои, пока я упираюсь предплечьями по бокам от нее, чтобы не придавить ее грудь своей. Ее глаза блестят во тьме, а волосы создают дикий ореол вокруг ее бледного лица.

— Твоя нога, — протестует она напротив моих губ.

— Она в порядке, — я наклоняюсь к ее губам и запускаю язык в ее сладкий рот. У нее слабый вкус мятной зубной пасты, но он смешан с чистым исключительным привкусом самой Анны. Поцелуй ее полных губ просветляет мою голову. Она идет кругом, когда моя эрекция трется о ее завитки и гладкие жаждущие складочки. Она так же легко становится влажной для меня, как я — твердым для нее, и я никогда не привыкну к этому.

Аккуратно я раскачиваюсь напротив нее, скользя по ее киске, в которой так жажду

оказаться. Мои руки задирают ее рубашку и гладят шелковистую кожу. Ее изгибы такие мягкие и теплые по сравнению с моим твердым и жестким телом.

— Анна, — я целую уголок ее губ, а затем второй. — Я не заслуживаю тебя.

Она сжимает мои щеки, ее большие пальцы прикасаются к моему подбородку.

— Вероятно, нет, — говорит она, еще раз целуя меня. — Я могу быть еще той занозой в заднице.

— Всегда шутишь, — шепчу я, прежде чем углубить наш поцелуй и приподнять свои бедра достаточно, чтобы головка моего члена нашла ее влажный вход. Со стоном я погружаюсь в нее. Так туго. Так совершенно.

Озноб пробегает по моему позвоночнику. Я двигаюсь легко, занимаясь с ней любовью с таким обожанием, от которого содрогаюсь и потею. Ее руки ласкают мою спину, мою задницу, осторожно исследуя, пока она издает тихие звуки, которые разжигают потоки вожделения в моих жилах. Это идеально. Я поглощаю ее мягкий рот и медленно двигаюсь внутрь и вне ее теплого тела. Здесь и сейчас я целостен. Выздоровевший. Если бы только это могло продолжаться вечно.

Но ничто не вечно. И вскоре становится очевидно, что хотя Анна отвечает на мои прикосновения, она ведет себя ненормально. Я начинаю чувствовать ее напряжение, то, как она сдерживается. Это напоминает мне о тех днях, когда я пытался ее поцеловать, а она уклонялась от этого. Мои внутренности становятся холодными и тяжелыми, и я приподнимаю голову.

— Что не так?

Здесь слишком темно, чтобы разглядеть ее выражение лица, и я ненавижу это. Ненавижу то, как она сильнее закрывается от меня. То, как она слишком долго молчит. Когда Анна наконец-то начинает говорить, ее слова кажутся натянутыми и фальшивыми.

— Ничего... Дрю... — ее грудь прижимается ко мне, когда она вдыхает. — Я просто устала.

Ком становится поперек моего горла.

— Тебе следовало так и сказать. Ты должна была меня остановить.

Ее глаза мерцают в полумраке. Скрытая в них грусть сжимает мою грудь.

— Все не так плохо, — говорит она, дотрагиваясь до моей щеки. Но я увидел достаточно. Я пытаюсь слезть с нее, но это не так легко, моя грудь падает поверх ее груди, а моя сломленная нога зацепляется, посылая волну боли в мое бедро и в кончики пальцев. Я сдерживаю проклятия, даже когда Анна пытается самостоятельно выбраться из-под меня. Все так неуклюже, но в конечном итоге мы рассоединяемся.

— Я не хочу, чтобы ты со мной трахалась из жалости, — шепчу я, перекатываясь на свою половину кровати и садясь.

Рука Анны едва касается моей спины, словно она тянется ко мне, но затем прикосновение исчезает, и ее голос, словно хлыст режет темноту.

— А я не хочу, чтобы меня постоянно обвиняли в этом.

Я не собираюсь извиняться. Я уже и так достаточно извинялся за сегодняшнюю ночь. Я провожу рукой по своим волосам и встаю с кровати.

— Забудь.

— Куда ты собрался?

— Я не могу спать, — я хватаю ранее сброшенные шорты. Надену их в гостиной. Черт меня подери, если мне придется прыгать здесь, пытаюсь натянуть их. — Ложись спать.

— Дрю.

— Пожалуйста, Анна, — мой голос надломлен, отчаян. — Я не могу сделать это еще раз сегодня.

Я не жду ее ответа, убегая в безопасное место, в другую комнату, где царит тишина и свобода от любых ожиданий. Впервые с тех пор, как я познакомился с Анной, я гадаю, было бы лучше, если бы я справлялся с этим в одиночку.

ЧЕМ-ТО НУЖНО ПОЖЕРТВОВАТЬ. Дрю больно внутри, и я не могу ему помочь. Как не могу просто сидеть на месте и игнорировать это. Напряжение, возникающее в результате этой ситуации раздувается словно воздушный шарик, натягиваясь и грозясь лопнуть. Я так боюсь неизбежного разрыва, что не смею его трогать. Но единственная вещь, которую я когда-то избегала, принесла мне несчастье.

Лежа в кровати, я наблюдаю за тем, как утренний свет проникает сквозь щель в занавесках, дотягиваясь своими бледными пальцами до потолка. Мое сердце — тяжелый камень в моей груди. Мне нужно рассказать Дрю о своих чувствах. Это будет отнюдь не приятно. Гордость Дрю — могущественная штука. И он гораздо более чувствителен, чем я себе представляла.

Звук крушения из гостиной подрывает меня с кровати в один момент. Я натягиваю халат и бегу на шум.

Дрю сидит на корточках над разбитым стаканом. Сгибаясь под неудобным углом, он пытается подмести осколки.

— Сядь, — говорю я, подходя к нему, — позволь мне.

— Я могу сделать это самостоятельно, — его тон резок, словно он прогоняет меня.

Я выпрямляюсь, наблюдая за тем, как он убирает беспорядок. Грозовые тучи сгущаются в его выражении лица. И когда я подбираю отлетевший осколок стекла салфеткой, буря разражается.

— Иисус, — кричит он, — я же сказал, что могу это сделать. Ты можешь перестать парить надо мной, словно пчела?

Приняв удар, я пытаюсь сохранить выражение своего лица нейтральным, когда выбрасываю осколок.

— Ты пропустил один осколок, а я увидела его. Это не чрезмерная опека.

— О, нет? — его темные брови приподнимаются с недоверием. — То есть ты не носишься со мной как с писаной торбой все время?

Остановившись, я делаю вдох. Спокойствие. Мне нужно успокоиться.

— Если мне приходилось носиться с тобой, то это лишь потому, что ты постоянно рьяно рвешься в бой.

Упрямо он поднимает подбородок, но не встречается со мной взглядом.

— Возможно, это потому, что ты постоянно ожидаешь, что я оступлюсь.

— Возможно.

От этих слов он вздрагивает, его взгляд нацеливается на меня.

Я не отвожу глаз.

— Возможно, я хочу отыскать того Дрю, в которого влюбилась. Потому что, если ты меня спросишь, скажу, что он однозначно не здесь.

Краска заливает его лицо, но я вижу, как закрутились колесики у парня в голове. Знаю, он собирается избежать этого разговора, притвориться, что все хорошо, что проблема в моей голове.

Постепенно его выражение лица расслабляется.

— Анна...

— Не, — я делаю шаг вперед, указывая пальцем в его направлении, — на фиг, "Аннай" мне. Этим ты меня больше не успокоишь.

Его брови хмурятся.

— Чего ты хочешь от меня? Я пытаюсь не ссориться.

— Меня не волнует, если мы поссоримся, если это будет означать, что ты осознаешь тот факт, что погряз в проблеме, которая все нарастает внутри твоей головы, — сейчас мое сердце бьется в бешеном ритме. Я ненавижу конфликты. Конфронтация с Дрю вызывает у меня отвращение.

Мышцы на его шее напрягаются, а его румянец приобретает более насыщенный цвет.

— Господи, да, что с вами всеми? — он пробегает рукой по волосам, а затем хлопает себя по здоровому бедру. — Вы можете отпустить эту тему? У меня нет проблемы, чтобы вы ее решали.

— О, чушь.

Его брови приподнимаются.

— Прости, что?

— Ты слышал меня. Все это полнейшая херня. Ты чертовски хорошо знаешь, что если бы подобное случилось со мной, Греем или еще кем-то из твоих друзей, ты бы поступил точно так же. Так что, не начинай снова эту песню "почему вы не оставите меня одного".

Дрю шагает задом наперед, пока его зад не ударяется о стойку.

— Я даже не знаю, почему ты так волнуешься.

— Конечно, я волнуюсь! Почему бы мне не волноваться?

— Разве не будет лучше, Анна, если я никогда больше не буду играть? А? — он с трудом делает шаг в мою сторону. — То есть, ты же хочешь, чтобы я не был больше квотербэком. Ты не хотела иметь со мной дело поначалу. Ты посмотрела на меня и решила, что я просто какой-то накаченный спортсмен, который не достоин твоего времени.

— Это не справедливо. Ты знаешь, что я не хотела желать тебя...

— Ну, сейчас есть разница. Я захотел всю тебя в тот момент, как увидел тебя впервые. Но ты была так чертовски закрыта, что я не знал, как к тебе и подойти.

— Почему ты вообще поднимаешь это сейчас? — мне ненавистно, что я ранила его так глубоко собственными страхами, ненавистно, что он не может отпустить это.

— Почему? — он невесело смеется. — Тебе неприятно вспоминать о том, что ты хотела от меня лишь случайного траха?

Я всегда говорила, что он был слишком остроумен. Моя челюсть болит от того, что пытаюсь держать рот на замке. Спор на эту тему сейчас не поможет. Вот только Дрю не намерен закрыть эту тему. Вена видна вдоль его горла, когда он продолжает орать.

— Та первая ночь. Это было лучшее гребаное чувство за всю мою жизнь. Я завоевал чертову награду Хайсмана!

— Просто остановись, — говорю я. — Прекрати менять тему. Сейчас проблема не во мне.

Но он игнорирует мои просьбы, его лицо багровеет.

— Каждый раз так, когда я с тобой. Мое сердце словно взрывается. Словно я могу потерять сознание, но мне приходится держаться, так как нужно почувствовать это как можно дольше.

— Я чувствую то же самое, — восклицаю я. — Мне знакомо это ощущение.

— Возможно, это единственное, в чем меня для тебя будет достаточно. Возможно, все, что ты хочешь — это Дрю Чертова Интрижка.

Разочарование раздувается в угодливую дыру у меня в груди.

— Ты называешь меня невежественной? Несколько месяцев я не думала ни о чем, кроме тебя. Ты входил в комнату, и я ощущала тебя.

— И что это меняет для меня? — он тыкает пальцем себе в грудь.

— Делай с этим что хочешь! — ору я. — Ты думаешь, я могу порезать тебя на куски и разложить их по категориям? Дрю — мужчина. Дрю — игрок. Дрю — супер-трах? Я пыталась, и поверь мне, это так не работает. Когда я говорю, что хочу тебя, я хочу тебя всего. И когда говорю, что люблю тебя, я люблю всего тебя. Сейчас ты — тот, кто хочет навешивать на все ярлыки.

— Я просто следую протоколу, дорогая, — его тон так ехиден, что мои глаза слезятся.

— Перестань быть мудаком, — кричу я, делая шаг в его личное пространство. — Ты говоришь, что не хочешь моей жалости. Ну, она, кажется, соответствует тому дерьму, что ты творишь.

Он фыркает, и я подхожу ближе.

— Хочешь моей жалости, Дрю? Ну, же?

— Почему ты на самом деле здесь, — выпаливает он в ответ. — Чтобы поиграть в няньку?

Ярость накатывает на меня, такая сильная, что я не могу с ней справиться. Но я не готова к осмыслению его боли. Не тогда, когда знаю в чем ее причина. Боль пронзает мой живот, вызывая желание свернуться калачиком.

— Ты никогда не простишь меня.

Его подбородок приподнимается.

— Возможно, что нет.

На какое-то длительное напряженное мгновение мы замираем, глядя друг на друга. Ноздри Дрю расширяются, его напряженная грудь вздымается и опадает в волнах прерывистого дыхания.

А затем я отступаю.

— Знаешь что? Я не могу сделать этого с тобой прямо сейчас. Это выматывает.

Он моргает, его голова дергается, словно я дала ему пощечину.

— Ты права. Думаю, тебе стоит уехать, — в его голосе сочится так много презрения, похожего на сухой лед. Его глаза холодны и мертвы. И я чувствую, как ледяной холод доходит до моих внутренностей.

Я думаю, что тебе стоит уехать. Мне приходится мысленно повторить эти слова еще раз до того, как смогу осознать их. Я не могу даже ответить, настолько мое тело онемело.

Знаю, он не хочет этого на самом деле. Ему просто хочется скрыться там, где ничто не сможет его ранить. Я знаю это, потому что была с ним так долго. И знаю, что это сделает с ним, если Дрю пойдет своей дорогой. Ему не суждено кануть во тьме.

А если я уйду, он подумает, что заслуживает этого. Потому что хоть раз в жизни, я не стану выбирать безопасный путь. Я не стану защищать себя, даже зная, что это ранит меня. Его

просьба уйти уже обжигает мою кожу. Но ради него я готова претерпеть боль.

И словно все уже решено, Дрю разворачивается, собираясь уйти, его выражение лица становится мрачным, закрывая все эмоции. Я справляюсь с собой и говорю:

— Нет.

Он останавливается на полпути и оборачивается.

— Прости, что?

— Ты прекрасно меня слышал. Я живу здесь.

— Нет, это я здесь живу. А ты просто тусуешься.

Его тон давит на меня, как мертвый груз.

Мило, Дрю. Мило. Я не хочу его ранить. Знаю, что именно он делает и зачем. Так что это не должно задевать меня. Но, конечно же, это причиняет боль.

— Ты просил меня переехать к тебе, — говорю я. — Это означает, что я здесь живу.

Его темные брови приподнимаются чуть ли не к линии роста волос.

— Ты вообще слышала, что я сказал? Я не хочу, чтобы ты была здесь.

— Ну, это просто хреновое дерьмо, верно? — я скрещиваю руки на груди, когда говорю это. Не знаю, влияет ли на него это движение или то, что я не пытаюсь скрыть свою дрожь, но Дрю реагирует.

Он делает шаг в моем направлении, а его цвет лица снова становится бордовым.

— Что, твою мать, с тобой не так? Я. Не. Хочу. Видеть. Тебя. Здесь.

Я изо всех сил стараюсь не заплакать, приподнимая подбородок и встречаясь с ним взглядом.

— Меня. Не. Волнует. Это.

Какое-то время он просто смотрит на меня, румянец покрывает его щеки. А затем он хватается за волосы у себя на затылке так сильно, словно собирается их вырвать. Его бицепсы выпячиваются, а зубы стискиваются, создавая гримасу на лице парня.

— Почему ты вообще тут стоишь? Уходи, — он машет рукой, словно я муха, и ему нужно меня согнать.

— Почему ты на хрен не уходишь! — сейчас Дрю так громко кричит, что у меня звенит в ушах. Вены бугрятся на его шее. Его лицо такое красное от злости, что искажается. Мне следовало бы его испугаться. Он нависает надо мной, шесть футов и двести тридцать фунтов свирепого мужчины. Один его удар может разбить мое лицо. Но я не напугана, потому что все в его трепещущем теле говорит мне о сдержанности. Он разойдется по швам, но сдержится и не ударит меня.

Однако это не уменьшает моей собственной ярости. Она словно зажженный костер в сухом лесу.

— Раз ты так сильно хочешь порвать со мной, так уходи, черт возьми.

— Это мой долбаный дом! — рычит он. И его рука ударяет кулаком в воздух, чтобы подчеркнуть данное заявление. — Ты — гребаная заноза в зад... — даже сейчас он не может назвать меня по имени. Сдавленный крик вырывается с его горла. — Просто оставь меня нахуй в покое.

— Нет! — я заглядываю ему в лицо. Возможно, я хочу, чтобы он меня ударил. Уверена, черт возьми, что лично я жажду ему врезать, врезать хоть по чему-нибудь. — И ты не можешь ничего с этим поделать.

— О, да, я могу, — действуя абсолютно маниакально, он мчится в нашу спальню. И прежде чем я успеваю последовать за ним, Дрю вылетает обратно, держа в руках охапку

моей одежды. Шок приклеивает меня к полу. Я хочу заплакать. Хочу засмеяться. Я хочу врезать ему в лицо, когда парень рывком открывает дверь и выбрасывает мои вещи на улицу.

— Ты сукин сын, — кричу я.

Чтоб не оставаться в долгу, я иду в спальню и хватаю охапку его вещей. Его собственный шок, когда Дрю видит меня, до ужаса комичен, если не брать в расчет тот факт, что этот парень разбивает мое сердце.

— Ты ведешь себя, как мудака, — отвечаю я, бросая его одежду на газон. — Так что выметайся, — заявляю официально, зрелость покинула этот дом. Вместе с нашей одеждой.

Его ноздри раздуваются, когда он снова заходит в нашу спальню. Я знаю, что он хочет взять еще больше моей одежды. Так что выхожу перед ним и блокирую собой дорогу. Дрю спотыкаясь, останавливается, выравнивается, а затем рычит.

— Нет, — кричу я. — Ты не выбросишь еще больше моих вещей.

Сейчас он так зол, что его тело вибрирует.

— Убирайся. На хрен!

— Нет! — мы оказываемся нос к носу. — Я, бля, никуда не уйду. Ты слышишь? — мое горло болит от силы, которую вкладываю в эти слова. — Я никогда не покину тебя, Дрю. Чтобы ты не говорил. Я. Никогда. На хрен. Не. Уйду!

Такова правда. Я не оставлю его. Но мне не обязательно смотреть ему в лицо. Не тогда, когда ненавистные слезы наворачиваются у меня на глазах. Не тогда, когда моя губа дрожит. Плачь от злости — это проклятье. Я отворачиваюсь от Дрю, но он уже все увидел. Я шагаю прочь. Я ошиблась. Я не могу этого сделать. Я не достаточно сильна, я не понимаю, что, вашу мать, творю.

— Анна!

Я игнорирую его. Когда захлопываю за собой дверь спальни, окна гремят. Я быстро закрываю ее на замок, как раз вовремя, потому что Дрю уже по другую сторону.

— Анна, черт побери! — он ударяет кулаком о дерево с такой силой, что оно трещит. Но дверь не разваливается.

— Отстань, — пронзительно кричу я.

Рыча, он ударяет дверь еще раз и добавляет "Блядь!" для пушного эффекта. А затем он уходит.

Я уверена, что если бы его нога не была сломлена, к этому моменту чертов ублюдок выбил бы эту дверь и своими руками выбросил меня из дома. Так же как он поступил с моей одеждой. Боже, как же больно. Это все еще ранит меня. Наши ящики комода наполовину выдвинуты. Футболки и один из моих лифчиков свисают с них, как серпантин. Я сосредотачиваюсь на этом одном лифчике. Смехотворно дорогим небесно-синим лифчике от La Perla, который Айрис подарила мне на двадцать первый день рождения. Лифчике, который Дрю своими пальцами снял с меня в ту ночь, когда попросил переехать к нему.

Он и правда выбросил содержимое моего бельевого ящика? Вот же ж хрен. Мои чертовы лифчики валяются на улице, вероятно, их разглядывает какой-то чертов извращенец из студенческого братства.

Эта мысль по какой-то нездоровой причине становится для меня последней каплей. Я всхлипываю, громкие пронзительные звуки, которые стараюсь сдержать, прижав подушку к лицу. Так как я душу себя пуховой подушкой и сворачиваюсь на полу, то почти не слышу его.

— Анна, — его голос искажен, но он раздается так близко и четко, что должно быть Дрю прислонился к двери. — Анна, детка. Впусти меня.

Я ненавижу себя за то, что все мое тело вибрирует от необходимости выполнить его просьбу. Я просто хочу, чтобы это сражение закончилось. Я хочу, чтобы он обнял меня. Я хочу обнять его. А затем я вспоминаю, что мои трусики, вероятно, сейчас висят на кустах, и сильнее скрючиваюсь в позу эмбриона.

— Анна, — он тянет мое имя. — Прошу, сладкая. Я просто... Пожалуйста.

Боже, он кажется таким разбитым. Он сломлен. И я не знаю, как исцелить его. Он не хочет меня. Но в то же время он стоит по ту сторону двери. Зовя меня по имени.

С текущими соплями и красным лицом, я ползу по полу, щелкаю замком и затем бросаюсь к своей безопасной зоне на подушке. Через секунду он открывает дверь, но я не могу поднять на него взгляд. Я так разбита. Так унижена.

Когда он, хромя, подходит ко мне, вижу лишь его ноги, одна ступня босая, вторая в гипсе. С каждым его шагом, я дрожу все сильнее. Я не буду плакать перед ним. Не буду. Но мне приходится сдерживаться изо всех сил. Моя губа пульсирует напротив стиснутых зубов.

Дрю приседает возле меня, из-за гипса его движения неуклюжи и медлительны. Я не смотрю. Но чувствую жар его тела. И его запах, такой чистый и теплый, и вкусный. Дрю.

Ему не требуется прикладывать особых усилий, чтобы приподнять меня и устроить на своих коленях. Слезы начинают снова струиться, когда Дрю обнимает меня. Его руки такие большие, такие мускулистые, что по ощущению напоминают сталь. Он зарывает пальцы в мои волосы, гладит спину, при этом его лицо прячется в изгибе моей шеи.

— Прости меня, — шепчет он. — Мне так чертовски жаль. Я никогда так не терял контроль. Я не знаю, что... — он целует меня. Мои глаза, щеки, опухшие губы, все время говорят "Прости меня".

Я не отвечаю на его поцелуи, просто позволяю ему делать, что он хочет. Мои руки лежат на твердой рельефной груди Дрю, там, где бьется его сердце, быстро и сильно.

— Я так испорчен, — слова струятся из него потоком агонии. — Я так чертовски запутался во всем, Анна. Я боюсь. Каждый раз, как думаю о том, что веду мяч или играю, меня тошнит. И это угнетает меня. Это всего лишь травма. Мне не следует так на хрен реагировать. Но я...

И тогда я обнимаю его за шею, прижимая свою щеку к его.

— Нет правильных чувств в подобной ситуации. И ты не должен проходить через это в одиночку. Я здесь.

Он сильнее обнимает меня. Так сильно, что он дрожит, а я едва могу вдохнуть. Я тоже сжимаю его сильнее в ответ, желая стать для него якорем.

— Я здесь.

Мы обнимаем друг друга, наше дыхание смешивается в одно.

Дрю вздыхает.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Никогда, — его голос приглушен моими волосами. — Я просто боюсь, что ты уйдешь. А как ты можешь этого не сделать, когда я в таком плачевном состоянии? И я бы предпочел... — он прерывисто вдыхает. — Я бы предпочел, чтобы это случилось сейчас, а не потом.

Сейчас. Так он может дойти до отчаяния. Я целую его, сжимая лицо парня в своих руках. Я целую его так, как он целовал меня, его щеки, закрытые глаза, его подбородок. Он делает так же, и эти беспорядочные движения наших губ почти восстанавливают разрушенную связь. Но затем наши рты встречаются, и я растворяюсь в нем. Этот поцелуй и нежен и неистов. Он длится без конца, пока не переходит в легкие плавные исследующие

касания. Я отдаю всю себя в этом поцелуе. И получаю вознаграждение. Я чувствую, как его любовь падает к моим ногам.

И даже когда поцелуй прерывается, наши губы все еще соприкасаются, и медленно и ровно мы дышим одним воздухом. Его большие грубые руки сжимают мой подбородок, и я держусь за его шею так сильно, что ощущаю, как его кровь течет по венам.

— Я люблю тебя так сильно, что это ранит, — говорит он. — Но все, что я люблю, у меня забирают.

Мое дыхание прерывается икотой.

— Ты можешь нанести предупреждающий удар, Дрю. Ты можешь попытаться выбросить меня...

— Нет, — его лоб прижимается к моему, а захват на моем лице становится крепче. — Нет, я не хочу этого. Я не...

Я перебиваю его.

— Просто послушай.

Он зажмуривает глаза и кивает. И этот его вид, словно стрела пронзает мое сердце.

— Я люблю тебя, Дрю. Всего тебя, хорошего и плохого, — мой большой палец скользит по его горячей щеке. — Я не хочу уходить от тебя. Но если ты будешь относиться ко мне, как к дерьму, то это вынудит меня уйти.

— Дерьмо, — говорит он надломленным голосом. — Черт, Анна, — он снова обнимает меня, надежно удерживая в своих руках. — Я был мудаком. Огромным долбаным мудаком.

— Ага, — говорю я, но сейчас уже улыбаясь. — Но я вела себя так же задолго до тебя.

Дрю замирает, и я знаю, он вспоминает те слова, которые бросил мне. Я тоже их вспоминаю. Он хотел меня с самого начала. Все мое тело становится чувствительным от этой мысли, а затем болит, когда я вспоминаю о том, как отвергла его.

— Тебе следует знать, — говорю я напротив его плеча, — что я тоже хотела тебя с самого начала. В ту секунду, как я тебя увидела, я подумала, ага, этот парень, он — тот самый. Я просто не позволяла себе верить, что ты можешь быть моим. Но это лишь из-за моего собственного дерьма. Не по твоей вине.

Его рука такая большая, что в нее помещается вся задняя часть моей головы.

— Анна.

Но я продолжаю. Потому что очень важно, чтобы он знал это.

— Я собиралась рассказать тебе это перед тем, как ты получил травму. Потому что осознала, что ты был лучшим, что когда-либо случилось со мной. Потому что то, что я чувствовала к тебе, было сильнее страха. Ты выиграл, Дрю. Ты всегда будешь выигрывать со мной.

Он сильно сглатывает и немного отстраняется. Его улыбка сияет, как солнце. Настоящая улыбка Дрю. И я так рада увидеть, что она вернулась, что почти не слышу его следующих слов.

— Хорошо. Потому что я не отпущу тебя, Анна Джонс.

Drew

ПРОСИТЬ ГРЕЯ ВСТРЕТИТЬСЯ со мной возле стадиона было ошибкой. Я не почувствовать, как чертово место нависает надо мной, давит мне на спину, безмолвно усмехаясь. *Обернись. Взгляни на меня.* И когда я не поворачиваюсь, — *Трус.*

Холодный пот выступает у меня на лбу, и я прижимаюсь задницей к кузову пикапа Грея, словно он может послужить мне в роли якоря. Утренний мороз подсластил мир льдом. Я глубоко вдыхаю и приветствую жжение в своих легких.

Мое внимание сосредотачивается на въезжающем на стоянку Fiat, у него ужасный цвет розовой жвачки. Парковка почти пустая, от чего я гадаю, приехала ли эта машина сюда, последовав за мной. Если это какой-то фанат, то клянусь богом или кто там меня слышит, что уеду. Я не могу иметь сейчас с этим дела. Даже посредственно.

Когда машина паркуется рядом с моей, мои кулаки сжимаются в карманах куртки. Черт. Через секунду Грей неуклюже освобождает свое высокое тело из крошечной машинки и Я. Официально. Проиграл.

Я смеюсь так сильно, что складываюсь пополам так, что моя рука упирается о бок гипса.

— Ага, ага, смейся, — ворчит Грей, захлопывая розовую дверцу.

Вытирая глаза, я пытаюсь остановить свой хохот, но не могу.

— Мужик... — вздыхает Грей, но я вижу, как его губы изгибаются. — Мудак.

Я откашливаюсь, брызгая слюной, но в конце концов сдерживаю свое фырканье.

— Что за гребаный на фиг?

Грей становится сердитым.

— Мне нужна машина, знаешь ли?

Это отрезвляет меня. Боже, каким же я был идиотом. Я люблю этого парня. Он — мой брат во всех смыслах, хоть и не по крови. А я обращался с ним, как с дерьмом.

— Мы можем поменяться, — предлагаю я, испытывая неловкость. Я не заслуживаю водить грузовик Грея в любом случае.

Он фыркает.

— Типа ты сможешь втиснуться в эту чертову коробку с твоим-то гипсом. К тому же, эта машина на ручной коробке передач.

— Гм... почему ты едешь на ней?

Грей прислоняется к своему грузовику.

— Получил ее от агента.

— От агента? — я подпрыгиваю, разворачиваясь и становясь к нему лицом. — Что? Зачем? — ни один из нас не поощрял подобные обращения к агентам с просьбами о любых вещах. Мы сделаем свой выбор команды свободно, без давления каких-либо обстоятельств.

Грей не смотрит мне в глаза, когда отвечает, но я вижу, как он щурится от бледного зимнего солнечного света.

— Все просто. Мне была нужна машина, так что я попросил у своих троих топ агентов о прокатной тачке, — он пожимает плечами. — В любом случае, нужно было начать сужать свой выбор команд, так почему бы не посмотреть на их реакцию, на мою просьбу, ну, знаешь?

Напряженно я киваю.

— Так что я получил предложение взять Мэрс. Сладкую красотку купе AMG SLS.

Я присвистываю. Сейчас это машина, которую мне бы очень хотелось иметь.

Понимающий взгляд Грея говорит мне о том же.

— Второй агент предложил одолжить мне свой личный Ferrari California и девчонку для компании.

— Две девочки по цене одной. Это... хм... великодушно, — я все еще не могу поверить, что некоторые цыпочки мирятся с подобным дерьмом.

— Ага, — Грей скрещивает ноги в лодыжках, а затем невесело смеется. — Так что, когда следующий парень, Маккензи, — добавляет он, поясняя, — сказал мне "послушай, малыш, я объявлю войну за тебя в день отбора, буду стараться держать прессу подальше от твоей задницы и вытяну твою жалкую шкуру из тюрьмы, если ты когда-то будешь достаточно глуп, чтобы туда загреметь, но я не стану сосать твой хуй, так же как и не прошу тебя отсосать мне", я был в шоке.

В течение секунды я моргаю несколько раз, а затем широко усмехаюсь. Грей делает так же.

— Так что, — заканчивает он, — Маккензи сказал, что я могу одолжить на несколько недель Fiat его дочери, потому что она сейчас учится за границей. И вот ты видишь результат, — он указывает рукой в сторону этого розового кошмара. — Одна машина для клоунов цвета розовой отвратительной жвачки к вашим услугам. О, и если я решу, то могу ее выкупить, — Грей закатывает глаза. — Это худшая штука достойна, чтобы на ней сбросились с утеса, но другой у меня нет.

— Вероятно, парни устроили тебе ад, — я пытаюсь улыбнуться, когда говорю это.

Брови Грея сходятся на переносице.

— Они зовут меня Гламурным Греем.

— Ахх... — я смотрю на машину, которая крайне далека от понятия гламура, — в этом типа скрыта ирония? — что бы не вдохновляло парней, знаю, что это было злом.

Щеки Грея становятся красными.

— Нет. Маршалл, этот хрен ходячий, рассказал, что его младшая сестра играет с крошечными куклами, которые зовутся Гламурными Девушками и о том, что они ездят на такой же машине, как моя. Генри... — Грей раздраженно машет рукой в воздухе.

Я не стану смеяться... Я смеюсь до слез.

— Ты тоже ходячий хрен, — бормочет Грей.

— Как скажешь, Гламурный Грей.

Нехотя он усмехается, но веселье не затрагивает его глаз.

— Однако серьезно, — говорю я, — будет лучше, если ты не продашься за эту тачку.

— Тебе тоже стоит подумать о Маккензи. Знаю, он заинтересован в тебе.

Мой смех стихает в секунду. Маккензи был у меня в приоритете, главным образом потому, что он казался мне довольно прямолинейным парнем, и история Грея вне сомнений

прибавляет ему веса. Но я не могу остановить свои сомнения, что так и поднимают свои уродливые головы из-под глади воды. Я вынуждаю себя кивнуть.

— Ага, — прочищаю горло и добавляю. — Ага, он кажется неплохим выбором.

Мы оба молчим, слушая негромкие звуки со стадиона.

— Насчет вчерашнего вечера. Прости, — я не могу смотреть на него. Пока нет. Жар нарастает внутри моего носа и под веками. — Я был хуесосом.

Уголкем глаза я замечаю, как Грей поворачивает ко мне голову.

— Ага, ну, ты довольно-таки клевый хуесос, самый клевый среди всех хуесосов...

Блядь, — он кривится. — Это прозвучало как-то неправильно.

Мы оба смеемся, становясь ровно. А затем я поворачиваюсь к Грею лицом.

— Я правда имел это в виду, Грей.

Он краснеет, а его губы сжимаются в линию.

— Я знаю.

— Я никогда не думал, что ты станешь флиртовать с Анной. Никогда.

Рассеяно он кивает.

— Я знаю, мужик. И знаю, что ты сходишь с ума. Я бы тоже себя так чувствовал на твоём месте.

— Я... — слова становятся поперек горла, и покалывающий жар нарастает. — Ты... Черт, — я хватаю его за плечи, словно собираюсь встряхнуть из парня все дерьмо, но вместо этого притягиваю его ближе. Мои объятия крепкие. — Я люблю тебя, ладно?

Он обнимает меня в ответ, так же крепко, ударяя кулаком мне в плечо. А затем мы оба отталкиваем друг друга, смеясь.

— Дерьмо, — говорит он, украдкой вытирая влагу в уголке глаза, — ты доведешь меня до соплей и слюней словно какого-то глупого мужика-мальша.

— Потому что ты и есть мужик-мальш, — отвечаю я, вытирая своим предплечьем глаза.

Снова дует сильный ветер. Здесь слишком холодно, чтобы просто стоять на месте.

— Тогда, пойдём, — Грей подходит к своей машине Барби и достаёт что-то из салона. Мои внутренности сжимаются, а сердце ускоренно стучит, когда вижу футбольный мяч.

Грей вызывающе смотрит на меня, а затем бросает мне мяч. Должно быть, я выгляжу, как идиот, который должен либо словить его, либо позволить упасть.

Я выбираю словить.

— Мы просто побросаем мяч, — тон Грея не предполагает возражений.

Мяч дарит такие хорошие ощущения, находясь в моей руке, что я хочу прижать его к груди, словно ребенка.

— Пытаешься повлиять на меня? — спрашиваю я.

— Ты будешь бросать или как?

Моя рука напрягается от необходимости запустить мяч в полет.

— Со всех сил, — часть моей самоуверенности покидает меня, когда оглядываюсь на стадион. — Но не здесь.

— Поехали в парк, — Грей идет к пассажирской стороне грузовика.

— Не поедём на гламурном мобиле? — говорю я, когда мы оба забираемся в пикап.

Он выглядит возмущенным, как черт, но при этом улыбается.

— Знаешь, ты у меня в огромном долгу из-за той машины.

Я знаю. Я обязан ему большим, чем он себе вообще представляет.

— Анна готовит ореховый пирог с бурбоном. Я сказал ей испечь четыре, — и она

назвала меня свиньей, словно это может меня как-то остановить. — Я отдам тебе два.

Грей широко усмехается.

— Уже неплохо.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ РАБОТАЕТ, пока мы сидим перед кирпичным зданием. Никто из нас не двигается, не открывает двери и не выходит. Дрю медленно вдыхает. Он смотрит в окно, а я на его профиль.

— Пройшей ночью, — говорит он, — мне приснился кошмар. Я был в доме, пытался тебя найти. Но ты ушла. Твои вещи исчезли. словно тебя никогда здесь не было.

Его рот искривляется, словно от горечи.

— А затем я вдруг резко мчусь по кампусу в поисках тебя и неожиданно осознаю, что я бегу. Моя нога в порядке, нет боли. Появляется тренер и говорит мне, что все это было сном. Плохим и отстойным, моя нога не была травмирована. Этого никогда не случилось.

Я поворачиваюсь к нему, и он напряженно сглатывает.

— А затем я увидел тебя. Ты была с мистером Гадость, и ты просто посмотрела на меня, словно я какой-то подонок.

Дерьмо. Я тянусь к его руке, и его теплые пальцы переплетаются с моими. Он неуверенно сжимает мою руку, словно это мне, а не ему нужно утешение. Какое-то время Дрю молчит, просто глядя на наши руки, его рука намного больше моей, так что она почти вся прячется в его, видны лишь мои бледные пальцы на фоне его темной кожи.

— Тебе следует знать, — говорю я, — я оставила тогда мистера Гадость в баре. У него никогда не было даже шанса. Я была влюблена в тебя.

Грустная улыбка играет на губах Дрю, но она становится шире от удовлетворения после услышанного. Он перемещает наши сплетенные руки на свое бедро и скользит своим большим пальцем по моему.

— Ну, в ответ на твою откровенность и честность скажу, что я слонялся со всеми теми девушками лишь потому, что хотел вызвать твою ревность.

Мой взгляд мчится вверх. Дрю выглядит смущенным.

— Это было дерьмово, я знаю, — его выражение лица становится мрачным. — Но я никогда не прикасался к ним.

А потом его веки опускаются, скрывая от меня глаза Дрю.

— Одна из них меня поцеловала, и... — он качает головой, — я не мог вынести этого. Ты не представляешь, как сильно меня тогда это расстроило, — говорит он, иронично смеясь.

— Готова поспорить, что нет, — говорю я, кривясь, но я не расстроена по-настоящему, и он знает меня достаточно хорошо, чтобы это понять. Потому что сейчас улыбается мне. Его улыбка становится более нежной, когда большой палец Дрю продолжает поглаживать мой.

— Есть кое-что еще, когда я увидел тебя во сне, уходящей от меня, словно нас никогда не существовало и никогда не будет... — он становится бледным. — Это разорвало меня на

части, Анна.

— Дрю, нет... — я накрываю его щеку своей свободной ладонью.

Он льнет к ней, продолжая наш разговор.

— Я ощутил себя таким пустым. Даже после того, как проснулся. Словно я никогда не испытаю счастье снова.

— Я здесь, — говорю я нежно. — Я здесь, — мне ненавистно, что он ощутил эту пустоту и боль снова.

— В этом-то и дело, детка, — отвечает он. — Закончилась ли моя футбольная карьера в результате этих событий? Придется ли мне столкнуться с тем фактом, что в конечном счете травма однажды положит всему конец? Ага, это выносит мне мозг. Это пугает меня до чертиков. Футбол сделал меня тем, кто я есть. Но мне придется иметь с этим дело. Так или иначе. Никто не играет вечно. А что ждет меня в конце дня, когда игра окончена? — его золотистые глаза держат меня в плену. — Я лучше не буду заниматься футболом и ощущу полноту жизни с тобой, чем буду играть и чувствовать себя пустым, как было до тебя.

— Дрю, — я крепко обнимаю его за шею. И он обнимает меня в ответ, его дыхание такое теплое напротив моей щеки, когда он утыкается носом в мою шею, как обычно вдыхая мой запах.

Я прижимаю губы к его виску.

— Ты неправ в одном. Не футбол создает тебя. Ты создаешь футбол.

Он бормочет что-то ироничное, не соглашаясь со мной, но я качаю головой и прикасаюсь губами к его уху.

— Кто угодно может взять мяч и бросить его. Но ты? Ты превращаешь такое простое действие в волшебство. Нечто чудесное.

Он дрожит, вздох срывается с его уст. Звук печали и облегчения. Я обнимаю его крепче, целуя в подбородок.

— Это ты, детка. Твой свет. Твоя радость. Твоя душа. Ты привносишь это во все, чего касаешься. В игру, в своих друзей, в меня. Обещаю, это не закончится футболом.

— Анна, — он тянет меня через подлокотник к себе на колени и снова прячет лицо в изгибе моей шеи. — Я так тебя люблю. Кажется, что моя жизнь по-настоящему началась лишь тогда, когда ты вошла в нее. Я хочу то, что было у моих родителей, Анна. Я хочу это с тобой и только с тобой, — он гладит меня по волосам, его дыхание разжигает жар на моей коже. — Я собираюсь сегодня туда, чтобы избавиться от своего дерьма для меня и для нас.

— Дрю, — я целую его в щеку, в нос, медленно и нежно, и он позволяет мне это, закрывая глаза и принимая каждое прикосновение, как бальзам. Кладя ладонь на его подбородок, я прижимаюсь своим лбом к его. — Ты — лучший мужчина, которого я когда-либо знала. Ты помог мне стать тем человеком, которым я всегда хотела быть. Ты для меня все, Дрю, — мое дыхание прерывистое от разочарования. — Я даже не знаю, как рассказать тебе о том, сколько ты значишь для меня.

Он улыбается, целуя меня — трепетный легкий поцелуй — словно Дрю наконец-то может дышать свободно.

— Просто будь со мной, и я буду знать об этом. Просто будь со мной.

А разве я могу иначе? Сейчас он — часть меня.

— Всегда буду.

Через два года.

СЕЙЧАС НОЧЬ ВОСКРЕСЕНЬЯ, и я купаюсь в свете белых ярких ламп. Воздух свеж наполняет мои легкие сладким чувством жжения, когда я улавливаю запах жаренной еды, пива и человеческого пота. Электричество гудит вокруг меня, оно исходит от радостной и возбужденной толпы в восемьдесят тысяч человек. Это огромная аудитория. Нереальное скопление людских эмоций в одном месте, и мы все сосредоточены на действиях двадцати двух человек на изумрудно-зеленом поле.

Но мое внимание привлекает лишь один из них. Его шлем скрывает лицо, но для меня он по-прежнему великолепен. Высокий и сильный. Его движение — поэтичность и грация. Он владеет мячом. Он приказывает, и мяч его слушается.

И я так взволнована, что просто не могу неподвижно стоять.

— Продолжишь и дальше так подскакивать, — произносит чей-то голос мне на ухо, — и твое кресло провалиться под тобой.

Грей смеется, говоря это, и я не могу сдержать усмешки. Он прилетел из Сан-Франциско, где базируется его новая команда, чтобы побыть здесь с нами.

— Он порвет их, Грей.

— Ага, он такой, — говорит Грей, усмехаясь.

Два года работы привели Дрю к этому моменту. Реабилитация, страх не прийти в должное состояние, затем попытки соответствовать своему новому статусу нового члена команды, и сегодня Дрю наконец получил свой шанс начать играть по крупному, заняв место пострадавшего квотербэка в стартовом составе команды. И словно он ждал этого мига, Дрю врывается в игру на бешеной скорости. Он рожден для футбола, и его команда это знает. Они не подводят его доверие, играя точно и изо всех сил. Они ведут, вырываясь на три очка вперед лучшей команды штата.

И хоть Дрю и настаивал однажды, что лучше бы было ему никогда снова не играть, я знаю, что это значит для него. Слезы затуманивают мой взор, когда я кричу его имя, мой голос теряется во множестве других голосов.

— Все изменится, — предупреждает меня Грей, выглядя реально взволнованным.

— Я знаю.

Все станет *больше*. Больше прессы. Больше давления.

Но мы справимся с этим.

Мы как и раньше не можем держать руки подальше друг от друга. Ссоримся ли мы иногда? Конечно. У Дрю бывают свои мрачные дни, у меня свои. Я едва ли видела его, когда ни с того ни с сего решила пройти стажировку в продажах компании. Сейчас я сопродюсер кулинарного шоу. Это то, чего я никогда от себя не ожидала, а теперь страстно люблю.

Наш стресс вышел на новый уровень за несколько дней до отбора игроков. Попадет ли

он с легкостью, куда хочет? Или выйдет в третий, четвертый или пятый тур, как того в тайне боялся Дрю? Когда он занял четвертое место в первом туре — слава богу, в Нью-Йорке — мы праздновали целую неделю.

Однако несколько первых месяцев жизни в Нью-Йорке до отбора Дрю были полным отстоем. Потому что я не позволяла ему опустошить свой сберегательный счет, так что в результате мы могли себе позволить лишь квартиру в Нижнем Ист-Сайде. Я не могу даже вспоминать о том количестве тараканов, которых убил Дрю, даже глазом не моргнув. Мы плакали от облегчения, когда наконец купили свою квартиру в Челси. Но мрачные дни бывают редко. В основном мы веселимся.

Он — мой лучший друг, а я — его.

Я хлопаю в ладоши, и кольцо на моем пальце блестит в свете прожектора. Это яркий круглый бриллиант в окружении изумрудной огранки на платиновом основании. Дрю подарил мне его в прошлом месяце, прося стать его навеки. И оно идеально.

Но по правде, мне не нужно кольцо. Мне просто нужен Дрю. В тот момент, когда он задал мне вопрос, единственное, что я хотела ответить, было "да" и "как скоро".

Сначала моя мама волновалась. Мы оба слишком молоды. Знаю ли я процент разводов с профессиональными спортсменами? Понимаю ли, сколько соблазна предстанет перед Дрю во время постоянных путешествий и разъездов?

Ага, я в курсе. И тем не менее, я никогда не буду относиться к Дрю, основываясь на стереотипах. Я принимаю всего Дрю, все хорошее в нем, плохое и то, что между. Так же, как он принимает меня.

После игры, когда я наконец добираюсь до него, то бросаюсь в его объятия, и он крепко обнимает меня, а затем кружит. Наш поцелуй нетерпелив, когда мы отстраняемся друг от друга и хохочем, в основном я.

— Я так горжусь тобой, — говорю я ему, когда Дрю ставит меня на землю. — Ты был восхитителен, — об этом уже говорят. И я знаю, что теперь его команда сделает Дрю постоянным квотербэком стартового состава.

Усмешка Дрю освещает его лицо. Он нежно касается моей щеки, а затем говорит мне то, что как я знаю, для него абсолютная истина, потому что это истина и для меня.

— Все это ничего не значит без тебя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net